

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года января 6-го дня.

Содержаніе: I. Къ новому году.—II. Пьянство и его причины, виды и влі-
яніе на здоровье.—III. Наша церковная жизнь.—IV. О богослужеб-
номъ журналѣ.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: Какъ православ-
ные должны относиться къ сектантамъ.

КЪ НОВОМУ ГОДУ.

Съ новымъ годомъ, сонастыри Православной Русской Церкви, съ новымъ годомъ милостей Божіихъ къ намъ грѣшнымъ!.. Хотѣлось бы въ настоящую минуту распростра-
нить это молитвенное благожеланіе на весь міръ, продолжить его въ безконечность и захватить имъ, какъ нѣкоторою сѣтью, всѣхъ нашихъ ближнихъ—знаемыхъ и незнанныхъ, всю нашу родину со всѣми ея обитателями, весь родъ чело-
вѣческій; хотѣлось бы заставить небо и землю слить свои безчисленные и разнообразныя голоса въ одинъ вселенскій вопль къ Отцу въковъ о благословеніи наступающаго лѣта новою жизнію, полною великихъ созидательныхъ силъ—мира, правды, добра, истины... О Боже! Нѣкогда земля наша мановеніемъ Твоимъ возникла къ бытію изъ ничтожества и

явилась прекраснѣйшимъ созданиемъ перстовъ Твоихъ; но ея первозданная красота скоро была изуродована преступленіемъ царя всѣхъ земныхъ тварей—человѣка. Нѣкогда Ты послалъ Сына Своего въ міръ, чтобы чрезъ Него явить намъ еще большую красоту,—сокровенную красоту обновленной жизни человѣческой, красоту нашего безсмертнаго, богоподобнаго духа; но человѣкомъ снова обезображено святилище Твое, снова его руками разрушенъ алтарь Твой, и на мѣстѣ святѣ водворена мерзость запустѣнія. И вотъ, сколько вѣковъ уже проливаются людскія слезы и кровь; сколько горя и страданій вынесено человѣчествомъ и сколько еще только назрѣло для ближайшаго поколѣнія!.. Какъ будто нашу землю оставила зиждительная сила Св. Духа, и земля возвращена къ тому моменту, когда на ней все было лишь тьма и бездна. *Земля же бѣ невидима и неустроена, и тма сверху бездны* (Быт. 1, 2).

Тьма объемлетъ, къ великой скорби нашей, и ту область человѣческой жизни, которая ввѣрена нашему пастырскому попеченію. И здѣсь какъ будто все замерло, застыло въ неподвижности. Не видно признаковъ творческой жизни, той жизни, которая всюду ведетъ борьбу съ разрушительнымъ началомъ зла, уничтожаетъ хаосъ и устанавливаетъ божественную гармонію. Сѣмена этой жизни Церковь Христова, конечно, будетъ хранить во вѣки вѣковъ; но какъ возрастить эти сѣмена,—нынѣ для насъ какъ будто бы стало это непроницаемой, недоступной тайной...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всѣхъ концахъ нашего обширнаго отечества люди всѣхъ направленій, а въ числѣ ихъ и мы—пастыри, съ жаромъ заговорили о необходимости обновить нашу церковно-религіозную жизнь, сдвинуть корабль нашей Церкви съ мели, видимо засасывающей его. Увѣренность, что это великое дѣло можетъ быть совершено быстро, въ два-три года, была всеобщая,—и кто не помнитъ, сколько тогда проектовъ было составлено, сколько новыхъ путей намѣчено, сколько усилій употреблено, чтобы всѣхъ

заинтересовать и привлечь къ активному участию въ необыкновенно заманчивой работѣ. Отъ усердія болѣе горячихъ друзей Церкви, а чаще ея недруговъ, казалось, затрещали вѣковыя учрежденія церковныя и зашатались. Но... скоро все пришло въ прежнее состояніе, и намъ теперь стыдно за самихъ себя. Почему мы не вспомнили тогда, что жизнь, особенно церковно-религіозная, не поддается математическимъ формуламъ, не укладывается въ напередъ составленныя рамки, а напротивъ—безпощадно опрокидываетъ всякія теоретическія вычисленія и расчеты? Неужели мы серьезно могли думать, что все пойдетъ по-новому, стоить только намъ этого пожелать? Какъ мы могли забыть исторію, которая на каждой страницѣ своей учитъ, что настоящую жизнь всегда двигало иное, чѣмъ эти шумные разговоры на площади; что не соборы ея раждали, а совершенно наоборотъ? Вѣдь съ какою суетливостью еще такъ недавно мы обсуждали вопросы о церковномъ всероссійскомъ соборѣ. Въ Синодѣ засѣдало множество комиссій, которыя судили и рядили, какою водою вспрыснуть нашъ организмъ церковный, чтобы онъ ожилъ и расцвѣлъ. И сколько томовъ своеобразной литературы родили эти комиссіи!..

Можетъ быть, пережить всю эту полосу увлеченія было и необходимо, но въ настоящее время надо вооружиться болѣе трезвымъ взглядомъ на дѣйствительное положеніе вещей. Вѣра наша падаетъ, а Церковь давно потеряла всякое свое вліяніе на людей, потому что загромождена такою массою случайныхъ пристроекъ и надстроекъ, что никто ея уже и не видитъ. Чтобы дать торжество той и другой, необходимо прежде всего—обновленіе пастырской дѣятельности, а для сего путь—достаточно извѣстный. Подобно евангельскому юношѣ, мы, пастыри, повидимому, все дѣлаемъ для царства Божія; объ одномъ только забываемъ и при томъ самомъ главномъ: о личномъ подвигѣ и служеніи Богу со страхомъ и трепетомъ. Древніе отцы Церкви убѣгали въ пустыню, когда ихъ звали къ пастырскому служенію; они трепетали

предъ величіемъ этого служенія и страшилсь его отвѣтственности. А у насъ—кто считаетъ себя недостойнымъ быть пастыремъ и даже архипастыремъ? Если иногда мы готовы бываемъ повторить слово Моисеево: *избери моуцано*, то кто не знаетъ, сколько неискренности въ этомъ нашемъ признаніи: намъ нравится самое слово, а не смыслъ, въ немъ заключающійся. Если бы призывающій насъ къ пастырству вдругъ нашелъ, что мы не созрѣли еще для него, и сказалъ бы намъ о томъ, то не возмутились бы мы духомъ и не сказали бы на это: „какъ, мы недостойны? кто же достойнѣе насъ?“ Это забвеніе нами величія нашего пастырскаго служенія заставляетъ насъ забывать о тѣхъ подвигахъ, которые требуются отъ насъ. Въдъ, кто надѣваетъ рясу (священническую или иноческую), тотъ долженъ знать, что онъ обрекаетъ себя и всѣхъ своихъ близкихъ на самый тяжелый подвигъ, и кто ищетъ отъ пастырства чего-либо другого, кромѣ подвига, тому нѣтъ мѣста во дворѣ Господнемъ. Это истина азбучная, но бываютъ времена, когда необходимо возобновлять и прояснять сознаніе подобныхъ истинъ, потому что онѣ безбожно попираются ногами, къ гибели людей. Такое время переживаемъ именно мы. Пора намъ перестать смотрѣть на служеніе престолу Божію, какъ на средство или устроиться въ смыслѣ чисто житейскомъ, или же найти успокоеніе своему мятежному духу, потерпѣвшему въ жизни какое-либо крушеніе. Для перваго существуютъ мірскія занятія, для втораго—монастыри, пустыни, уединеніе. Пастырское же служеніе зоветъ къ себѣ только тѣхъ, кто хочетъ отдать ему себя безраздѣльно, ибо невозможно одновременно служить Богу и мамонѣ.

Пока мы не почувствуемъ всѣми силами нашей души, что служеніе наше не земное, а небесное, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть успѣха ни въ одномъ изъ своихъ начинаній и никогда не выйдемъ изъ области хорошихъ словъ. А чтобы дать пастырямъ Церкви почувствовать это, необходимо возложить отвѣтственность за дѣло Церкви Христовой на

плечи не духовенства вообще, а каждого пастыря въ отдѣльности. За современное униженіе Церкви, умаленіе вѣры, паденіе нравственности, оскудѣніе стада Христова, на что нынѣ всѣ указываютъ пальцемъ, кто будетъ отвѣчать передъ судомъ исторіи и страшнымъ судомъ Божиимъ? Задаемся ли мы когда-нибудь этимъ вопросомъ? Наше глубокое убѣжденіе, что мы не въ состояніи явить міру красоты нашей вѣры и Церкви Христовой лишь потому, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не несетъ на себѣ отвѣтственности за ихъ разрушеніе. Мы окружили пастырское служеніе Богу и ближнимъ такимъ количествомъ всевозможнаго рода учрежденій, что пастырь каждый шагъ своей дѣятельности готовъ обсуждать только съ точки зрѣнія житейской, человѣческой и потому легко находить себѣ оправданіе: какъ я могу быть въ отвѣтъ, когда моя дѣятельность настолько стѣснена что въ ней не остается мѣста для моего личнаго почина?.. Для насъ, пастырей, одинъ на землѣ есть и долженъ быть начальникъ, руководитель, совѣтникъ,—это епископъ, который одинъ можетъ понимать насъ и сострадать нашимъ искушеніямъ, потому что несетъ то же служеніе и имѣетъ воздать слово тому же Судѣ живыхъ и мертвыхъ. Если бы между нами и епископомъ установились такія отношенія, чтобы мы на землѣ были отвѣтственны только передъ нимъ, и только за дѣло религіозно-нравственное и церковное въ собственномъ смыслѣ слова, то кто изъ насъ не задумалъ бы надъ своимъ служеніемъ, кто изъ насъ не почувствовалъ бы страха и трепета предъ ни съ чѣмъ земнымъ несравнимою задачею служенія душъ человѣческой, возрожденной и искупленной Кровію Сына Божія?..

Вы недоумѣваете, —возможно ли это, возможно ли установить такія отношенія между соработниками Христа въ Его св. Церкви, при нашей безконечно сложной жизни, за теченіемъ которой не услѣдить одному человѣку (епископу), и для регулированія которой требуется цѣлая армія правительственныхъ органовъ? Но не преступно ли самое желаніе все регламентировать въ пастырской жизни и только съ чьего-то вѣдома давать послѣдней движеніе?..

Господи, освѣти насъ сознаниемъ величія даннаго намъ служенія; согрѣй наше сердце пастырской любовью къ нашему дѣлу и пробуди въ нашей душѣ страхъ передъ судомъ Твоимъ праведнымъ! Вѣримъ, обновится тогда и вся наша церковная жизнь.

Свящ. *Н. Ир.*

Пьянство и его причины, виды и влияние на здоровье.

Въ виду того, что пьянство составляетъ одну изъ язвъ нашей народной жизни, съ которою (язвою) приходится бороться нашимъ сельскимъ пастырямъ, мы нашли необходимымъ описать его настолько подробно, чтобы въ достаточной мѣрѣ познакомить православное духовенство съ этою общенародною болѣзнію, и подкрѣпить свои выводы лучшими научными авторитетами. Если обыкновенное опьяненіе, зависящее отъ умѣреннаго употребленія алкоголя, вызываетъ серіозныя измѣненія въ организмѣ, то что же сказать о такомъ количествѣ употребленія спирта, которое извѣстно подъ именемъ пьянства?

Пьянство есть явленіе всемірное; одни народы упиваются алкоголемъ, другіе опиѣемъ, третьи гашишомъ и проч. По наблюденіямъ *Морена* и *Кротерса*, въ первомъ поколѣніи у пьяницъ являються безнравственность, развратъ; во второмъ поколѣніи—снова пьянство, принадлежности помѣшательства, параличъ; въ третьемъ поколѣніи—трезвость, ипохондрія, меланхолія, стремленіе къ убійству; въ четвертомъ поколѣніи—плохое умственное развитіе, тупоуміе, идиотизмъ и вѣроятное прекращеніе рода. Иногда бываетъ такое сочетаніе: первое поколѣніе—крайняя оригинальность, гений, убѣжденная религіозность и бессмысленное невѣріе, инициатива и страданіе за идею; во второмъ поколѣніи—пьянство, идиотизмъ, сумашествіе; въ третьемъ поколѣніи—нищія, уголовные преступники, бродяги; въ четвертомъ поколѣніи—или прекра-

щеніе рода, или же вновь гении, герои, предводители общественных движеній и проч.

Въ теченіи пьянства, по мнѣнію *Кротерса* и *Манна*, наблюдаются два періода: періодъ предвѣстниковъ и періодъ собственно пьянства; послѣдній періодъ слишкомъ извѣстенъ; важнѣе знать первый періодъ, предшествующій настоящему пьянству.

Нужно строго отличать опьяненіе отъ пьянства; первое есть явленіе временное, единичное, случайное, и ни въ какомъ случаѣ ни составляетъ болѣзни, и человѣкъ опьянѣвшій не есть больной, а только отравленный; какъ только опьяненіе прошло, этотъ же самый человѣкъ является совершенно здоровымъ. Иное дѣло пьянство; оно выражается неустойчивостію и раздражительностію нервной системы, ослабленіемъ дѣятельности головного мозга и неспособностію сдерживать свои побужденія; затѣмъ появляются: общее недомоганіе, дурное настроеніе духа, крайняя раздражительность, быстрое утомленіе, ползаніе мурашекъ по тѣлу, безчувственность, или же повышенная чувствительность, головокруженіе по утрамъ, потемнѣніе въ глазахъ, горячая голова, холодъ и дрожаніе рукъ и ногъ, преждевременный старческій видъ, измѣненіе выраженія и чертъ лица, шаткость походки, бессонница, или же склонность спать днемъ и заниматься почью; такіе люди днемъ сонливы, но лишь только въ домѣ все стихло, они просыпаются и никому не даютъ покоя до утра; сновидѣнія частыя и страшныя; въ просонкахъ они суетятся, чего-то ищутъ, иногда даже совершаютъ преступленія; на больного напдааетъ тоска и безотчетное дурное чувство, недостатокъ вниманія, неспособность сосредоточиться на одной мысли, ослабленіе памяти и умственная тупость.

При такихъ приступахъ умственного и физическаго безсилія, люди эти ищутъ поддержки вѣтъ себя и скоро находятъ такую поддержку въ алкогольѣ; малѣйшая доза этого яда дѣлаетъ ихъ живыми, добрыми и энергичными, но эта бодрость продолжается до тѣхъ поръ, пока въ организмъ на-

ходятся алкогольный нечистый духъ; улетѣлъ духъ—исчезла бодрость и энергія; является опять угнетенное настроеніе духа, и повтореніе только что указанныхъ явленій, пока не получится новая порція спирта. Для такихъ лицъ алкоголь является необходимымъ средствомъ поддержанія ихъ энергіи, силы и бодрости, а впоследствии стеновится потребностію, безъ которой они не могутъ существовать, какъ не могутъ жить безъ пищи и питья, и готовы добывать водку съ ножомъ въ рукахъ; алкоголь является въ такомъ случаѣ необходимою частицею ихъ плоти и крови, и какова бы ни была причина этого предшествующаго состоянія, исходъ его всегда почти одинъ и тотъ же—пьянство.

Дальше, у такихъ лицъ появляются особенныя странности характера, мышленія поступковъ и дѣйствій; они становятся подозрительны къ окружающимъ, недоувѣрчивы къ себѣ и близкимъ. *Кротерсъ* приводитъ нѣсколько примѣровъ странности характера. Одинъ господинъ, какъ только начиналъ понемногу пить, любилъ осматривать и сторговывать лошадей; онъ ихъ оцѣнивалъ, спорилъ, предъявлялъ всѣ качества знатока и страстнаго любителя, но какъ только прекращалъ пить, тотчасъ у него исчезала эта страсть, и онъ уже никогда больше не заговаривалъ о лошадяхъ. Другой въ подобномъ состояніи набиралъ себѣ пріемышей въ домъ; третій собирался умирать, сводилъ счета и прощался съ пріятелями, Эти-то внезапныя измѣненія характера, привычекъ и отношеній къ себѣ и другимъ, по мнѣнію *Кротерса*, и служатъ признаками начинающагося алкоголизма, и предостерегаютъ о грозящей опасности.

Кротерсъ указываетъ и другіе вѣрные признаки будущаго пьянства. Напр., одинъ господинъ любилъ ѣсть тухлую капусту; другой поглощалъ массаами столярный клей; третій истреблялъ въ огромномъ количествѣ чай и др. Такія лица сначала сами замѣчаютъ въ себѣ подобныя странности, и потому *въ видѣ пробы* выпиваютъ немного алкоголя; по это-то и есть самый ужасный шагъ: послѣ пробы они уже чувствуютъ

какую-то пустоту, немощь, не могут разстаться съ алкоголемъ, и въ концѣ всего, по словамъ доктора *Манна*, вновь обращаются къ нему.

Кротерс приводитъ массу фактовъ, относящихся къ алкоголизму, такъ сказать, наслѣдственному; напр., у нѣкоторыхъ родителей пьяницъ рождались дѣти, которыя въ теченіе всей своей жизни не испробовали капли алкоголя, а между тѣмъ *подъ вліяніемъ жизненныхъ толчковъ и непріятностей* опьянѣвали безъ водки: это явленіе, по мнѣнію *Манна* и *Кротерса*, есть отраженное (рефлексъ) и зависитъ отъ того, что родителями въ организмъ ребенка былъ вдохнуть, если можно такъ выразиться, алкогольный нечистый духъ, который хотя и дремлетъ въ организмѣ, но при иавѣстныхъ условіяхъ пробуждается и дѣйствуетъ съ полною силою. Такъ, одинъ банкиръ потерпѣлъ крушеніе на желѣзной дорогѣ; хотя физически онъ почти не пострадалъ, но нравственное потрясеніе было настолько велико, что подъ вліяніемъ его банкиръ совершенно опьянѣлъ, и это состояніе длилось нѣсколько часовъ, пока не прошло само собою; господинъ этотъ никогда не пилъ, но онъ былъ сыномъ пьяницъ; спустя нѣкоторое время это состояніе снова развилось у него подъ вліяніемъ семейныхъ несчастій и дѣловыхъ невзгодъ. Такимъ образомъ съ этимъ трезвымъ человѣкомъ произошло то, что сами сдѣлали бы его пьяные родители подъ вліяніемъ описанныхъ несчастій. Подобные факты доказываютъ, какъ великъ и важенъ законъ наслѣдственности въ дѣлѣ распространенія пьянства.

Встрѣчаются факты такъ называемаго психическаго зараженія. Профессоръ *Ковалевскій* утверждаетъ, что если въ заведеніе для пьяницъ привозятъ новаго больного въ состояніи полного опьянѣнія и сопровождающихъ его безобразій, то содержащіеся тамъ пациенты, отвыкшіе отъ спирта и знавшіе его только по воспоминанію, при видѣ безобразій новаго больного, какъ бы пьянѣютъ и дурѣютъ, такъ что у нѣкоторыхъ изъ нихъ развивается полная картина опьянѣнія.

Ковалевскій приводитъ факты еще интереснѣе. Извѣстны случаи (въ Америкѣ), что многія лица, бывшія пьяницами и прекратившія пьянство, становились самыми ярыми членами общества трезвости и заклятыми врагами алкоголя; нерѣдко изъ нихъ вырабатывались самые краснорѣчивые ораторы и проповѣдники воздержанія; и вотъ такія лица, читая лекціи на митингахъ и увлекаясь описаніемъ яркой картины безобразій и ужасовъ пьянства, мало-по-малу подъ вліяніемъ самовозбужденія начинали пить и къ концу лекціи становились совершенно пьяными.

Вотъ въ краткихъ словахъ—тѣ явленія, которыя, по мнѣнію *Кротера*, *Манна*, *Ковалевскаго* и другихъ авторитетовъ, служатъ вѣрнѣйшими признаками имѣющаго послѣдовать за ними пьянства.

Развившееся пьянство раздѣляется на два вида: пьянство непрерывное и періодическое; первое длится въ теченіе многихъ лѣтъ, иногда въ теченіе всей жизни; второе же является не надолго; нѣсколько дней или недѣль между днями и недѣлями пьянство даетъ болѣе или менѣе длинные свѣтлые промежутки; первая форма извѣстна въ наукѣ подъ именемъ *хроническаго алкоголизма*; вторая—подъ именемъ *заоя*.

Въ первомъ случаѣ пьяницы пьютъ ежедневно помногу и понемногу, но зато настойчиво, неопустительно и долгое время; у такихъ пьяницъ прежде всего появляются измѣненія въ области нравственной; на первый планъ выступаютъ требованія эгоистическія, животныя и грязныя; рядомъ съ ними наступаетъ ослабленіе контроля надъ поступками и страстями; затѣмъ ослабленіе памяти, сообразительности, бездѣятельность, бредъ, расстройство пищеваренія, бессонница, крайняя раздражительность и необузданность, ослабленіе всего организма, общее ожирѣніе, измѣненіе внутреннихъ органовъ, слабоуміе, параличъ, водянка и смерть.

Нравственную и духовную сторону алкоголика (хроническаго) докторъ *Врайтъ* описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Человѣкъ религіозный становится индифферентнымъ и по-

сѣщенію церкви предпочитаетъ пребываніе въ кабацѣ; взгляды возвышенныя, идеальныя замѣняются чувственными и грубо реальными: артистъ-музыкантъ начинаетъ смотрѣть на музыку, какъ на средство для добыванія водки; общественныя интересы приносятся въ жертву желанію выпить; семейныя привязанности гложутъ; такой человѣкъ забываетъ требованія общественныхъ условій и нравственныхъ приличій; ложь, обманъ, воровство, мошенничество—все это позволительныя средства; человѣкъ тихій, вѣжливый и приличный становится дерзкимъ, нахальнымъ и бродягой; кабаки и харчевни—вотъ его постоянное мѣстопробываніе; пьяницы, воры и мошенники—вотъ его друзья и товарищи“.

„Въ слѣдъ за паденіемъ нравственнаго чувства и долга, наступаетъ неспособность къ отвлеченнымъ сужденіямъ и умственнымъ интересамъ; чтеніе, музыка, общественная дѣятельность, дружба, уваженіе, самопожертвованіе и проч.—все это для алкоголика смѣшныя слова; болѣе достойныя занятія будутъ: водка, скандалы, драки и проч.; скоро такіе алкоголики забываютъ объ интересахъ жены и дѣтей; все тащится въ кабакъ и пропивается; маленькія дѣти голодныя и холодныя боятся попросить корку хлѣба, чтобы ихъ не прибилъ отецъ, для котораго теперь ничто не существуетъ кромѣ водки и порока; дальше появляется крайне жесткій эгоизмъ, который мѣшаетъ имъ видѣть свою вину, и поэтому во всякомъ совѣтѣ и замѣчаніи близкихъ людей они видятъ несправедливыя придирки и притѣсненія; отсюда развивается бредъ преслѣдованія и страшная тоска; съ теченіемъ времени развивается крайняя неряшливость, нечистоплотность и полное животное отупѣніе; больной не интересуется ничѣмъ, сидитъ, или лежитъ въ темномъ углу, нерѣдко привязанный на цѣпи, въ грязи, пыли, въ лохмотьяхъ и проч.“.—Къ этой картинѣ доктора *Врайта* можно и умѣстно приложить изреченіе Давида: „*Приложися скотомъ несмысленнымъ и угодобися имъ*“ (Псал. 49—стих. 13).

Пища ему не нужна, и онъ въ этомъ отношеніи не брезгливъ, но онъ не остановится предъ самымъ ужаснымъ преступленіемъ, чтобы добыть водки; оборванный, грязный, пчесанный, растрепанный, съ побитымъ лицомъ и синяками на глазахъ, онъ однакоже не стыдится являться въ порядочное общество и просить на водку; иногда у этихъ несчастныхъ являются галлюцинаціи слуха и зрѣнія,—предъ глазами появляются чудовища: крокодилы, удавы, драконы, тигры и наконецъ *черти*, которые ихъ преслѣдуютъ, и, спасаясь отъ которыхъ, пьяницы прибѣгаютъ къ самоубійству, иногда же сами совершаютъ убійство, поджоги и проч. Скоро затѣмъ наступаетъ смерть, и при вскрытіи оказывается такая масса болѣзненныхъ измѣненій въ разныхъ органахъ, что трудно бываетъ опредѣлить, отъ какой причины умеръ человекъ.

Вторая форма, или періодическое пьянство, носитъ у насъ названіе *запоя*. Запой является приступами съ свѣтлыми промежутками, въ теченіе которыхъ больной совершенно удовлетворительно предается своимъ обычнымъ занятіямъ. По описанію докторовъ *Томсона и Маньяна*, картина запоя слѣдующая.

„Каждому отдѣльному приступу запоя предшествуютъ предвѣстники; обыкновенно при этомъ замѣчается измѣненіе характера, чувствуются какія-то непріятныя, внутреннія ощущенія, общее недомоганіе, угрюмость, головная боль, безпричинная грусть и сердечная тоска; больной становится боязливымъ, безпокойнымъ, недовольнымъ, ворчливымъ и злымъ; ему кажется, что всѣ окружающіе противъ него что-нибудь замышляютъ и стараются его обидѣть; каждое ничтожное обстоятельство представляется ему въ видѣ оскорбленія; больной начинаетъ браниться и грубо обращаться съ тѣми лицами, къ которымъ прежде относился съ уваженіемъ и почтеніемъ“.

„Затѣмъ появляется притупленіе зрѣнія и слуха, мыслительная сила слабѣетъ, сознаніе себя и окружающей об-

становки затемняется, больной бредитъ и совершаетъ нелѣпные поступки; рядомъ съ этими явленіями замѣчается потеря аппетита, бессонница, тяжесть головы, лицо опухаетъ, шумъ въ ушахъ, головокруженіе, боли въ животѣ“ и проч.

Наконецъ наступаетъ сильнѣйшее, страстное, непреодолимое желаніе пить какіе бы то ни было спиртные напитки. Всѣ эти явленія выражаются или цѣликомъ, или порознь; періодъ предвѣстниковъ продолжается отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ дней, иногда же бываетъ такъ коротокъ, что больные его не ощущаютъ, и страстное влеченіе къ водкѣ наступаетъ какъ бы сразу; больные сами нерѣдко чувствуютъ приближеніе приступа, оплакиваютъ свое безсиліе превозмочь эту болѣзненную потребность и все-таки не прекращаютъ пить, пока не пройдетъ припадокъ, или же пока окружающіе не прибѣгнутъ къ насильственнымъ мѣрамъ; если при этомъ не удовлетворить ихъ страстнаго желанія выпить, то они становятся или неистовыми и раздражаются страшнымъ буйствомъ и звѣрскими поступками; или же представляютъ изъ себя истинныхъ мучениковъ; люди почтенные, милые и образованные, умные становятся невѣроятно жалкими и способными унижаться до крайнихъ предѣловъ; просьбы, мольбы, униженія, колѣнопреклоненія, совершенно затемняютъ въ нихъ человѣческое достоинство и ставятъ ихъ наравнѣ съ проходимцами и плутами; при рѣшительномъ и настойчивомъ отказѣ они способны совершить преступленія, убійство, поджоги и проч. „Наоборотъ, удовлетворяете больного, моментально онъ измѣняется, становится приличнымъ, умнымъ, дѣльнымъ и способнымъ заниматься текущими дѣлами: но это состояніе длится не долго; вліяніе принятаго напитка прошло, является новая жажда выпить, которая усиливается болѣе и болѣе, а свѣтлые промежутки становятся короче; больные пьютъ небольшими порціями, но зато часто, минутъ черезъ 10 по рюмочкѣ; интересно то, что при этомъ они не обращаютъ вниманія на качество напитка и и вовсе не слѣдятъ за тѣмъ, что въ ихъ рюмкѣ ничтожное

количество водки, остальное же—вода; не смотря на эти подмѣси, вода дѣлаетъ свое дѣло, напитокъ обнаруживаетъ свое вліяніе, и они опьянѣваютъ такъ же, какъ и отъ водки“.

Далѣе является сильное жженіе въ желудкѣ, жажда и рвота, тѣло холодное и покрыто клейкимъ потомъ, пульсъ не ощущается, руки дрожатъ; глаза выпячиваются и блуждаютъ; черты лица принимаютъ особенный отталкивающій и, если можно такъ выразиться, *бѣшеный дьявольскій видъ*; такъ продолжается отъ трехъ дней до двухъ недѣль.

Но вотъ больной удовлетворился, бросаетъ пить, не можетъ видѣть водки, и даже слышать о ней; при одной мысли о спиртѣ онъ возмущается до глубины души. Однако этимъ дѣло не оканчивается; наступаетъ *страшное, но позднее раскаяніе*, сознаніе своего печальнаго положенія, невыносимая тоска, мука, страданіе и отчаяніе такое сильное, что больные требуютъ строжайшаго надзора за собой и нерѣдко покушаются на самоубійство; это состояніе длится отъ одного до четырехъ дней, и затѣмъ все входитъ въ обычную колею“.

Здѣсь нужно оговориться, что наступившій свѣтлый промежутокъ есть только относительно здоровое состояніе; даже и въ свѣтлыхъ промежуткахъ выше описанныя физическія и душевныя ненормальности остаются. но только въ меньшей степени, и у такихъ больныхъ сплошь и рядомъ, по мнѣнію профессора *Ковалевскаго* и доктора *Маньяна*, замѣчаются ослабленіе стыдливости, порядочности, чувства долга и чести, нахальство, узкое себялюбіе, пошлость и цинизмъ.

Если теперь спросимъ, что же за болѣзненное состояніе—періодическое пьянство или запой, то всѣ новѣйшіе психіатры отвѣтятъ намъ, что это есть психозъ, душевная болѣзнь; такъ думаютъ: *Эскироль*, *Морель*, *Крафтзъ-Эббингъ*, *Платоновъ* и другіе. Всѣ эти ученые ставятъ это болѣзненное состояніе на ряду съ побужденіемъ къ убійству, поджогамъ и воровству. Кому неизвѣстны такіе случаи, когда душевно больныя дамы изъ хорошихъ и богатыхъ семействъ обнаруживаютъ страсть къ воровству? Факты эти нужно при-

---

знать за безусловно болѣзненные, если вспомнимъ, что они обнаруживаются у людей умныхъ, образованныхъ, почтенныхъ, и уважаемыхъ по своей высокой нравственности.

Врачъ *Василій Николаевъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наша церковная жизнь.

Отрицательные плоды освободительнаго движенія въ деревнѣ. Тяжелый нравственный гнетъ пастыря. Значеніе пастыря прежде и нынѣшнія къ нему отношенія. Проектъ борьбы съ охлажденіемъ къ церкви прихожанъ (соборники). Необходимость пастырской солидарности въ дѣлѣ устроенія жизни приходоѡ. Трагедія пастырской жизнедѣятельности. Не хоронить ли русскій народъ своихъ истинныхъ пастырей? Матеріальное положеніе духовенства въ далекой Сибири. „Осадное положеніе“ причта среди полудикихъ якутовъ. Краснорѣчивыя цифры. Вопросъ о перемѣщеніи пастырей на другіе приходы. Достаточные мотивы для такого перемѣщенія.

Всегда тяжела была жизнь пастыря, но особенно тяжела она въ настоящее время. „Освободительное движеніе“, проникшее въ села, во многихъ мѣстахъ совершенно распатало отношенія между священникомъ и приходомъ. Революціонные и антихристіанскіе листки и брошюры, не отставшіе отъ этого „движенія“, внесли въ умы сельскихъ обывателей иногда полную разнузданность мысли и стерли прежнія добрыя понятія. Безнравственность, пьянство, разгуль, воровство, разбой достигаютъ ужасающихъ размѣровъ. Охлажденіе къ религіи и къ Церкви Божіей почти повсемѣстное. Какъ тутъ не страдать священнику, котораго еще не опошילה жизнь, у котораго еще сохранилось стремленіе къ чистому служенію на благо народа! Какъ не сожмется болѣзненно сердце его при видѣ такого печальнаго состоянія своей паствы? Вѣроятно, никакая физическая боль не сравнится съ тою душевною мукою, какую испытываютъ истинные пастыри въ борьбѣ съ распространяющимся невѣріемъ и пороками прихожанъ. Ко всему этому прежній способъ содержа-

нія духовенства теперь особенно даетъ себя чувствовать, потому что охлажденіе къ церкви, естественно, сопровождалось и уменьшеніемъ пожертвованій въ пользу церкви и причта. Муки нравственныя въ связи съ матеріальною бѣдностью могутъ создать дѣйствительно невыносимое положеніе...

Въ Волинскихъ епарх. вѣдом. № 30 напечатанъ безъ всякихъ комментаріевъ докладъ одного священника епархіальному преосвященному о состояніи прихода за послѣднее время. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этого доклада. Вездѣ темная сила ада, воплощенная въ людяхъ, беретъ перевѣсъ надъ добромъ. Бѣдные сіи люди: они забыли Бога и Его святой законъ. Они только по имени христіане, а на самомъ дѣлѣ хуже язычниковъ. Живая вѣра стоитъ теперь гораздо ниже, чѣмъ какова она была полвѣка тому назадъ. Пастырь (добродій) въ то время дѣйствительно былъ духовнымъ отцемъ и руководителемъ. Слово о *добродііи* для каждаго было свято. Къ нему шли прихожане за каждымъ—духовнымъ и житейскимъ—совѣтомъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ судьей. Времена эти минули, и отношенія къ священнику совершенно измѣнились, какъ измѣнились и самыя нравы обитателей. Пьянство развито до крайнихъ предѣловъ: пьютъ старые, пьютъ и малые; пьютъ мужчины, пьютъ и женщины. Отцы и матери приучаютъ пить своихъ дѣтей чуть ли не грудныхъ. Особенно много пьютъ на свадьбахъ. Богатые прямо купаются въ водкѣ. Одинъ богатый человекъ на бракъ своего сына проицъ 300 рублей; свадьба продолжалась 3 недѣли... Младшіе старшихъ не почитаютъ и не уважаютъ, а старшіе не учатъ младшихъ и подаютъ имъ дурной примѣръ. Всѣ, безъ исключенія, ругаются площадными солдатскими (солдаты очень развращаютъ деревню; религіозный или благовоспитанный паренъ, отбывшій военную службу, дѣлается невыносимымъ человекомъ въ приходѣ) гнилыми словами, не стѣсняясь и священническаго присутствія. Крадутъ одинъ у другого все, что попало. Всѣ и вездѣ гово-

рять, что народъ въ нравственномъ отношеніи сталъ ниже своихъ отцевъ и дѣдовъ, а грядущее поколѣніе будетъ еще хуже. Видитъ каждый, кто не желаетъ закрывать глазъ на дѣйствительность, что съ каждымъ годомъ въ деревнѣ нравственность и религіозность падаютъ все ниже и ниже, несмотря на поднятіе образованія. Для возвышенія въ приходѣ религіозной нравственности авторомъ доклада принимались различныя мѣры. Съ самаго поступленія на приходъ неопустительно проповѣдывалось Слово Божіе, произносились катехизическія поученія во всѣ воскресные дни, устраивались и собесѣдованія, на которыхъ читались разныя религіозно-нравственныя статьи и житія святыхъ, но „нельзя было собрать своихъ овецъ на сіе душеспасительное дѣло! Придетъ бывало на сіе собесѣдованіе три парня да нѣсколько дѣтей, посланныхъ батьками въ школу, какъ бы нарочно мѣшать и безобразить на собесѣдованіи, а то и никто не придетъ. И оставилъ благое намѣреніе питать своихъ духовныхъ овецъ словеснымъ молокомъ, ибо говорили: „если бы пипъ намъ водки поставывъ, то мы ходылы бы на бесѣду, а такъ ныхай самъ соби бесѣдуе, бо за тѣ грошы бере“. Не взопли сѣмена Слова Божія“... Отвѣчая на вопросъ—что же дѣлать, авторъ предлагаетъ прежде всего всѣмъ священникамъ округа собираться на соборники для обсужденія церковныхъ и пастырскихъ дѣлъ. Приглашать на сіи соборники обязательно псаломщиковъ, церковныхъ старостъ и еще 2 прихожанъ отъ каждаго прихода. Открывать соборники слѣдуетъ служеніемъ литургіи и молебна. Всѣ присутствующіе обязательно должны исповѣдываться и пріобщаться св. Таинъ. Духовенство во всѣ 4 поста обязательно должно исповѣдываться; оставить глупую привычку курить зеліе; водку вывести изъ употребленія въ іерейскомъ домѣ, а то тяжело слышать такіе вопросы: а зачѣмъ наня и батюшки пьютъ и курятъ? А на вокзалахъ особенно остерегаться и рюмку выпить водки; быть вездѣ, всѣмъ во всемъ примѣромъ. Обдумавши что-и.

на соборикѣ, всеѣмъ единодушно и дружно, поступая тактично и не отступая отъ напора упрямствующихъ, достигать намѣченной цѣли. Если одинъ въ своемъ приходѣ изнемогаетъ подъ тяжестью своей пастырской ноши, пусть другой сейчасъ же побратски ему поможетъ и не оставляетъ его одинокимъ безъ поддержки. Пусть боль въ одномъ пастырѣ сейчасъ же отражается въ другомъ. Пусть пастыри въ своемъ округѣ представляютъ одну семью, связанную одними стремленіями...

Въ Воронежской епархіи недавно похоронили одного священника, почти буквально доведеннаго до смерти своимъ приходомъ за слово правды. Покойный около 30 лѣтъ священствовалъ въ большомъ селѣ; и вмѣсто заслуженнаго почета и вліянія въ послѣдній годъ службы онъ подвергся систематическому и изувѣрному гоненію со стороны прихода. Наканунѣ Свѣтлаго праздника ему, больному, угрожаютъ смертью, если онъ пойдетъ въ церковь на пасхальную заутреню. Во время этой заутрени поджигаютъ его домъ. Потомъ на Пасху же поджигаютъ вторично и запрещаютъ угрозами тушить загорѣвшіяся постройки. Поджигаютъ домъ учителя церк.-приходской школы, и самая школа загорается во время этого пожара. Такъ приходъ выжилъ, изгналъ своего пастыря и своимъ безчеловѣчнымъ преслѣдованіемъ вогналъ его въ могилу. И онъ умеръ въ изгнаніи, тяжело чувствуя всю несправедливость одичавшей паствы, но прощая ей нанесенную обиду. Въ скорбной замѣткѣ о погребеніи почившаго пастыря, помѣщенной въ № 19 Воронеж. епарх. вѣд., неизвѣстный авторъ говоритъ, что погребеніе это обращалось въ какой-то грозный символъ. Закрадывалась ужасная мысль, что русскій народъ хоронитъ своихъ настоящихъ пророковъ пастырей. Даже болѣе—не хоронитъ, а отрекается отъ нихъ. А хоронятъ священника собраты священники. Разъединенные, равнодушные и даже враждебные другъ другу, неспособные сплотиться во едино для защиты церковнаго дѣла и другъ друга во имя этого дѣла, они молчаливо и

сумрачно окружаютъ гробъ собрата, воздавая ему честь и возглашая вѣчную память. А вѣдь эти же собратья могли поддержать почившаго и своимъ сочувствіемъ, и своимъ братскимъ содѣйствіемъ въ борьбѣ съ неправдою. И тогда онъ, быть можетъ, выдержалъ бы тяжелое испытаніе, а въ его лицѣ и духовенство не оказалось бы въ роли побѣжденнаго враждебною силою. Не пришлось бы тогда священникамъ хоронить безвременно погибшаго священника, а въ его лицѣ—побѣжденное пастырство...

Матеріальное положеніе духовенства, живущаго въ предѣлахъ Европейской Россіи, болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ. Положеніе это далеко незавидно. Но еще хуже оно на далекомъ сѣверѣ Сибири, гдѣ духовенство положительно бѣдствуетъ вслѣдствіе общаго обнищанія края. Инородцы якутской области занимаются обыкновенно скотоводствомъ, но оно годъ отъ году падаетъ за отсутствіемъ пастбищъ. Хлѣбопашества, вслѣдствіе очень суровыхъ климатическихъ условій, здѣсь нѣтъ, какъ не существуетъ огородничества. Другой источникъ пропитанія—звѣроловство. Но и при наличности пушнаго звѣря, здѣшній инородецъ все-таки не освобождается отъ бѣдствій. Будучи безвыѣздно прикованъ къ своей юртѣ и не зная рынковъ сбыта, онъ безощадно эксплуатируется какъ мѣстными кулаками, такъ и нрѣзжими, которымъ и сбывается свою добычу по произвольно назначаемымъ цѣнамъ. Да и самый промыселъ на пушнаго звѣря начинаетъ отходить въ область преданій, такъ какъ въ послѣднее время весьма замѣтно его исчезновеніе вслѣдствіе хищническаго истребленія звѣря. Въ № 22 „Православнаго Благовѣстника“ приведены нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить о жизни причта селенія Оймькона. Селеніе находится почти подъ самымъ полярнымъ кругомъ; о правильномъ сообщеніи отсюда съ населенными мѣстностями не можетъ быть и рѣчи: оно неопредѣленно-случайное. Дороги вполне въ первобытномъ состояніи. Условія, въ которыя поставлена жизнь Оймьконскаго причта, самыя ужасныя; это жизнь полная

всезможныхъ лишеній. Каковы эти лишенія, про то знаетъ лишь оймяконское нобо, да отчасти тѣ немногіе люди, которымъ пришлось побывать въ здѣшнемъ глухомъ углу. Живя среди бѣднаго и полудикаго народа и будучи оторванъ отъ всего живого міра, причтъ большую часть года не видитъ ни писемъ, ни газетъ, и для него остается глубокою тайною то, что творится на бѣломъ свѣтѣ. На содержаніе Оймяконскаго причта положено отъ казны: священнику 542 рубля и пайковаго довольствія 48 пудовъ хлѣба, псаломщику 240 рублей и 24 п. хлѣба. По пайковое довольствіе получается изъ Областнаго Управленія крайне несвоевременно. Притомъ большая часть его, будучи получена причтомъ, сейчасъ же идетъ въ раздачу бѣдному населенію прихода, держащему буквально въ осадномъ положеніи дома причта дотолѣ, пока не убѣдится, что причтъ израсходовалъ всю муку, оставивши для себя самое небольшое количество ея. Не давать нельзя. Не у всякаго хватитъ храбрости на то, чтобы отказать въ кускѣ насущнаго хлѣба людямъ, изнемогающимъ отъ непосильныхъ трудовъ, невѣроятной борьбы съ горемъ и бѣдностію, борьбы безъ передышки, съ перемежающимися ужасными голодовками. За отсутствіемъ муки причту часто приходится питаться однимъ мясомъ, да и его не всегда можно достать. О какихъ-либо доходахъ причта нечего и говорить. Насколько велики они, можно судить по слѣдующему факту. Причтъ, совершивши 10-ти дневную поѣздку въ одну наслегъ, вывезъ оттуда 2 рубля доходныхъ денегъ. При раздѣлѣ священникъ получилъ 1 р. 40 к., а псаломщикъ 60 коп., или, иначе говоря, ежедневный трудъ перваго во время поѣздки оплачивался 14-ю копейками, а втораго 6-ю коп. И это за время десятидневныхъ мучительныхъ мытарствъ по невозможной дорогѣ, подъ непрерывнымъ дождемъ и по зловоннымъ юртамъ. А вотъ расходы священника. (нужно принять во вниманіе, что домъ священника служить единственнымъ пріютомъ для пріѣзжающихъ къ церкви прихожанъ, особенно въ дни великихъ праздниковъ,

когда нужно каждого накормить и напоить, что на содержаніи священника ежегодно живетъ 3—4 ученика школы): 80 п. мяса по 3 р. 50 к.—280 р.; 4 п. масла по 16 р.—64 р., 3 п. сахару 46 руб., 80 ф. кирпичнаго чаю по 1 р. 50 к. 120 р., 4 п. соли—5 р., мыла 16 р., за коровъ 30 р., дрова 50 р., свѣчи 12 р., прислуга 110 р., содержаніе и наемъ косцовъ 60 р., проч. расходы 200 р., всего 993 руб. Цифры ясныя... Домъ для священника, стоя на сгнившемъ основаніи, давно разрушился бы, если бы не былъ искусственно поддерживаемъ очень высокими и прочно затрамбованными завалинами. Полуразрушенное помѣщеніе псаломщика, связанное съ грязной, зловонной, тѣсной и темной юртой для церковной прислуги,—еще хуже, и жить въ немъ совсѣмъ нельзя. Въ обоихъ причтовыхъ домахъ во время дождей образуется сильная течь, разводящая необыкновенную сырость и портящая вещи. Была когда-то баня, но осенью 1900 годовнаго года оймьконцы разобрали ее на дрова

Матеріальная необезпечность священниковъ является причиною ихъ настояннаго стремленія перейти въ лучшій приходъ.

Указами Св. Синода разрѣшается производить перемѣщенія священниковъ только въ крайнихъ случаяхъ. Епархіальными начальствами также время отъ времени издають распоряженія о томъ, чтобы пастари не просились на другой приходъ рапѣе по крайней мѣрѣ пятилѣтняго срока. Основанія къ такому ограниченію имѣются весьма достаточныя и существенныя. Есть такіе симпатичные и высоконравственные пастыри, которые въ скоромъ времени заслуживаютъ симпатію населенія, но это бываетъ сравнительно рѣдко. Вообще же требуется не мало времени прослужить въ извѣстномъ приходѣ, чтобы пастырь и паства вполне привыкли и узнали другъ друга. Когда священникъ долго служитъ въ одномъ приходѣ, то общій характеръ отношеній прихожанъ къ своему пастырю вполне устанавливается и остается почти неизмѣннымъ до конца его служенія въ приходѣ. Но вообще то строго требовать, чтобы священники не переходили съ одного прихода на другой, кажется, нельзя. Прежде всего,

хорошій священникъ будетъ такимъ же и на новомъ приходѣ, слѣд., плодотворная его дѣятельность распространится на большій районъ; въ прежнемъ же приходѣ, навѣрное, сохранятся установленныя имъ традиціи и при его преемникѣ; не зачѣмъ предполагать, что этотъ преемникъ будетъ недостойнымъ и недѣлательнымъ и не станетъ продолжать дѣло своего предшественника въ томъ-же духѣ и съ такимъ же рвеніемъ. Кромѣ этого, бывають такіе случаи и причины, которые заставляютъ пастыря перемѣнять мѣсто своего служенія. Обыкновенно стремятся на новый приходъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Конечно, если пастырь, не будучи обремененъ семьей обладая достаточнымъ состояніемъ, просится въ другой приходъ съ единственною цѣлью увеличить свое состояніе, то таковая просьба, какъ недостойная пастыря и христіанина, должна быть рѣшительно отклоняема. Но представьте себѣ молодого пастыря, который поступилъ на приходъ, не имѣя дѣтей. Съ теченіемъ времени у него нарождается 4—5 дѣтей, ихъ нужно одѣть и, что главное, обучать. Но достаточныхъ для этого средствъ приходъ не даетъ. Неужели мы будемъ осуждать пастыря, который, желая воспитать и образовать дѣтей, но не имѣя для этого средствъ, будетъ проситься въ другой, лучше обезпечивающій приходъ? Вѣдь цѣль семейной жизни—дѣти, на нихъ вся надежда отцовъ, они преемники физической и душевной жизни извѣстнаго рода. Поэтому странно было-бы не заботиться отцу объ устроеніи жизни своихъ дѣтей. Затѣмъ бываетъ, что отношенія между священникомъ и прихожанами какъ-то не налаживаются, бывають не всегда мирными. Большею частію тутъ бываетъ виновенъ характеръ самаго пастыря, но иногда бывають виноваты и заправители прихода, люди вліятельные, кулаки, которые изъ-за вражды къ священнику враждебно настраивають противъ него и приходъ. Въ такомъ случаѣ всего лучше отрясти прахъ отъ ногъ своихъ въ такомъ приходѣ и перейти въ другой. Далѣе у насъ необязательно пастырю, отбывшему за какой-либо проступокъ наказаніе, просить о перемѣщеніи въ другой при-

ходъ, а нужно бы дѣлать это понесшему наказанію. Какъ бы раньше духовный пастырь ни стоялъ высоко во мнѣніи своей паствы, послѣ отбытія наказанія его авторитетъ уменьшается, ибо онъ, пастырь, палъ. Онъ можетъ, конечно, и возстать и еще выше подняться въ нравственномъ отношеніи, но прихожане никогда не забудутъ наденія или виновности своего пастыря; отцы будутъ передавать объ этомъ своимъ дѣтямъ. Раньше до суда надъ пастыремъ, недостатки служенія пастыря, можетъ быть, почти не замѣчались прихожанами, послѣ же отбытія имъ наказанія, они не только замѣчаются, но даже и преувеличиваются. Такъ какъ пастырю Церкви для успѣшнаго служенія своего, кромѣ нравственнаго вліянія на прихожанъ, нужно еще спокойствіе духа и увѣренность въ плодотворности своихъ начинаній, то въ виду вышесказанной причины, цѣлесообразнѣе было бы для него просить о перемѣщеніи въ другой приходъ.

Наконецъ, еще существуетъ одна важная и уважительная причина къ перемѣщенію, именно — невозможность, вслѣдствіе упадка физическихъ и душевныхъ силъ или какой-либо хронической болѣзни, исправно отправлять пастырское служеніе въ приходѣ. Неисправность и опущеніе по службѣ для священника тяжкій грѣхъ. Умеръ младенецъ безъ крещенія—священникъ смертно согрѣшилъ; умеръ взрослый безъ просимаго имъ напутствія—тоже. Хотя это относится къ священнику лѣнивому и нерадивому, но и тотъ священникъ не правъ, который, принимая во вниманіе, съ одной стороны, многолюдность прихода и разностороннюю пастырскую дѣятельность, а съ другой—слабость своихъ силъ и здоровья, не пытается создать условія, благопріятныя для этой дѣятельности. Въ ряду этихъ мѣръ самой рациональной и цѣлесообразной является перемѣщеніе въ другой, посыльной для пастыря, приходъ.

Предсоборное присутствіе постановило, кажется, чтобы священникъ въ теченіе своего служенія не перемѣщался болѣе двухъ разъ. Значитъ, священникъ имѣетъ возможность перемѣ-

нить три прихода, если считать первый приходъ по рукоположеніи. Это достаточное побужденіе для того, чтобы выбрать себѣ приходъ неторопливо, осмотрительно, сообразуясь съ своими силами и матеріальнымъ положеніемъ (Тобол. епарх. вѣд. № 20).

Е. Р.

О богослужебномъ журналѣ¹⁾.

Въ № 46 „Руководства для сельскихъ пастырей“ помѣщена статья Е. Р. о бесполезности богослужебнаго журнала. Авторъ пишетъ, что этотъ журналъ—лишнее бремя для духовенства, что онъ не можетъ служить контролемъ надъ дѣятельностію духовенства, что онъ вводитъ духовенство въ искушеніе обнаруживать свою дѣятельность только съ показной стороны и т. д., и потому слѣдуетъ уничтожить этотъ журналъ. Со всѣми такими разсужденіями Е. Р. нельзя согласиться.

Самъ авторъ этой статьи говоритъ: „конечно, совсѣмъ не трудно записать, что тогда-то было служеніе въ храмѣ и сказано было такое-то поученіе: вѣдь это займетъ лишь нѣсколько минутъ и потребуеетъ незначительное количество строкъ“. Если самъ авторъ сознается, что веденіе богослужебнаго журнала дѣло легкое, то зачѣмъ же говорить, что оно обременяетъ духовенство? Нужно правду сказать, что хотя писмоводство у насъ, духовенства, увеличивается, но оно сравнительно не такъ ужъ велико и обширно, какъ въ другихъ вѣдомствахъ, на другихъ мѣстахъ службы, да къ тому же и лежитъ оно большею частью на псаломщикахъ. Но если бы даже его велъ и самъ священникъ, то свободнаго времени у священниковъ, особенно въ небольшихъ приходахъ, очень много; во всякомъ случаѣ хватить на то, чтобы вести богослужебный журналъ.

¹⁾ Печатаемъ эту замѣтку, какъ голосъ священника.

Далѣ авторъ говоритъ, „что чрезъ веденіе богослужбнаго журнала не достигается цѣль учрежденія его, т. е. контролированіе дѣятельности духовенства, потому что бываетъ, что духовенство въ одинъ пріемъ за продолжительное время дѣлаетъ записи предъ пріѣздомъ благочиннаго, причемъ записи эти далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, особенно въ отношеніи произношенія поученій“.

Грустно, тяжело становится за духовенство, которое рѣшается на такія дѣянія. Дай Богъ, чтобы вовсе не было такихъ лицъ (а авторъ статьи какъ бы поощряетъ ихъ). И если есть такія лица, которыя злоупотребляютъ веденіемъ богослужбнаго журнала, то это еще не резонъ уничтожать этотъ журналъ. Правда, не вполне достигается цѣль учрежденія его, контролированіе духовенства, но все же этотъ журналъ служитъ однимъ изъ средствъ контроля: не всѣ же священники злоупотребляютъ этимъ дѣломъ. Мнѣ кажется, легко замѣтить, какъ писался журналъ,—въ свое ли время, или въ одно время, предъ пріѣздомъ благочиннаго. Это покажутъ: и чернила, и почеркъ и т. п. Большая разница между писаніемъ въ разное время, и писаніемъ сразу, въ одинъ присѣсть.

Нѣтъ, богослужбный журналъ нуженъ. Прежде всего онъ служитъ напоминаніемъ намъ, что слѣдуетъ говорить поученія, вести виѣбогослужбныя бесѣды. Человѣкъ слабъ; его нужно понуждать къ работѣ. Не будь богослужбнаго журнала, священникъ, можетъ быть, часто и не вель бы бесѣды и не говорилъ поученій, но онъ это дѣлаетъ, потому что его совѣсть запрещаетъ писать неправду въ богослужбномъ журналѣ. Допустимъ, что такое побужденіе не высокаго качества,—во всякомъ случаѣ тутъ приноситъ свою пользу богослужбный журналъ. Зачѣмъ же уничтожать его?

Богослужбный журналъ нуженъ священнику для справокъ, какую когда проповѣдь онъ говорилъ. Писали какъ-то, что прихожане заявляли, будто бы ихъ священники лѣтъ двадцать читаютъ все одни и тѣ же поученія. Дѣйствительно,

можно и забыть, когда и что говорилось, или читалось. А богослужебный журнал может напомнить о томъ и дать возможность не повторяться.

Далѣе, богослужебный журналъ нуженъ для тѣхъ, кто занимается литературными трудами. Многіе священники ведутъ внѣбогослужебныя бесѣды безъ предварительнаго писанія, экспромптомъ, хотя и обдумываютъ прежде; послѣ записываютъ кратко содержаніе поученій или бесѣды, а потомъ уже составляютъ статьи для печатанія. И тутъ полезенъ богослужебный журналъ: въ немъ и запишетъ священникъ кратко содержаніе бесѣды.

Полезенъ богослужебный журналъ и потому, что онъ можетъ служить дополненіемъ къ лѣтописи. Внѣбогослужебныя бесѣды часто ведутся по поводу извѣстныхъ событій въ приходѣ. Записывая въ журналъ содержаніе бесѣды, священникъ записываетъ и самое событіе, по поводу котораго происходила бесѣда, такимъ образомъ и восполняетъ лѣтопись.

Кто желаетъ уничтоженія богослужебнаго журнала, тотъ желаетъ, чтобы вовсе не было никакого контроля надъ духовенствомъ. Теперь, собственно говоря, и такъ нѣтъ никакого контроля надъ дѣятельностію духовенства (повѣряется только письмоводство), а если уничтожится богослужебный журналъ, тогда и вовсе не будетъ никакого контроля, что не желательно. Теперь идетъ повѣрка—контроль документовъ, которые ведутся псаломщиками. Повѣряется, стало быть, дѣятельность псаломщиковъ, а не священниковъ. По вѣдъ нужно контролировать и дѣятельность священниковъ. Такимъ контролемъ и служить отчасти богослужебный журналъ.

Свящ. В. Д.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 4-го января 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

№ 4.

Подписка принимается въ редакціи
журнала, при Кіевской духовной
Семинаріи.

1908-го года января 27-го дня.

Содержаніе: I. Современное декадентство и христіанство. Прот. Н. Стеллецкій.—II. О холерѣ. Врачъ Ѳ. Бурчакъ.—III. О. Владиміръ Кувшинскій.—IV. Замѣтка. Памяти достойнаго пастыря.

Современное декадентство и христіанство.

Не смотря на то, что „декадентство“ давно уже сдѣлалось у насъ моднымъ, ежедневно повторяющимся словомъ, и произведенія декадентскаго таланта и вкуса предлагаются въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ искусства, едва ли кто станетъ утверждать, что нашему интеллигентному обществу опредѣленно извѣстно, что такое декадентство, и какъ къ нему относиться.

Трудно указать въ современной дѣйствительности что-нибудь другое, гдѣ взгляды общества отличались бы такимъ разнообразіемъ, доходящимъ до полной противоположности, какъ въ вопросѣ о декадентствѣ. Изъ наиболѣе видныхъ представителей нашей литературной критической мысли одни,

какъ, напр., И. Гофштеттеръ ¹⁾, восторженно привѣтствуютъ декадентство, видя въ немъ нѣчто въ родѣ высшаго откровенія, которое раздвинетъ горизонты человѣчества и повѣда-етъ міру новыя, еще невѣдомыя ему тайны. Другіе, наоборотъ, вслѣдъ за Максомъ Нордау ²⁾, злобно и яростно нападаютъ на декадентство, считая его силошнымъ дурачествомъ и отказывая ему хотя бы въ ничтожной долѣ здраваго смысла. Такъ, И. К. Михайловскій высказался о декадентскомъ творествѣ извѣстнаго Верлена и Метерлинка въ томъ смыслѣ, что оно есть болѣзненное явленіе западной поэзіи, уродливый наростъ на ней. По словамъ его „Литературныхъ воспоминаній“, „декадансъ есть амальгама изъ невѣжества и психопатіи“. Въ этомъ же духѣ отозвался о декадентствѣ и другой литературный критикъ изъ эпохи 60-хъ годовъ—В. П. Буренинъ. Къ этой же группѣ первыхъ гонителей декадентства долженъ быть отнесенъ и Л. Н. Толстой. Но едва ли не ярче всего выступаетъ психопатологическій, „дегенеративный“ характеръ декадентства въ двухъ специальныхъ литературно-клиническихъ очеркахъ нашихъ извѣстныхъ московскихъ ученыхъ психіатровъ—Россолимо и Баженова, которые устанавливаютъ самыя поразительныя параллели между декадентскимъ сочинительствомъ и писательствомъ ихъ пациентовъ, обывателей психіатрическихъ больницъ. Оба автора приходятъ къ одному и тому же выводу, а именно: большинство декадентовъ—неискренно и лицемерно; оно лишь симулируетъ настоящее, подлинное декадентство, надѣваетъ на себя только маску его, чтобы импонировать на толпу. Всѣ же тѣ, кто безусловно искренни и послѣдовательны въ своемъ декадентствѣ, непремѣнно, въ той или другой степени, невропаты и дегенераты ³⁾.

¹⁾ См. его „Поэзія вырожденія“ (Философскіе и психологическіе мотивы декадентства). „Вѣстникъ Иностран. Литерат.“ 1902 г., августъ.

²⁾ См. его популярную и у насъ въ Россіи книгу „О вырожденіи“.

³⁾ Россолимо. „Искусство, больные нервы и воспитаніе“. Москва, 1901 г., стр. 42; Н. Баженовъ. „Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы“. Москва, 1903 г., стр. 68—69.

Средину между двумя указанными противоположными отзывами о декадентствѣ занимаетъ сужденіе о немъ В. С. Соловьева ¹⁾). Подъ декадентствомъ онъ понимаетъ отрицаніе общепринятыхъ формъ искусства и замѣну ихъ такими новыми, въ которыхъ обыкновенный человѣкъ, кромѣ нелѣпости и чудачества, ничего не видитъ и не понимаетъ. Съ легкой руки этого нашего, безспорно, лучшаго идеалиста-философа, утвердился на декадентовъ какой-то своеобразный, легкомысленный взглядъ большинства. По смыслу этого взгляда, декаденты—это тѣ забавные чудачки-поэты, которые сочиняютъ крайне нелѣпые стихи съ такими же нелѣпыми заглавіями, въ родѣ „Вздохочайной розы“, „Лилловыхъ сновъ“ и т. п., а также и тѣ оригиналы-художники, которые пишутъ самыя фантастическія картины съ нелѣпыми фигурами, въ невѣроятно причудливыхъ краскахъ, положенныхъ такъ, какъ будто художникъ водилъ кистью по полотну, не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ. Нельзя же, говорить, относиться ко всему этому серьезно; единственно возможное отношеніе—это легкая иронія и насмѣшка. Неудивительно, что при такомъ самомъ распространенномъ въ обществѣ, чисто поверхностномъ взглядѣ на декадентство, мы привыкли относиться къ нему, какъ къ затѣѣ небольшой кучки людей, которая (затѣя) не можетъ имѣть никакого будущаго и которая людямъ мыслящимъ не можетъ внушить никакого серьезнаго интереса.

Но такое легкое отношеніе къ декадентству въ настоящее время представляется невозможнымъ: оно было возможно и естественно въ устахъ Вл. Соловьева, который писалъ свою пародію на декадентство, только что еще нарождавшееся при немъ на Руси, но подобное отношеніе къ нему теперь совершенно немыслимо, такъ какъ декадентство не только не думаетъ умирать, но все болѣе и болѣе растетъ и развивается съ каждымъ днемъ. Съ „гнилого“ Запада за-

¹⁾ См. его „Стихотворенія“ 1905 г., изд. 3-е, стр. 198—213.

раза декадентства перенеслась и къ намъ, нашла своихъ адептовъ въ лицѣ цѣлой фаланги молодыхъ писателей, а эти послѣдніе въ свою очередь находятъ своихъ поклонниковъ въ публикѣ. Легкій налетъ декадентства, доходящій до явнаго подражанія Метерлинку, замѣчаютъ, между прочимъ, и въ послѣдней драмѣ покойнаго А. Чехова—„Три сестры“. Въ виду такого рода фактовъ трезвая оцѣнка декадентства и тщательная провѣрка сложившагося о немъ представленія въ настоящее время являются крайне необходимыми. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ повторяется обыкновенная въ сферѣ искусства исторія: новое направленіе не понимается людьми, воспитанными на старомъ искусствѣ, и потому мнѣніе о немъ представителей стараго искусства и общества столь же можетъ быть ложнымъ, какъ въ свое время мнѣніе представителей ложно-классической школы объ искусствѣ, его смѣнившемъ. Поэтому пронія и насмѣшка тутъ, очевидно, уже недостаточны; настоятъ надѣбность въ иномъ, болѣе серьезномъ отношеніи къ декадентству, могущемъ выяснить его истинную природу, тѣмъ болѣе, что декадентство не только сдѣлалось популярнымъ въ наше время эстетическимъ направленіемъ, но и разрослось до степени чуть ли не господствовавшего въ концѣ XIX в. (и теперь не ослабѣвшего въ своемъ господствѣ) общественнаго настроенія, которое, будучи такъ мѣтко и удачно охарактеризовано моднымъ терминомъ „fin de siècle“, т. е. „конецъ вѣка“, широко охватило собой такія важнѣйшія сферы мысли и жизни, какъ область философіи, морали, а также въ связи съ ними и религія, не исключая христіанской.

Критической оцѣнкѣ декадентства (во всѣхъ этихъ сферахъ) съ христіанской точки зрѣнія и раскрытію тайны обаянія этого литературно-общественнаго теченія и его культурно-историческаго смысла мы и посвящаемъ настоящую свою работу, которую начнемъ съ историческаго очерка декадентскаго движенія.

Исторія декадентства.

I.

Съ терминомъ „декадентство“ принято соединять два главныхъ смысла: въ первомъ, болѣе узкомъ смыслѣ, онъ обозначаетъ собой особое, такъ называемое *символическое* направленіе литературы и искусства; во второмъ, болѣе широкомъ смыслѣ, онъ опредѣляетъ собой родственное названной литературѣ и въ извѣстной степени порожденное ею, общее настроеніе современной мысли и жизни.

. Декадентство, какъ опредѣленное литературно-художественное явленіе, создавшее все послѣдующее декадентское движеніе, возникло во Франціи, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда тамъ одинъ за другимъ выдвинулись два очень талантливыхъ, но еще болѣе странныхъ поэта—*Шарль Бодлэръ* и *Поль Верленъ*. Эрой возникновенія декадентства принято считать именно 1857 г., въ который одинъ изъ почитателей таланта Бодлэра, Евгенийъ Магасси, собралъ и издалъ отдѣльной книгой его стихотворенія подъ общимъ, совершенно необычнымъ и причудливымъ заглавіемъ: „*Les fleurs du mal*“, „Цвѣты зла“, содержаніе которой было не менѣе страннымъ и оригинальнымъ. Въ этой книгѣ отразилась съ демонической силой изстрадавшая душа поэта, ненавидѣвшаго прежде всего пошлость людей. Извѣдавъ въ своей многмятежной жизни всю бездну людского порока и паденія, поэтъ яркими красками рисуетъ развратъ цивилизаціи, останавливается на самыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ современной жизни. Онъ смотритъ на міръ и жизнь, какъ и Ницше, съ такой высоты, съ которой нѣтъ различія добра и зла. Въ „Цвѣтахъ зла“ Бодлэръ воспѣваетъ растлѣніе человѣческой души; мрачными красками изображаетъ тоску, снѣдающую души, прельщенные удовольствіемъ и стремящіяся къ идеалу. Особенно любопытно его отношеніе къ любви, гдѣ сквозь мистическій аскетизмъ ярко

проглядывает болѣзненная эротоманія: „любовь,—говорить поэтъ, — не здоровое чувство молодой души, а болѣзненное любопытство пресыщеннаго воображенія; это искупительная жертва за пороки отдѣльныхъ людей и за развратъ всего общества“.

Какъ представитель поколѣнія, пресыщеннаго цивилизаціей и дошедшаго до величайшей утонченности первой системы, Бодлэръ, томимый неудовлетворенной жаждой идеала, вынужденъ былъ искать неизвѣданныхъ ощущеній и находилъ ихъ во всемъ искусственномъ, во всемъ неестественномъ, удаляющемся отъ природы. Отсюда въ его „Цвѣтахъ зла“ восторги предъ безобразіемъ и поэзія вина, гашиша и опиума. Наслажденія, доставляемая отравленіемъ нервной системы этими ядами, онъ воспѣваетъ именно въ стихотвореніи „Paradis artificiels“, т. е. „Искусственные раи“, гдѣ проповѣдуется цѣлый культъ „Черной Венерѣ“, или безобразію и неестественному удовлетворенію чувственныхъ влеченій. Бодлэръ не находитъ никакой красоты въ здоровой молодой женщинѣ. „Хорошо только то, что искусственно“,—говоритъ онъ. Отношеніе его къ женщинѣ рисуется слѣдующими словами: „женщина естественна, а потому отвратительна, она всегда вульгарна“.

Воспѣвая всѣ настроенія, какія только могутъ удалить поэта отъ толпы съ ея пошлыми понятіями о красотѣ и нравственности, Бодлэръ отразилъ въ своей поэзіи расколъ души, не знающей цѣльныхъ чувствъ и стремящейся удовлетворить своей безграничной любви къ красотѣ сочетаніемъ великихъ контрастовъ души, святого и презрѣннаго. Все, что есть въ природѣ тонкаго и необычайнаго, все, что есть въ томъ созданіи искусственнаго міра красоты, какое творить человекъ въ своемъ воображеніи,—все это наполняетъ душу Бодлэра и отражается въ своеобразныхъ способахъ исканія красоты въ неуловимомъ, въ таинственныхъ соотвѣтствіяхъ звуковъ, запаховъ и красоты. Чтобы убѣдиться въ этомъ, доста-

точно познакомиться съ извѣстнымъ сонетомъ Бодлера— „Correspondances“, т. е. „созвучія“ или „соотвѣтствія“¹⁾).

Особенности Бодлеровской поэзіи, выразившіяся такъ ярко въ „Цвѣтахъ зла“, отражаются и въ прозаическихъ произведеніяхъ Бодлера, собранныхъ въ цѣлыхъ сборникахъ. Въ сборникѣ подъ заглавіемъ: „Petits poèmes en Prose“ называется та же болѣзненная, истерическая натура поэта, который бѣжить отъ жизни и презрѣнной толпы, борется съ неумолимымъ врагомъ—тоской и проповѣдуетъ опьяненіе, какъ средство борьбы противъ ига времени.

Бодляръ оставилъ по себѣ глубокой слѣдъ въ декадентской поэзіи, обогатилъ ее новыми необычными элементами, внесъ въ нее „новое трепетаніе“, какъ выразился о немъ Викторъ Гюго. Его другъ и учитель Теофиль Готье, которому посвящены „Цвѣты зла“, въ предисловіи къ этому стихотворному сборнику, такъ перечисляетъ поэтическія краски на палитрѣ Бодлера: „Ему удалось найти болѣзненно роскошные оттѣнки болѣе или менѣе развившагося гніенія, тона перламутра на льду стоячихъ водъ, розы чахотки, бѣлизну

¹⁾ Вотъ этотъ советъ въ переводѣ Баженова:

Природа—это храмъ. Подъ сводами живыми
Здѣсь слышится порой намъ пеноть смутныхъ словъ
Проходитъ человекъ сквозь лѣсъ неясныхъ сновъ
И символовъ, и грезъ, какъ будто межъ родными.
Какъ дальнихъ отзвуковъ свершается сліянье
Въ одно обширное, какъ свѣтъ иль темнота,
Такъ запахи, и звуки, и цвѣта
Сливаются въ единомъ сочетаньи.
Бываетъ запахъ, какъ младенецъ, чистый,
Зеленый, какъ луга, иль звучный, какъ гобой,
Бываетъ и торжественно душистый,

Развратный и роскошный ароматъ (Н. Баженовъ. „Психиатрическія бесѣды на литературн. и обществен. темы“, стр. 47). И прежде поэтическая рѣчь знала выраженія, какъ „благовѣсть солнечныхъ лучей“, „холодные звуки“, „малиновый звонъ“, но это были обыкновенныя сравненія и образы, основанныя на сближеніи разнородныхъ ощущеній. Теперь, въ „Correspondances“ Бодлера, это сближеніе какъ бы получило мистическую санкцію.

хлороза, желтизну разлившейся желчи, сѣро-свинцовый цвѣтъ зачумленныхъ тумановъ, ядовитые и металлическіе оттѣнки зеленаго цвѣта, отъ которыхъ отзывается мышьякомъ и мѣдью, черноту сажи, прокипѣвшей въ аду, которая служила бы прекраснымъ фономъ для блѣдной головы привидѣнія,—словомъ, всю гамму отчаянныхъ красокъ, необыкновенной интенсивности, которая соотвѣтствуетъ осени, закату, перезрѣлости плодовъ и послѣдному часу цивилизаціи¹⁾. Идя этимъ именно путемъ, Бодлэръ впервые опредѣленно очертилъ характеръ того литературно-художественнаго направленія, которое казалось мертворожденнымъ и подвергалось насмѣшкамъ въ началѣ 80-хъ годовъ, и съ которымъ теперь, не смотря на все его крайности и уродства, долженъ считаться историкъ европейской литературы и культуры. Бодлэръ первый создалъ поэзію декадентскаго типа задолго до того, какъ придумано было названіе декадентства, и потому справедливо считается родоначальникомъ этого направленія въ поэтическомъ творествѣ.

Ближайшимъ и непосредственнымъ преемникомъ Бодлэра, другимъ вождемъ и родоначальникомъ декадентства былъ недавно умершій французскій поэтъ—Верленъ. Какъ и Бодлэру, нельзя отказать ему въ большомъ художественномъ дарованіи; это во всякомъ случаѣ крупный поэтическій талантъ. Но рядомъ съ высоко-художественными произведеніями у Верлена есть множество, если можно такъ выразиться, явно-больныхъ стиховъ, свидѣтельствующихъ объ аномалии душевной жизни поэта. По собственному своему признанію, Верленъ страдалъ настоящимъ „сализмомъ“, т. е. отвращеніемъ и жестокостью (до убійства включительно) по отношенію къ лицамъ другого пола²⁾.

Верленъ, стремясь воплотить въ искусствѣ носимый имъ въ душѣ идеалъ вѣчно прекраснаго, и стараясь искать во

¹⁾ Баженовъ. „Психіатрическія бесѣды“, стр. 47.

²⁾ Ж. „Самообразование“ 1901 г., № 5, стр. 153.

внѣшнемъ мірѣ лишь символовъ своихъ ощущеній, создалъ такъ называемую символическую поэзію, которая будитъ образы въ душѣ читателя, не описывая ихъ, а только намѣчая впечатлѣнія, полученныя отъ нихъ самимъ поэтомъ. Сборникъ „*Poèmes Saturniens*“, вышедшій въ 60-хъ годахъ,— первое его литературное произведеніе въ духѣ этой поэзіи. Въ этомъ сборникѣ встрѣчаются стихотворенія, показывающія страстный темпераментъ поэта, ищущаго новыхъ художественныхъ образовъ для выраженія своего постоянного глубокаго душевнаго разлада. Въ нихъ высказывается отчаяніе атеиста предъ своимъ безвѣріемъ; авторъ громко заявляетъ о глубинѣ своего отрицанія какъ бы для того, чтобы заглушить внутренній голосъ души, жаждущей найти вѣру во что-нибудь вѣчное. Одновременно съ этимъ страстнымъ отрицаніемъ, приготовляющимъ путь къ столь же страстной вѣрѣ, въ другихъ стихотвореніяхъ сборника высказывается бодлэровская нелюбовь ко всему естественному и предпочтеніе всего искусственнаго, извращеннаго.

Мотивами важнѣйшаго изъ послѣдующихъ стихотворныхъ сборниковъ Верлэна—„*Romances sans paroles*“ (изд. 1874 г.) является особое душевное настроеніе, овладѣвшее человѣкомъ, извѣрившимся въ старые идеалы и страстно ищущимъ выхода изъ давящей его атмосферы пошлости; отсюда исканіе чего-то неестественнаго и даже сверхъ-естественнаго, жажда „красивой смерти“ и подобныхъ утонченныхъ ощущеній.

На 1881 годъ падаетъ новый фазисъ въ развитіи творчества Верлэна. Страстный отрицатель божества сдѣлался столь же пламеннымъ поклонникомъ католичества, впрочемъ, лишь той стороны его, которая составляетъ болѣзненные уклоненія и уродливыя крайности этой религіи, какъ-то: соблазны и обольщенія католическихъ монаховъ-исповѣдниковъ, костры и пытки инквизиціи и т. п.,—за что Верлэна одинъ изъ французскихъ критиковъ удачно назвалъ „сатиромъ, прислушивающимся къ звону церковныхъ колоко-

ловъ“¹⁾). Какъ бы то ни было, тревожный и грустный тонъ первыхъ сборниковъ Верлена, обусловливаемый душевнымъ разладомъ, замѣненъ въ вышедшемъ теперь сборникѣ „La Sagesse“ спокойнымъ тономъ обожанія, чередующимся съ утѣшеніями живой вѣры въ непризнаваемое имъ дотолѣ божество. Болѣзненная любовь къ извращенности, проявленія чувственности, желаніе утолить свою жажду любви проклятіями всего невиннаго и простаго—всѣ эти прежніе мотивы поэзіи Верлена отсутствуютъ въ его „Sagesse“ и смѣнены пламенными нотами раскаянія и уничиженія. Впрочемъ, съ этимъ религіознымъ настроеніемъ Верлена, въ немъ не исчезъ и свѣтскій грѣшникъ. Въ слѣдующихъ послѣ „Sagesse“ сборникахъ смиренная вѣра чередуется съ прежнимъ безвѣріемъ, раскаяніе съ воспѣваніемъ грѣховныхъ чувствъ, мистицизмъ съ эротизмомъ.

Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ сборниковъ, а именно въ „Choix de poésies“, есть стихотвореніе: „Art Poétique“, которое послужило какъ бы манифестомъ или первымъ откровеніемъ новаго направленія въ поэзіи и вскорѣ сдѣлалось своего рода основнымъ кодексомъ всей примкнувшей къ нему символической школы. Здѣсь именно резюмируется предпринятая Верленомъ реформа поэтическаго языка. Основное требованіе, предъявляемое нами къ каждому литературному произведенію, это—наличность въ немъ опредѣленной идеи и выраженіе ея въ ясной и точной формѣ. Совершенно иному литературному рецепту слѣдуетъ декаденско-символическое творчество: „Выбирай слова,—совѣтуетъ Верленъ въ своемъ „Art poétique“,—безъ особенной опредѣленности: нѣтъ ничего милѣе смутной пѣсни, гдѣ неясное сливается съ яснымъ... Бѣги убійственнаго остроумія, страннаго умничанья, нечистаго смѣха... Сверни шею риторикѣ“. Это и понятно. Требования ясности, точности и строгой опредѣленности мысли и слова кажутся для декадентовъ какимъ-то посягательствомъ

¹⁾ Волицскій. „Книга великаго гнѣва“, стр. LVI.

на ихъ свободу, и вотъ Верлэнъ, ради доказательства этой свободы, пренебрегаетъ обычными метрическими формами, подыскивая особья рѣдкія ритмическія сочетанія, или совсѣмъ отказывается отъ риѣмы. И это тѣмъ болѣе, что такое произвольное употребленіе слова вполнѣ отвѣчаетъ и философскому тезису декадентства, что въ жизни цѣнны лишь мимолетныя настроенія, которыя не поддаются точному и строгому опредѣленію. „Никакой точности, никакой ясности, никакой раздѣльности, никакого опредѣленнаго цвѣта, никакой опредѣленной формы,—рекомендуетъ тамъ же Верлэнъ. Поэтъ,—говоритъ онъ,—долженъ предпочитать то, что неопредѣленно, въ чемъ нѣтъ никакого вѣса и положенія. Онъ долженъ выбирать слова съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, такъ какъ нѣтъ ничего лучше сѣрой тѣни, гдѣ неопредѣленное сливается съ опредѣленнымъ. Мы хотимъ только оттѣнковъ: не красокъ, не цвѣтовъ—однихъ оттѣнковъ! О, лишь оттѣнокъ сливается во едино мечту съ мечтой и рожокъ съ свирѣлью“. Вотъ почему и всю свою поэзію декаденты любятъ называть поэзіей намековъ, нѣжныхъ полутоновъ и минутныхъ настроеній. Вся цѣль поэзіи, по понятію декадентовъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобы создать въ человѣкѣ извѣстное настроеніе. Для достиженія этой цѣли Верлэнъ совѣтуетъ пользоваться неуловимою для простаго уха музыкальностію или гармоничностію составныхъ частей стиха. „Музыки, прежде всего музыки! Музыки еще и всегда! Пусть твой стихъ будетъ летучъ, чтобы чувствовалось, будто онъ бѣжитъ изъ души, стремящейся къ инымъ небесамъ и иной любви“,—говоритъ Верлэнъ. „Откуда,—заключаетъ онъ,—слѣдуетъ предпочитать неровный стихъ, онъ менѣе опредѣленъ, болѣе растворимъ въ воздухѣ, онъ лишенъ тяжести и грубости“.

Ядовитые „Цвѣты зла“ Бодлера и мистико-эротическая поэзія Верлена нашли себѣ самую благопріятную почву въ распущенности нравовъ тогдашняго французскаго общества. Не прошло и нѣсколькихъ десятилѣтій, какъ Франція быстро

наводнилась произведеніями новой декадентской литературы. Одни изъ примкнувшихъ къ этому направленію молодыхъ поэтовъ обладали настоящимъ талантомъ, другіе же не имѣли и сотой доли дарованій отцовъ декадентства—Бодлэра и Верлэна, за то претензіи ихъ бравировать мнѣніями и вкусами публики были чрезмѣрны. Поэты этой послѣдней категоріи, какъ бы наперебой другъ передъ другомъ, стремились превзойти всѣхъ и все въ крайностяхъ и уродствахъ новаго направленія. Эта болѣзненная страсть адептовъ новой школы къ оригинальничанью создавала какой-то пестрый хаосъ самыхъ разнообразныхъ теченій: здѣсь были и тѣ, которые воспѣвали распущенность олимпійскихъ боговъ и назывались *партасцами*; были и такіе, которые сущность своего поэтического служенія полагали въ черныхъ мессахъ и литаніяхъ діаволу и присвоили себѣ названіе *диаболитовъ*; были и такіе, которые всю силу своего творчества сосредоточивали въ живости выраженія и потому были извѣстны подъ названіемъ *импрессионитовъ*; были и такіе, которые вслѣдъ за Верлэномъ, смотрѣли на поэзію, только какъ на музыку, почему и были названы *инструменталистами*; были, наконецъ, и такіе, которые всю задачу поэзіи сводили къ сознательному нарушенію законовъ стихосложенія, за что и получили кличку *верлибристовъ*, т. е. свободныхъ стихоплетовъ¹⁾. Не смотря на эту разность въ оттѣнкахъ, всѣмъ французскимъ декадентамъ присуще нѣчто общее, связывающее ихъ какъ между собою, такъ и съ родоначальниками декадентства—это начало самаго крайняго индивидуализма, произвольничанья неограниченнаго „я“ (*culte de soi—même*). „А такъ какъ,—говоритъ г. Струве,—это „я“ обладало обыкновенно темпераментомъ, глубоко затопленнымъ въ грязи парижской жизни, то неудивительно, что, взбираясь на Парнасъ, поэты этого типа не умѣли говорить ни о чемъ другомъ, какъ о сладо-

¹⁾ А. И. Покровский. „Современное декадентство предъ судомъ вѣковѣчныхъ идеаловъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1904 г., іюнь, стр. 545.

страстной молодежи, павшихъ женщинахъ, развратныхъ старикахъ, ворахъ, убійствахъ, насильникахъ и другихъ извергахъ общества“¹⁾.

Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Г. Струве. „Современ. анархія духа“. „Вѣра и Разумъ“ 1900 г. № 4, стр. 756.

О х о л е р ѣ.

Опытъ эпидемій прежнихъ лѣтъ показываетъ, что болѣзнь, именуемая азіатскою холерой, не ограничивается однимъ годомъ, а обыкновенно повторяется и въ слѣдующихъ годахъ. Въ истекшемъ 1907 г. нѣкоторые города и губерніи, въ томъ числѣ и Кіевъ и Кіевская губернія, пережили эту болѣзнь. Возможно ея повтореніе весной этого года. Въ интересахъ общественной и личной безопасности каждому человѣку, а въ особенности лицамъ, близко стоящимъ къ народу, необходимо быть знакомымъ въ деталяхъ и съ условіями, способствующими развитію этой болѣзни и ея уничтоженію, и съ мѣрами личной и общественной профилактики (предупредительныхъ мѣръ), и съ симптомами этой болѣзни, и съ правильнымъ и безопаснымъ уходомъ за заболѣвшими, и, наконецъ, съ правильнымъ ея лѣченіемъ. Все это даетъ намъ основаніе предложить въ нижеслѣдующихъ статьяхъ свѣдѣнія о всѣхъ вышеуказанныхъ предметахъ на основаніи точныхъ научныхъ данныхъ и наблюденій практическаго житейскаго опыта, при чемъ будетъ обращено особенное вниманіе на мѣропріятія послѣдняго времени и ихъ результаты. Житейскій опытъ, между прочимъ, учитъ, что чѣмъ раньше до появленія холеры въ извѣстной мѣстности въ населеніе проникаютъ трезвыя свѣдѣнія объ этой болѣзни, тѣмъ слабѣе бываетъ въ этой мѣстности ея развитіе, и тѣмъ легче бываетъ борьба съ ней. Этотъ фактъ заслужи-

*) Г. Струве. „Современ. анархія духа“. „Вѣра и Разумъ“ 1900 г. № 4, стр. 756.

ваетъ не только самаго серіознаго вниманія, но и самаго ревностнаго примѣненія.

Холера азіатская представляетъ изъ себя острую заразную контагіозную болѣзнь. Подъ именемъ *контагія* наука медицинская разумѣетъ организованный, живой, видимый при увеличеніи лишь чрезъ микроскопъ возбудитель, (микроорганизмъ), переносимый съ больного человѣка на здороваго и въ этомъ здоровомъ человѣкѣ размножающійся въ громадномъ количествѣ и выдѣляющій изъ себя особый ядъ (токсинъ), вредно дѣйствующій на организмъ человѣка—его отравляющій.

Какъ самое названіе болѣзни показываеъ, родиной холеры счѣтается Азія и въ частности Индія, гдѣ холера существуетъ постоянно въ видѣ эндемической, присущей этой мѣстности, болѣзни, то обостряясь, то ослабляясь. Когда холера обостряется, то она распространяется сначала на сосѣднія мѣстности и государства, а потомъ сухимъ путемъ или по морю она предпринимаетъ пандемическое шествіе по всѣмъ странамъ и государствамъ не только Стараго свѣта, но и Новаго. Скоро истечетъ столѣтіе, когда холера впервые была занесена въ Россію черезъ Персію,—значить, сухимъ путемъ въ Закавказьѣ, а потомъ въ Астрахань, гдѣ она и прекратилась съ наступленіемъ холодовъ. Это было въ 1823 году, и это была первая эпидемія въ Европѣ. Вторая эпидемія была въ 1830—1831 г., когда она достигла въ іюнь мѣсяцѣ г. С.-Петербурга, изъ населенія котораго погибло 7000 ч. Невѣдомая до того времени болѣзнь, уносящая столько жизней, вызвала панической страхъ среди населенія столицы, и результатомъ этого страха и неизвѣстности и былъ холерный бунтъ въ С.-Петербургѣ 2 іюня 1831 года. 3-я эпидемія въ Россіи, относящаяся къ 1847—1848 гг., вызвала страшную заболѣваемость и смертность среди населенія всей Россіи: въ одной Московской губерніи заболѣло 59000 ч. и умерло 27000 ч. Затѣмъ въ четвертый разъ холера посѣтила Европу и Россію въ 1863—1875 г., и по-

слѣдняя эпидемія холерная въ Европѣ и Россіи, пятая по счету, имѣла мѣсто въ 1881—1895 гг. Дорого обошлась эта болѣзнь нашему отечеству: за всѣ эти эпидеміи отъ холеры погибло въ Россіи свыше двухъ милліоновъ народа.

Причиной, почему отъ холеры такъ много погибло и гибнетъ народу, является, съ одной стороны, незнаніе сущности болѣзни, которая лишь отчасти стала извѣстна въ 1884 году, о чемъ рѣчь ниже, а съ другой стороны—неимѣніе и до сихъ поръ вѣрнаго средства для лѣченія холеры. Было въ исторіи человѣческаго рода много столь же опасныхъ и гибельныхъ болѣзней, и медицина съ ними справляется въ настоящее время; такова, напр., оспа. Сто лѣтъ тому назадъ она опустошала цѣлыя поселенія; въ настоящее время есть вѣрное предохранительное средство отъ заболѣванія оспой—прививка оспы. Таковъ же дифтеритъ; онъ лѣчится сывороткой, каковой способъ лѣченія даетъ изумительные результаты. Укушенные бѣшенными животными лѣчатся прививками. Есть надежда, что и холера подчинится разуму человѣка; путь къ этому уже найденъ. Со времени перваго появленія холеры въ Россіи и Европѣ многочисленныя изслѣдованія врачей были направлены къ изученію этой болѣзни, и хотя и раньше разными врачами высказывались предположенія о контагіозности этой болѣзни, тѣмъ не менѣе заслуга открытія особаго микроорганизма, являющагося причиной холеры, принадлежитъ нѣмецкому профессору Роберту Коху, который въ 1884 году, будучи командированъ во главѣ холерной комиссіи въ Египетъ (тамъ въ то время была холера) и въ Индію, съ несомнѣнностью доказалъ, что истинной причиной холеры является найденный имъ въ испражненіяхъ холерныхъ больныхъ микроорганизмъ, по виду напоминающій запятую и названный имъ холерной запятой; величина этого микроорганизма 1—2½/2 миллиметра. Работами другихъ бактериологовъ эти наблюденія и изслѣдованія Коха подтверждены, и намъ остается лишь остановиться въ краткихъ чертахъ на описаніи жизни

этого микроорганизма, которому также, за его искривленіе, присвоено еще названіе холерный вибрионъ.

Итакъ, холерный вибрионъ имѣетъ форму запятой. Лефлеръ нашелъ, что на одномъ концѣ этого вибриона имѣется еще очень тоненькій жгутокъ, служащій для поступательныхъ движеній вибриона. У холерныхъ больныхъ вибрионъ этотъ всегда находится въ испражненіяхъ и рѣже въ рвотѣ. Посителями и распространителями заразы являются такимъ образомъ пораженные холерой люди, черезъ которыхъ, въ силу скорости въ настоящее время людскихъ сношеній, зараза переносится на тысячи верстъ. Выдѣлившійся съ испражненіями и со рвотой вибрионъ попадаетъ въ почву; если почва влажна и если она загрязнена всякими человѣческими и животными отбросами, то въ ней вибрионъ не только живетъ, но и размножается, а при благопріятныхъ условіяхъ: при дождѣ съ ручьями, или при близости колодца, вибрионъ попадаетъ въ воду. Въ воду холерный вибрионъ можетъ попасть также и при мытьѣ загрязненнаго испражненіями и рвотой холернаго больного бѣлья. Въ дистиллированной водѣ холерный вибрионъ живетъ до 24 часовъ; въ обыкновенной водѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ (проф. Высоковичъ), — нѣсколько дней и недѣль, а по опытамъ Вольфгюгеля и Риделя съ обезилуженными водами изъ берлинскихъ водопроводовъ и изъ колодцевъ посѣянные тамъ вибрионы въ первые дни уменьшались въ числѣ, а затѣмъ число ихъ сильно увеличивалось, и чрезъ 9 мѣсяцевъ и даже черезъ годъ ихъ удавалось находить въ значительномъ количествѣ. Проф. М. П. Афанасьевъ говоритъ, что въ борьбѣ съ другими бактеріями, водящимися въ водѣ, холерные вибрионы обнаруживаютъ большую стойкость. Вообще холерные вибрионы успѣшно растутъ и размножаются во влажныхъ мѣстахъ и на влажныхъ средахъ, какъ-то: на сыромъ бѣльѣ, во влажной землѣ, какъ сказано выше, на сыромъ мясѣ, на сырыхъ овощахъ: моркови, капустѣ, картофелѣ и фруктахъ, а также на вареныхъ яйцахъ; около недѣли они сохраняютъ свою жизне-

способность въ кипяченомъ молокѣ, если они туда попадаютъ, и маслѣ; въ кисломъ молокѣ, по проф. Высоковичу, они существовать не могутъ; въ свѣжихъ сокахъ вишенъ и винограда они живутъ не дольше 5—10 минутъ; въ соку изъ арбузовъ и дынь—не больше 24 ч.; въ пивѣ остаются жизнеспособными не дольше 1 часа; въ чаѣ (4% настой)—тоже не больше часа, а въ кофѣ (6% растворъ)—не болѣе 2 часовъ. Въ сухомъ видѣ они жить не могутъ, а на солнцѣ они пропадаютъ уже черезъ 1/4 часа, но, по Гессе, 22 1/2 часа спустя, осѣвъ съ пылью на пищу, они способны стать источникомъ зараженія. Нагрѣваніе до 65—75° Цельсія убиваетъ холерныхъ вибрионовъ, а морозу они противостоятъ, по мнѣнію Внукова, въ 26° Реомюра. Въ отхожихъ мѣстахъ холерные вибрионы пропадаютъ сами собой чрезъ 1—2 сутокъ.

Зараженія людей холернымъ вибриономъ происходитъ исключительно черезъ ротъ или вслѣдствіе употребленія въ питье и пищу зараженныхъ вибрионами питьевыхъ и пищевыхъ продуктовъ, или же путемъ переноса заразы чрезъ сношенія—контакта—соприкосновеніемъ съ выдѣленіями холерныхъ больныхъ рвотой и поносомъ и съ загрязненными ими предметами и вещами. Чрезъ кожу, кровь и легкія холерный вибрионъ не способенъ заражать человѣка. Къ зараженію воспримчивы всѣ люди, живущія на земномъ шарѣ; наименѣе противостоятъ холерѣ старики и грудныя дѣти, а также лица, страдающія разстройствомъ пищеваренія. Всѣ моменты, ослабляющіе организмъ человѣка, способствуютъ заболѣванію холерой; такимъ образомъ дѣйствуютъ: усталость отъ тяжелой и продолжительной работы, безсонныя ночи, неправильное и нездоровое питаніе и голодь; охлажденіе и промачиваніе ногъ, живота и всего тѣла и вообще простуда. Излишества въ пищѣ и питьѣ также способствуютъ заболѣванію холерой, вызывая нарушеніе пищеваренія. Неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ служитъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ предрасполагающихъ къ заболѣванію

холерой моментовъ; помимо разстройствъ въ пищевареніи отъ спиртныхъ напитковъ, послѣдніе, затемняя сознаніе, способствуютъ уменьшенію разумной осторожности въ пищѣ и питьѣ и въ сношеніяхъ съ людьми. Что излишества являются способствующимъ заболѣванію холерой обстоятельствомъ, это доказываетъ намъ статистика: наибольшее число заболѣваній холерой падаетъ всегда на поведѣльникіе и вообще на послѣпраздничные дни.

Кромѣ человека, посетителями заразы являются насѣкомыя, въ особенности мухи; роль послѣднихъ въ распространеніи холеры доказана прямыми опытами, произведенными проф. Chantemesse'омъ и д-ромъ Voge'l'омъ, санитарнымъ врачомъ въ Египтѣ, о чемъ эти лица сдѣлали докладъ въ Парижской медицинской академіи. Изъ этихъ опытовъ явствуетъ, что если взять лапку или содержимое кишечника отъ мухи, имѣвшей 17 часовъ тому назадъ соприкосновеніе съ веществами, содержащими холерные вибрионы, и помѣстить эту лапку или содержимое кишечника на такія вещества, на которыхъ могутъ жить и размножаться холерныя бациллы (питательныя среды), то на этихъ веществахъ пышно развиваются культуры холерныхъ вибрионовъ и только лишь черезъ 48 ч. (считая отъ соприкосновенія мухи съ холерными вибрионами, они теряютъ свою заразительность. Практическое значеніе этихъ опытовъ огромно, такъ какъ они, съ одной стороны, съ несомнѣнной ясностью доказываютъ намъ, какое важное значеніе въ дѣлѣ развитія эпидеміи холеры играютъ мухи, а съ другой стороны, они подсказываютъ намъ и тотъ путь, по которому въ числѣ другихъ путей должны быть направляемы мѣропріятія по холерѣ.

Въ качествѣ обстоятельствъ, способствующихъ развитію холеры, должно указать еще на всѣ моменты общественной и частной жизни, сопровождающіеся скопленіемъ народа, какъ то: ярмарки, сходы, свадьбы, похороны и другія собранія общественнаго и семейнаго характера, въ особенности же когда эти сборища сопровождаются неумѣреннымъ упо-

требленіемъ спиртныхъ напитковъ и нарушеніемъ правильного образа жизни.

Заканчивая обзоръ условій жизнедѣятельности холернаго контактія и условій его развитія, а также условій развитія эпидеміи, мы не можемъ обойти молчаніемъ тѣхъ предрасполагающихъ моментовъ, которые касаются времени и мѣста развитія холеры. Что касается времени, то самымъ любимымъ для холеры является лѣто и осень; хотя холерный вибрионъ переноситъ холодъ и легко, но вообще зимой холера прекращается. Тѣмъ не менѣе въ 1892 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, во время холернаго сѣзда въ С.-Петербургѣ, холерныя заболѣванія были зарегистрированы и при существовашии морозовъ въ 30—35°. Что касается мѣста, то дознано, что чѣмъ культурнѣе страна, чѣмъ выше ея гигиеническіе идеалы, чѣмъ чище и опрятнѣе держитъ себя населеніе известной мѣстности, чѣмъ болѣе оно заботится о чистотѣ водныхъ источниковъ, чѣмъ чище почва, чѣмъ аккуратнѣе удаляются человѣческіе, животные и хозяйственные отбросы, тѣмъ менѣе шансовъ на гостепрѣимство имѣетъ холера въ такой странѣ и мѣстности. Культурная Англія, владѣтельница той самой Индіи, гдѣ холера существуетъ постоянно, служитъ намъ живымъ примѣромъ того, какъ можно избѣжать холеры, такъ какъ и занесенная туда холера развитія не имѣетъ. На этомъ мы и закончимъ обзоръ условій развитія холеры и перейдемъ къ описанію симптомовъ этой болѣзни.

Врачъ *Ө. Бурчакъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О. Владиміръ Кувшинскій.

(Памяти нашего сотрудника).

20-го мая въ часъ ночи смерть унесла въ вѣчность нашего сотрудника, любимаго приходомъ священника села Уней, Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, о. Владиміра Кувшин-

скаго. Онъ скончался на 46-мъ году своей жизни отъ продолжительной и тяжелой болѣзни—сыпного тифа, которымъ заразился въ приходѣ при исполненіи своего пастырскаго долга—исповѣди больного въ Великую пятницу.

Отецъ Владиміръ былъ сынъ бѣднаго сельскаго причетника, родился въ селѣ Пыжѣ, Вятскаго уѣзда, въ 1862 году. Образование онъ получилъ въ Вятской духовной семинаріи, которую въ 1884 году окончилъ съ аттестатомъ по первому разряду. Съ дѣтства привыкшій жить общою съ народомъ жизнью, дѣлать его горе и радость, онъ и по окончаніи курса семинаріи не долго чуждался этой жизни, и въ 1886-мъ году уже былъ на епархіальной службѣ; въ этомъ году онъ былъ рукоположенъ во діакона въ село Енгаль, Глазовскаго уѣзда, а въ 1887-мъ году во священника въ село Ошеть, Нолинскаго уѣзда. Не надолго Господу Богу угодно было оставить его духовнымъ руководителемъ народа въ селѣ Ошети. 1895-мъ году тяжелое горе обрушилось на семейство его брата: умираетъ братъ—священникъ села Уней, и оставляетъ послѣ себя сиротъ. Всегда отзывчивый на чужое горе, отецъ Владиміръ, желая облегчить участь сиротъ, перемѣщается на мѣсто своего брата. Здѣсь-то о. Владиміръ и потрудился 11 лѣтъ для своихъ пасомыхъ, пока болѣнь не сразила его.

Отецъ Владиміръ скончался въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и духовныхъ дарованій. Думалось, что онъ много и долго будетъ работать среди темныхъ прихожанъ своихъ, но преимуществу вотяковъ, съ которыми, не смотря на кратковременное служеніе у нихъ, можно сказать, сроднился. Онъ внимательно наблюдалъ ихъ жизнь, изучалъ нравы и обычаи, боролся съ разнаго рода суевѣріями, и, благодаря своему энергичному труду, уже видѣлъ осязательные плоды своей дѣятельности,—за послѣднее время среди прихожанъ его уже не было ничего языческаго.

Особенно неутомимо работалъ о. Владиміръ на нивѣ Божіей въ переживаемое теперь тяжелое, смутное для Цер-

кви Христовой и отечества время. Съ чисто-юношеской энергіей отдавался онъ тому святому дѣлу, къ которому былъ призванъ. Всѣ силы и средства онъ употреблялъ къ тому, чтобы оградить паству свою отъ современныхъ непрошенныхъ просвѣтителей народныхъ, и дать народу *хлѣба и рыбы*, а не *камень и змѣю*, что предлагаютъ ему самозванные радѣтели блага его.

Любовь къ дѣлу—вотъ въ чемъ была жизнь о. Владиміра, и можно сказать, онъ сгорѣлъ отъ этой любви. Уже будучи сильно больнымъ, онъ не оставлялъ обычныхъ дѣлъ ни въ церкви, ни въ приходѣ. Онъ любилъ и умѣлъ работать не частью своего сердца, а отдавался дѣлу всецѣло, за что и снискалъ любовь и уваженіе среди своихъ сослуживцевъ, а особенно среди своихъ прихожанъ. Съ перваго же года его епархіальной службы дѣлать добро для своихъ прихожанъ было насущною потребностью его души. И онъ дѣлалъ добро такъ просто, такъ естественно. Поэтому-то и паства его не замедлила откликнуться на его добро и любовь любовью же. Когда онъ лежалъ сильно больнымъ, народъ постоянно приходилъ къ нему, желая повидаться и побесѣдовать съ нимъ по душѣ. Можно себѣ представить, какую глубокою скорбью были поражены сердца прихожанъ, когда впервые пронеслась и потомъ распространилась среди нихъ вѣсть о кончицѣ пастыря ихъ. Въ продолженіе трехъ дней народъ вереницами тянулся къ дому о. Владиміра поклониться праху его и принести ему „последнее цѣлованіе“.

Съ торжествомъ провождены были на мѣсто упокоенія останки достойнаго пастыря. Въ день погребенія, 24-го мая, заупокойную литургію служили три священника изъ благочинія. Отпѣваніе совершали семь священниковъ и три діакона при многочисленномъ стеченіи народа. Предъ чтеніемъ Евангелія была сказана рѣчь священникомъ села Утей, отцомъ Василиемъ Маракулинымъ, а предъ прощаніемъ—сослуживцемъ почившаго, священникомъ отцомъ Алексіемъ Ашихминимъ, полное сердечнаго горя прощальное слово, охарактеризовавшее покойнаго отца Владиміра, „какъ добраго пастыря, положившаго душу свою за овцы своя“. Послѣ отпѣванія тѣло почившаго, на плечахъ священнослужителей, было вынесено изъ храма и обнесено вокругъ его при цѣннй мѣстнаго хора „Да воскреснетъ Богъ“ и полнымъ звонѣ колоколовъ. Съ болью сердца еще разъ взглянули мы на дорогой гробъ, и онъ навсегда скрылся отъ насъ въ нѣдрахъ земныхъ. Тяжело стало на сердцѣ. Думали ли мы встрѣчать и провожать дорогого отца Владиміра,

свѣтлорадостнымъ привѣтомъ воскресенья въ такой глубоко-печальной обстановкѣ? Но... „буди воля Божія“.

Вѣчная память тебѣ, дорогой другъ, братъ и сомолит-венникъ; почивай же въ мирѣ до радостнаго утра всеобщаго воскресенья.

Свящ. *И. Ардашевъ.*

ЗАМѢТКА.

Памяти достойнаго пастыря.

Въ Харьковѣ скончался священникъ села Малой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, о. Аѳанасій Яковлевичъ Толмачевъ.

Покойный о. Аѳанасій сынъ понамаря сл. Лищенъ, Харьковскаго уѣзда, по бѣдности и многосемейности своего отца не могъ получить полного богословскаго образованія, а долженъ былъ ограничиться предметами, преподаваемыми въ духовныхъ училищахъ. Начавъ службу по духовному вѣдомству съ 15 лѣтъ, съ должности понамаря, о. Аѳанасій, благодаря своему природному уму и энергій, заслужилъ вниманіе своего начальства. Получивши діаконское мѣсто при церкви сл. Заводъ, Волчанскаго уѣзда, онъ былъ приглашенъ епархіальнымъ съѣздомъ духовенства на должность эконома—діакона при харьковскомъ духовномъ училищѣ. Въ теченіе трехлѣтней службы въ должности эконома о. Аѳанасій заявилъ себя опытнымъ, честнымъ и энергичнымъ хозяиномъ такого сложнаго въ то время дѣла, за что неоднократно былъ поощряемъ съѣздомъ духовенства и правленіемъ училища благодарностью со внесеніемъ въ послужной списокъ. Особенно высоко и благосклонно относился къ нему незабвенный смотритель училища Григорій Григорьевичъ Лапчинскій, видя въ немъ истиннаго помощника себѣ въ экономической части. Съ особеннымъ вниманіемъ за его труды по экономическому хозяйству отнесся къ нему и милостивый архипастырь высокопреосвященнѣйшій Амвросій, предоставивъ ему священническое мѣсто въ селѣ Малой Даниловкѣ, Харьковскаго уѣзда, и поручивъ ему „привести приходъ въ надлежащій видъ“, ибо приходъ сей былъ закрытъ болѣе десяти лѣтъ, а слѣдовательно, запущенъ до крайнихъ предѣловъ какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ. Умъ, твердость характера, тактичность покойнаго могли преодолѣть все тѣ трудности, съ ко-

торыми ему приходилось сталкиваться. При всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ о. Аѳанасій за 18 лѣтъ службы въ приходѣ Малой Даниловки выполнялъ завѣщанія своего владыки. Трудны были дни жизни устроителю сего прихода, но, благодареніе Богу, все было приведено имъ въ порядокъ.

Пріѣхавъ сл. М. Даниловку, о. Аѳанасій первымъ деломъ привелъ въ надлежащій видъ храмъ, оказавшійся почти обветшалымъ при вступленіи его на приходъ; выстроилъ причтовые дома, которыхъ не было, а также построилъ церковно-приходскую школу, и все благодаря своей энергіи.

Надобно было удивляться его умѣнію изыскивать средства для начинаемаго дѣла. Приходъ былъ бѣдный—помѣщичій, численностью въ 300 человекъ муж. пола, но все необходимое онъ добывалъ отъ добрыхъ благочестивыхъ христіанъ города Харькова и друг. мѣстъ. Владыка Амвросій, видя его труды и заботы, не оставлялъ его своимъ благоволеніемъ. Онъ часто вызывалъ о. Аѳанасія къ себѣ въ свои покои, поощрялъ его и награждалъ. Окончивъ постройку школы, о. Аѳанасій не успокоился, а онъ началъ думать о томъ, какъ бы ему замѣнить старый деревянный храмъ новымъ, каменнымъ, при отсутствіи средствъ. Онъ взялъ на себя трудъ по сбору пожертвованій и съ этою цѣлью часто ѣздилъ въ Москву и другіе города, и уже въ 1896 году началась постройка каменнаго храма, который и былъ освященъ въ 1898 г.

Прихожане, видя труды своего пастыря, доброту души его, отзывчивость на всѣ ихъ нужды и слыша его ожесточенно съ церковной каѳедры поученія, любили его и дорожили имъ. Имѣя въ своемъ приходѣ нѣсколько заводовъ, въ томъ числѣ сахарный заводъ, куда не замедлили проникнуть ложь и обманъ лѣвыхъ партій, о. Аѳанасій смѣло и твердо выступалъ съ обличительными словами противъ „освободителей“. Неоднократно онъ получалъ угрозы и приказы замолчать, но, будучи преданнымъ сыномъ св. Церкви и вѣрнымъ присягъ своему Царю, о. Аѳанасій ничего не страшился, а для поднятія духа благоразумія и благопокорности среди заводскихъ рабочихъ устроилъ на заводѣ собесѣдованія, чтенія, служилъ молебны и всенощныя бдѣнія и этимъ предохранилъ рабочихъ отъ преступныхъ увлеченій тогда, когда почти всѣ фабрики бездѣльничали. Заводская корпорация и рабочіе, видя энергію своего пастыря и его правоту, съ особымъ довѣріемъ отнеслись къ нему, прогнали отъ себя всѣхъ смутьяновъ, а члена первой Думы отъ рабочихъ, г. Диденко,

который служилъ здѣсь же, заставили молчать и дѣлать дѣло, къ которону онъ былъ поставленъ.

Ни метель, ни дождь, ни грязь не останавливали его совершать поѣздки на сахарный заводъ, куда отецъ Аонасій стремился въ назначенные для того дни.

Хорошую память оставилъ по себѣ о. Аонасій и въ приютѣ малолѣтнихъ преступниковъ, что близъ сл. Дергачей, куда онъ ѣздилъ преподавать Законъ Божій. Особенно любили его дѣти-преступники за его ласку къ нимъ; онъ неоднократно приглашалъ ихъ къ себѣ, гдѣ съ отеческою любовью проводилъ съ ними время въ саду и на пасѣкѣ, не оставляя ихъ при этомъ и нишею духовною. Неоднократно о. Аонасій съ радостію рассказывалъ, какъ малолѣтніе преступники благодарили его за сердечное отношеніе къ нимъ, нравственныя наставленія и исправленія ихъ, но скорбѣлъ, когда тутъ же они заявляли: „что такихъ добрыхъ людей, какъ вы, мы не знаемъ“.

Съ своими прихожанами онъ жилъ одною душою, по-возможности не отказывая имъ въ совѣтахъ и нуждахъ. Съ бѣдныхъ за требы не бралъ, а даже самъ давалъ. Какъ сейчасъ помню годъ, когда Богъ наказалъ прихожанъ двухъ хуторовъ градобитіемъ; о. Аонасій обратился къ благодѣтелямъ, испросилъ у нихъ пожертвованія и на эти деньги купилъ до трехъ сотъ пудовъ ржи для обсемененія полей потерѣвшихъ крестьянъ. Со слезами на глазахъ благодарили своего батюшку за такую неожиданную милость. Любили прихожане своего батюшку и за пестовое совершеніе службъ церковныхъ и требъ, которыя онъ совершалъ съ благоговѣніемъ.

Замѣчательна, наконецъ, его любовь къ пчеламъ. Онъ былъ священникомъ-пчеловодомъ, быть можетъ, и потому, что пчеловодство поддерживало его матеріальное благосостояніе. Открывъ въ 1906 году первый „приходскій совѣтъ“ въ Харьковской епархіи, онъ думать еще большую оставить память о себѣ въ благоустроеніи Константино-Еленинской церкви и своего прихода, но зубная операція одного изъ выдающихся докторовъ медицины города Харькова оказалась роковой для его жизни. Пророборовшись двѣ недѣли съ болѣзнію „зараженіе срови“, о. Аонасій отошелъ въ вѣчность (Совр. Лѣт. № 50).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 21-го января 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года февраля 3-го дня.

Содержаніе: I. Былъ ли Иисусъ Христосъ революціонеръ. Бесѣда архі-
епископа Антонія.—II. Современное декадентство и христіанство
(продолженіе). Проф. Н. Стеллецкій.—III. Евангельское ученіе о
бракѣ. С. Чернышевъ.—IV. Свящ. о. Владиміръ Данкевичъ. В. С.

Былъ ли Иисусъ Христосъ революціонеръ ¹⁾.

(Бесѣда архіепископа Антонія).

Пѣтъ лжи, которая не примѣнялась къ Иисусу Христу.
Въ настоящее время говорятъ, что Иисусъ Христосъ былъ
революціонеръ, и ставятъ Его ученіе въ связи съ возста-
ніемъ рабовъ въ Римской имперіи, которыхъ распинали на
крестахъ.

Чтобы показать, что Христа нельзя сблизать съ рево-
люціонерами, нужно обратить вниманіе на состояніе іудей-

---

¹⁾ Бесѣда напечатана въ „Прибавленіи къ Почаевскому листку за
1907 г. №№ 50—51“. Считаемо полезнымъ предложить ее нашимъ чита-
телямъ—пастырямъ и мірянамъ.

Ред.

скаго народа предъ пришествіемъ Христа. Іудейскій народъ ждалъ Христа, завоевателя, Который освободитъ ихъ отъ римскаго владычества.

Хотя состояніе нравственной жизни еврейскаго народа было далеко отъ христіанства, но оно не было лишено нѣкотораго внутренняго богатства; іудеи были склонны къ идолопоклонству, однако, они были сильно проникнуты патріотизмомъ. Этимъ они иогубили себя предъ плѣномъ вавилонскимъ. Пророкъ Іеремія, который былъ печальникомъ и другомъ народа, нѣсколько главъ своей пророческой книги посвятилъ тому, чтобы отклонить борьбу іудеевъ съ Навуходносоромъ. Въ книгѣ Ездры описано много подвиговъ самоотверженія іудейскаго народа. Такъ, когда Ездра узналъ, что многіе единоплеменники вступали въ бракъ съ иноплеменницами, онъ возмущается, рветъ на себѣ одежды и горько плачетъ и тѣмъ самымъ разстраиываетъ окружающихъ до того, что они готовы прогнать своихъ женъ. Наконецъ, во времена Маккавеевъ мы видимъ у іудеевъ не только проявленія патріотизма, но даже фанатизма. И эти проявленія были изумительны. Такъ, въ субботу они отказались сражаться и были избиты. Между тѣмъ, во времена Маккавеевъ, іудеи преслѣдовали за религіозныя убѣжденія, и права іудеевъ въ это время были менѣе ограничены, чѣмъ теперь.

Незадолго до Рождества Христова іудеи подпали подъ власть римлянъ, и это иго для нихъ было самое ненавистное. Со дня покоренія іудеевъ римлянами, у іудеевъ начались революціонные замыслы свергнуть это иго. Эти замыслы не были только дѣломъ фарисеевъ, а желаніемъ всего народа іудейскаго. Фарисеи побуждали къ этому народъ, они предводительствовали имъ и постепенно подготовили тотъ бунтъ, который случился въ 65 году по Рождествѣ Христовѣ. Ни одинъ ученый еврейской исторіи не отрицаетъ, что фарисеи были главные зачинщики революціоннаго движенія іудейскаго народа во времена Христа, и они же были главные виновники распятія Христа.

Такъ можно ли послѣ этого думать, что Христось былъ революціонеръ?..

Въ религіи іудеи придавали главное значеніе имущественному началу. Власть и обогащеніе—вотъ ихъ мечта, а нравственная сторона религіи имѣла для нихъ второстепенное значеніе. Ихъ больше интересовала будущая слава Израиля. Они мечтали о томъ, что они дадутъ народамъ правду и благоденствіе. Ихъ увлеченіе весьма напоминаетъ ученіе социаль-демократовъ. Особенно эти мечтанія охватили іудеевъ послѣ маккавеевскихъ временъ и настолько, что всякое другое ученіе не могло быть принято безъ сопротивленія. Слѣдовательно, и ученіе Христа не могло не вызвать возбужденія со стороны іудеевъ и ихъ руководителей. Только натуры, нравственно одаренныя, могли ожидать нравственнаго возрожденія въ лицѣ Спасителя, а остальные ждали царя-обогатителя.

Въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, Христось говоритъ, что для вступленія въ духовное царство Божіе необходимо всѣми силами духа воздерживаться отъ грѣховъ, надо настолько измѣнить внутренней міръ человѣка, настолько обновить его, чтобы быть инымъ. Обыкновенно толкуютъ, что Никодимъ не понялъ этихъ словъ Спасителя. Пѣтъ, онъ понялъ, но средства, предлагаемыя Христомъ для вступленія въ царство Мессіи, показались ему настолько трудно исполнимыми, насколько трудно было для человѣка новое рожденіе отъ матери.

Никодимъ находитъ это ученіе труднымъ въ то время, какъ самарянка сейчасъ же увѣровала: „знаю, говорила она, что придетъ Іисусъ Христось и разъяснить все“. Она ожидала, что Мессія есть учитель, разъясняющій нравственныя вопросы. И потому тѣ слои іудейскаго народа, которые почувствовали революціоннымъ идеямъ, не могли воспринять ученіе Іисуса Христа. Ученіемъ Христа проникались тѣ, кои были безкорыстны.

Укажемъ, что послужило причиною ненависти со стороны іудеевъ ко Христу. Обыкновенно фарисеи обвиняли Иисуса Христа за нарушеніе субботы. Они настаивали на томъ, что въ субботу ничего не должно дѣлать. Такое почитаніе субботы было не предразсудокъ и суевѣріе, а выраженіе іудейскаго націонализма. Не чтить субботы, значитъ не быть іудеемъ. Иисусъ Христосъ Своимъ ученіемъ о субботѣ какъ бы ослабляетъ этотъ символъ, отдѣляющій іудеевъ отъ другихъ народовъ, и этимъ вооружаетъ противъ себя фарисеевъ. Такъ, напр., исцѣленіе Иисусомъ Христомъ разслабленнаго въ субботу послужило причиною Его преслѣдованія.

Такимъ образомъ ненависть къ Иисусу Христу за несоблюденіе субботы и была слѣдствіемъ несочувствія революціонному движенію.

Мечтанія о счастьѣ и сверхъестественныхъ дарованіяхъ въ отношеніи питанія и обладанія народами начали было уже осуществляться во время земной жизни Спасителя. Такъ было при насыщеніи пятыю хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ. Впечатлѣніе, произведенное этимъ чудомъ на толпу, было очень сильно; всѣ заговорили, что это Мессія, тотъ Царь, который покоритъ евреямъ всю вселенную, и хотѣли тутъ же объявить Его царемъ израильскимъ, для того, чтобы свергнуть ненавистное иго римлянъ. Толпа была такъ восторженно настроена, что готова была приступить къ осуществленію этого плана. Но Господь, узнавъ, что хотятъ нечаянно взять Его и назвать царемъ, ушелъ на гору помолиться.

Въ слѣдующей бесѣдѣ о хлѣбѣ жизни въ капернаумской синагогѣ, произнесенной послѣ этого чуда, Христосъ ясно высказалъ, что царство Его противоположно ожиданіямъ народа. вмѣсто того, чтобы говорить о земномъ, о внѣшнихъ благахъ жизни, Иисусъ Христосъ сказалъ, что прежде всего надо „вѣровать въ Того, Кого Богъ послалъ“. Господь говорилъ это тѣмъ, которыхъ насытилъ пятыю хлѣбами. Но этого чуда для нихъ было мало. Мессія, по ученію руввиновъ, будетъ постоянно питать евреевъ. Что значитъ, въ сравненіи

съ постояннымъ кормленіемъ всѣхъ евреевъ, чудесное насыщеніе одинъ разъ всего лишь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Такъ разсуждали неблагодарные евреи и просили у Христа знаменія, чтобы они могли повѣрить, что Онъ посланъ Богомъ. Иисусъ Христосъ отвѣтилъ на это бесѣдою о хлѣбѣ небесномъ, который питаетъ душу и готовится къ жизни вѣчной. Эти слова Иисуса Христа показались многимъ странными и жестокими; послѣ этого многіе изъ учениковъ отошли отъ Него. И дѣйствительно, нѣтъ ничего ожесточеннѣе и оскорбительнѣе для убѣжденнаго соціалиста и рьянаго революціонера, какъ говорить съ нимъ о будущей жизни.

Заговоръ первосвященниковъ и фарисеевъ послѣ воскресенія Иисусомъ Христомъ Лазаря никакъ нельзя примирить съ мыслию о томъ, что Христосъ былъ революціонеръ. Вѣсть о воскресеніи Лазаря настолько была признана врагами Христа важною, что они немедленно собрали членовъ синадріона въ чрезвычайное собраніе. „Что намъ дѣлать? разсуждали они. Этотъ Человѣкъ много чудесъ творить. Если оставить Его такъ, тогда всѣ увѣруютъ въ Него... И тогда бѣда: придутъ римскія войска, овладѣютъ Іерусалимомъ, и наступитъ конецъ нашей власти“. Каіафа сказалъ: „Лучше намъ, пусть одинъ человѣкъ умретъ за людей, нежели весь народъ погибнетъ“, и синадріонъ постановилъ убить Его. Смыслъ приговора ясенъ. Книжники отстаивали свою самостоятельность, постоянно возставали противъ владычества римлянъ. Но вотъ, если весь народъ увѣруетъ въ Христа, если всѣ будутъ думать только о спасеніи, то нельзя будетъ осуществить мысль о самостоятельности евреевъ; значить, приговоръ былъ произнесенъ надъ Христомъ, какъ надъ врагомъ революціоннаго движенія.

Въ Евангеліи Іоанна Богослова говорится, что, послѣ торжественнаго входа Господа во Іерусалимъ, эллины пришли къ апостолу Филиппу и сказали, что имъ хочется видѣть Христа. Филиппъ сказалъ Андрею и вмѣстѣ съ Андреемъ передалъ просьбу эллиновъ Иисусу Христу. Христосъ

видѣль въ этой просьбѣ начало Своей славы, а потому сказалъ: „пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому“, указывая этимъ на приближающуюся смерть. Почему желаніе эллиновъ видѣть Христа наводитъ Его на мысль о смерти? Евреи все могли простить Христу, но не могли допустить того, что въ царство Мессіи вмѣсто нихъ войдутъ всѣ народы: греки, римляне, варвары, скиѣы (они боялись, чтобы Христосъ не объявилъ своей вѣры космополитической). Вотъ почему Христосъ въ желаніи эллиновъ видѣть Его полагалъ начало Своей славы на землѣ.

Главное обвиненіе, которое выставили враги Христовы противъ Него, было то, что Онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ. По закону Моисееву, только тотъ достоинъ смерти, кто богохульствуетъ. Такимъ образомъ, врагамъ Христа и нужно было добиться того, чтобы Онъ призналъ Себя Богомъ. Но Иисусъ Христосъ на вопросъ Каиафы, Онъ ли Мессія и Сынъ Божій, отвѣчалъ словами пророка Давида: „отнынѣ узрите Сына Человѣческаго... грядущаго на облакахъ небесныхъ“. Однако, іудеи присудили Его къ смерти, не желая считаться со словами закона, которыми Иисусъ Христосъ отвѣтилъ имъ.

Іудеи просили, чтобы Пилать утвердилъ ихъ приговоръ изъ одного уваженія къ ихъ суду безъ всякаго изслѣдованія дѣла со своей стороны.

Пилать, какъ говоритъ Евангеліе, нашелъ Иисуса Христа невиннымъ въ томъ, въ чемъ Его обвиняли, и объявилъ это приведшимъ къ нему Христа. Пилать зналъ, что зависти ради предали Его, и старался пробудить состраданіе, и этимъ обнаружилъ недовѣріе къ суду іудеевъ. И эта попытка произвела противоположное дѣйствіе. Іудеи озлобились противъ Пилата и злобу перенесли на Христа. Зачѣмъ Онъ, чудотворецъ, далъ Себя на поруганіе, позволилъ довести Себя до полного униженія? Имъ было страшно досадно, что въ лицѣ Иисуса Христа было поругано все завѣтное, дорогое для нихъ, и они обнаружили къ Нему бѣшеную злобу. Эта

злота и дала возможность правителю утвердить смертный приговоръ.

Итакъ, ясно, что Христосъ былъ жертвой революціонныхъ мечтаній іудеевъ.

Современное декадентство и христианство.

(Продолженіе ¹⁾).

Декадентское движеніе во Франціи начало усиливаться въ началѣ 80-хъ годовъ и получило какъ бы общественную санкцію, когда два талантливыхъ поэта Ж. Викэръ и Г. Боклэръ посвятили новой поэтической школѣ остроумнѣйшую пародію подъ заглавіемъ: „Les deliquescences d'adoré Floupette, poéte décadent“. Пародисты очень удачно поддѣлывали нелѣпный стиль новыхъ поэтовъ, стремящихся во что бы то ни стало сказать что-либо новое, чего еще никто доселѣ не говорилъ, а въ предисловіи къ пародіи представленъ былъ кружокъ „декадентовъ“ съ ихъ самообожаніемъ, преклоненіемъ предъ „единственными гениями“ — Bleuscoffton (Верлэнъ) и Arsenal (Маллармэ) ²⁾, съ ихъ теоріей красокъ въ поэзіи и съ эстетическими взглядами въ родѣ того, что современная поэзія есть „une attaque de nerfs sur papier“ ³⁾.

¹⁾ См. № 4-й за 1908 г.

²⁾ Стефанъ Маллармэ полагаетъ основу поэтическаго символизма въ туманной идеѣ непреходящей гармоніи вселенной и постояннаго параллелизма между міромъ идей и міромъ чувственныхъ явленій. По его мнѣнію, всякое отвлеченное представленіе имѣетъ въ мірѣ внѣшнемъ свой символъ, напоминая о которомъ, поэтъ неизмѣнно вызываетъ въ читателѣ желательное ощущеніе. Извѣстенъ его афоризмъ: „идеальный поэтъ тотъ, который ничего не понимаетъ“,—дающій широкій просторъ пониманія декадентскихъ произведеній каждымъ соотвѣтственно индивидуальной настроенности. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ афоризмъ даетъ декадентамъ поводъ къ горделивому выдѣленію себя изъ среды тупой и бессмысленной черни (Гиляровъ. „Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи“, стр 624—627).

³⁾ Зив. Венгеровъ. „Литературныя характеристики“, стр. 195.

Критика ввела новый терминъ „декаденты“, конечно, съ отгнкомъ осужденія, въ смыслѣ дѣйствительнаго „упадка“ (декаданса) продуктовъ этого творчества, его вырожденія. Но сами-то декаденты, находя въ своихъ литературныхъ вкусахъ и стремленіяхъ нѣкоторую аналогію съ настроеніями латинскихъ поэтовъ эпохи „упадка“, хотѣли было съ циническимъ героизмомъ присвоить себѣ это названіе въ лестномъ для себя смыслѣ, въ смыслѣ піонеровъ новаго, чистаго искусства, являющагося „отпаденіемъ“ отъ старыхъ, традиціонныхъ формъ его. Такое натянутое толкованіе слова „декаденты“, разумѣется, не привилось; тогда они въ 1888 году съ негодованіемъ отвергли такую обидную для нихъ кличку, но этимъ, конечно, только еще болѣе закрѣпили за собой данное имъ въ насмѣшку названіе, какъ выражающее, очевидно, самую суть новаго теченія. Впослѣдствіи они стали называть себя „символистами“, указывая этимъ названіемъ на отличительную особенность своихъ поэтическихъ приемовъ¹⁾. Но и это названіе было также случайнымъ и поверхностнымъ, хотя менѣе обиднымъ.

Самымъ выдающимся представителемъ французскаго символизма (также декадентства) въ области поэзіи послѣ Верлена считается бельгійскій драматургъ *Морисъ Метерлинкъ*, произведенія котораго читаются всею Европою.

Этотъ „декадентскій Шекспиръ“ является корифеемъ того мистическаго теченія въ декадентствѣ, которое (теченіе) средство общенія нашего міра съ инымъ, высшимъ усматриваетъ не въ пользованіи естественными познавательными способностями, а въ непосредственномъ видѣніи души, въ ясновидѣніи, въ *интуиціи*. Метерлинкъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія, какъ противоположную раціонализму. По нему, разумъ, служащій для раціоналистовъ высшимъ руководителемъ жизни, долженъ подчиняться мудрости, состоящей изъ

¹⁾ Зив. Венгеровъ. „Поэты символисты во Франціи“. „Вѣстникъ Европы“ 1892 г., кн. 3, стр. 117.

неясныхъ идей. Все лучшее въ духовной жизни дается безсознательнымъ: сознательное имѣеть цѣну лишь, поскольку оно открываетъ и расширяетъ безсознательное. Безсознательная психическая жизнь несравненно выше сознательной. „Если,—говорить онъ,—положить на одну чашку вѣсовъ все, что было сказано великими мудрецами, а на другую безсознательную мудрость проходящаго мимо ребенка, то окажется, что все, что сказали намъ Платонъ, Маркъ Аврелій, Шопенгауэръ и Паскаль, даже на одну линію не перевѣситъ безсознательнаго“ („Le Tresor des humbles“). Отрекшись отъ рационализма, Метерлинкъ погрузился въ свои внутреннія настроенія и старался найти тамъ выходъ изъ заколдованнаго круга логическихъ противорѣчій. Его произведенія открываютъ читателю цѣлый міръ неясныхъ и неуловимыхъ реальностей,—реальностей, которыя каждый изъ насъ многократно переживалъ, но не умѣлъ только наблюдать и еще болѣе выразить. Ему присущъ реальный мистицизмъ, основанный на широкомъ воспріятіи дѣйствительности, для постиженія котораго „не нужно, говоритъ онъ, ни гашиша, ни опіума, ни алкоголя, достаточно только немного вдумчивости и самоуглубленія“ („La Sagesse et la Destinée“). Такимъ образомъ у Метерлинка намѣчается методъ сверхлогическаго познанія, открывающій за міромъ видимыхъ явленій міръ видимыхъ сущностей¹⁾.

Изъ такихъ философскихъ положеній Метерлинка вытекаютъ и соотвѣтствующія эстетическія требованія. Истинные поэты, по нему, тѣ, „творенія которыхъ граничатъ съ молчаніемъ“. Въ своихъ драмахъ онъ старается осуществить идею „статическаго театра“, т. е. драмы безъ дѣйствія (которое замѣняется здѣсь длительнымъ раскрытіемъ психологическаго момента), въ которой бы трактовались не „поверхностныя страсти“, а безконечная безсознательная психиче-

¹⁾ И. Гофштеттеръ. „Поэзія вырожденія“. „Вѣстн. Иностран. Литерат.“ 1902 г., авг., стр. 17 и дал.

ская область ¹⁾). Специальная область Метерлинка—полутѣлесные, неопредѣленные образы, живущіе призрачною жизнью. Любимой стихіей, въ которой движутся все эти призраки и при томъ не своею волей, но внѣшною силой, являются у него разные страшныя предзнаменованія: вой и стоны вѣтра, крикъ ночныхъ птицъ, таинственный шорохъ ночи и т. д. Сюда присоединяются и внутренніе, тревожащіе человѣка голоса—темныя предчувствія, страхъ неизвѣстнаго, укоры совѣсти. Любовь къ ужасному, заставляющему леденѣть кровь читателя или зрителя, роднитъ Метерлинка съ американскимъ талантливимъ, но больнымъ поэтомъ—*Эдгаромъ По* или *Поэ*, типичнымъ декадентомъ не только въ мысли, но и въ самой жизни ²⁾). И не смотря на то, что въ

¹⁾ Н. Баженовъ. „Психіатрическія бесѣды на литерат. и обществ. темы“, стр. 56.

²⁾ Въ произведеніяхъ Эдг. По, подъ влияніемъ котораго находился и самъ отецъ французскаго декадентства—Бодлэръ, можно видѣть важнѣйшіе элементы декадентской поэзіи. Основной характеръ творчества поэта По—стихійность и своеобразность настроеній. Герои его рассказовъ одержимы маніями, преслѣдуются галлюцинаціями, дѣйствуютъ подъ влияніемъ нервоза, ужаса, ненависти, скорби или слеза, истеріи и опиума. Бѣдныя жертвы выходятъ униженными, съ разбитыми нервами, изъ какихъ-то сверхчеловѣческихъ потрясеній. Вторая главная черта таланта По—это виртуозность. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на читателя, онъ играетъ на вервахъ, какъ виртуозъ, рассчитывая эффекты и не ошибаясь въ нихъ. Лучшіе рассказы его относятся къ области поэзіи мрачныхъ настроеній, порождающей ужасъ въ душѣ читателя. Таковъ рассказъ: „Лигей“, гдѣ изображается оживленіе разлагающагося трупа прекрасной женщины; такова „Вероника“—рассказъ о безумномъ поступкѣ влюбленнаго съ трупомъ умершей жены. Въ этомъ же родѣ и знаменитая поэма „Воронъ“—самое яркое произведеніе декадентства, передающее настроенія посредствомъ сочетанія красокъ, запаховъ и звуковъ. Тема поэмы—противопоставленіе красоты и смерти—является основнымъ мотивомъ всего творчества По. Воронъ—символь печали, —влетающій ночью, въ снѣжную ягтель, въ освѣщенную лампадой комнату обезумѣвшаго отъ потери любимой женщины, садится на бюстъ Паллады и его тѣнь ложится на все, ложится на самаго поэта и леденитъ его сердце при мысли, что онъ *никогда* („nevermore“) не увидитъ болѣе своей милой (см. „Самообразование“ 1901 г., № 4, стр. 117).

символическихъ драмахъ Метерлинка дѣйствуютъ не живые люди, а призраки, онѣ производятъ сильное впечатлѣніе на публику. Фантастическія страданія призраковъ его драмъ отражаютъ то, что чувствуютъ живые зрители, и отражаютъ гораздо полнѣе и глубже, чѣмъ тысячи героевъ реальныхъ драмъ, построенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства. Въ прирастѣ Метерлинка къ мученичеству призрачныхъ героевъ, къ жестокимъ развязкамъ и положеніямъ ихъ нельзя не видѣть признаковъ декадентскаго садизма. Наиболѣе полнымъ воплощеніемъ эстетическихъ воззрѣній Метерлинка служить лучшая изъ его драмъ—„Interieur“. Сила этой драматической пьесы—не въ томъ, что она даетъ непосредственно, но въ томъ, на что она намекаетъ¹⁾.

На ряду съ серьезными представителями декадентскаго символизма въ французской поэзіи были поэты, которые своимъ фокусничаньемъ въ области непонятныхъ звуковъ лишь компрометировали школу Верлена и Метерлинка и давали обильную пищу для насмѣшекъ надъ новымъ направленіемъ. *Ренэ Гиль*, редакторъ журнала „*Ecrits pour l'Art*“, отстаивающаго принципы декаданса, основалъ новую школу „инструменталистовъ“, какъ вѣтвь символизма. Онъ соединяетъ даже въ „*Traité du verbe*“ ощущенія цвѣта со звуками и видитъ въ такомъ соединеніи не только символъ, но прямо орудіе, *инструментъ* для выраженія разныхъ состояній души. По его дикой „теоріи красокъ“, каждый изъ цвѣтовъ радуги и каждая изъ красокъ соотвѣтствуетъ какому-нибудь музыкальному инструменту въ оркестрѣ: звуки арфы—бѣлые, скрипокъ—синіе, духовыхъ трубъ—красные, флейтъ—желтые, органа—черные и т. п.

Изъ поэтовъ, примкнувшихъ къ кружку послѣдователей Верлена, наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе *Артуръ Рембо*, который своимъ общеизвѣстнымъ сонетомъ „*Les Voyelles*“ сдѣлалъ все для того, чтобы скомпрометировать новую

¹⁾ См. о Метерлинкѣ А. Суворина. „Тайны драмы“ 1895 г., стр. 1—14.

поэтическую школу Верлена. Здѣсь у него каждый изъ гласныхъ звуковъ является окрашеннымъ въ какой-нибудь цвѣтъ: *a*—черный, *e*—бѣлый, *i*—красный, *y*—зеленый, *o*—голубой. Это, по его мнѣнію, какая-то глубокомысленная символика, но она сводится, съ научной точки зрѣнія, къ галлюцинаціонной ассоціаціи ощущеній слуха и цвѣта, встрѣчаемой у нѣкоторыхъ индивидуумовъ съ разстроенными нервами¹⁾. Кромѣ того, Рембо изъ всѣхъ французскихъ декадентовъ—истинныхъ специалистовъ утонченной порнографіи—сумѣлъ выдѣлиться чудовищною безнравственностію и крайнимъ цинизмомъ своихъ сюжетовъ, въ чемъ могъ конкурировать съ нимъ развѣ только Маллармэ, да *Moris Barré*, по словамъ котораго, истинный декадентъ будущаго „святыхъ“ людей будетъ любить менѣе, нежели собакъ, такъ какъ эти люди намъ лишь надѣдаютъ, отъ собакъ же мы можемъ многому научиться, напр., энергіи ихъ при удовлетвореніи своимъ

¹⁾ Такая психологическая аномалія, служащая однимъ изъ любимыхъ коньковъ декадентской поэзіи, дѣйствительно существуетъ. Уже Бодлэръ въ своемъ извѣстномъ сонетѣ—„*Correspondances*“, какъ мы знаемъ, воспріимаетъ сочетаніе и сліяніе воедино запаховъ, звуковъ и красокъ. Этотъ „ароматъ зеленый или звучный“ вовсе не простая поэтическая вольность у него. Напротивъ, весьма вѣроятно, что ему въ самомъ дѣлѣ запахи или звуки являлись окрашенными, а цвѣта—звучными. Но поэты-символисты ошибаются, когда утверждаютъ, что „окрашенное слышаніе“ (*audition colorée*) есть признакъ прогрессивной эволюціи нашихъ органовъ чувствъ (слова Жана Мореаса); это скорѣе признакъ психической неустойчивости и дегенерации. Поэтъ *Th. Gautier*, котораго символисты считаютъ въ числѣ своихъ предшественниковъ, наблюдалъ на себѣ самомъ всѣ эти явленія „вслѣдъ за отравленіемъ гашишемъ“ и описалъ ихъ въ „*La Presse*“ отъ 10 іюля 1843 г.: „Слухъ мой,—говоритъ онъ,—изошрился въ чрезвычайной степени; я слышалъ звукъ цвѣтовъ. До меня совершенно явственными волнами доносились звуки зеленые, красные, синіе, желтые“. Нѣмецкій ученый *Goethe* писалъ объ „окрашенномъ слышаніи“ въ своей „*Geschichte Farbenlehre*“, ссылаясь при томъ на наблюденія, опубликованныя *Hoffmann*'омъ цѣлымъ столѣтіемъ прежде, чѣмъ поэты-символисты стали носиться съ этимъ своеобразнымъ феноменомъ. (И. Баженовъ. „Психіатрическія бесѣды“, стр. 62—64).

половымъ влеченіямъ ¹⁾). Вотъ образецъ современнаго декадентскаго цинизма, по сравненію съ которымъ древніе циники, въ родѣ Діогена Синопскаго, были невинными шутниками. Не напрасно вывели названіе циниковъ отъ собакъ (κύνων = собака, κύνας = собачій, безстыдный).

За указанными нами поэтами-символистами слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей съ большими или меньшими правами на извѣстность, какъ *Густавъ Канъ*, *Жоржъ Роденъ Блахъ*, *Анри Ренье* и др. Каждый изъ нихъ пытается внести въ общее декадентское движеніе свое нѣчто оригинальное, но большею частію не даетъ ничего цѣльнаго, выработаннаго.

Изъ новѣйшихъ представителей символизма обращаетъ на себя вниманіе *Морисъ Роллинъ*, въ „*Les Nevroses*“ котораго слишкомъ явственно слышны отголоски бодлэровской болѣзненной любви къ зрѣлищамъ смерти и разложенія.

Особое мѣсто среди новѣйшихъ символистовъ занимаетъ *Жанъ Мореасъ*, „глава“, какъ онъ самъ себя величаетъ, эволютивно-инструментальной школы. Страдавшій маніей величія, онъ о „прогрессивныхъ эволюціяхъ“ въ своемъ пониманіи поэзіи объявлялъ „манифестами“. Онъ первый выступилъ съ протестомъ противъ данной новымъ поэтамъ клички „декаденты“ и въ 1886 году издалъ литературный манифестъ символизма, въ которомъ доказываетъ преимущество символовъ съ ихъ недосказанностію и неопредѣленностію надъ слишкомъ ясными и потому ограниченными сравненіями прежнихъ поэтовъ.

Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Г. Струве. „Современная анархія духа“. „Вѣра и Разумъ“ 1900 г., № 4, стр. 157.

Евангельское учение о разводѣ:

Возможенъ ли разводъ? Оправдывается ли онъ словомъ евангельскимъ? Возможенъ ли новый бракъ для разведенныхъ супруговъ? Вотъ, можно сказать, вѣчно старыя и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новыя вопросы науки и жизни. Надъ разрѣшеніемъ ихъ издревле трудилась мысль человѣческая; ими не перестаетъ она жить и доселѣ. Много было писано на эту тему выдающимися авторитетами богословствующей мысли; изъ устъ самыхъ разнообразныхъ лицъ ученаго міра слышались тѣ или иные отвѣты на эти вѣковыя проблемы. Не менѣе того пишется по даннымъ вопросамъ и въ послѣднее время. Особенно же жгучимъ сталъ вопросъ о бракѣ послѣ изданія у насъ извѣстнаго закона о бракѣ 28-го мая 1904 года. Однако и теперь далеко нельзя утверждать, чтобы здѣсь произнесено было послѣднее и рѣшительное слово. Уже отмѣченный фактъ довольно ясно свидѣлствуетъ, насколько важенъ и труденъ вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію. „Вопросъ о бракѣ,—справедливо отмѣчаетъ г. Розановъ,—столь же мучителенъ, какъ и труденъ, столь же скользокъ и грозитъ бездной, какъ и открываетъ просвѣтъ въ небесныя видѣнія, къ небеснымъ связямъ“¹⁾. Тѣмъ не менѣе скажемъ и мы сильное слово. Не претендуя на какую-либо новизну и оригинальность, постараемся отвѣтить такъ, какъ того требуетъ отъ насъ въ данномъ случаѣ истина Христова.

„*Еже (убо) Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*“ (Мѡ. 19, 6; Мрк. 10, 9),—говоритъ Христосъ Спаситель. По существу своему христіанскій бракъ есть полное и самое тѣсное жизненное общеніе двухъ личностей различнаго пола. Это, можно сказать, интимнѣйшій духовно-тѣлесный союзъ, въ которомъ одна человѣческая личность отдается другой вполнѣ и всецѣло, гдѣ члены брачной пары исклю-

¹⁾ „Въ мірѣ неяснаго и негрѣшнаго“, 121 стр.

чительно принадлежать только другъ другу. Въ новозавѣтномъ ученіи бракъ и изображается именно какъ полное и безраздѣльное личное жизнеобщеніе двухъ половъ. Здѣсь, по словамъ апостола Павла, „ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, о Господь“ (1 Кор. 11, 11). „Жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена“ (1 Кор. 7, 4). Тѣснѣ нельзя и выразить неразрывность брачнаго союза. Вообще, насколько возвышенно и духовно-идеально новозавѣтное ученіе понимаетъ брачное отношеніе, самымъ опредѣленнымъ образомъ открывается изъ того, что, по изображенію того же апостола, это отношеніе должно представлять собою образъ того священнаго, глубокаго и крѣпкаго духовнаго соединенія, какое существуетъ между Церковію и ея небеснымъ Главою—Христомъ (Ефес. 5, 31—32). Болѣе внутреннимъ образомъ нельзя понимать отношенія между супругами, чѣмъ какъ понимаетъ это отношеніе апостоль Павелъ, когда употребляетъ для него такое сопоставленіе. „Бракъ не просто совмѣстное житіе, пишетъ проф. Глубоковскій: но—прежде и болѣе всего—христіанскій долгъ воспроизводить въ немъ тѣ отношенія, какія существуютъ между Господомъ и Его Церковію. По крайней мѣрѣ намъ думается, что это именно и выражается въ классическомъ мѣстѣ Еф. 5, 32, гдѣ рѣчь далеко не о простомъ сравненіи“¹⁾). Если такъ, если брачный союзъ въ глубочайшей основѣ своей долженъ представлять изъ себя какъ бы Церковь въ маломъ видѣ, то естественно, что нравственная сторона брачныхъ узъ выступаетъ здѣсь на первое мѣсто. И дѣйствительно, въ этомъ возвышенномъ союзѣ и обычное натуральное влеченіе возведено въ разумно-нравственное стремленіе, поскольку цѣлью послѣдняго является приготовленіе на землѣ новыхъ членовъ Божьяго Царства. Покоясь на живѣйшей и чистѣйшей любви, супружескій со-

¹⁾ „Разводъ по прелюбодѣянью и его послѣдствія по ученію Христа Спасителя“. „Христ. Чтен.“ 1895 г. Ч. I, 25 стр.

юзъ неоспоримо является высокимъ нравственнымъ отноше-
 ніемъ, содѣйствующимъ гармоническому раскрытію духовныхъ
 силъ и способностей брачной четы. Каждый изъ супруговъ
 видитъ въ своей половинѣ нѣчто нравственно ему недоста-
 ющее, нѣчто для себя идеальное. Какъ бы прорастая кор-
 нями своего сердца другъ къ другу, супруги питаются нуж-
 ными для ихъ роста влияніями. Такъ они психологически
 дополняютъ другъ друга. Взаимопомощь въ дѣлѣ всесторон-
 няго совершенствованія двухъ различнаго пола индивиду-
 умовъ—вотъ первая цѣль брака и по слову Божию (Быт. 2,
 18). Служа такой высокой цѣли, бракъ естественно долженъ
 образовать изъ двухъ супружескихъ лицъ какъ бы одну не-
 раздѣльную личность, или, по библейскому выраженію, „плоть
 едину“ (Быт. 2, 24; ср. Мѡ. 19, 5; Мрк. 10, 8). Дѣлая
 мужа и жену „одною плотію“ (*μία σάρξ*, una caro), супруже-
 скій союзъ долженъ быть неразрывнѣе естественнаго союза
 между родителями и ихъ дѣтьми, и долженъ продолжаться
 на всю жизнь. Изъ этихъ именно основаній утверждаетъ не-
 расторжимость брака и Самъ Иисусъ Христосъ въ выше при-
 веденныхъ нами словахъ (Мѡ. 19, 6; Мрк. 10, 9). Самъ
 Онъ ясно выразилъ ненормальность расторженія брака, когда
 сказалъ, что Моисей только „по жестокосердію“ евреевъ до-
 пустилъ разводъ, „изначала же не было такъ“ (Мѡ. 19, 8).

Итакъ, съ идеальной точки зрѣнія правды Божіей бракъ,—
 какъ бракъ, или то, что таинственно сочеталъ Богъ,—нерас-
 торжимъ. Однако, не смотря на столь строго выраженное тре-
 бованіе нерасторжимости брака, послѣднее не нужно прини-
 мать въ абсолютномъ значеніи. Прежде всего, сомнѣнія нѣтъ,
 что бракъ имѣетъ назначеніе только при земной жизни че-
 ловѣка: въ жизни загробной уже „ни женятся, ни посяга-
 ютъ“ (Мѡ 22, 30); поэтому бракъ естественнымъ образомъ
 разрывается чрезъ смерть того или другого супруга, такъ
 что по смерти одного супруга оставшійся другой дѣлается
 уже свободнымъ отъ брачныхъ узъ (Римл. 7, 2—3; 1 Кор.
 7, 39). Но и помимо того есть одна бракорасторгающая при-

чина—это прелюбодѣяніе котораго-нибудь изъ супруговъ. Христось, давши нравственный принципъ относительно брачнаго состоянія, вмѣстѣ съ этимъ непосредственно поставилъ и возможное ограниченіе этого принципа; указавши на полную нерасторжимость брака (Мѡ. 19, 6; Мрк. 10, 9), ограничилъ это требованіе дозволеніемъ развода въ случаѣ прелюбодѣянія (Мѡ. 5, 32; 19, 9)¹⁾. Грѣхъ прелюбодѣянія, эта поистинѣ смерть духовная, какъ ниже увидимъ, безъ сомнѣнія, подрываетъ самое основаніе супружества и нарушаетъ святость брачнаго союза, такъ что чрезъ него бракъ самъ собою разрывается. Закончимъ это разсужденіе слѣдующимъ замѣчаніемъ свящ. А. Васильева. „Что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ (Мѡ. 19, 6; Мрк. 10, 9). Текстъ и смыслъ его вполне ясны. Человекъ не долженъ разлучать того, что Богъ сочеталъ. Но никто не станетъ оспаривать и того положенія, что Самъ же Богъ можетъ и разлучить то, что Онъ сочеталъ. А Онъ именно и разлучаетъ, утверждаетъ разводъ и расторженіе брака по винѣ прелюбодѣянія (Мѡ. 5, 31—32; 19, 9)“²⁾.

Такъ какъ фундаментомъ разбираемаго нами вопроса служатъ извѣстные слова Евангелія, то на нихъ мы и должны теперь сосредоточить наше вниманіе. Установить по возможности точно евангельскій текстъ о разводѣ необходимо, чтобы имѣть исходный, опорный пунктъ для дальнѣйшихъ разсужденій о бракорасторженіи.

Вопросъ о разводѣ разсматривается въ трехъ синоптическихъ Евангеліяхъ: у Матѡея (5, 31—32; 19, 3—12), Марка (10, 2—12) и у Луки (16, 18) и у апостола Павла (1 Кор. 7, 10—11). По собственно единственнымъ мѣстамъ, гдѣ допускается расторженіе брака по прелюбодѣянію, явля-

¹⁾ Эту заповѣдь о разводѣ Христось далъ, очевидно, „имѣя въ виду уже дѣйствительное, грѣховное состояніе человеческой жизни“ (Wuttker: Handb. christl. Sittenlehre 2 B. s. 561).

²⁾ „Новое Время“, 1904 г. № 10303-й. „Мой отвѣтъ А. Кирѣеву“.

ются два стиха изъ повѣствованія евангелиста Матвея (5, 32; 19, 9). Вотъ почему къ текстуальному анализу этихъ послѣднихъ мы и должны обратиться. „*Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущенну поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Мв. 5, 32). Но непосредственной мысли ученія Христа Спасителя, расторженіе брака, кромѣ случая прелюбодѣянія, представляется поводомъ къ совершенію прелюбодѣянія, а вступленіе послѣ развода въ брачное сожителство есть дѣйствительное прелюбодѣяніе. Говоря иначе, „если жена не погрѣшила супружеской вѣрности, т. е. не отдалась постороннему человѣку всецѣло, то разводъ съ нею, устроенный по какимъ-либо инымъ причинамъ, не лежащимъ въ самомъ существѣ брачной жизни, можетъ подавать ей поводъ прелюбодѣйствовать, какъ не удовлетворяемой мужемъ, съ коимъ она сама не искала разрыва и не разрывала супружеской связи. Не подаетъ повода женѣ своей къ прелюбодѣянію только тотъ мужъ, который расторгаетъ брачный союзъ свой на томъ основаніи, что жена уже раньше нарушила его, отдавшись всецѣло постороннему лицу, и такимъ образомъ сама по себѣ оказалась склонною къ прелюбодѣянію. Этотъ только мужъ не несетъ и отвѣтственности за дальнѣйшую судьбу и дальнѣйшее поведеніе жены, съ коею развелся. Вотъ въ чемъ состоитъ, по нашему мнѣнію, смыслъ и логика сказаннаго Иисусомъ Христомъ о разводѣ“¹⁾. Общій отрицательный для развода тонъ разбираемаго изреченія допускаетъ и одну оговорку въ качествѣ исключенія изъ категорическаго правила; „развѣ словесе любодѣйнаго“— „*παρὰ τὸς λόγῳ πορνείας*“. Такимъ образомъ, слова Спасителя, по ясности и опредѣленности своей, повидимому, не должны бы давать повода къ иному ихъ толкованію; не то, какъ дальне увидимъ, оказывается въ дѣйствительности.—Съ логическою

¹⁾ „Основныя „религіозныя“ начала графа Л. Толстого“, стр. 154. А. Гусевъ.

стороною въ рѣчи Господа виолнѣ гармонируетъ и сторона грамматическая. Такъ, въ грамматическомъ отношеніи, слова „отпущаяй жену свою“—это придаточное опредѣлительное предложеніе, а слова „всякъ творить ю прелюбодѣйствовати“—главное предложеніе. Между же опредѣлительнымъ и главнымъ предложеніемъ стоитъ сокращенное придаточное обстоятельствоное предложеніе „развѣ словесе любодѣйнаго“—*παρεκτός λόγου πορνείας*—къ филологическому разбору котораго мы теперь и обратимся. „*Παρεκτός*“ (русск. „кромѣ“, слав. „развѣ“, лат. nisi, франц. excepté), равносильное по значенію *χωρίς*, въ Св. Писаніи употребляется какъ предлогъ и какъ нарѣчіе (рѣдко); здѣсь, какъ и въ Дѣян. 26, 29, употреблено въ качествѣ предлога и будетъ соответствовать русскому „кромѣ“, „виѣ“, „исключая“, „не за“. Вообще по смыслу своему „*παρεκτός*“ отмѣчаетъ нѣчто „изымаемое“ (*παρεκτός*=*παρά* и *ἔχω*) и не подлежащее нормальному опредѣленію, указываетъ на исключеніе изъ общаго порядка. По крайней мѣрѣ такъ оно понимается всѣми лексикографами Schleusner, Bretschneider, Grimm, Taayer, Stellorn, Green, Kuhne. См. Глубоковскій, цит. соч. 6 стран.)¹⁾ „*Λόγος*“ (русск. „вина“, сверхъ прочаго, означаетъ „причину“, „условіе“ и т. под. („*λόγος*—причина, дѣло, обстоятельство, какъ толкуютъ его Delitsch, Schegg, Wünsche и др.“)²⁾, но отнюдь не виновность и не преступность, какъ трактуетъ въ своихъ цѣляхъ г. Толстой (о немъ рѣчь будетъ ниже). Мы го-

¹⁾ Своеобразно изъясняетъ „*παρεκτός*“ D-г Dreher, переводя его „минуи“, „не касаясь“, но г. Глубоковскій справедливо считаетъ это „филологической нелѣпостью“ (цит. сочин. 20 стр.). „Къ великому удивленію нашему,—пишетъ нѣсколько ниже тотъ же профессоръ,—такое значеніе за „*παρεκτός*“ удерживаетъ г. А. А. Завьяловъ, хотя пользуется имъ иначе,—впрочемъ, не менѣе случайно и превратно (Стран. 1891 г., II, 512 стр.)“. Цит. соч. 20 стр.

²⁾ См. Commentar über Evangelium des heiligen Matthäus von D-г Paul Schanz. 1879, s. 191.

воримъ, напиримъ, „винословный“ періодъ, т. е. „причинный“ періодъ; но никто не скажетъ „преступный“ періодъ, такъ какъ это граничитъ съ нелѣпностію. „Πορνεία“ (лат. fornicatio; нѣм. Ehebruch; фр. fornication; евр. zenut) означаетъ не только блудодѣяніе, но и прелюбодѣяніе; развратъ въ бракѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ толкуетъ этотъ терминъ и Schanz, когда по поводу 5, 32 и 19, 9 Ев. Матѳея пишетъ, что „можно *πορνεία*, по всей связи (рѣчи), понимать только какъ развратъ въ бракѣ, какъ прелюбодѣяніе“ (цит. соч. st. 193). По ученію св. отцовъ *πορνεία* (fornicatio) есть преступленіе одного изъ супруговъ послѣ заключенія брачнаго союза и состоитъ въ его оскорбленіи или оскверненіи (scortatio) плотскою связію съ другими лицами (св. I. Злат. Евф. Зигаб.)¹⁾.—Послѣ такого филологическаго раз-

¹⁾ Что касается слова „*πορνεία*“, то оно, въ силу своей многозначности въ разбираемомъ нами вопросѣ, заслуживаетъ того, чтобы по-дробнѣе остановиться на немъ, по крайней мѣрѣ указать тѣ толкованія и объясненія, какія даютъ этому понятію видные авторитеты—богословы. „Далеко не безынтересно,—пишетъ проф. Глубоковскій,—что Христось употребляетъ *πορνεία*, хотя фактически рѣчь идетъ о *μοιχεία*. Трудно угадать спеціальныи мотивъ этой расчитанной особенности“... „По несомнѣннѣ для всѣхъ общій отгѣнокъ *πορνεία* въ обозначеніи безпорядочнаго плотскаго сношенія лицъ вѣнбрачныхъ или поинаправидныхъ и отвѣргающихъ брачныи связи, если онѣ имѣются“ (цит. соч. 4 стр.). Намекъ на рѣшеніе этой „трудности“ находимъ у Keil'a, который пишетъ: „невѣрность жены по отношенію къ мужу въ супружествѣ Христось называетъ *πορνεία*, чтобы обозначить грѣхъ по его безиравствениому характеру“. (Commentar über das Evangelium des Matthäus. Friedrich Keil. Leipzig 1877 г. et 165). Нѣсколько ниже у того же проф. Глубоковскаго находимъ разграниченіе *πορνεία* отъ *μοιχεία*. „По сравненію съ общимъ видомъ плотскаго грѣха въ *πορνεία*,—*μοιχεία* будетъ спеціальнымъ его обнаруженіемъ въ собственно прелюбодѣяніи, въ нарушеніи супружеской чистоты, а не просто во вѣнбрачномъ половомъ оскверненіи“ (цит. соч. 15 стр.). Точнѣе подъ *πορνεία* въ разбираемомъ нами текстѣ проф. разумѣетъ „супружескую невѣрность жены къ мужу въ плотскомъ общеніи ея съ другими“ (цит. соч. 16 стр.). А для развода считаетъ необходимымъ, „закоснѣлое уиорство любодѣйствующаго, закоренѣлость его въ пороки и нежеланіе возвратитъ себѣ расположеніе поруганнаго“ (цит. соч. 22 стр.).

бора, можно такъ передать разбираемые слова Спасителя: „кто разводится съ женою своею, „кромя причины прелюбодѣянiя“, или „за исключенiемъ вины прелюбодѣянiя“, или „не

„Сущность дѣла не въ формальномъ актѣ,—пишетъ г. Заозерскiй,—а въ неподдающемся мѣрамъ исправленiя, терпѣнiя, снисхожденiя, прощенiя, просьбъ и убѣжденiй порочномъ душевномъ настроенiи виновнаго супруга и въ такомъ же твердомъ и упорномъ отказѣ примириться съ расканвающимся виновнымъ со стороны невиннаго супруга. Вотъ тотъ фактъ, который, будучи основательно доказанъ, влечетъ за собой неизбѣжный разводъ („О бракоразводномъ процесѣ“. Прав. Обзор. 1882 г. № 3, 543 стр.). Подробное и обстоятельное разъясненiе въ данномъ пунктѣ находимъ у проф. Муретова. „Примѣчательнѣе,—пишетъ онъ,—терминъ *πορνεiα*—распутство, развратъ, блудовство, какъ уже вкоренявшiйся порокъ, расторгающiй сочетанiе Божiе и дѣлающiй невозможнымъ продолженiе брачныхъ узъ, особенно при наличности дѣтей; а не *μοιχεiα*—прелюбодѣянiе или нарушенiе супружеской вѣрности, только какъ такое, еще не перешедшее въ распутство. Если вмѣсто естественно ожидаемаго по отношенiю къ супругѣ *μοιχεiα* въ обоихъ случаяхъ у ев. Матѳея (т. е. 5, 32; 19, 9) уподоблено именно *πορνεiα*, то этимъ дается понятiе, что разрывъ Божественнаго сочетанiя бываеетъ не при *μοιχεiα* только, но именно тогда, когда это *μοιχεiα* перейдетъ въ *πορνεiα*. Къ такой мысли естественно приходитъ особенно въ виду того, что въ дальнѣйшемъ употребленъ *μοιχiα*, когда бываеетъ законное сожитiе, а отнюдь не распутство, разведенныхъ супруговъ—одного или обоихъ“. („Евангелiе по Матѳею“. Богословскiй вѣстн. 1899 г., ч. I, 539 стр. примѣч.). Г. Айвазовъ, разсматривая евангелiйскiй текстъ о разводѣ, между прочимъ, о *πορνεiα* пишетъ: „здѣсь имѣется въ виду не прелюбодѣянiе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—когда подъ прелюбодѣянiемъ разумѣется и всякое внутреннее прелюбодѣйное движенiе мысли или сердца,—а перешедшее въ видимое распутство прелюбодѣянiе“. Последнее „въ Св. Писанiи именуется „*πορνεiα*“ (1 Кор. 5, 1—9; Гал. 5, 19)“. „Этого рода блудъ („*πορνεiα*“) разумѣется и въ разбираемой нами вставкѣ у ев. Матѳея, гдѣ, такимъ образомъ, Христосъ велъ рѣчь о нарушенiи женою вѣрности своему мужу путемъ сожитiя съ другими“ (Миссион. Обзор. 1904 г., № 18-й. „По поводу закона 28-го мая о бракѣ“; стр. 1138 примѣч.). Оригинально, но не менѣе и странно г. Розановъ подъ „прелюбодѣянiемъ“ въ данномъ случаѣ разумѣетъ „искусственный способъ полового раздраженiя, практикуемый лицами, страдающими въ анатомiи половыхъ органовъ“. Съ такими блудниками или блудницами, по его мнѣнiю, Христосъ и повелѣлъ разводиться. Но совершенно справедливо г. Айвазовъ эту розановскую оригинальность называетъ „прямо таки чудачествомъ“ (цит.

за прелюбодѣяніе“ (съ франц. *si ce n'est pour cause d'adultère*),—тотъ подаютъ ей поводъ прелюбодѣйствовать“ (МѠ. 5, 32).

Serapionъ Чернышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свящ. о. Владиміръ Данкевичъ.

(† 11-го января 1907 года).

11-го января текущаго года исполнилась первая годовщина преждевременной смерти (отъ разрыва сердца) одного изъ ревностныхъ сотрудниковъ нашего журнала по проповѣдническому отдѣлу, священника соборной церкви г. Бердичева Кіевской губ.—о. Владиміра Данкевича.

О. Владиміръ Данкевичъ, сынъ священника, родился въ 1859 г. Среднее образованіе получилъ онъ въ Кіевской дух. семинаріи, по окончаніи курса которой (въ 1877 г.) поступилъ на должность учителя церковно-приходской школы въ с. Кожуховку Кіевского уѣзда. Съ 1878 г. начинается пастырское служеніе о. Данкевича—сперва въ разныхъ сельскихъ приходахъ Кіевской епархіи (с. Креничи и Круглинка

соч. 1139 стр.). Не менѣе странно и ученый Dollinger трактуетъ *porveia*, какъ проступокъ мужа, *porveia*—какъ проступокъ жены (Christentum und Kirche in der Zeit Grundlegung. Regesb. 1868. 462). Среди нѣмецкихъ богослововъ слово „*porveia*“ трактуется на всевозможные лады. По мнѣнію однихъ, оно есть прелюбодѣяніе предъ бракомъ (Gratz, Paul); у другихъ оно обращается во „всякій способъ утраты цѣломудрія“ (omnis modus imminutae pudicitiae Grot); наконецъ третьи расширяютъ это понятіе до духовнаго прелюбодѣянія—служенія идоламъ (Schegg). Но всѣ эти толкованія разбиваются о контекстъ рѣчи, который указываетъ на „брачную невѣрность жены по отношенію къ мужу въ супружествѣ“ (Keil, Schanz).—Послѣ перечисленія всѣхъ этихъ мнѣній, мы остаемся, однако, при томъ неоспоримомъ фактѣ, что *porveia*—прелюбодѣяніе, развратъ, въ корнѣ разрушающій данный бракъ.

Кіевскаго у. и с. Дѣдовщина Сквирскаго у.), затѣмъ (съ 1891 до 1903 г.) въ г. Кіевѣ (въ Пріорской Покровской церкви и, наконецъ, (съ 1903 г.) въ г. Бердичевѣ (при соборной церкви). За время своего пастырскаго служенія о. Владиміръ, по назначенію епархіальнаго начальства, исполнялъ послѣдовательно должности: духовнаго слѣдователя, уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, уѣзднаго миссіонера и законоучителя городскихъ училищъ. За усердное прохожденіе пастырскаго служенія и ревностное исполненіе обязанностей, соединенныхъ съ указанными должностями, о. Владиміръ не разъ удостоивался наградъ, даруемыхъ священнослужителямъ отъ епархіальнаго начальства.

Въ пастырскомъ служеніи о. Владиміра особенно ярко выдѣляется его *церковно-проповѣдническая дѣятельность*. Онъ былъ ревностнымъ, можно сказать, неутомимымъ проповѣдникомъ Слова Божія съ церковной кафедрой, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ многочисленныя проповѣдническіе труды его, которыми онъ дѣлится съ Редакціей нашего журнала, и которые являлись въ печати на страницахъ почти каждой проповѣднической книжки—приложенія къ журналу на протяженіи полутора десятка лѣтъ. Въ нашемъ распоряженіи есть данныя (въ видѣ писемъ въ редакцію сельскихъ священниковъ разныхъ епархій), позволяющія думать, что среди читателей проповѣдническихъ приложений къ нашему журналу изъ среды сельскаго духовенства проповѣди о. Данкевича пользовались широкой популярностью. И популярность эта, скажемъ отъ себя, вполне заслуженная! Поученія о. Владиміра не могли не правиться нашимъ сельскимъ пастырямъ, какъ поученія, въ должной степени удовлетворяющія тѣмъ основнымъ требованіямъ, какія обычно предъявляются къ проповѣдямъ, предназначеннымъ для простаго народа. Построеніе ихъ простое и естественное: пересказъ дневнаго евангельскаго чтенія, краткое изложеніе празднуемаго событія, житія воспоминаемаго святого—и соотвѣтствующій нравственно-практическій урокъ для поуча-

емыхъ. Языкъ поученій—легкій, благозвучный, общепонятный, заключающій въ себѣ по временамъ элементы языка простонароднаго, безъ всякихъ, однако, признаковъ „вульгарности“, по мѣстамъ картинный, благодаря удачно подобраннымъ сравненіямъ и уподобленіямъ, взятымъ изъ природы и жизни народа. Преобладающее содержаніе поученій о. Данкевича—христіанское правоученіе, всегда ближайшимъ образомъ примѣняемое къ дѣйствительной жизни слушателей. Встрѣчаются въ ряду его проповѣдей и такія, къ которымъ можно приложить названіе „публицистическихъ“: въ нихъ проповѣдникъ отзывался на различныя явленія современной русской общественной жизни. Но какъ строго и въ этого рода поученіяхъ его выдержанъ характеръ православной церковной проповѣди! Въ нихъ не замѣтно и тѣни потворства господствующимъ въ обществѣ направленіямъ, вкусамъ и мнѣніямъ, суетнымъ и чуждымъ духа христіанскаго. Различныя событія „современности“ всегда разсматриваются и оцѣниваются проповѣдникомъ съ православно-христіанской точки зрѣнія и съ единственною цѣлію—назиданія по Слову Божію и церковному преданію...

Вѣчная память тебѣ, усердный пастырь-проповѣдникъ, неустанною рукою сѣявшій сѣмена вѣры и благочестія на русской передній нивѣ! Надѣмся, что пастыри-читатели нашего журнала вмѣстѣ съ нами вознесутъ горячія молитвы объ усопшемъ іереѣ Владимірѣ, да вселитъ его Господь въ селеніяхъ праведныхъ и да воздастъ ему въ день праведнаго суда Своего за всѣ труды, ими же трудился онъ во славу Его пресвятаго имени и Его св. Церкви! В. С.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 28-го января 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года февраля 10-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ по поводу статьи Д. С. Мережковского „Послѣдній святой“. Прот. М. Едлинскій. — II. Современное декадентство и христіанство (продолженіе). Прот. Н. Стеллецкій. — III. Евангельское ученіе о разводѣ (продолженіе). Серапіонъ Чернышевъ. — IV. Замѣтка. Проектъ псаломщической школы въ Тверской епархіи.

Нѣсколько словъ по поводу статьи Д. С. Мереж- ковского „Послѣдній святой“.

Въ журналѣ „Русская Мысль“ за прошлый годъ (мѣсяцы августъ и сентябрь) появилась статья извѣстнаго писателя-публициста Д. С. Мережковского подъ заглавіемъ „Послѣдній святой“. Въ этой статьѣ авторъ, провозвѣстникъ новаго религіознаго сознанія и новой грядущей Церкви, силится доказать, что историческое христіанство отжило свой вѣкъ, что прославленный недавно препод. Серафимъ Саровскій является послѣднимъ святымъ Христовой Церкви. Къ такимъ неутѣшительнымъ для христіанина выводамъ пришелъ Мережковский чрезъ разсмотрѣніе отношенія христіан-

ской святости къ міру—къ плоти, къ полу, къ общественности.

Ссылаясь на ученіе великихъ христіанскихъ подвижниковъ, каковы: преп. Іоаннъ Лѣствичникъ, Исаакъ Сиринъ, Антоній Великій и др., Мережковскій съ обычною для него развязностью утверждаетъ, что христіанскій аскетизмъ, какъ наивысшее выраженіе историческаго христіанства, совершенно отрицаетъ міръ съ его плотью, поломъ, общественностью. Всѣ попытки соединить христіанство съ міромъ, по автору, ни къ чему не приводили, кромѣ уцербъ для обѣихъ сторонъ: или „христіанство плотало міръ, какъ ножъ, или міръ урѣзывался христіанствомъ, какъ пожомъ“. „Человѣкъ не можетъ возвести взора прямо къ Богу, пока не отречется отъ міра“, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ. По слову Антонія Великаго, „первая добродѣтель человѣка есть презрѣніе плоти“. „Поистинѣ блаженъ тотъ, кто приобрѣлъ совершенную нечувствительность ко всякому тѣлу и виду, и красотѣ,—говоритъ Лѣствичникъ. Душа твоя да будетъ съ Господомъ во всякое время; тѣло же твое да будетъ на землѣ, какъ изваяніе и истуканъ“, разъясняетъ тотъ же святой. „Умирай каждый день, чтобы жить“, говоритъ Антоній Великій. „Будь мертвъ въ жизни сей, чтобы жить по смерти. Молись такъ: сподоби меня, Господи, возненавидѣть жизнь „мою“, говоритъ Исаакъ Сиринъ. Умертвившій плоть свою есть блаженный и живой мертвецъ“ (Лѣств. IV).

Такіе же чисто отрицательные взгляды христіанскихъ аскетовъ на полъ; таково же, заключаетъ Мережковскій, отношеніе и христіанской святости къ полу. „Нѣкоторые ублажаютъ скопцовъ по плоти, а я ублажаю вседневныхъ скопцовъ, которые разумомъ, какъ ножомъ, обучились оскоплять себя“, говоритъ Лѣствичникъ. „Все существующее, по свидѣтельству того же отца, ненасытно желаетъ сроднаго себѣ: кровь—крови, червь—червя, грязь—грязи,—а потому и плоть мужская желаетъ плоти женской“. Итакъ, умозаключаетъ г. Мережковскій, существо брака, соединеніе половъ—не что

иное, какъ соединеніе грязи съ грязью. На слово Господа: *да будутъ двое одна плоть*, христіанская святость отвѣчаетъ: да не будутъ двое одна грязь... И здѣсь въ полѣ такъ же, какъ во всей плоти, христіанство, по Мережковскому, — не свѣтъ, а тѣнь отъ свѣта Христова.

Какъ плоть и полѣ, тайна одного и двухъ, такъ и общность, тайна трехъ, человѣческой множественности, въ христіанство не вмѣщается, продолжаетъ разсуждать г. Мережковскій. Последнее не исполнило, а нарушило великую заповѣдь о любви единой. Поскольку въ христіанствѣ Богъ, безплотный чистый Духъ, противоположенъ нечистой плоти человѣческой, постольку и любовь къ Богу противоположна любви къ человѣку. Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ ближе къ Богу; совсѣмъ безъ людей—совсѣмъ въ Богѣ. Человѣкъ въ Богѣ одинъ—монахъ, отшельникъ—таковъ совершенный образъ христіанской святости. Въ подтвержденіе высказанныхъ мыслей относительно общности авторъ статьи по обыкновенію приводитъ рядъ выдержекъ изъ твореній нѣкоторыхъ христіанскихъ аскетовъ, между прочимъ, Исаака Сирина. Ежели милосердіе, или любовь, или жалость препятствуютъ твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ, воскрешаютъ тебя для міра,—то да погибнетъ такая правда, поучаетъ Исаакъ Сиринъ. *Ибо совершаютъ дѣла любви есть назначеніе людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ* (курсивъ автора статьи), не пребывающихъ въ совершенномъ безмолвіи. Житіе иноческое подобно ангельскому. „*Заботящійся о своей одной душѣ не сможетъ заботиться и о другихъ*. Если ты намѣренъ держаться безмолвія, будь подобенъ херувимамъ, которые не имѣютъ никакого попеченія житейскаго, и не думай, что, кромѣ тебя и Бога, есть кто-либо другой на землѣ, о комъ бы заботиться тебѣ. Ежели не ожесточить кто сердца своего и не будетъ съ умиленіемъ удерживать милосердіе, то не можетъ пребывать въ безмолвіи“ (Ис. Сир., XIV). Приведа еще рядъ выдержекъ изъ твореній препод. Исаака Сирина, г. Мережков-

скій приходитъ къ слѣдующему безотрадному выводу. „Понятно, говорить онъ, почему христіанство за все свое существованіе пальцемъ не двинуло для общественнаго блага людей, для ихъ спасенія отъ рабства и голода. *Я былъ голоденъ, и вы не накормили меня. Я былъ въ темницу, и вы не посетили меня.* Голодъ, рабство, войны, всѣ злодѣянія и ужасы міровой исторіи проходили мимо святыхъ. Погибай весь міръ, только бы святымъ спастись. Не страшно смотрѣть на гибель міра, а полежать съ отцомъ или братомъ на одной рогожѣ, съѣсть полтора сухаря вмѣсто одного — страшно. Усвояя св. подвижникамъ любовь къ людямъ созерцательную, бездѣйственную, одинаковую съ любовью ко всякому „естеству пресмыкающихся“, авторъ статьи „Послѣдній святой“, дабы произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на читателей, приводитъ слѣдующій рассказъ препод. Исаака Сирина. „Знаемъ о нѣкоемъ святомъ, повѣствуетъ препод. Исаакъ, что братъ его сдѣлался боленъ и заключенъ былъ въ своей келліи. А такъ какъ святой, во все время болѣзни брата, превозмогалъ свое милосердіе и не приходилъ повидаться съ нимъ, то больной, приближаясь къ исшествію своему изъ жизни, послалъ сказать ему: „если ты не приходилъ ко мнѣ донынѣ, то приди теперь, чтобы видѣть мнѣ тебя прежде отшествія моего изъ міра, или приди хотя ночью, и я поцѣлую тебя и ночью“. Но блаженный даже и въ тотъ часъ, когда сама природа требуетъ нашего состраданія другъ къ другу, не согласился и сказалъ: „ежели пойду къ нему, то не буду чистъ сердцемъ моимъ предъ Богомъ, потому что не радѣлъ посѣщать братій духовныхъ, естество же предпочелъ Христу“. И братъ умеръ, а онъ не видалъ его (Исаак. XXXIII). По поводу этого рассказа препод. Исаака Сирина г. Мережковскій патетически восклицаетъ. „Что же это такое? Ангельская любовь къ Богу или дьявольская жестокость къ человѣку? Въдъ покинутый братъ умеръ, убитый, можетъ быть, съ проклятіемъ святому убійцѣ, который убилъ его во имя Христа. И не образъ ли всего грѣшнаго міра этотъ братъ, покину-

тый братомъ? Мірѣ сказалъ христіанству: приди ко мнѣ, хоть ночью, и я поцѣлю тебя и умру. Но христіанство отвѣтило: если приду къ тебѣ, не будетъ сердце мое чисто предъ Богомъ. И мірѣ погибъ, а христіанство не пошло къ міру“. „Теперь понятно, заканчиваетъ свои разсужденія г. Мережковскій, почему отшатнулся мірѣ отъ христіанства, какъ бы говоря: если ты свято, я проклятъ; если я святъ, ты проклято; но нельзя намъ быть вмѣстѣ.—И дѣйствительно, міру ничего не оставалось дѣлать, какъ или не быть, принявъ, или быть, отвергнувъ христіанство. Онъ сдѣлалъ послѣднее и хорошо сдѣлалъ, ибо, если *весь* Христосъ—въ христіанствѣ, и *все* христіанство—во Христѣ, то мірѣ не могъ спастись Христомъ, а могъ только спастись отъ Христа. Слова эти—кощунство; но не большее ли кощунство утверждать, что нѣтъ ничего во Христѣ, кромѣ христіанства? Понятно и то, говоритъ авторъ цитируемой статьи, почему христіанство вѣчно строило, но никогда не могло построить Церкви. Нельзя строить зданія, складывая камни во внѣшнемъ порядкѣ и не соединяя ихъ внутреннею скрѣпою... За неимѣніемъ внутренняго соединенія пришлось прибѣгнуть къ внѣшней скрѣпѣ—древне-римскому желѣзу государственному. Константинъ Равноапостольный наложилъ на Церковь эту скрѣпу. Но когда мірѣ отшатнулся отъ христіанства и государство отъ Церкви,—тогда скрѣпа лопнула, и Церковь начала разваливаться. И уже ничто не остановитъ ея разрушенія по слову Господа: *не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено*“¹⁾.

Продолжая свое разрушеніе современнаго намъ христіанства и Церкви, г. Мережковскій послѣ высказанныхъ имъ общихъ сужденій переходитъ къ фактическому доказательству истинности своихъ положеній чрезъ разборъ жизни „послѣдняго святаго“ христіанской Церкви—препод. Серафима Саровскаго.

¹⁾ „Русская Мысль“, авг. стр. 85—86.

Прежде чѣмъ перейти къ личности Угодника Божія, мы позволимъ себѣ остановиться на приведенныхъ нами общихъ сужденіяхъ провозвѣстника новаго христіанства—г. Мережковскаго.

Прот. М. Едлинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Современное декадентство и христіанство.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Изъ Франціи декадентство проникло въ другія страны; и это произошло тѣмъ легче, что почти вездѣ существовали параллельныя французскому декадентству теченія. Всего замѣтнѣе они были въ Германіи, Норвегіи, Польшѣ и у насъ въ Россіи.

Въ *Германіи*—забытый поэтъ *Захарія Вернеръ*, явный маниакъ-эротоманъ и садистъ, жившій гораздо ранѣе французскаго декадента-символиста Верлэна, представлялъ чистѣйшій прототипъ этого послѣдняго. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ, Феликсъ Потенбергъ, напомнивъ Э. Вернера публикѣ, назвалъ его „нѣмецкимъ Верлэномъ“. Въ своей критической статьѣ, появившейся въ 1893 году, онъ изложилъ біографію Вернера, въ которой проводится полная параллель между нимъ и Верлэномъ. При этомъ нѣмецкій критикъ указываетъ на общую имъ обоимъ душевную болѣзнь, которую онъ называетъ „верлэно-пріапізмомъ“.

Въ теченіе всей жизни Вернера и до самой его смерти въ немъ бьются съ могучей силой два основныхъ начала—мистицизмъ и эротизмъ. Еще жива въ Кенигсбергѣ, родномъ

¹⁾ См. № 5-й за 1908 г.

городъ, онъ никуда не ходилъ, кромѣ церкви и театра. Окончивъ изученіе юридическихъ наукъ, онъ путешествуетъ изъ города въ городъ, и вездѣ женится, послѣ чего сейчасъ же разводится съ женой. Въ Веймарѣ, гдѣ Гете принялъ въ немъ участіе и провелъ на сцену его драму „Ванда“, онъ знакомится съ дамскимъ обществомъ, и кончается все новымъ эротическимъ скандаломъ, заставившимъ его со срамомъ отправиться сперва въ Швейцарію, а оттуда въ Италію. И тамъ и здѣсь тѣ же приключенія, перемежающіяся такими обращеніями его къ Богу: „Господи, я знаю любовь, любовь испорченную, обманчивую,—изъеми изъ меня то, что меня губить, и дай мнѣ силу горѣть любовью только къ одному Тебѣ“. Въ Парижѣ его охватываетъ настоящая горячка чувственности; въ своихъ путевыхъ письмахъ онъ пишетъ: „Спаситель міра! Дай вышить изъ источника жизни, но сдѣлай такъ, чтобы я не отравился“. Послѣ всѣхъ этихъ походовъ, мы видимъ его въ Римѣ, сначала пилигримомъ, затѣмъ схимникомъ въ монастырѣ. Въ 1809 году онъ официально принимаетъ католичество и дѣлается священникомъ. Съ 1817 по 1819 гг. живетъ въ нашей Подоліи и становится почетнымъ каноникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ. Наконецъ, переселяется въ Вѣну, гдѣ и живетъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1823 году.

По словамъ нѣмецкаго біографа, Вернеръ „проповѣдывалъ эротико-мистическое ученіе, состоящее въ томъ, что земная любовь является символомъ уничтоженія въ божествѣ“. Ту же самую доктрину онъ всегда развивалъ въ своихъ поэмахъ, запискахъ и драмахъ, а именно въ драмахъ: „Дочь долины“, „Крестъ озера“, „Ванда“ и „Мать Маккавеевъ“. Послѣдняя драма написана въ то время, когда Вернеръ былъ уже отцомъ Захаріемъ, и на нее можно смотрѣть, какъ на самый высшій пунктъ выраженія его мистическаго садизма. Въ ней, подъ предлогомъ прославленія святости страданія, онъ погружается въ настоящую оргію крови и печали. Казнь Маккавеевъ описана имъ со сладострастнымъ

самоудовлетвореніемъ. Это—настоящее кровожадное помѣшательство, слѣдующее за помѣшательствомъ эротическимъ.

Въ Германіи же огромную, всеобъемлющую роль въ эволюціи декадентства сыгралъ столько же философъ, сколько и поэтъ *Фр. Ницше*, который, поэтому, вполне заслуженно названъ „великимъ декадентомъ“, такъ какъ въ немъ выразилось именно все то великое и могучее, что заключается въ декадентствѣ ¹⁾. И прежде всего, онъ осмыслилъ декадентское движеніе, давъ философскую подкладку индивидуалистической тенденціи декадентства. Извѣстно, что все общеевропейское индивидуалистическое движеніе, начавшееся приблизительно съ половины прошлаго столѣтія, нашло свое теоретическое выраженіе въ такъ называемой „философіи“ Ницше ²⁾. Вся его философія есть страстный, болѣзненный крикъ человѣческой индивидуальности, которую душитъ современный строй цивилизованной европейской жизни, начиная отъ принципа большинства голосовъ въ парламентаризмѣ и машинообразнаго раздѣленія труда въ экономической области и, кончая пріютами и богадѣльнями, гдѣ подстригаютъ всѣхъ подъ одну гребенку и одѣваютъ въ одинаковыя платья. Этотъ именно смыслъ имѣетъ, напр., возмущеніе Ницше „демократическимъ движеніемъ“ и „стадностію“ человѣческаго общества. Тотъ же смыслъ, съ другой стороны, имѣ-

¹⁾ „Научное Обзорніе“ 1901 г., № 3, стр. 206.

²⁾ Г. Струве. „Современная анархія духа и ея философъ Фридрихъ Ницше“. „Вѣра и Разумъ“ 1900 г., № 4, стр. 163.—То, что многочисленные послѣдователи Ницше называютъ его „философіей“, вовсе не есть философія, такъ какъ настоящая философія требуетъ непременно признанія вѣдѣстныхъ общихъ, руководящихъ принциповъ, послѣдовательно развитыхъ, а этого именно и нѣтъ въ философіи Ницше. Подобно тому, какъ странныя мысли и хаотическія слова декадентовъ являются всѣмъ, только не поэзіей въ собственномъ смыслѣ; какъ разноцвѣтныя пятна, брошенные на полотно импрессионалистами, являются всѣмъ, только не настоящими картинами; такъ точно краткія афоризмы Ницше, подражающія восточной мудрости, не содержащія въ себѣ никакихъ ясныхъ принциповъ, представляютъ все, только не философію въ строгомъ смыслѣ.

еть его устремленіе къ чисто декадентскому идеалу „сверхчеловѣка“ (Uebermensch)—этого великолѣпнаго, чудовищнаго „человѣка-звѣря“, для котораго не существуетъ никакихъ ограниченій и преградъ, который смѣло дерзаетъ на все, и чѣмъ сильнѣе это дерзновеніе, тѣмъ болѣе „красоты“ въ его поведеніи. Ни у одного философа новѣйшаго времени, не говоря уже о прежнихъ временахъ,—вообще мало благопріятствовавшихъ культу обожающей себя личности,—ни у кого протестъ человѣческой индивидуальности противъ всякихъ общественныхъ узъ не достигъ такой силы, какъ въ ученіи Ницше о „сверхчеловѣкѣ“,—этомъ центральномъ пунктѣ всей его философіи. Наконецъ тотъ же смыслъ имѣетъ готовность его восхищаться даже зломъ и преступленіемъ, сочувствовать такимъ реализованнымъ въ исторіи типамъ сверхчеловѣка, какъ Цезарь Борджіа и Наполеонъ I, въ которыхъ Ницше видитъ яркое проявленіе самодержавной человѣческой личности¹⁾.

Не малую услугу декадентству оказалъ Ницше и самымъ стилемъ своимъ. „Ницше, по отзыву одного слегка декадентствующаго критика, — колоссъ декадентства. Уже одинъ стиль его чего стоитъ! Изъ хаоса его образовъ все время звучитъ какой-то напѣвъ. Какая сила смѣлыхъ, мѣткихъ выраженій, несущихся въ какомъ-то вихрѣ, подобно

¹⁾ Съ именемъ Цезаря Борджіа въ исторіи соединяется представленіе о гнуснѣйшемъ злодѣѣ, успѣвшемъ въ теченіе своей краткой жизни (онъ умеръ 31-го года) стяжать славу, въ нѣсколько разъ превосходящую Герострата. 22 хъ лѣтъ онъ убилъ родного брата съ цѣлью грабежа, изнасиловалъ родную сестру, зарѣзалъ нѣсколькихъ дѣтей, мѣшавшихъ ему получить богатое наслѣдство и, наконецъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, папой Александромъ VI, устраивалъ въ папскомъ дворцѣ такія оргіи, что отъ нихъ приходили въ ужасъ итальянцы того времени („Вѣстникъ Европы“ 1901 г., стр. 729). И такого развратника-изверга Ницше считаетъ „классическимъ, страшнымъ и вмѣстѣ полнымъ блеска идеаломъ“ для своихъ послѣдователей, равно какъ онъ же величаетъ Наполеона, этого „синтеза безчеловѣчности и сверхчеловѣчности“, „воплощеніемъ проблемы высшаго идеала“ (Л. Штейнль. Ф. Ницше и его философія. „Міръ Божій“ 1898 г., ноябрь, стр. 70—71).

пестрымъ осеннимъ листьямъ, подхваченнымъ порывомъ вѣтра. Иногда онъ шумитъ, какъ буря, какъ ливень... блещитъ, какъ молнія, взвивается къ небу орломъ въ мощныхъ размахахъ и по-змѣиному извивается въ неожиданныхъ сочетаніяхъ словъ, передающихъ капризные, неровныя, невѣрныя чувствованія современнаго человѣка¹⁾. При чтеніи сочиненій Ницше, особенно ярко характеризующихъ его индивидуалистическій образъ мыслей²⁾, невольно чувствуется сродство его стиля съ языкомъ декадентовъ. И прежде всего обращаетъ на себя вниманіе быстрый темпъ рѣчи Ницше,— „presto“, какъ онъ самъ выражается,—быстро одинъ за другимъ слѣдующіе эпитеты, и при этомъ самые неожиданные: „нестрыя, дикорослыя добродѣтели“, „золотистый, голубой, насмѣшливый свѣтъ вечерней зари“. За этимъ слѣдуютъ рѣзкіе и мрачные образы, несвойственные спокойному и здоровому художественному созерцанію: „по желтымъ травянымъ тропинкамъ сквозь черныя деревья бѣжали вокругъ тебя злостно-вечерніе взоры солнца, ослѣпительные солнечные раскаленные взоры, злорадные“. „Я шелъ въ сумеркахъ могильнаго цвѣта. Трона, упорно поднимавшаяся по валунамъ, злостная, одинокая, которую не ободряли ни одна былинка,

¹⁾ Волынской. „Книга великаго гнѣва“ 1904 г., стр. XLVII.

²⁾ Мы здѣсь имѣемъ въ виду главнымъ образомъ извѣстную философскую поэму Ницше: „Такъ сказалъ Заратустра. Книга для всѣхъ и ни для кого“, 1883,—книгу на счетъ которой самъ авторъ имѣлъ предчувствіе, что съ ея появленіемъ его причислятъ къ помѣшаннымъ. Объ этомъ то сочиненіи Ницше, не грѣша скромностію, сказалъ, что это „самая глубокая книга, какою обладаетъ человѣчество“. Содержаніе „Заратустры“ составляетъ проповѣдываніе идеи „сверхчеловѣка“ съ ораторскою важностію, достойной лучшаго дѣла. Ближе выясняется эта единственная положительная идея „философій“ Ницше въ его сочиненіяхъ: „По ту сторону добра и зла. Прелюдія (Vorspiel) къ его философій будущаго“, 1886, „Къ происхожденію морали“, 1887 г., и др. Прибавимъ, наконецъ, что незадолго до совершеннаго помѣшательства Ницше имѣлъ намѣреніе написать свое „главное философское сочиненіе (Hauptwerk)“ подъ заглавіемъ: „Der Wille zur Macht. Versuch einer Umwerthung aller Werthe“. Къ этому сочиненію онъ однако успѣлъ написать лишь первую книгу: „Антихристъ, или критика христіанства“.

ни одинъ кустъ, горная трона скрипѣла подь упрямымъ моихъ ногъ“. Иногда эти образы переходятъ въ дикія кошмарныя сновидѣнія. Заратустра видитъ себя въ горномъ замкѣ стоящимъ на стражѣ гробовъ. Полночь; все пустынно, только слышенъ словно стонъ мертвой тишины. Въ рукахъ у него заржавленные ключи: ворота ѳворяются съ страннымъ скрипѣньемъ и, какъ зловѣщій трескъ, проносится звукъ по длиннымъ корридорамъ... Вдругъ три громовые удара въ ворота,—все задрожало, завыло подь свѣдами, порывъ вѣтра распахнулъ створы, ворвался со свистомъ и воемъ и вбросилъ черный гробъ; гробъ, упавъ, разлетѣлся и изрыгнулъ тысячеустый смѣхъ изъ тысячи обрывковъ дѣтей, ангеловъ, совъ, паяцевъ и бабочекъ въ ростъ дѣтей¹⁾. Множествомъ этихъ и подобныхъ—сильныхъ, смѣлыхъ и своеобразно-красивыхъ образовъ, а равно лаконически-мѣткихъ отдѣльныхъ выраженій, Ницше содѣйствовалъ обогащенію языка декадентской поэзіи.

Въ *Норвегii*—наибольшее вліяніе на развитіе декадентскаго творчества имѣлъ драматургъ *Генрихъ Ибсенъ*, съ его пересмотромъ всего того, что демократическій духъ нашего времени призналъ за благо. Имя Ибсена пользуется большимъ уваженіемъ не только на его родинѣ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Его драмы не только имѣютъ колоссальный успѣхъ на театральнй сценѣ, но и служатъ протестантскимъ пасторамъ обильнымъ матеріаломъ для проповѣдей.

Секретъ такого огромнаго обаянія норвежскаго драматурга кроется въ томъ, что онъ, разрушивъ „призраки“ въ современныхъ идеалахъ, ввелъ цѣлый міръ новыхъ идей въ міросозерцаніе нашего времени. Ибсенъ внесъ въ современную литературу проповѣдь внутренней свободы челоѣка и спокойнаго, но непреклоннаго протеста противъ всѣхъ условностей въ общественной и частной жизни, противъ всего,

¹⁾ Изъ книги: „По ту сторону добра и зла“.

что уничтожаетъ человѣческую личность ¹⁾. Главнѣйшею задачею жизни человѣка, по нему, является выработка личности. Человѣкъ долженъ стремиться стать самимъ собою, т. е. тѣмъ, чѣмъ ему должно быть по самой его природѣ, а не тѣмъ, чѣмъ хотятъ его сдѣлать другіе. Если на пути къ этой, единственно достойной человѣка, цѣли встрѣтятся какія препятствія, онъ не долженъ стѣсняться удалить ихъ, хотя бы для этой цѣли пришлось ему пожертвовать всѣми привязанностями и общественными обязанностями. Поэтому—таковъ выводъ Ибсена—долой всѣ эти узы, какія налагаютъ на свободный духъ человѣка семья, общество, церковь и государство!

Итакъ Ибсенъ—выдающійся представитель абсолютнаго индивидуализма, борецъ за права безграничнаго и самодовлѣющаго человѣческаго „я“, служащаго девизомъ декадентскаго настроенія, и его воззрѣніе воспроизводитъ извѣстный взглядъ на этотъ предметъ Ницше. Какъ и Ницше, онъ ненавидитъ все слабое, условное, безвольное. „Воля дѣлаетъ человѣка свободнымъ, цѣльнымъ, говоритъ *Брандъ*—герой соименной ему драматической поэмы Ибсена,—она утоляетъ жажду вѣчной правды. Она радостно и бодро должна идти навстрѣчу всѣмъ страшнымъ испытаніямъ жизни“. Какъ и Ницше, Ибсенъ ненавидитъ толпу, въ ея полу-добрѣ и полу-злѣ, въ ея трусливой стыдливости ²⁾. Но при всей ненависти ко всему плоскому, безвольному, житейскому Ибсенъ никогда не высказываетъ тѣхъ анархическихъ тенденцій, какія присущи міровоззрѣнію Ницше. Онъ хотѣлъ бы только, чтобы человѣкъ, расшатанный въ своей психологіи, овладѣлъ своею волею, но эта воля не анархична у него, не оторвана отъ духовнаго міра, а должна быть, по выраженію Бранда, „скрижалюю, на которой Богъ начертитъ свое слово“. Высшая задача для Ибсена не въ разбѣгѣ индивидуальнаго начала,

¹⁾ Юровскій. „Генрихъ Ибсенъ“, Спб. 1896 г., стр. 265.

²⁾ А. Волынскій. „Книга великаго гнѣва“, стр. 11.

а въ развитіи духовности въ человѣкѣ, въ проявленіи воли человѣка по идеальнымъ законамъ.

Наиболѣе яркія олицетворенія индивидуалистическихъ идей Ибсена находятся въ слѣдующихъ его драмахъ, являющихся протестомъ возставшаго человѣческаго духа: „Союзъ молодежи“, „Столпы общества“, „Врагъ народа“, „Призраки“ и „Нора“. Въ этой послѣдней, наиболѣе извѣстной, наиболѣе популярной изъ драмъ Ибсена, которую обыкновенно разсматриваютъ какъ изображеніе борьбы современной женщины за „эмансипацію“, мы видимъ широкую концепцію ищущей свободы отъ „условной лжи“ жизни женщины.

Позднѣйшія драматическія произведенія Ибсена носятъ нѣсколько иной характеръ—анализовъ современной „больной психологіи“, оказавшихъ своего рода незамѣнимую услугу современному декадентству. Когда всѣ прежніе критеріи нравственности и жизненные идеалы потеряли свое значеніе, должны были создаться другіе, быть можетъ, призрачные, больные идеалы. Ибсенъ впервые изобразилъ ихъ съ особенною полнотою въ драмѣ „Гедда Габлеръ“. Героиня драмы—свѣтская дама, для которой стремленіе къ добру и истинѣ смѣшилось, незамѣтно для нея самой, исключительнымъ влеченіемъ къ виѣшной красотѣ. Всѣ обычные чувства видоизмѣняются въ ея душѣ. Она не знаетъ любви, но полна ревности, не умѣетъ жить, но умѣетъ красиво умереть. Эта героиня Ибсена, ставшая очень распространеннымъ типомъ для современной женщины—жрицы красоты въ декадентской поэзіи, является „символомъ“ современной души съ ея разладомъ и стремленіемъ создать новые жизненные идеалы. Драма „Росмерсгольмъ“, развязка которой состоитъ въ томъ, что стремленіе къ добру и правдѣ уничтожаетъ способность къ счастью, восполняетъ анализъ больной души нашего времени, начатый въ „Геддѣ Габлеръ“.

Въ *Польшѣ*—представителемъ современнаго декадентства является недостаточно талантливый въ художественномъ отношеніи поэтъ *Пржибышевскій*, который выступилъ рѣши-

тельнымъ борцомъ за свободу искусства и свободу человѣческой личности. Искусство, по нему, должно быть свободно только отъ подчиненности такимъ цѣлямъ, которыя не вытекаютъ изъ его природы. Какое дѣло художнику хотя бы до блага всего человѣчества? Развѣ сытость человѣчества, которая способствовала бы возможно большому его размноженію, можетъ быть цѣлью искусства? Неужели художникъ долженъ быть забавникомъ сѣрой толпы? Онъ—избранникъ: ему свойственнѣе видѣть въ этой толпѣ только матеріалъ, изъ котораго можетъ современемъ выработаться нѣчто болѣе сознательное, болѣе утонченное и болѣе красивое. Весь смыслъ существующаго—въ людяхъ высшаго порядка, натурахъ сильныхъ, одаренныхъ способностями исключительными, и истинное призваніе человѣческой массы—единственно въ томъ, чтобы изъ нея выдѣлять гениальныя личности, которыя могутъ распоряжаться человѣчествомъ, для выработки новой, болѣе осмысленной, болѣе сильной и идейно-одухотворенной расы¹⁾. Очевидно, эти мысли заимствованы Пржибышевскимъ у Ницше.

Давая въ своемъ „Confiteor“ опредѣленіе искусства, польскій декадентскій поэтъ, между прочимъ, говоритъ: „Начальной основой такъ называемаго „новаго“ искусства и всѣхъ въ немъ теченій служить понятіе о душѣ, какъ личной силѣ, о душѣ, шествующей отъ одной вѣчности къ другой, душѣ, которая въ извѣстные моменты, принуждаемая къ тому неизвѣстнымъ могуществомъ, является на землю, потомъ возвращается въ лоно вѣчности и опять воплощается (на землѣ)... Да, за тѣснымъ кружкомъ сознательныхъ состояній нашего „я“, существуетъ еще цѣлый внутренній океанъ, море тайны и загадокъ... Но рѣдко, рѣдко глубь эта раскрывается предъ взоромъ человѣка; взоръ его обычно скользитъ по тонкому ледяному слою, подъ которымъ поко-

¹⁾ Л. Полонскій. „Современный польскій романъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1906 г., июль, стр. 124.

ится мистическое *mare tenebrarum*“. Этот отрывокъ указываетъ на другого, кромѣ Ницше, вдохновителя декадентской музы Пржибышевскаго, именно на Метерлинка, который слѣдуетъ мистическому методу сверхлогическаго познанія, открывающему за міромъ видимыхъ явленій міръ невидимыхъ сущностей. „*Mare tenebrarum*“ прямо заимствовано у франко-бельгійскаго драматурга, и польскій декадентъ почти дословно повторяетъ о тѣхъ „прихотливыхъ буряхъ“, какія „блуждаютъ“ на этомъ таинственномъ внутреннемъ морѣ ¹⁾.

Самымъ выдающимся произведеніемъ Пржибышевскаго считается трилогія „ *homo Sapiens*“ (1901 г.).

Въ *Rossii*—къ ингредиентамъ современнаго декадентства можно отнести нѣкоторые элементы изъ творчества *Θ. М. Достоевскаго* и *гр. Л. Н. Толстаго*. По отзыву извѣстнаго декадентствующаго писателя В. В. Розанова, Достоевскій и Толстой были декадентами въ романѣ,—первый со своимъ причудливымъ психологическимъ анализомъ, а второй—со своимъ дерзновеннымъ изслѣдованіемъ самыхъ мучительныхъ глубинъ человѣческаго духа ²⁾. Но изъ этихъ двухъ великихъ русскихъ писателей наибольшее идейное вліяніе на эволюцію декадентства, даже, быть можетъ, помимо доброй воли, безспорно оказалъ Достоевскій, который, какъ никто другой, изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ „весь адъ человѣческой раздвоенности“ ³⁾, всю глубину паденія и всю прелесть возрожденія. „Нигдѣ, какъ въ его произведеніяхъ, нельзя такъ прослѣдить мучительнаго состязанія въ самомъ человѣкѣ противоположныхъ началъ добра и зла, борьбы демонской красоты и тихихъ откровеній сердца“ ⁴⁾. Поэтому о Толстомъ мы не станемъ распространяться, а замѣтимъ лишь, что онъ своимъ страшнымъ разрушительнымъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 126 и дал.

²⁾ Андреевскій. „Литературные очерки“. Спб. 1902 г., стр. 454.

³⁾ Вольтскій „Книга великаго гнѣва“, стр. LXIII.

⁴⁾ Его же. „Борьба за идеализмъ“, стр. 446.

походомъ противъ основныхъ устоевъ существующаго строя общественной жизни не мало сыгралъ въ руку индивидуалистически-анархическимъ теченіямъ въ декадентствѣ. На Достоевскомъ же остановимся подробнѣе.

„Можно сказать,— пишетъ А. Волинскій,— что Достоевскій является настоящимъ предтечей всего современнаго декадентства на русской почвѣ... Что такое Федоръ Павловичъ Карамазовъ, какъ не декадентъ и на почвѣ чувственности, и на почвѣ всѣхъ вопросовъ духа? Да и вся, вообще, карамазовская порода, начиная этимъ сатиромъ-старикомъ и кончая Смердяковымъ съ одной стороны и Алешей—съ другой, не несетъ ли въ себѣ характерныя декадентскіе элементы. Тутъ замѣшаны всѣ дурманы и всѣ сладострастныя упоенія человѣка, идущаго къ гибели своего естества и въ этой самой гибели соприкасающагося съ какими-то неожиданными откровеніями“¹⁾. Вотъ почему, по словамъ того же автора, „нѣкоторые мотивы нашего великаго романиста особенно усердно эксплуатируетъ такъ называемое русское декадентство“²⁾. Задатки „декадентскаго вырожденія“ и „больной психологіи“ видитъ въ творествѣ Достоевскаго и другой писатель—ученый психіатръ Н. Н. Баженовъ³⁾.

Еще большую услугу декадентству оказалъ, хотя и посредственно, Достоевскій своимъ поразительнымъ предвосхищеніемъ Ницшеанскихъ идей, сыгравшихъ столь важную роль въ декадентскомъ движеніи. А. Волинскій, разбирая героя Достоевскаго—Раскольникова, говоритъ, что „тутъ за много лѣтъ теоріями Ницше вѣетъ“. „Достоевскій, какъ никто другой, по мнѣнію его, опередилъ свою эпоху и далъ образчикъ чистѣйшаго русскаго демонизма, который онъ измѣрилъ до глубины“. Что Достоевскій, еще ранѣе Ницше, вывелъ въ своихъ романахъ („Преступленіе и наказаніе“ и

¹⁾ Волинскій. „Книга великаго гяѣва“, стр. LXIV.

²⁾ Тамъ же, стр. LXXIII.

³⁾ „Психіатрическія бесѣды на литерат. и обществ. темы“, стр. 24 и 27.

„Братья Карамазовы“) героев (Раскольников и особенно Ивана Карамазова), которые проповѣдуютъ Ницшеанскія воззрѣнія,—это объясняется не тѣмъ, что нашъ романистъ воспользовался готовыми идеями нѣмецкаго философа-художника, а тѣмъ, что Достоевскій, отличающийся особенной чуткостію, граничащей чуть ли не съ прозорливостію, ранѣе самого Ницше уловилъ главнѣйшія особенности парождающагося міровоззрѣнія, намѣчая въ своихъ произведеніяхъ характерныя симптомы новой нравственной болѣзни вѣка. Такое объясненіе волигѣ подтверждается восторженнымъ отзывомъ о Достоевскомъ самого Ницше. Въ письмѣ къ своему другу Брандесу Ницше сообщалъ: „Я теперь читаю русскихъ писателей, особенно Достоевскаго. Цѣлыя ночи сижу надъ нимъ и упиваюсь глубиной его мыслей. Если отъ кого можно еще ожидать новаго слова, то это еще отъ юной Россіи“¹⁾. Позднѣе, поражаясь глубиной психологическаго анализа Достоевскаго, Ницше пазывалъ его „единственнымъ психологомъ, у котораго было чему научиться“²⁾.

Но раскрывая въ своихъ романахъ предвосхищенныя Ницшеанскія идеи, Достоевскій, какъ это видно изъ развязки душевныхъ трагедій извѣстныхъ его героевъ, въ концѣ концовъ развѣнчалъ эти идеи, показавъ всю ихъ несостоятельность и доведши ихъ до абсурда. Поэтому, если, какъ замѣчаетъ Волинскій, Достоевскаго и можно считать „настоящимъ предтечей современнаго декадентства на русской почвѣ“, то, по словамъ того же автора, „линія его творчества бѣжитъ дальше, бѣжитъ съ головокружительною быстротою, завлекая вниманіе въ новыя перспективы этого изумительнаго творчества. Декадентство и дано, и превзойдено у него“. Декадентскія черты творчества Достоевскаго,—продол-

¹⁾ Д. Вергунъ. „Достоевскій и славянство“. „Славян. Вѣкъ“, Вѣна, № 2, стр. 225.

²⁾ Н. Михайловскій. „Литература и жизнь“. „Русское Богатство“, 1894, № 11, стр. 116.

жааетъ тотъ же писатель, покрыты у него наслоеніемъ философской идейности, цѣлой системой понятій, которыя какъ бы не позволяютъ ни художнику, ни читателю сосредоточиться на моментахъ разложенія... Онъ бросаетъ какой-то религіозный свѣтъ на весь декадентскій процессъ современности“¹⁾. И по мнѣнію извѣстнаго изслѣдователя современнаго декадентства—А. И. Покровскаго, Достоевскій „нашелъ примиреніе всѣмъ раздвоеніямъ и мучительнымъ загадкамъ не въ пропастяхъ демонизма, какъ наши декаденты, а на высотахъ истинной религіи. Въ творчествѣ Достоевскаго, помимо момента *разложенія* человѣческой личности, воспроизведенъ и процессъ его *возрожденія*; декадентство не остановилось на первомъ моментѣ, благодаря чему оно становится въ прямую противоположность къ окончательнымъ выводамъ Достоевскаго“²⁾.

Прот. Николай Стеллецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Волинскій. „Книга великаго гнѣва“, стр. LXIV.

²⁾ Русс. Вѣстникъ 1904 г., июнь, стр. 557.

³⁾ См. № 5-й за 1908 г.

Евангельское учение о разводѣ.

(Продолженіе ³).

Другое мѣсто изъ ев. Матѳея о разводѣ читается такъ: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ“ (19, 9). Текстъ, опредѣляющій причину развода, имѣеть три варіанта: 1) *παρετός λόγου πορνείας*; 2) *μη ἐπί πορνεία*; 3) *εἰ μή ἐπί πορνεία* (Детально см. у Глубок. цит. соч. 4 стр.). „По всеѣмъ научнымъ соображеніямъ, пишетъ Глубоковскій, болѣе подлиннымъ нужно признать второе чтеніе, ибо третье не столь

¹) Волинскій. „Книга великаго гнѣва“, стр. LXIV.

²) Русс. Вѣстникъ 1904 г., июнь, стр. 557.

³) См. № 5-й за 1908 г.

обычно и является позднѣйшею его корректурой, а первое, вѣроятно, вошло сюда изъ Мѹ. 5, 32 (Цит. соч. стр. 4). По мнѣнію Schanz'a, хотя „положеніе $\mu\eta\ \epsilon\pi\iota\ \rho\omicron\rho\nu\epsilon\iota\alpha$, по причинѣ многихъ вариантовъ (παρεκτός λ. πορνείας В. D. Zt., Orig. Chrisost., August., Lachm., χωρίς λ. πορνείας—Clem.) подозрительно (Hug, Grätz, Weisse, Volkmar) и Keim'омъ опускается, но однако оно хорошо засвидѣтельствовано“ (Цит. выш. соч. st. 195). И дѣйствительно, это чтеніе нужно признать лучшимъ, чѣмъ два другихъ, потому что оно оправдывается важнѣйшими кодексами (Александр., Син., Ватик.), принято и въ Вульгатѣ (nisi ob. fornicationis).—Итакъ, по Евангелію Матѳея (5, 32; 19, 9), смыслъ Господнихъ изреченій ясенъ. Спаситель учитъ, что только прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ можетъ служить благословной причиною развода.

Обращаясь къ изреченію о разводѣ у евангелистовъ Марка (10, 2—12) и Луки (16, 18), мы уже не находимъ у нихъ такой вставки „развѣ словесе любодѣйнаго“. Но этимъ нисколько не устраняется тотъ результатъ текстуально-филологическаго анализа текста у Матѳея (5, 32; 19, 9), къ какому мы пришли выше. „Отъ чего бы это уклоненіе ни происходило,—пишетъ г. Глубоковскій въ объясненіе отсутствія „ограничительной прибавки“ у Марка и Луки,—всегда будетъ неоспоримымъ, что общее правило допускаетъ и изъятія“ (Цит. соч. 10 стр.). А вѣдь признать что-нибудь дозволеннымъ въ видѣ исключенія и притомъ вслѣдствіе побужденій, не зависящихъ отъ самаго закона, еще не значитъ противорѣчить этому закону. Если же такъ, то кажущееся противорѣчіе или разногласіе въ ученіи трехъ евангелистовъ о брачномъ разводѣ падаетъ само собою. Довольно странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, находить противорѣчіе и говорить о недопущеніи Иисусомъ Христомъ развода на томъ лишь основаніи, что евангелисты Маркъ и Лука не приводятъ именно тѣхъ Его словъ, въ которыхъ выражается дозволеніе развода. Необходимо замѣтить, что евангелисты Маркъ и Лука вообще неполна передаютъ содержаніе нагорной проповѣди,

очевидно, потому, что находили ее уже достаточно переданной св. Матѳеемъ, Евангеліе котораго явилось раньше. Такъ и въ рѣчи о разводѣ... „Эти слова Христа—Мѳ. 5, 32; 19, 9,—пишетъ свящ. Васильевъ,—законоположительны, они сказаны въ началѣ проповѣди. Поэтому и во всѣхъ параллельныхъ мѣстахъ необходимо подразумѣвать это „развѣ словесе любодѣйнаго“¹⁾. Въ простотѣ сердца, не мудрствуя особенно, одинъ миссіонеръ-священникъ предлагаетъ слѣдующее соглашеніе евангельскихъ разночтеній о брачномъ разводѣ. „Евангелисты Маркъ и Лука,—пишетъ онъ,—говорятъ объ идеалѣ брака только, а потому не допускаютъ его развода вовсе; въ Ев. Матѳея упоминается уже о печальной дѣйствительности, о прелюбодѣяніи,—которое само собой даетъ поводъ къ законному расторженію брачныхъ связей... У евангелистовъ Марка и Луки изложена нѣсколько сжатѣй заповѣдь Христа, у нихъ она и категоричнѣй“²⁾. Нельзя не согласиться съ разсужденіемъ о. Боголюбова, а тѣмъ болѣе игнорировать его.—Итакъ, остается признать, что повѣствованіе евангелиста Матѳея о разводѣ не стоитъ въ противорѣчій съ другими синоптиками; напротивъ, оно, по словамъ того же о. Боголюбова, „поразительно и съ божественной глубиной дополняетъ ихъ“³⁾.—То же нужно сказать и объ ученіи ап. Павла. *Оженившимся,—пишетъ онъ,—завѣщываю не азъ, но Господь: жена отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучатися, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ (своимъ)“* (1 Кор. 7, 10—11; ср. 1 Кор. 11, 11; 7, 4). Подверждая возвышенный, идеальный взглядъ на бракъ и съ этой стороны считая его нерасторжимымъ (первая половина стиха), апостолъ въ то же время допускаетъ и возможность развода, давая наставленіе, какъ быть женѣ въ томъ

¹⁾ „Новое Время“ 1904 г. № 10303-й. „Мой отвѣтъ А. Кирѣеву“.

²⁾ Д. Боголюбовъ. „О бракахъ, дозволенныхъ разведеннымъ супругамъ“. Миссіонер. Обзор. 1904 г. № 20-й 1601, 1601 стр.

³⁾ Ibid. 1603 стр.

случаѣ, если она разведется“ съ мужемъ своимъ (вторая половина стиха). То правда, что апостоль не говоритъ здѣсь прямо, при какихъ же условіяхъ дозволителенъ этотъ разводъ, но онъ видимо предполагаетъ его. А что апостоль имѣетъ въ виду именно разводъ, а не временную разлуку жены съ мужемъ, это видно изъ замѣчанія его о необходимости для нея или „примириться“ съ мужемъ, или „оставаться безбрачною“. И если въ приведенныхъ словахъ не указывается условій, при которыхъ апостоль допускаетъ разводъ, то это, конечно, не значить, что и вообще въ посланіяхъ онъ не указываетъ ихъ; напротивъ, даже въ этой же главѣ онъ отмѣчаетъ одно изъ условій бракорасторженія (1 Кор. 7, 15). Значить, и апостольское слово отнюдь не противорѣчитъ повѣствованію о разводѣ у евангелистовъ-синоптиковъ. Понятно, что *porveia*—развратъ уже само собою разрываетъ бракъ, и разводъ является только формальнымъ, юридическимъ свидѣтельствомъ того, что фактически между супругами уже совершилось. Отсюда, если у ап. Павла и не находимъ прибавки („развѣ словесе любодѣйнаго“), то это объясняется тѣмъ, что она у апостола подразумѣвается; говорить же о разводѣ подробно въ данномъ случаѣ ему не было нужды.

Католическая догматика, какъ извѣстно, считаетъ бракъ абсолютно-нерасторжимымъ ни подъ какимъ условіемъ, кромѣ смерти; на прелюбодѣяніе же смотритъ только какъ на „*causa desinendi a conjugio*“, а не „*causa divortii*“ (развода). Богословы католическіе всячески стараются удалить прибавку „развѣ словесе любодѣйнаго“, упирая на то, что она-де имѣетъ мѣсто только для іудеевъ, а въ христіанствѣ нетерпима. Гугъ и Гриммъ смѣло и рѣшительно заявляютъ, что условная возможность развода примѣнима развѣ къ жестоковѣйному народу еврейскому ¹⁾. „Grimm,—читаемъ у Шанца,—

¹⁾ Съ этимъ соглашается и проф. Загоровскій въ соч. „О разводѣ по русскому праву“, стр. 38.

въ *порвѣа* усматриваетъ дѣйствительное основаніе къ раздѣленію брака, которое Спаситель далъ Израилю, но не остальному свѣту“¹⁾. По мнѣнію самого Шанца, язычники вообще не точно понимали прелюбодѣяніе или развратъ, поэтому для нихъ „такое прибавленіе“ легко могло подать неразумный предлогъ къ разрыву брака, потому и въ евангеліяхъ, направленныхъ къ язычникамъ, такой уступки мы не находимъ. Не то въ Евангеліи Матѳея. Послѣдній писалъ свое Евангеліе для христіанъ изъ іудеевъ, а потому у него и очутилась эта прибавка²⁾. Но достаточно, думается, выставить здѣсь то неоспоримое положеніе, что законъ новозавѣтный имѣетъ значеніе всеобщее и вѣчное, а не мѣстное и временное,—въ частности и заповѣдь, выраженная въ Мѳ. 5, 32, „гдѣ уже трудно усмотрѣть заповѣдь частную и преходящую“, какъ совершенно резонно замѣчаетъ проф. Глубоковскій,—„иначе пришлось бы понимать такимъ образомъ и всѣ другія наставленія нагорной бесѣды, что будетъ уже вопіющею нелѣпностію (цит. соч. 12 стр.). Слѣдовательно, считать прибавку въ пользу развода лишь временнымъ наслоненіемъ (какъ Bleek, Keim, Weisse), сдѣланнымъ только для іудеевъ, невозможно. Христосъ Спаситель, правда, излагалъ свое ученіе о разводѣ въ осужденіе воззрѣній и обычаевъ, господствовавшихъ въ средѣ тогдашняго общества, тѣмъ не менѣе Онъ выразилъ истинный богооткровенный взглядъ, долженствовавшій имѣть руководственное значеніе при всѣхъ условіяхъ человѣческаго развитія.

Подобно католикамъ, и графъ Толстой, какъ извѣстно, бракъ христіанскій считаетъ безусловно нерасторжимымъ, не признавая никакихъ оговорокъ и уступокъ. Мало того, всѣхъ другихъ изъяснителей ученія Христова о разводѣ онъ беззащѣнно именуетъ „безсовѣстными толкователями“, которые, „задавшись цѣлью оправдать существующее зло въ мірѣ, на-

¹⁾ Schanz; цит. соч. стр. 194.

²⁾ Ibid стр. 193.

мѣренно затемнили смыслъ ученія Христова“. Но, позволяя такія поспѣшныя и рѣзкія отзывы по адресу истинныхъ экзегетовъ Слова Божія, самъ графъ, своими хитросплетеніями и умствованіями, не только не проясняетъ этого ученія, а еще болѣе затемняетъ его. Такъ, прежде всего, слова „развѣ словесе прелюбодѣйна“. Толстой относитъ не къ женѣ, а исключительно къ мужу. Если бы, по мысли этого учителя, слова эти относились къ женѣ, то и въ текстѣ стояло бы развѣ „ея“¹⁾; на самомъ же дѣлѣ такого опредѣленія нѣтъ; стало быть, и слова нужно относить къ мужу. На это достаточно замѣтить, что такой прибавки („ея“) грамматика совсѣмъ и не требуетъ, потому что слова „развѣ словесе прелюбодѣйна“ стоятъ въ Евангеліи Матоея какъ вставочное, вводное предложеніе. *Παρεχτός* графъ переводитъ: „не только что“, „кромѣ того, что“. Но грамматика говоритъ рѣшительно противъ такого пониманія, такъ какъ *παρεχτός*, значитъ „исключая“, — то же, что и *χωρίς*. Совсѣмъ уже произвольно и явно тенденціозно слово „λόγος“ Толстой трактуетъ какъ „виновность“, „преступность“, — стараясь на ложномъ истолкованіи этого слова построить всю свою экзегетику евангельской рѣчи о разводѣ. Въ такомъ значеніи слово „λόγος“ никогда не употребляется въ греческой литературѣ истинными знатоками этого языка. Наконецъ, „πορνεία“, по толкованію этого учителя, означаетъ порочное состояніе, или порочное свойство, но отнюдь не дѣйствіе, и должно быть переведено: „безнравственность“, а ни въ какомъ случаѣ не „прелюбодѣиніе“. И вотъ все разбираемое мѣсто Евангелія Толстой переводитъ такъ: „тотъ, кто разводится съ женою, кромѣ того, что самъ виновенъ въ безнравственности, подаетъ поводъ и женѣ прелюбодѣйствовать“. Но вся неправильность, произвольность такого перифраза нами толь-

¹⁾ Между прочимъ, и г. А. Кирѣевъ признаетъ эту опредѣлительную прибавку—„ея“, поставляя въ скобахъ. „Новое Время“ 1904 года № 10318-й. „Еще о „волнующемъ“ вопросѣ“.

ко что отмѣчена по частямъ. — Въ томъ же духѣ собственнаго произвола графъ изъясняетъ и „εἰ μὴ ἐπὶ πορνείᾳ“ (Мө. 19, 9), относя и эти слова не къ женѣ, а къ мужу, и переводя ихъ: „если не ради распутства“. Но предлогъ „ἐπὶ“ отнюдь не значить „для“, какъ это неправильно, для своей цѣли, утверждаетъ Толстой. Вѣдь дѣло идетъ здѣсь не о цѣли предпринимаемаго развода, а объ условіи или причинѣ его. Въ этихъ же случаяхъ „ἐπὶ“ никогда не употребляется въ значеніи „для“, а означаетъ: „за“, „по“, „по причинѣ“, „вслѣдствіе“ и т. под. Поэтому всю вставку нужно передать такъ: „если не по причинѣ прелюбодѣянiя“, или „если не за прелюбодѣянiе“. Ясно, что всѣ хитросплетенiя Льва Толстого, съ точки зрѣнiя грамматики и филологiи, не выдерживаютъ критики,—а потому экзегетомъ, выше всего ставящимъ правду Христову, не могутъ быть приняты.

Итакъ, „грамматика, филологiя, логика, контекстъ и остальное заставляеть всякаго истинно-любиваго человѣка признать, что Спаситель дѣйствительно дозволилъ расторженiе брачнаго союза подъ указаннымъ условiемъ“¹⁾,—т. е. ἐπὶ πορνείᾳ.

Въ чемъ же собственно кроется разрывающая сила прелюбодѣянiя, какъ велика степень его бракоразрывающей энергiи? Для этого въ текстѣ, какъ мы видѣли, употребленъ терминъ „πορνεία“. О послѣднемъ мы уже выше сказали достаточно, быть можетъ, даже болѣе того, чѣмъ это слѣдовало; но вѣрно, думается, и то, что тамъ мы представили этотъ терминъ преимущественно съ его внѣшней, такъ сказать, стороны, но крайней мѣрѣ не стараясь отбѣнить внутренней. Вотъ почему теперь необходимо сдѣлать и это послѣднее,—необходимо опредѣлить сущность „πορνεία“—прелюбодѣянiя, какъ бракоразрывающаго акта. „Знайте, что бракъ разрывается только смертію и прелюбодѣянiемъ“, говоритъ св. Астерiй Амазiйскiй. Такое поставленiе предюбодѣянiя рядомъ со

¹⁾ А. Гусевъ. Цит. выше сочин. 153 стр.

смертію, фактически разрывающею брачный союз, даетъ основаніе думать, что св. отецъ признавалъ дѣйствию прелюбдѣнія на бракъ по своимъ послѣдствіямъ равнымъ дѣйствию физической смерти, т. е. совершенно расторгающимъ бракъ и освобождающимъ невинную сторону для новаго супружества. Такъ же смотрѣлъ на прелюбодѣяніе, по дѣйствию послѣдняго на бракъ, и св. І. Златоустъ. И вполне справедливо сказать, что прелюбодѣяніе въ супружествѣ—та же смерть, только духовная. Въ самомъ дѣлѣ, супруги при заключеніи брака открыто дали обѣщаніе Богу и людямъ пребывать въ тѣснѣйшемъ единеніи между собой, какъ одна плоть (Еф. 5, 28). Но вотъ одинъ изъ супруговъ впадаетъ въ грѣхъ прелюбодѣянія, и тѣснѣйшій супружескій союзъ уже нарушается. Поширая данный обѣтъ, преступая супружескую вѣрность, виновный тѣмъ самымъ оскорбляетъ святость и неприкосновенность брачнаго союза. Отдаваясь новому—третьему лицу, онъ становится чрезъ это какъ бы чужимъ для законной своей половины, какъ бы выходитъ изъ таинственно-благодатнаго общенія съ нею,—онъ, можно сказать, духовно умираетъ. Такъ, съ фактомъ прелюбодѣянія, нарушается супружеская вѣрность; такъ тѣснѣйшій дотолѣ союзъ порывается, и, можно сказать, навсегда. До тѣхъ только поръ мужъ и жена „плоть едина“, пока „бракъ ихъ честенъ“ и „ложе не скверно“. Разъ этого нѣтъ, то и супруги уже не „одна плоть“, а два духовно-чуждыхъ другъ другу лица. Само собою понятно, что нѣтъ уже и не можетъ быть между супругами и прежней любви, нетронуто-чистой, святой, коль скоро одинъ изъ членовъ брачной четы отдалъ свою любовь и благорасположеніе лицу постороннему. А если такъ приниженъ главный нервъ нравственнаго единенія—любовь, то естественно уничтожается и нравственное достоинство брака. Такимъ образомъ прелюбодѣяніе совершенно поражаетъ существеннѣйшіе брачные элементы, потрясаетъ самую основу брачнаго сочлененія, подрываетъ въ корнѣ данный бракъ. А если бракъ въ сущности уничтоженъ, то естественно, если онъ и съ внѣшней стороны уничтожается, говоря иначе, расторгается. Вотъ почему и разводъ, допускаемый по винѣ прелюбодѣянія, въ существѣ дѣла есть не разводъ еще существующаго брака, но внѣшнее, формальное раздѣленіе того, что раздѣлено уже внутренно и существенно прелюбодѣяніемъ: разводъ только оформливаетъ это совершившееся ранѣе разлученіе. „Въ обсужденіи причинъ для прекращенія брачнаго союза, какъ таинства,—пишетъ прот. В. Печаевъ,—заключается все существо, вся, такъ

сказать, душа бракоразводного процесса; расторженіе—это собственно уже актъ заключительный, механическій“¹⁾).

Все, доселѣ сказанное нами, можно такъ обобщить, выражаясь фигурально: бракъ есть своего рода неразвязуемый гордіевъ узелъ, разсѣчь который можетъ только мечъ прелюбодѣйства.

Сергіонъ Чернышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ „Святость брачнаго союза“. „Душенное Чтеніе“ 1882 годъ.
364 стр.

ЗАМѢТКА.

Проектъ псаломщической школы въ Тверской епархіи.

Пастырское собраніе духовенства I-го благочинническаго округа Корчевскаго уѣзда на предложеніе священника Іоанна Пѣнкина объ открытіи въ его приходѣ псаломщической школы на мѣстѣ двухклассной церковно-приходской школы, которую можно перенести въ другое свободное зданіе, постановило предложеніе священника Іоанна Пѣнкина принять и просить тверской епархіальный съѣздъ духовенства возбудить ходатайство предъ его высокопреосвященствомъ о передачѣ двухклассной школы, построенной на синодальныя средства, въ епархіальное вѣдомство и открытіи въ немъ спеціальной псаломщической регентской школы. Епархіальный съѣздъ этого дѣла не разсматривалъ, а передалъ его въ комиссію съѣзда, которая постановила предложеніе свящ. Пѣнкина и выработанную комиссіей собранія программу псаломщической школы напечатать въ епарх. вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства съ тѣмъ, чтобы, по выясненіи взглядовъ духовенства и церковныхъ совѣтовъ на учрежденіе проектируемой школы, можно было возбудить ходатайство о передачѣ зданія двухклассной школы, построенной на синодальныя средства, въ епархіальное вѣдомство для означенной цѣли.

Программа псаломщической школы Тверской епархіи, выработанная комиссією пастырскаго собранія Корчевскаго I благочинническаго округа.

1) Псаломщическая школа имѣеть цѣлью готовить кандидатовъ на псаломщическія мѣста въ предѣлахъ Тверской епархіи.

¹⁾ „Святость брачнаго союза“. „Душенолезное Чтеніе“ 1882 годъ. 364 стр.

2) Помѣщается школа въ с. Сучкахъ, Корчевскаго уѣзда, въ зданіи, выстроенномъ на синодальныя средства для второклассной церковной школы, нынѣ упраздненной, съ общежитіемъ для учениковъ и квартирами для учащихся.

3) Курсъ обученія въ школѣ двухгодичный.

4) Поступать въ школу могутъ всѣ, желающіе въ ней получить образованіе, безъ различія сословій, и въ тотъ или другой классъ, смотря по подготовкѣ, но обязательно съ голосовыми способностями, хорошимъ слухомъ и хорошимъ поведеніемъ. Возрастъ не долженъ стѣснять при поступленіи въ школу, но желательнo принимать не моложе 17—18 лѣтъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ большею частью голосъ бываетъ переходный, не установившійся, и желающій поступить въ псаломщическую школу, по окончаніи курса въ ней, въ силу безголосія можетъ оставаться нѣкоторое время безъ мѣста. Впрочемъ, недостатокъ этотъ можетъ пополниться умѣніемъ воспользоваться своими знаніями и приготовить хоръ пѣвчихъ, что его и выручить. Окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ училищахъ, министерскихъ и церковныхъ второклассныхъ школахъ принимаются безъ экзамена, испытываются только голосъ и слухъ, а не окончившіе курса ученія означенныхъ школъ— по выдержаніи экзамена.

5) Всѣ, поступившіе въ школу, пользуются готовымъ помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и общимъ столомъ съ платою по 60 руб. въ годъ.

6) При школѣ полагается два учителя изъ окончившихъ курсъ ученія дух. семинаріи, основательно знающіе церковное мелодическое и гармоническое пѣніе, или одинъ съ богословскимъ образованіемъ и знающій пѣніе, а съ другой со спеціальнымъ пѣвческимъ образованіемъ изъ пѣвческой капеллы, священнослужитель и учитель переизлетному мастерству. Одинъ изъ учителей долженъ завѣдывать хозяйственною частью училища.

7) На обязанности священнослужителя лежитъ: присутствіе на вечернихъ и утреннихъ общихъ молитвахъ, приведеніе къ исповѣди и св. причастію и ревностное попеченіе о религіозно- нравственномъ воспитаніи учащихся въ школѣ.

8) Въ псаломщической школѣ преподаются: Законъ Божій (при участіи священника), краткая церковная исторія, церковный уставъ, церковное одногласное пѣніе, теорія музыки, хоровое гармоническое пѣніе, русская и славянская грамотность.

9) Второй годъ посвящается исключительно отпращиванію церковныхъ службъ (практически), обученію и управленію

цію хороше, веденію приходо-расходныхъ книгъ, отчетностей, записи въ книги метрическія, обыскныя, публикатныя, выдачамъ свидѣтельствъ, справокъ, удостовѣреній и переплетному мастерству. Знаніе переплетнаго мастерства весьма необходимо псаломщику, такъ какъ всѣ церкви имѣють крайнюю нужду въ переплетчикахъ. Такимъ образомъ второй годъ будетъ вполне практическимъ годомъ.

10) Средства на содержаніе школы должны получаться отъ обязательнаго ежегоднаго сбора съ церковей епархіи по 2 руб. съ каждой церкви.

11) Оба учителя получаютъ ежемѣсячно жалованіе въ размѣрѣ 800 руб. годового содержанія на каждого; священнослужитель, если будетъ мѣстный приходскій священникъ, 240 руб. въ годъ, учитель переплетнаго мастерства 120 руб. въ годъ, и 460 руб. на содержаніе школы: отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги, покупку нотъ, нотной и простой бумаги и пр. мелочные расходы. Такимъ образомъ содержаніе псаломщической школы, кромѣ ремонта, при готовомъ зданіи будетъ стоить епархіи ежегодно 2420 руб. Собирая съ каждой церкви въ епархіи по 2 руб. въ годъ, а всѣхъ церквей 1221 (по отчету о состояніи Тверск. Епарх. Вѣд. 1906 г. № 1, стр. 8), получится сумма 2442 руб.; за вычетомъ ежегоднаго расхода на школу въ 2420 руб., образуется остатокъ въ количествѣ 22 руб. Этотъ остатокъ долженъ храниться на случай ремонта школы, или, если найдетъ возможнымъ епархіальное начальство, по накопленіи остаточныхъ суммъ, уплачивать за недостаточныхъ, но способныхъ учениковъ, могущихъ принести большую пользу церкви, за содержаніе ихъ въ школѣ.

12) Для правильности содержанія школы и учащихся въ ней необходимо открыть кредитъ на школу въ попечительствѣ, свѣчномъ заводѣ или эмеритальной кассѣ, откуда по третямъ и высылалась бы потребная на школу сумма завѣдывающему школою. Отцы же благочинные собранныя съ церковей деньги направляли бы въ то учрежденіе, откуда будутъ высылаться деньги на школу. (Владим. епарх. вѣд. № 33).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 4-го февраля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года февраля 17-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о причинахъ уклоненія изъ православія въ сектантство. Н. Гумилевскій.—II. Очерки современности. Свящ. А. В—ій.—III. Современное декадентство и христіанство (продолженіе). Прот. Н. Стеллецкій.

Къ вопросу о причинахъ уклоненія изъ право- славія въ сектантство.

Въ духовной печати послѣдняго времени многими миссіонерами отмѣчается тотъ фактъ, что со времени изданія Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости увеличилось число православныхъ, переходящихъ въ сектантство. Человѣка, убѣжденнаго въ неизмѣримомъ превосходствѣ Православной Церкви надъ всякаго рода сектами, этотъ фактъ невольно заставляетъ призадуматься надъ вопросомъ: чѣмъ же объяснить указанное явленіе? Конечно, русское сектантство, какъ всякое сложное историческое явленіе, имѣетъ нѣсколько причинъ, главной изъ которыхъ является, безъ сомнѣнія, то, что русскій народъ, въ значительномъ

большинствѣ своемъ, слишкомъ недостаточно ознакомленъ съ истинами исповѣдуемой имъ православной вѣры. Но намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на другую сторону дѣла.

Если православные переходятъ въ сектантство, въ нашихъ южныхъ губерніяхъ главнымъ образомъ въ штундизмъ, то они, очевидно, усматриваютъ въ послѣднемъ нѣчто привлекательное, чего не находятъ въ Православной Церкви. Для православнаго русскаго человѣка, по крайней мѣрѣ для простаго, съ дѣтства окруженнаго религіозными обрядами, едва ли можетъ быть особенно привлекательной отрицательная сторона штундизма, т. е. отрицаніе имъ всей внѣшней обрядовой жизни Церкви. Въ вѣроученіи штундистовъ можетъ показаться привлекательнымъ пунктъ о спасительной силѣ вѣры, посредствомъ которой, безъ подвиговъ самоотверженія, безъ усиленной внутренней борьбы, человѣкъ входитъ въ единеніе со Христомъ, становится чадомъ Божиимъ и наслѣдникомъ вѣчной блаженной жизни. Но ясное и отчетливое усвоеніе этого пункта требуетъ значительнаго духовнаго развитія и едва ли доступно большинству. Очевидно, привлекательность штундизма нужно искать въ чемъ-то другомъ. Намъ кажется, что всякій, знакомый съ богослуженіемъ штундистовъ, согласится, что значительная доля привлекательности лежитъ именно въ этомъ послѣднемъ.

Богослуженіе штундистовъ совершается въ формѣ собраний. Все, что происходитъ на собраніи, рассчитано на то, чтобы производить сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, создавать въ нихъ соответствующее настроеніе; во всемъ замѣтно стараніе, чтобы все было просто, понятно и безыскусственно. Во время собранія поются духовные стихи, читается и объясняется Священное Писаніе и произносятся импровизированныя молитвы. Стихи, употребляемые штундистами, въ большинствѣ отличаются характеромъ не молитвеннымъ, а назидательнымъ: въ нихъ выражается не цорывъ души къ Богу, а напоминаніе о небесномъ жилищѣ или призывъ къ покаянію и т. п. Но они могутъ сильно дѣйстви-

вать на присутствующихъ, благодаря отчетливому, выразительному и прочувствованному исполненію ихъ; при простотѣ и доступности ихъ содержанія и отчетливости выполненія, ни одно слово не пропадаетъ даромъ, не произведши своего впечатлѣнія. Пѣснопѣнія Православной Церкви, судя безъ всякаго пристрастія, по своему содержанію, безконечно трогательнѣе и глубже штундистскихъ стиховъ; но всегда ли можно у насъ разобрать то, что поется, и много ли у насъ такихъ пѣвцовъ, которые относились бы къ своему дѣлу съ полнымъ благоговѣніемъ и въ самое свое пѣніе влагали бы то чувство, которымъ проникнуты произносимыя имъ слова? Кромѣ того, нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, вслѣдствіе слишкомъ буквальнаго перевода съ греческаго, очень мало доступны пониманію простого народа, какъ, напр., глубоко содержательный ирмосъ великаго четверга „Странствія Владычня“. Не ослабляется ли всѣмъ этимъ впечатлѣніе, получаемое молящимися въ православныхъ храмахъ?

Мѣста изъ Священнаго Писанія читаются на штундистскихъ собраніяхъ безъ всякихъ особыхъ интонацій, и потому слѣдить за содержаніемъ ихъ гораздо легче, чѣмъ при чтеніи нѣкоторыхъ нашихъ діаконовъ, болѣе заботящихся о показаніи силы своего голоса, чѣмъ о содержаніи читаемаго. Далѣе на собраніи слѣдуетъ проповѣдь, по поводу прочитаннаго текста. Кому изъ насъ не приходилось видѣть въ православныхъ храмахъ, какъ при началѣ проповѣди присутствующіе устремляются къ выходу? У штундистовъ же проповѣди составляютъ центральную часть собранія и выслушиваются съ большимъ вниманіемъ. Невольно напрашивается мысль, что причина различнаго отношенія къ проповѣди заключается въ тѣхъ пріемахъ, которые употребляютъ тѣ и другіе проповѣдники. Выборъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія и объясненіе ихъ у штундистовъ отличаются тенденціозностью, но это не замѣтно для людей, мало знакомыхъ съ Словомъ Божіимъ. За то съ виѣшней стороны проповѣди ихъ являются дѣйствительно „живымъ словомъ“. Онѣ произносятся

вполнѣ естественно, безъ наклонности къ той заученной, однообразной декламаци, которую нерѣдко можно встрѣтить у православныхъ проповѣдниковъ. Проповѣди штундистовъ бываютъ проникнуты воодушевленіемъ и сильнымъ чувствомъ, при чемъ въ этомъ воодушевленіи часто не бываетъ замѣтно никакой искусственности; умѣя настроить себя, они тѣмъ самымъ облегчаютъ себѣ передачу своего настроенія слушателямъ. Наконецъ, штундистскіе проповѣдники стараются облекать свои мысли въ образы, придавать имъ наглядность, отъ чего впечатлѣніе еще болѣе усиливается. Такъ, желая возбудить въ своихъ слушателяхъ живую вѣру, проповѣдникъ говоритъ: „смотри, дорогой братъ, вотъ Христосъ съ креста простираетъ къ тебѣ Свои прободенныя руки, чтобы привлечь тебя къ Себѣ, чтобы ты чрезъ вѣру въ Него сдѣлался участникомъ жизни вѣчной; ужели ты не откликнешься на этотъ призывъ? Когда у тебя есть просьба къ людямъ, занимающимъ высокое положеніе, то нужно употребить много хлопотъ, чтобы добиться доступа къ нимъ; а Христосъ Самъ приходитъ къ тебѣ, стучитъ въ двери сердца твоего и долго ожидаетъ, пока ты отворишь Ему; ужели ты откажешься принять Христа въ сердцѣ твое?“ Построенная такимъ образомъ рѣчь не можетъ остаться безъ всякаго, хотя, можетъ быть, и непродолжительнаго вліянія на душу слушателя. Но въ штундизмѣ христіанская догматика значительно сужена предвзятымъ ученіемъ объ оправданіи человѣка одною только вѣрою. Поэтому не въ правѣ ли мы отъ православныхъ проповѣдниковъ, поставленныхъ хранителями неисчерпаемаго источника божественныхъ истинъ, требовать гораздо большей учительности и силы „въ наученіи, въ обличеніи, въ исправленіи, въ наставленіи“?

Послѣ произнесенія проповѣди, штундистскій наставникъ приглашаетъ собравшихся преклонить колѣна и вознести молитву Господу. Въ отвѣтъ на это приглашеніе каждый изъ присутствующихъ можетъ произнести свою импровизированную молитву. Эти молитвы, по содержанію своему, до-

вольно однообразны. Въ нихъ не слышится покаяннаго вопля души, сознающей свою грѣховность; онѣ скорѣе напоминаютъ, до нѣкоторой степени, извѣстную молитву фарисея, который такъ же считалъ себя праведнымъ, какъ и штундисты. Въ этихъ молитвахъ штундисты обыкновенно благодарятъ Бога за то, что Онъ просвѣтилъ ихъ ученіемъ Своимъ, удостоилъ ихъ выслушать слово Его; просятъ, чтобы Онъ помогъ имъ не уклоняться съ того пути единенія со Христомъ, на которомъ они стоятъ, а всѣхъ, еще не обратившихся ко Христу, привлекъ благодатию Своею. Молитву каждый произноситъ отъ себя; часто она начинается словами: „и я благодарю Тебя, Господи“, чѣмъ молящійся показываетъ, что въ предшествующей молитвѣ, произнесенной „братомъ“, онъ не участвовалъ; присутствующіе только подтверждаютъ каждую молитву словомъ: „аминь“. Но въ свою молитву штундисты стараются вложить столько чувства, что она производитъ на слушателей болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе; самое импровизированіе невольно наводитъ на мысль, что слова здѣсь являются не заученной формулой, а исходятъ „отъ избытка сердца“. Въ Православной Церкви нѣтъ нужды въ такой импровизаціи, такъ какъ она отъ своихъ отцовъ и учителей получила неистощимое богатство глубоко умилительныхъ и содержательныхъ молитвъ, въ которыхъ всякая стремящаяся къ Богу душа можетъ найти выраженіе для всѣхъ своихъ разнообразнѣйшихъ движеній. Но не бываетъ ли такъ, что отъ частаго повторенія молитвы эти обращаются въ простую формулу, произносимую только устами, а одно устное произнесеніе, безъ участія сердца, не способно вызвать въ душѣ слушателя соотвѣтствующее настроеніе.

Обычно мы, мірскіе люди, обремененные своими дѣлами, живемъ религіозною жизнью только во время молитвы,—главнымъ образомъ при богослуженіи. Если же само богослуженіе не вызываетъ въ чловѣкѣ религіознаго настроенія, то религіозная потребность его остается безъ всякаго удовлетворенія. И что же удивительнаго въ такомъ случаѣ,

Если человекъ для удовлетворенія своего религіознаго чувства обращается туда, гдѣ онъ надѣется скорѣе найти такое удовлетвореніе? Если бы православное богослуженіе совершалось такъ, чтобы все его богатое содержаніе цѣликомъ раскрывалось предъ умомъ и сердцемъ молящагося, чтобы молящійся всецѣло проникался возвышеннымъ настроеніемъ, выражающимся въ церковныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, то съ полной увѣренностью можно сказать, число отпаденій православныхъ въ сектантство значительно сократилось бы. А для этого нужно, чтобы самъ совершитель богослуженія, произносящій молитвы и пѣснопѣнія, проникся ихъ духомъ настолько, чтобы онѣ были выраженіемъ и его собственной внутренней жизни, неотъемлемымъ достояніемъ его души, словами, идущими не только отъ устъ, но и отъ сердца. Православная Церковь имѣетъ въ себѣ достаточно силы не только для привлеченія къ себѣ вѣрующихъ, но и для побѣды надъ „вратами ада“; нужно только, чтобы великія преимущества Церкви не оставались скрытыми, чтобы свѣтъ Христовъ, присущій ей, не „поставлялся подъ спудомъ“, но ясно свѣтилъ всѣмъ. Спросите уклонившихся отъ православія, знаютъ ли они то, что такъ легко оставили, и вы увидите, что истинный духъ православія былъ неизвѣстенъ имъ: вполне понимая православіе, нельзя оставить его для какого-либо другого исповѣданія. Отсюда, религіозное просвѣщеніе народа является дѣломъ настоятельной необходимости, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что однимъ изъ главныхъ средствъ такого просвѣщенія должно служить богослуженіе.

Н. Гумилевскій.

Очерки современности ¹⁾.

18.

(Дѣло вѣры).

Опять грѣшное человѣчество перевалило урочную границу временъ, проводило старый, изжитый годъ и вступило въ новый, пока еще ничѣмъ не ознаменованный изъ дѣяній человѣческихъ. И на этомъ перевалѣ, какъ водится давнимъ обычаемъ, люди подводили итоги своей дѣятельности въ прошломъ лѣтѣ, готовили смѣты, составляли планы, опредѣляли для себя главное дѣло на наступающій годъ. Мудрый, цѣлесообразный обычай, котораго, несомнѣнно, должны держаться и мы, духовенство, если хотимъ уподобиться мудрому евангельскому царю и строителю. Итакъ, какое же дѣло занимало насъ въ прошломъ и какое предстоитъ въ начавшемся уже новомъ году?

Намъ всегда казалось и теперь кажется, что отвѣтъ на него простъ и ясенъ и не допускаетъ никакихъ сомнѣній и противорѣчій: одно у насъ всегда было и навсегда будетъ настоящее, главное въ жизни, святое и великое дѣло—дѣло вѣры. Вѣра, какъ высшее проявленіе жизни нашего безсмертнаго, но все же ограниченного, конечнаго духа въ его взаимоотношеніяхъ къ всеобъемлющему, безконечному Боже-ству, при томъ въ совершеннѣйшей формѣ православнаго богооткровеннаго христіанскаго ученія; поддержаніе, углубленіе и развитіе этой высшей духовной жизни въ людяхъ путемъ духовнаго питанія, постояннаго руководства ихъ въ ней; охрана, защита этой богоданной святости вѣры отъ поврежденій, затмеванія, извращенія ея истинъ со стороны лжеученій, борьба противъ послѣднихъ; наконецъ, обращеніе, приведеніе къ одной Христовой вѣрѣ и утвержденіе въ ней душъ человѣческихъ, блуждающихъ пока во тьмѣ невѣ-

¹⁾ См. № 41-й за 1907 г.

дѣнія, и пробужденіе религіозной жизни въ людяхъ равнодушныхъ, не вѣрующихъ, колеблющихся,—вотъ въ общихъ чертахъ то великое дѣло вѣры, которое должно составлять всегда и главный предметъ и главную жизненную цѣль въ нашей дѣятельности.

Но если дѣло вѣры по своему предмету и по цѣлямъ, которыя оно ставитъ нашей дѣятельности, представляется опредѣлительно простымъ и яснымъ, то съ другой стороны—по самому существу, какъ осуществленіе недостижимаго и высочайшаго идеала въ жизни, какъ утоленіе вѣчныхъ неутолимыхъ запросовъ духа, водвореніе царства Божія на землѣ,—оно же, дѣло вѣры, должно быть признано и самой обширной, трудной задачей всей жизни не только отдѣльнаго человѣка, но всего человѣчества. Дѣло вѣры—дѣло вѣчности, какъ и сама Церковь, воплощающая его въ жизни; его начало совпадаетъ съ явленіемъ на землѣ человѣка, а конецъ и завершеніе въ таинственномъ, грядущемъ при окончаніи вѣка, царствѣ славы, когда вѣра перейдетъ въ вѣдѣніе, лицезрѣніе, постиженіе лицомъ къ лицу. Потому-то къ этому дѣлу не приложимы тѣ же мѣрки и масштабы, способы оцѣнки, какіе употребляются обычно для опредѣленія состоянія какого-либо ограниченнаго человѣческаго начинанія, общественнаго дѣла и для оцѣнки работоспособности приставленныхъ къ нимъ дѣятелей. Здѣсь все на виду и все можетъ быть учтено: и въ какомъ положеніи извѣстное дѣло (напр., проведеніе какой-нибудь соціальной реформы), и что совершено, и что еще предстоитъ совершить дѣятелямъ для его окончанія. Совсѣмъ другое—въ безграничной, необъятной области вѣры, гдѣ одинъ сѣетъ, другой жнетъ; одинъ насаждаетъ, другой поливаетъ, а возвращаетъ все Богъ; гдѣ поле дѣятельности, село—весь человѣческій міръ, грѣшный и измѣнчивый: то чуткій и воспріимчивый, то,—и это чаще,—косный, глухой къ слову жизни.

Не напрасно это слово жизни, животворное сѣмя вѣры благоволили Самъ Господь уподобить небесному огню, принесенному Имъ на землю съ тѣмъ, чтобы онъ возгорѣлся во

всемъ міръ человѣческомъ широкимъ всепросвѣщающимъ и обновляющимъ пламенемъ; а служителей слова назваль свѣтильниками, горящими и свѣтящими, поставленными на высокомъ мѣстѣ. Въ этомъ заключается глубокой смыслъ, объясняющей внутреннія свойства вѣры, требующей особенныхъ условій для своего распространенія и процвѣтанія; здѣсь—указаніе на особенности и часто непреодолимые трудности духовнаго пастырскаго дѣланія, успѣхъ котораго не зависитъ отъ однихъ только дѣятелей. Кому не извѣстно, что для поддержанія и широкаго распространенія пламени потребенъ сухой, горючій матеріаль, и для того, чтобы свѣтильникъ горѣлъ и свѣтилъ ярко, нужно присутствіе въ воздухѣ необходимаго количества извѣстнаго газа—кислорода. И напрасно стали бы трудиться приставники у огня, употребляя для усиленія его сырой и негодный матеріаль: вмѣсто яркаго пламени получился бы ѣдкій дымъ, застилающий и первоначальный огонь; не будетъ свѣтить ярко и самый совершенный свѣтильникъ, если въ окружающей средѣ не окажется присутствія необходимаго для горѣнія газа. Подобное этому происходитъ и въ духовной области вѣры. Здѣсь горючимъ матеріаломъ для поддержанія небснаго огня и средой, въ которой поставлены свѣтильники, является измѣнчивый непостоянный человѣчскій міръ. И вотъ этотъ-то самый міръ въ различныя времена обнаруживаетъ неодинаковую чуткость и воспримчивость въ дѣлѣ вѣры: на протяженіи исторіи встрѣчаются періоды необыкновеннаго подъема религіозной жизни и на ряду съ ними времена крайняго упадка вѣры и нравственности, когда земные чисто-человѣческіе интересы подавляютъ высшіе религіозные запросы духа. Глухи становятся тогда люди къ небеснымъ голосамъ, не загораются души и сердца ихъ яркимъ пламенемъ отъ прикосновенія къ небесному огню. И тускло мерцаютъ свѣтильники, поставленные на высокихъ мѣстахъ, потому что нѣтъ въ окружающей средѣ необходимаго элемента для поддержанія яркаго горѣнія ¹⁾...

¹⁾ Собственно „горѣніе“ пастыря исходитъ прежде всего отъ Бога, конечно, при дѣятельномъ исканіи „огня“ самимъ пастыремъ. *Ред.*

Мрачны, безрадостны такія времена для вѣрующихъ душъ; трудны и тяжки они для Церкви Христовой и для ея служителей—пастырей. И вотъ подобную пору приходится переживать нынѣ нашей Православной Церкви, нашему русскому духовенству. Дѣло вѣры въ глазахъ не только явныхъ враговъ христіанства, но даже и многихъ православныхъ лицъ изъ мыслящей части общества, представляется въ конецъ погибающимъ, Церковь изображается находящейся въ параличѣ, а на ея смиренныхъ служителей взводятся обвиненія въ бездѣятельности, безпечности и чуть ли не въ прямой измѣнѣ святому дѣлу. Тяжки подобныя обвиненія и способны были бы они убить въ насъ всякую энергію и поколебать увѣренность въ плодотворности и въ будущемъ успѣхѣхъ неустанныхъ и часто великихъ, хотя и незримыхъ міру, трудовъ пастырей Церкви, если бы всѣ эти мрачныя взгляды на состояніе Церкви и суровое осужденіе ея служителей были въ полной мѣрѣ основательны и справедливы. Но этого, къ нашему утѣшенію, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вся ошибочность и несправедливость приговора нашихъ судей заключается въ томъ, что они дѣло вѣры и дѣятельность духовныхъ дѣятелей измѣряютъ и оцѣниваютъ, не принимая во вниманіе неизмѣримаго различія этого вѣчно живого дѣла отъ обычныхъ, ограниченныхъ, земныхъ, человѣческихъ дѣлъ.

Правда, какъ въ минувшій годъ, такъ и въ предшествующее ему время дѣло вѣры пребывало въ кажущемся застоѣ, жизнь Церкви не обнаруживала особенной силы и энергіи, не обогатилась за все время свѣтлыми и отрадными фактами, не расширилась и не усилилась приумноженіемъ новыхъ членовъ, и дѣятельность духовенства нашего не дала блестящихъ положительныхъ результатовъ, не ознаменовалось торжествомъ и побѣдой надъ враждебными дѣлу вѣры силами. Даже болѣе того, мы должны согласиться съ печальнымъ для насъ, но неоспоримымъ фактомъ явнаго упадка за это время религіозно-нравственной жизни въ православномъ нашемъ обществѣ и народѣ, и были мы даже свидѣтелями прямого

ущерба въ дѣлѣ вѣры чрезъ отпаденіе отъ ея православнаго исповѣданія не малаго числа неустойчивыхъ, колеблющихся душъ. И намъ необходимо признать, хотя и со скорбію, этотъ печальный результатъ нашего духовнаго дѣланія въ только что минувшую пору, но нѣтъ, однако, основанія впадать въ виду этого въ малодушное отчаяніе и принимать вину всецѣло и исключительно на себя. Смѣемъ свидѣтельствовать, что духовенство въ общемъ, по силамъ и возможности, дѣлаетъ дѣло Божіе. Сознаемъ,—нужно больше преданности дѣлу, одушевленія. Но въ то же время мы обращаемъ вниманіе на то, что общество, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ духовенство, переживаетъ періодъ упадка религіозной жизни. Въ мірѣ, обществѣ и народѣ стали слабѣе безсмертные запросы духа, подавленные теперь общимъ ложнымъ матеріалистическимъ уклономъ жизни человѣческихъ обществъ, теперь особенно враждебныхъ, не воспримчивыхъ, глухихъ къ небеснымъ голосамъ. И пока длится это неблагоприятное для вѣры переходное состояніе міра человѣческаго, въ частности и нашего русскаго общества, придавленнаго, пригнутаго къ самой землѣ матеріальными невзгодами и рѣшеніемъ трудныхъ проблемъ земнаго благополучія, до тѣхъ поръ будетъ пребывать и дѣло вѣры какъ бы въ застоѣ, на мертвой точкѣ и трудъ духовныхъ дѣятелей въ тѣни. Что состояніе общества обуславливаетъ плодотворность или малопродуктивность дѣятельности пастыря, это подтверждается случаями изъ дѣятельности даже самихъ апостоловъ и Самого Иисуса Христа. Вспомнимъ, какъ Господь въ Назаретѣ не явилъ Своей славы и силы, не совершилъ ни единого чуда за невѣрствіе его жителей; вспомнимъ, какъ малопродуктивна была проповѣдь ап. Павла въ Аѳинахъ—опять же по невоспримчивости, глухотѣ аѳинянъ къ живому благовѣстію апостола. Если такъ случилось съ Иисусомъ Христомъ и апостолами, то что говорить о простомъ нашемъ пастырѣ. Все это мы говоримъ не къ тому, чтобы оправдать и успокоить пастыря,—отъ него мы ждемъ большаго одушевленія, ревности въ дѣлѣ Божіемъ,—не для того, чтобы обвинить современное обще-

ство; мы хотимъ только сказать своимъ не въ мѣру усерднымъ обвинителямъ: духовные свѣтильники находятся въ настоящее смутное время въ неблагопріятной средѣ, лишенной духовнаго „кислорода“; небо церковное не сіяетъ яркими свѣтильниками, но это не значить еще, что ихъ нѣтъ, какъ не указываетъ на дѣйствительное отсутствіе звѣздъ облачное, хмурое небо. Разсѣются облака, и свѣтила снова дадутъ свѣтъ и тепло омраченной душѣ, иззябнувшему сердцу человѣка... О, какъ желательно, чтобы скорѣе наступило это время! Но пока оно еще не настало, теперь, въ охватившую насъ мрачную пору религіознаго безвременія, что же остается дѣлать пастырямъ Церкви? Отвѣтъ одинъ: неуклонно и твердо вести вѣчное дѣло вѣры, которому они приставлены свыше; пусть они неустанно продолжаютъ ту же ясную и опредѣленную по своему предмету и цѣлямъ дѣятельность, о которой говорилось выше, не смущаясь кажущейся малоплодностью ея результатовъ. Но при этомъ современному нашему духовенству необходимо напрячь всѣ свои силы и приложить стараніе къ тому, чтобы сдвинуть Церковный корабль съ мертвой точки, на которой онъ временно остановился, чтобы своимъ духовнымъ воздѣйствіемъ ускорить религіозное пробужденіе общества, вызвать къ жизни подавленные теперь, но вѣчные по природѣ, отстраненные, но долженствующіе занимать первое мѣсто запросы человѣческаго духа. Трудная, двойная работа предстоитъ теперь нашему православному духовенству; для выполненія ея необходимо много самоотверженныхъ усилій и тщательное, глубокое изученіе причинъ, приведшихъ современное общество и народъ нашъ къ печальному въ религіозномъ отношеніи состоянію. Но Богъ—Помощникъ православнаго духовенства въ несеніи тяжелаго жизненнаго труда, и оно найдетъ, наконецъ, свѣтлый и радостный выходъ изъ настоящаго мрачнаго состоянія какъ для себя, такъ и для всего православнаго русскаго общества и народа. Можно надѣяться, что на помощь Церкви явится и наша русская Дума въ лицѣ своихъ немалочисленныхъ духовныхъ представителей.

Главную и существенную услугу великому дѣлу вѣры несомнѣнно оказалъ бы предполагаемый церковный соборъ, осуществленія котораго не напрасно такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ вся православная, вѣрующая Россія. И въ данномъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ одномъ, что немногіе разрозненные голоса стали требовать отсрочки собора до полного умиротворенія и успокоенія страны. Боже мой! да, вѣдь, по началу именно для скорѣйшаго умиротворенія и успокоенія (только не мертваго, а жизненно-плодотворнаго) родной страны и ея Церкви и предположено было созваніе всероссійскаго церковнаго собора!.. Но объ этомъ отложимъ бесѣду до слѣдующаго раза.

С. А. В-ii.

Современное декадентство и христіанство.

Исторія декадентства.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Таковы главнѣйшія, родственныя французскому декадентству новыя вѣянія иностранной литературы. Чуткое ко всѣмъ этимъ иноземнымъ вѣяніямъ, въ особенности же къ толстовству, „больной психологіи“ во вкусѣ Достоевскаго, нищепанству и къ отраженному вліянію драмъ Ибсена, французское декадентство жадно впитывало и претворяло ихъ въ свою плоть и кровь ²⁾. Обогащенное, благодаря этому, новымъ содержаніемъ, оно къ концу прошедшаго столѣтія изъ довольно узкаго литературнаго теченія разрослось въ широкое движеніе, такъ или иначе охватившее собою почти всѣ сферы человѣческой мысли и жизни. Про все, что носило на себѣ печать декадентства, принято было говорить,

¹⁾ См. № 6-й за 1908 г.

²⁾ А. Баулеръ. „К. Ж. Гюисмансъ“. „Научное Слово“ 1894 г., № 1, стр. 69.

что это во вкусѣ *fin de siècle*'я. Понимаемое въ этомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ господствующаго общественнаго настроенія, декадентство явилось весьма характернымъ знаменіемъ своего времени, тѣмъ особымъ „стилемъ модернъ“, который сдѣлался послѣднимъ крикомъ моды, этой деспотической властительницы, поработившей нынѣ весь міръ христіанскій.

Сложившись съ такой, болѣе или менѣе опредѣленной, фізіономіей только къ самому концу XIX вѣка, декадентство, какъ типичное наслѣдіе конца этого вѣка, перешло и въ начало настоящаго, продолжая до сего времени сохранять за собою значеніе моднаго общественнаго направленія. А такъ какъ Франція всегда стояла во главѣ всего культурнаго движенія европейскіхъ народовъ и считается законодательницей всякихъ модъ, то неудивительно, что декадентство, достигшее въ ней апогея своего развитія, перешло потомъ во всѣ почти остальные страны Европы, не исключая и нашей матушки-Руси, которая обыкновенно тянется въ хвостъ всѣхъ модныхъ западно-европейскіхъ увлеченій.

Во главѣ русскаго декадентства, конечно, должно быть поставлено художественно-литературное его теченіе, которое представлено у насъ довольно полно и разнообразно. Въ Россіи, какъ и вездѣ въ Европѣ, пальма первенства принадлежитъ поэтамъ-декадентамъ, размножающимся съ такой быстротой, что это дало поводъ для извѣстной шутки Вл. Соловьева о *generatio æquivoca* декадентовъ, т. е. объ ихъ произвольномъ зарожденіи. Проповѣдь декадентства началась у насъ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“¹⁾. Выразителемъ художественно-литературнаго декадентства служить у насъ и другой журналъ „Міръ Искусства“, „сотрудники котораго, по словамъ А. Волынскаго, словно загнипнотизированные талантомъ Ницше, съ его великими антихристіанскими экста-

¹⁾ Его „Стихотворенія“. Сиб. 1900 г., стр. 198.

зами, всегда ходятъ вокругъ него, пользуются его терминами и проложенными имъ путями“¹⁾).

Наиболѣе выдающимися изъ множества имѣющихся у насъ декадентскихъ поэтовъ и поэтессъ являются Минскій, Мережковскій, Сологубъ, Бальмонтъ, Лохвицкая-Жиберъ, а въ новѣйшее время—Добролюбовъ, Брюсовъ и др.

Первый, кто, по мнѣнію Волынскаго, „намѣтилъ въ русской поэзіи какія-то новыя настроенія и бросилъ тѣнь будущаго декадентства“²⁾, это—*Н. М. Виленкинъ*, выступившій на литературное поприще въ концѣ 70-хъ годовъ подъ псевдонимомъ *Минскаго*. Почти одновременно съ Минскимъ вступилъ на литературную арену образованный, но гонящійся за всякою новизною поэтъ, романистъ и критикъ *Д. С. Мережковскій*. Въ большинствѣ своихъ стихотвореній, отразившихъ въ себѣ разсудочно-поэтическую диалектику Минскаго, онъ преисполненъ фальшиво-тенденціозными претензіями быть во что бы то ни стало интернаціональнымъ глашатаемъ превыспреннихъ фантазій³⁾. Въ концѣ 80-хъ годовъ его захватываетъ волна ницшеанства. Стихотворенія его, относящіяся къ этому времени, проникнуты ницшеанскимъ духомъ⁴⁾. Все, что есть въ современныхъ декадентскихъ настроеніяхъ демоническаго и протестантскаго, нашло себѣ отраженіе въ этихъ его стихотвореніяхъ. Увлеченный могучимъ въ своихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ Ницше и проникнутый ницшеанскимъ самообожаніемъ, Мережковскій, разумѣется, не могъ считать себя связаннымъ какими бы то ни было законами: свободная воля, доходящая до полнаго произвола,—вотъ его единственный законъ⁵⁾. Въ

¹⁾ Его „Книга вѣликаго гнѣва“, стр. XI.VII.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Символы (цѣсни и поэмы)“. Спб. 1902 г.

⁴⁾ „Новыя стихотворенія“. Спб. 1904 г.

⁵⁾ Мы для новой красоты

Нарушаемъ всѣ законы,

Преступаемъ всѣ черты,—

откровенно заявляетъ Мережковскій

1893 году издана имъ книга: „О причинахъ упадка современной русской литературы“, въ которой мораль ницшеанскаго сверхчеловѣка настолько поразила воображеніе автора, что онъ уже готовъ отнести стремленіе къ нравственному идеалу къ числу мѣщанскихъ условностей. Въ своемъ романѣ „Воскресшіе боги“ Мережковскій также преклоняется предъ идеаломъ Ницше—сверхчеловѣкомъ, поэтизируя отвратительную личность Цезаря Борджіа. И историческому роману его „Отверженный“ сообщили очень крупный размахъ, въ которыхъ стороны ницшеанства, именно воплѣ свободное отношеніе автора къ древнему язычеству въ лицѣ Юліана Отступника ¹⁾).

Послѣ Минскаго и Мережковскаго надобно поставить жену послѣдняго—*З. Н. Гиппиусъ-Мережковскую*, несомнѣнный талантъ которой не даетъ ничего цѣннаго въ изысканной погонѣ за „новой красотой“. Новеллы ея представляютъ собой нетвердое соединеніе въ которыхъ философскихъ идей, навѣянныхъ вѣтромъ современнаго демонизма, и личнаго психологическаго опыта, не отличающагося ни особенною глубиною, ни разнообразіемъ. Стилъ ея разсказовъ—исключительно декадентскій. Характернѣйшее изъ стихотвореній г-жи Гиппиусъ, отличающихся тѣми же особенностями, что и новеллы—въ духѣ декадентства—„Цвѣты ночью“. Всѣ старанія автора изобразить въ немъ воздѣйствіе „злой красоты“ цвѣтовъ создаютъ въ результатѣ лишь легкой угаръ искусственнаго нервнаго возбужденія ²⁾).

¹⁾ На страницахъ этого романа его мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія слова Арсинои: „Развѣ мудрецы Эллады не приближались къ тому, о чемъ говоритъ Галилеянинъ? Тѣ, кто въ пустынѣ терзаютъ плоть и душу свою, тѣ далеки отъ кроткаго сына Маріи. Онъ любилъ дѣтей, и свободу, и веселіе, и пышныя бѣлыя лиліи. Онъ любилъ красоту, Юліанъ! Только мы ушли отъ Него, запутались и омрачились духомъ“.

²⁾ А. Волынской. „Борьба за идеализмъ“, стр. 397—400.—Сочиненія г-жи Гиппиусъ изданы отдѣльнымъ сборникомъ подъ заглавіемъ „Зеркала“. Сиб. 1898 г.

Федоръ Сологубъ (псевдонимъ), современный поэтъ-декадентъ и беллетристъ, обратилъ на себя вниманіе въ началѣ 90-хъ годовъ повѣстями и стихотвореніями (Спб. 1896 г.), написанными въ стилѣ наиболѣе „мучительныхъ“ произведеній Достоевскаго и потому свидѣтельствующихъ о совершенно болѣзненномъ направленіи таланта автора въ погонѣ его за необычайностію ощущеній. Въ своихъ стихотвореніяхъ, помимо того, Сологубъ проповѣдуетъ декадентскій культъ человѣческой личности¹⁾, объясняющій и пристрастіе его къ культу демонизма, изъ котораго онъ пытается создать какую-то свою новую религію²⁾.

Самымъ неутомимымъ декадентскимъ поэтомъ нужно признать *К. Д. Бальмонта*, болѣе всего, впрочемъ, извѣстнаго какъ удачнаго переводчика Бодлэра, Верлена, Эдг. По и др. иностранныхъ декадентовъ. Надрываясь въ переищѣвѣ

¹⁾ Вотъ какъ, напр., выражаетъ онъ идею о человѣкѣ, какъ единственномъ, реальномъ центрѣ міроздавія:

Я—богъ таинственнаго міра,
 Весь міръ въ одиѣхъ моихъ мечтахъ...
 И что мнѣ помѣшаетъ
 Воздвигнуть всѣ міры,
 Которыхъ пожелаешь
 Законъ моей игры (Ф. Сологубъ. „Сѣверные Цвѣты“ 1902 г.,

стр. 112).

²⁾ Поэтъ готовъ даже признать свое родство съ сатаной:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
 И мой корабль пошелъ ко дну,
 Я такъ воззвалъ: отецъ мой дьяволъ,
 Спаси, помилуй—я тону!..
 И вѣренъ я, отецъ мой, дьяволъ,
 Обѣту, давнему въ злой часъ,
 Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ .

И ты меня изъ бездны спасъ („Сѣверные Цвѣты“ 1903, стр. 160). Приведенное стихотвореніе, въ которомъ авторъ пародируетъ ап. Петра, во время плаванія въ бурю, молившаго Христа о спасеніи, написано во вкусѣ „сатанинскаго“ творчества французск. декадента *Гюисмана*, котораго романъ „*Là Bas*“ („Тамъ“) откровенно разоблачаетъ всѣ тайны „культа сатаны.“ („Научное Слово“ 1894 г. № 1).

литературныхъ мотивовъ „конца вѣка“, онъ провозглашаетъ начало самаго широкаго, безграничнаго индивидуализма, на почвѣ котораго у него вырастаетъ какой-то маниакальный бредъ величія ¹⁾. „И такъ хочу“—вотъ единственный лозунгъ Бальмонта. „Не для меня законы, разъ я геній“,—откровенно заявляетъ онъ. Отсюда вытекаетъ рѣзко отрицательная тенденція его въ отношеніи къ законамъ разума, религіи и морали. Идеаль свой въ области познанія поэтъ указываетъ въ томъ, чтобы „разбивъ оковы мысли, быть окованнымъ мечтой“. Обозначаемое здѣсь „разбитіемъ оковъ мысли“ ниспроверженіе всѣхъ логическихъ законовъ приводитъ его и къ отрицанію религіи. „Въ мірѣ только два лика: ликъ Бога и ликъ Діавола“—говоритъ Бальмонтъ въ предисловіи къ своему сочиненію „Соломея“, и ему, повидимому, гораздо больше улыбается послѣдній. Впрочемъ, Богъ у него—не столько реальная личность, сколько какое-то проявленіе великой Силы, разлитой по всему міру. Въ духѣ пантеизма онъ говоритъ, что „не только человѣкъ, но и каждый цвѣтокъ, будь это нѣжный ландышъ, или ядовитая орхидея, равенъ Богу“ ²⁾. Отвергнувъ бытіе личнаго Бога, Бальмонтъ создаетъ себѣ кумирь въ лицѣ діавола и аггеловъ его ³⁾. Въ области морали онъ пытается уничтожить всякое различіе ме-

¹⁾ Я властелинъ; я каждый мигъ исполненъ откровенья, всегда
пою.

Кто равенъ мѣ въ моей нѣвучей силѣ? Никто! Никто!—въ
безумной гордости взываетъ поэтъ.

²⁾ Бальмонтъ. „Сѣверные Цвѣты“ 1902 г., стр. 40.

³⁾ Съ какимъ-то особеннымъ злорадствомъ онъ преклоняется предъ
злыми духами:

Васъ презирать, о демоны мои?
Вы передо мной встаете въ забытьи
И въ сумракѣ, мой страшный сонъ зелѣя.
Вѣщаете душѣ о царствѣ змѣя...
Я слышу васъ, о демоны мои,
Мечтатели о лучшемъ бытїи,
Блжстители гармонїи надзвѣздной,
Удвоенной, мучительною бездной.

жду добродѣтелью и порокомъ и переставить добро со зломъ. „Мы избрали зло, какъ путь познанья“, заявляетъ поэтъ. Съ точки зрѣнія такой морали, добродѣтель любви къ ближнимъ не что иное, какъ та самая „жалкая мораль трусовъ и рабовъ“, которая возбуждала презрѣнiе еще у Ницше. „Любовь людей, по мнѣнiю Бальмонта,—отравленное зелье“. „Проклятiе людей“, „жестокое холодное презрѣнiе“ къ нимъ—въ большомъ почетѣ у него. Вытравивъ въ себѣ любовь къ людямъ, онъ старается замѣнить ее грубой чувственностью, доходящей до крайняго цинизма¹⁾.

Что касается декадентской реторики Бальмонта, то нужно замѣтить, что, при его небольшомъ поэтическомъ дарованiи, она является чѣмъ-то холоднымъ, мертвеннымъ, тяжеловѣснымъ. Красивыя слова его стихотворенiй, случайно связанныя между собою, при совершенной скудости оригинальнаго умственного содержанiя и пустотѣ эстетическаго настроенiя, не оставляютъ въ читателѣ никакого воспоминанiя о прочитанномъ. Въ его стихотворныхъ сборникахъ подъ кричащими заглавiями: „Подъ сѣвернымъ небомъ“ (Спб. 1894 г.), „Въ безбрежности“ (Москва 1894 г.), „Тишина“ (Спб. 1898 г.), выступаютъ психологическiя и стилистическiя нелѣпности, рассчитанныя, очевидно, на усиленiе впечатлѣнiя извѣстнаго, чисто декадентскаго, характера,—на образованiе своего рода „навязчивой идеи“. Главнѣйшею изъ такихъ нелѣпостей является у Бальмонта настойчивое повторенiе какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ выраженiй²⁾. Типичнѣй-

¹⁾ Вотъ образчикъ бальмонтовскаго цинизма:

И полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты,
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Живутъ безумные цвѣты.

Поэтъ, очевидно, намекаетъ здѣсь на извѣстные „Цвѣты зла“ Бодлера. И онъ, дѣйствительно, въ своемъ поэтическомъ творествѣ собралъ богатый цвѣтникъ этого зла.

²⁾ Вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ.
Что ты въ вѣткахъ все шумишь?

шее его стихотвореніе—въ стилѣ декадентскомъ — „Челнѣ томленія“, въ которомъ рисуется непонятная и по способу выраженія совершенно дикая картина вечера на взморьѣ. При всемъ томъ стихъ Бальмонта нѣжнѣе и гибче тщатель- но отдѣланнаго стиха Мережковскаго и музыкальнѣе глубо- комысленнаго, но по нестройнаго стиха Минскаго 1).

Горячей почитательницей „заоблачной, туманно-блѣдной музыки“ Бальмонта является г-жа *М. А. Тогвицкая-Жиберъ*— молодая „поэтесса-декадентка ощущений“, „русская Сафо“, съ огнемъ пылкихъ чувствъ въ своихъ по преимуществу любовно-романтическихъ стихотвореніяхъ (Москва 1896—1898 гг.). Распущенная муза этой представительницы дека- дентской порнографіи не только незнакома съ чувствомъ обыкновенной женской стыдливости, но иногда способна за- ставить покраснѣть и самаго грубаго мужчину.

Остается еще сказать объ одной небольшой группѣ по-этовъ-декадентовъ—такъ называемыхъ московскихъ симболи- стовъ. Группа эта имѣетъ въ Москвѣ двѣ свои книгоизда- тельскія фирмы съ весьма характерными для нихъ названі- ями „Скорпионъ“ и „Грифъ“, изъ которыхъ первая суще- ствуетъ еще съ 1900 года, а вторая лишь съ 1903 года, почему и называется въ шутку „колоніей малолѣтнихъ де- кадентовъ“, въ отличіе отъ старыхъ декадентовъ, груширу- ющихся вокругъ фирмы „Скорпионъ“ 2). О характерѣ дѣ- ятельности обѣихъ названныхъ фирмъ лучше всего можно судить по изданнымъ ими альманахамъ: „Сѣверные Цвѣты“

Вольный вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Предъ тобой дрожитъ камышь.
Вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣтеръ,
Что ты душу мнѣ томишь.

Повторяя много разъ одно и то же слово, авторъ имѣетъ въ виду создать въ читателѣ извѣстное впечатлѣніе; и онъ создаетъ его, но едва ли то, на которое рассчитывалъ.

1) А. Вольтскій. „Борьба за идеализмъ“, стр. 383—388.

2) „Новости Дня“ 1894 г., № 7430.

(изд. „Скоріона“) и „Грифъ“ альманахъ соименной ему фирмы. Указанныя декадентскія фирмы усердно насаждаютъ у насъ такъ называемое „новое искусство“, или, по выраженію одного изъ декадентствующихъ писателей, „знаніе играющихъ всѣми тонами и переливами образовъ современнаго начертательнаго художества“¹⁾; онѣ выпускаютъ въ свѣтъ сборники декадентовъ, составляютъ ихъ біографіи, переводятъ иностранныхъ авторовъ подходящаго направленія, какъ, напр. Эдг. По, Ибсена и др.

Настоящимъ фаворитомъ для московскихъ декадентовъ является молодой поэтъ *Александръ Добролюбовъ*. Это очень странный, хотя интеллигентный и начитанный юноша, съ стремленіемъ къ новаторству въ области стихотворства, переходящему иногда въ комическую погоню за небывалыми выраженіями и до дикости нелѣпыми образами, и со склонностію къ „тайнодѣйствіямъ“ въ сферѣ подозрительной морали. Съ двѣнадцати лѣтъ ярый декадентъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, подражатель Бодлэра, отравленный всѣми „искусственными ядами“, проповѣдникъ сатанизма, соблазнявшій молодыхъ дѣвушекъ къ самоубійству, онъ вдругъ „покаялся“, покинулъ семью, домъ, умѣніе и долго странствовалъ нищимъ, питаясь милостыней. По выходѣ изъ перваго курса Московскаго университета онъ отправился въ Соловецкую обитель, гдѣ хотѣлъ было поступить въ монахи, но рѣшивъ, что Православная Церковь не истинная, отрекся отъ нея, ушелъ изъ монастыря. Послѣ этого онъ опять странствовалъ, исходилъ пѣшкомъ всю Россію отъ Бѣломорскихъ тундръ до степей Новороссіи, служилъ въ батракахъ, сходился съ духоборами, штундистами, молоканами; за совращеніе двухъ казаковъ къ отказу отъ присяги и военной службы былъ приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ, но потомъ, какъ признанный душевно-больнымъ, посаженъ въ

¹⁾ И. Коневскій. „Объ отпѣваніи новой русской поэзіи“. „Сѣверные Цвѣты“ 2 ч., стр. 180.

сумасшедшій домъ, откуда потомъ его выпустили. Коневскій во вступительныхъ статьяхъ къ сборнику стихотвореній Добролюбова, изданному фирмой „Скорпионъ“, изслѣдуетъ личность нашего поэта. Оказывается, что Добролюбовъ поставилъ себѣ задачей создать свой собственный міръ „внѣ человѣческихъ чувствъ и внѣ человѣческихъ мыслей, внѣ тѣла и внѣ ума“. Въ этой задачѣ творчества, отрѣшеннаго отъ привычныхъ воспріятій и обычной логики, Коневскій, самъ извѣстный поклонникъ ницшеанскаго культа своего „я“, усматриваетъ проявленіе „великаго духа“. Съ такимъ же благоговѣніемъ отзывается о поэтической музѣ Добролюбова и Мережковскій въ своей статьѣ „Революція и религія“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за истекшій годъ: „Л. Толстой, по словамъ Мережковскаго, говорилъ, но не дѣлалъ того, что говорилъ. Достоевскій испыталъ отреченіе невольное и потомъ всю жизнь вспоминалъ о немъ съ ужасомъ. А жалкій, смѣшной декадентъ, немощный ребенокъ (т. е. Добролюбовъ) сдѣлалъ то, что было не подъ силу титанамъ. *Въ немощи сила Моя совершается*“. На самомъ же дѣлѣ поэзія Добролюбова, слѣдующая только собственной капризной волѣ, есть маниакальный бредъ замкнутой въ себѣ души ¹⁾. При всемъ разнообразіи эпитафій изъ западныхъ декадентскихъ поэтовъ, при всемъ богатствѣ въ опредѣленіи музыкальных темповъ ²⁾, въ которыхъ написаны стихотворенія молодого поэта, послѣднія представляютъ собою безсвязный бредъ чловѣка, ничего глубоко не испытывающаго, но, быть можетъ, болѣзненно изнемогающаго подъ тяжестью нечистаго воображенія. Проза Добролюбова ³⁾ не лучше его стиховъ. Повсюду мелькаютъ какія-то „бѣлыя ноги“, да „бѣлыя нози“, но нигдѣ ни одного простого обыкновеннаго выраженія ⁴⁾.

¹⁾ А. Вольтскій. „Книга великаго гнѣва“, стр. 216.

²⁾ Adagio, maestoto, presto, andante con moto.

³⁾ Разумѣется его „Natura naturans, Natura naturata“. Сиб 1895.

⁴⁾ А. Вольтскій. „Борьба за идеализмъ“, стр. 409.

Изъ другихъ декадентскихъ поэтовъ московской группы самымъ выдающимся слѣдуетъ признать *Валерія Брюсова*, прославившагося немалыми чудачествами въ поэтической дѣятельности ¹⁾. Однажды Брюсовъ сочинилъ слѣдующее классическое по своей краткости стихотвореніе въ одну строку, ставшее какъ бы девизомъ русскихъ декадентовъ-символистовъ: „О, закрой свои блѣдныя ноги!“ ²⁾. Вся Москва смѣялась до упада надъ этимъ стихотвореніемъ. въ которомъ, какъ и во всей „новой поэзіи“, эротической по преимуществу, по словамъ В. В. Розанова, „уголъ зрѣнія на человѣка и, кажется, на всѣ человѣческія отношенія, т. е. на самую жизнь, открывается не сверху, идетъ не отъ лица, проникнуть не смысломъ, но поднимается откуда-то снизу, отъ ногъ, и проникнуть ощущеніями и желаніями, ничего общаго со смысломъ не имѣющими“ ³⁾. Съ тѣхъ поръ имя Брюсова звучитъ для читающей публики однимъ чудачествомъ, которое сказывается и во многихъ другихъ его стихотвореніяхъ. Въ его стихотворномъ сборникѣ подъ громкимъ заглавіемъ: „Chefs d'Œuvre“ (Москва 1895 г.) поэтическія нецѣлности паивнаго воображенія громоздятся одна на другой, не вызывая въ читателѣ никакихъ серьезныхъ настроеній, не открывая передъ нимъ никакой ни эстетической, ни психологической правды ⁴⁾. Исходнымъ пунктомъ поэтического творчества Брюсова является начало самого широкаго индивидуализма. Онъ заходитъ въ этомъ отношеніи дальше другихъ современныхъ декадентовъ. Отсюда его отрицаніе въ сферѣ познанія самого критерія истины. „Въ истинѣ, разсуждаетъ Брюсовъ, цѣнно лишь то, въ чемъ можно сомнѣваться... Мало того, продолжаетъ онъ, цѣнная истина имѣетъ прямо противоположную ей истину; иначе сказать—сужденіе, пря-

¹⁾ Его же. „Тинга великаго гвѣва“, стр. 216.

²⁾ П. Энгельгардъ. „Исторія русской литературы XIX столѣтія“, т. II, стр. 488.

³⁾ В. Розановъ. „Декаденты“. Спб. 1904 г., стр. 8.

⁴⁾ А. Волинскій. „Борьба за идеализмъ“, стр. 411.

мо противоположное истинѣ, въ свою очередь истинно... Истинно то, резюмируетъ онъ, что признаю я, признаю теперь, въ это мгновеніе⁴ 1).

Итакъ, современное русское декадентство въ области поэтической литературы не имѣетъ почти ничего оригинальнаго, а представляетъ собою простое подражаніе иностранному, пресимущественно, французскому декадентству. Перѣдко корифеи нашего декадентства занимаются и прямыми переложеніями произведеній западныхъ декадентовъ, въ чемъ особенную извѣстность пріобрѣлъ Бальмонтъ. Помимо наивной зависимости отъ западныхъ писателей декадентскаго направленія, поэтическое творчество русскихъ декадентовъ отличается еще какою-то дѣланностію и риторичностію въ смѣшной погонѣ за внѣшними эффектами. Отыскивая новые пути въ туманѣ своихъ неясныхъ и сбивчивыхъ понятій, наши декаденты, быть можетъ, еще долго не внесутъ въ художественную литературу ничего болѣе или менѣе цѣннаго. Поэзія ихъ только еще пробуетъ свои силы, и должно пройти не мало времени, пока декадентское искусство преодолѣетъ болѣзненный процессъ исканія новыхъ утонченныхъ формъ для совершеннаго выраженія также новой идеалистической красоты. Въ пѣдрахъ русскаго литературно-художественнаго декадентства происходитъ какое-то броженіе, доселѣ еще не нашедшее для себя выдающагося представителя въ сколько-нибудь яркомъ и оригинальномъ талантѣ.

Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴) Вал. Брюсовъ. „Истина“. „Сѣверн. Цвѣты“ 1901 г., стр. 102, 106.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 12-го февраля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года февраля 24-го дня.

Содержаніе: I. Кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ и православное духо-
венство. Ст. В.—II. Современное декадентство и христіанство
(продолженіе). Прот. Н. Стеллецкій.—III. Евангельское ученіе о
разводѣ (продолж.). С. Чернышевъ.—IV. Забѣтка. Изъ жизни Ки-
шиневской епархіи.

Кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ и православ- ное духовенство.

Кооперация, какъ средство проявленія „любви къ ближнему“.

I.

Освободительное движеніе всколыхнуло деревенскій за-
стой крестьянской мысли, указало нашему сельскому населе-
нію на мирную экономическую самоорганизацию, какъ на
единственное средство предотвратить попытки либеральнаго
воздѣйствія на темныя массы, питавшагося исключительными
условіями недавняго времени. Народъ понялъ, что пропа-
ганда идей революціи рассчитана только на тяжелыя стороны
крестьянскаго быта, что этими тяжелыми сторонами поль-

зуются лишь въ интересахъ извѣстныхъ интеллигентскихъ доктринъ; что же касается самоувѣренныхъ посуловъ въ пользу трудящихся классовъ, то ихъ пропагандисты-освободители ни въ коемъ случаѣ выполнить не могутъ. Разсматривая теперь остатки недавней поры политическаго омыненія (въ видѣ листовъ, брошюръ, политическихъ программъ), удивляешься не тому, что было это болѣзненное время,—продуктъ болѣзненныхъ напряженій отечества,—а тому, что русская интеллигенція могла серіозно трактовать вопросы, лежащіе внѣ ея научной компетенціи и свидѣтельствующіе о совершенной неприспособленности ея къ запросамъ времени. Мы часто спрашиваемъ себя: что могло бы сдѣлать для Россіи, находящейся теперь въ состояніи сложнѣйшаго затяжного кризиса, то министерство, котораго такъ домогались наши юные либералы, способные только къ митинговымъ рѣчамъ, но никакъ не къ созидательной, скромной по своимъ социальнымъ перспективамъ, дѣятельности? Въ политическихъ платформахъ всѣхъ партій, начиная съ кадетовъ и оканчивая социалистами извѣстныхъ оттѣнковъ, мы видѣли только выраженіе того закона, который особенно приложимъ къ нашей славянской натурѣ: мы любимъ идейно опережать реальныя нужды жизни, вращаться въ области весьма общихъ, хотя и привлекательныхъ запросовъ, спорить о томъ, что внушено не потребностями житейскаго быта, а нашими теоретическими помышленіями. Вотъ почему народъ, идеологія котораго значительно уже, хорошо понимаетъ бесплодность интеллигентской болтовни... Теперь мы переживаемъ время вырожденія социальныхъ перспективъ недавняго прошлаго. Народъ понимаетъ, что интеллигенція, съ ея беспочвеннымъ радикализмомъ, совершенно ничѣмъ ему не поможетъ. Факты, о которыхъ мы хотимъ сообщить, служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ того, что народное сознаніе отшатнулось отъ идеаловъ, которые навязывались ему русской интеллигенціей. Такой разладъ имѣетъ значеніе особенно для православнаго духовенства. Послѣднее не стояло на сторонѣ теоретическихъ

выдумокъ интеллигенціи, за которыя заплатился кровью все тотъ же нашъ темный народъ. И потому новая эра русской жизни, возникающая на почвѣ здоровой общественной реакціи, налагаетъ на представителей духовенства обязанность воспользоваться складывающимся положеніемъ вещей въ интересахъ того міровоззрѣнія, которое всегда было проводникомъ мирной культуры.

Мы хотѣли бы сблизить два начала, представителями которыхъ являются, съ одной стороны, народъ, а съ другой—православное духовенство; первое—крестьянство, какъ трудовой классъ, созидающій свой бытъ личными усиліями, а второе—носитель и представитель христіанства, какъ религіи, всегда сопутствующей земледѣльцу въ его мирной культурѣ. Потребность объединить эти два начала въ примѣненіи къ сельскому быту вызывается, какъ мы сказали, неприспособленностью къ нему иныхъ идеаловъ, которые сіяются провести представители беспочвенной и разрушительной для всякаго соціального строя теоріи.

Каждый день мы читаемъ въ газетахъ, что освободительный угаръ смѣняется фактами, свидѣтельствующими о стремленіяхъ нашего крестьянства сплотиться въ дружныя экономическія группы, которыя непосредственно вѣдали бы нужды крестьянства, безъ всякихъ теоретическихъ мудрствованій на счетъ высшей политики. Теперь можно съ облегченіемъ сказать, что русская народная жизнь, кажется, выходитъ на правильную дорогу труда, правды и общественности, создаваемой на почвѣ не разрушенія, а права. И если бы православное духовенство присоединило свою инициативу къ новымъ попыткамъ самоорганизации нашего сельскаго населенія, то оно этимъ оказало бы русской культурѣ незамѣнимую услугу; вводя въ эти кружки новыхъ организаций начало христіанскаго идеализма, оно (духовенство) предотвратило бы въ нихъ несимпатичныя для русской души черты мѣщанскаго меркантилизма, опошляющаго жизнь и дающаго поводъ

утверждать болтунамъ изъ лагеря социалистовъ, что вся жизнь складывается исключительно изъ экономическихъ интересовъ.

Мы говоримъ о первыхъ кооперативныхъ теченіяхъ среди нашего крестьянства, какъ о такой формѣ народнаго объединенія, въ которую не трудно внести христіанскія начала братства, общественности, взаимопомощи и т. п. Что называется кооперацией? Отвѣчаемъ классическимъ опредѣленіемъ этой всемірной формы организаціи мелкаго люда, сдѣланнымъ однимъ изъ первыхъ организаторовъ кооперативнаго движенія—Полуоакъ: „истинной, чистой и полной кооперацией будетъ та, которая ставитъ капиталъ въ положеніе слуги, наемнаго рабочаго, сводитъ вознагражденіе за пользованіе капиталомъ къ договорному уровню, къ опредѣленному, твердо установленному проценту, и не „оставляетъ ему (капиталу) никаго участія въ прибыляхъ, которыя должны распределяться между личнымъ составомъ кооперативнаго учрежденія, работниками и кліентами, пропорціонально заработной платѣ и услугамъ каждаго изъ нихъ“. Комментируя это опредѣленіе кооперации, Шарль Жидъ, другой крупный представитель кооперативной идеи, говоритъ: „Существенный характеръ кооперативной ассоціаціи, ея оригинальная черта состоитъ въ томъ, что въ ней капиталъ не упраздненъ и не отвергается съ презрѣніемъ,—кооператоры слишкомъ практическіе люди, чтобы воображать, что можно обойтись безъ капитала или получить его даромъ,—но сведень къ своей истинной роли, т. е. къ назначенію служить орудіемъ, которымъ распоряжаются трудящіеся; капиталъ оплачивается постольку, поскольку онъ выполняетъ эту роль орудія. Въ то время какъ, при современномъ порядкѣ вещей, собственникомъ является капиталъ и захватываетъ въ свою пользу прибыли, трудъ же состоитъ у него на жалованьи,—при кооперативной организаціи положеніе измѣняется кореннымъ образомъ,—работникъ и потребитель станутъ собственниками и получать прибыли, а капиталъ будетъ низведенъ на поло-

женіе простого рабочаго ¹⁾). „Читатель видитъ, что кооперація, въ ея собственномъ смыслѣ, является именно той формой быта, при которой становится невозможнымъ проникновеніе жизни исключительно экономическими интересами, какъ это бываетъ при капиталистическомъ строѣ общества. Здѣсь открывается широкая возможность духовенству православному внести христіанскую идею въ новую форму общественной организаціи. Опытъ западно-европейскаго кооперативнаго движенія,—главнымъ образомъ въ Германіи и Франціи,—можетъ убѣдить нашихъ читателей въ справедливости только что высказаннаго предположенія о возможности сблизить ассоціаціи мелкаго люда съ идеалами христіанскаго братства и этимъ возвысить духовное состояніе деревни.

Что же представляетъ собою кооперація въ ея частностяхъ? Въ какой мѣрѣ, говоря вообще, она способна, въ качествѣ ассоціаціи, поднять благосостояніе массы мелкаго люда?

Кооперація, по-русски—судо-сберегательное, или кредитное товарищество, являясь выраженіемъ объединенія труда и капитала (отсюда и самое названіе ея), рассчитана на удовлетвореніе насущныхъ потребностей земледѣльческаго и ремесленнаго люда. Это достигается прежде всего ограниченіемъ капиталистическихъ перспективъ для всякой коопераціи. Мотивомъ ея возникновенія служить—какъ у насъ, такъ и за границей—высокое въ нравственномъ смыслѣ стремленіе оградить скромнаго сельскаго труженика отъ безчеловѣчной эксплуатаціи захоластныхъ кулаковъ, дать ему определенное вспомошествованіе, рассчитанное именно на удовлетвореніе насущныхъ потребностей простого быта. Взамѣнъ рутиннаго пути узкаго индивидуализма, который однихъ заставляетъ заниматься ростовщичествомъ, другихъ—зарывать

¹⁾ Ch. Gide. La coopération. Confer. de propagande. Par. 1900. Статя „de la coopération et des transformation qu'elle est appelée à réaliser dans l'ordre économique“.

въ землю трудовые запасы, а третьихъ—чувствовать постоянную одинокую зависимость отъ кулаковъ и торговцевъ,—взаимѣнь такого нехристіанскаго характера хозяйственныхъ отношений, новыя формы экономическихъ ассоціацій выдвигаютъ прекрасное начало экономического содружества, товарищества, которое постоянно выражается въ дѣятельности ассоціацій. Первый вопросъ, разрѣшеніе котораго даетъ, такъ сказать, жизнь новой ячейкѣ экономического объединенія, касается состава членовъ—учредителей ассоціаціи. Послѣдніе должны пользоваться высокимъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ населенія, которое должно быть объединено этимъ учрежденіемъ. Сами между собой они соглашаются, можно сказать, на высокій подвигъ, такъ какъ имъ приходится матеріальную отвѣтственность за кооперацію ставить на почву своей личной собственности. Отвѣтственность членовъ за цѣлость капиталовъ товарищества, за правильное во всѣхъ отношеніяхъ распредѣленіе ссудъ налагаетъ на инициаторовъ дѣла особый высокій долгъ лучшихъ представителей извѣстной мѣстности. Это, выражаясь фигурально, нравственные столпы мѣстнаго населенія. Неудивительно поэтому такое явленіе въ исторіи западно-европейскихъ кооперацій. Наиболѣе распространенной формой коопераціи на Западѣ являются кассы Райффейзена. Мы не ошибемся, если скажемъ, что послѣднее обстоятельство объясняется высокимъ нравственнымъ авторитетомъ какъ учредителя этихъ кассъ, такъ и самого учрежденія. „Рейффейзенъ,—пишетъ А. Н. Анциферовъ,—былъ искренно вѣрующій и глубоко-религіозный человекъ... Осуществленіе идеи „любви къ ближнему“, въ смыслѣ церковно-христіанскаго ученія, Райффейзенъ считалъ основной задачей своихъ товариществъ. Эта мысль пережила Райффейзена и осталась до сихъ поръ руководящимъ принципомъ созданной имъ организаціи“¹⁾. „Моментомъ, направля-

¹⁾ А. Н. Анциферовъ. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи.

ющимъ всю организацію и дѣятельность товарищества, — гласить § 4 статута кассъ Райффейзена, — должно быть *не столько стремленіе къ прибыли, сколько подъемъ экономически слабыхъ*, и наряду съ стремленіемъ къ матеріальной поддержкѣ своихъ членовъ товарищество должно имѣть въ виду *главнымъ образомъ* ихъ духовно-правственный подъемъ. Къ достиженію этихъ-то именно цѣлей и должна быть направлена дѣятельность товарищества по выполненію указаннаго въ § 3 (хозяйственнаго) требованія: *поднятіе хозяйства и промысла членовъ товарищества и проведеніе всѣхъ мѣръ, приводящихъ къ этому результату*“¹⁾. Характерно, что высокая религіозно-нравственная задача кассъ Райффейзена достигается внѣ какихъ бы то ни было конфессіональныхъ или партійныхъ тенденцій, товарищество, — читаемъ въ статутѣ, — покоится на христіанской основѣ и на основѣ вѣрности государству (*auf christlicher und staatsreuer Grundlage*). Въ собраніяхъ точно такъ же, какъ и во всей дѣятельности товарищества, безусловно исключаются разсужденія и мѣропріятія конфессіональнаго или политическаго характера“ (§ 5). Самъ Райффейзенъ былъ протестантомъ, но это нисколько не мѣшало ему основать множество кассъ въ округахъ Германіи съ католическимъ населеніемъ. Его сынъ, продолжавшій дѣятельность отца, былъ католикомъ. Въ настоящее время организація союза кассъ включаетъ и католиковъ и протестантовъ, такъ что въ Германіи справедливо считаютъ сельскую кооперацію единственной областью, въ которой католическое и протестантское духовенство могутъ подать другъ другу руки. Да, дѣло жизни можетъ быть хорошимъ средствомъ сближенія разныхъ исповѣданій, сектантскихъ несогласій и разномыслія. Если бы наше духовенство стало во главѣ экономической самоорганизаціи деревни, то развѣ это не было бы сильнымъ противоядіемъ сектантству, которое часто совращаетъ и привлекаетъ къ себѣ православныхъ по

¹⁾ Тамъ же, стр. 7—8

чисто экономическимъ причинамъ? Крѣпко можетъ сплотить приходскую общину, въ районахъ которой обычно рекомендуютъ помѣщать кассы, экономическая связь, такъ хорошо понятная народу съ его сельскими интересами? Неуспѣхъ нашей интеллигенціи въ народѣ обуславливается тѣмъ, что она чуждается скромныхъ перспективъ сельскаго религіозно-экономическаго уклада жизни, рассчитаннаго на самые неширокіе запросы. Народъ инстинктивно чувствуетъ, что говорить много—значить не сдѣлать ничего или оч. мало; въ особенности же смѣшны крестьянину разсужденія о политическихъ границахъ государственнаго строя, который почти не имѣетъ прямого отношенія къ его быту. Крестьянство должно участвовать въ прогрессѣ страны, но только не политически, а экономически: начиная съ реформъ экономическаго строя деревни, мы въ будущемъ можемъ дойти до реформъ социальныхъ. Духовенству предстоитъ, по нашему мнѣнію, благодарная задача—стать органическимъ звеномъ мелкаго сельскаго быта, къ которому не приспособлены чисто кабинетныя выдумки интеллигентныхъ горожанъ, являющіяся слѣдствіемъ увлеченія людей; только духовенство можетъ связать въ кооперативномъ движеніи два существенныхъ момента этого быта: религіозно-нравственный подъемъ массъ и мелкій кредитъ, какъ условіе христіански-скромной сельской жизни. Изъ врага народа,—чѣмъ стараются представить духовенство пропагандисты „историческаго матеріализма“,—оно сдѣлается истиннымъ другомъ его, понимающимъ мелкія нужды деревни и исходящимъ въ реформѣ послѣдней отъ этихъ нуждъ, а не отъ утопическихъ мечтаній современныхъ политическихъ недорослей. Картина, на фонѣ которой представляется намъ скромная дѣятельность духовенства въ дѣлѣ организаціи кооперативнаго движенія, не будетъ яркой. Но она много говоритъ сердцу тѣхъ, кто твердо вѣруетъ въ вѣчную истину, чуждую представителямъ „экономической борьбы за существованіе“: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“...

В.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Современное декадентство и христіанство.

Исторія декадентства.

(Продолженіе ¹).

IV.

Въ сторонѣ, повидимому, отъ этой мутной волны специфическаго, литературно-художественнаго декадентства и тѣмъ не менѣ совершенно параллельно ей, идетъ у насъ другая волна идейно-соціалнаго декадентства, образовавшаяся изъ своеобразной смѣси „ницшеанства“, нигдѣ не имѣвшаго такого сильнаго вліянія, какъ у насъ, съ нашимъ доморощеннымъ „босичествомъ“.

Талантливымъ популяризаторомъ такого рода декадентства является самый модный въ „концѣ вѣка“ писатель въ Россіи и одинъ изъ наиболѣе модныхъ за границей—*А. М. Пышковъ*, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ *Максима Горькаго*. Горькій родственъ Ницше въ такой же мѣрѣ, какъ родственъ Ибсену и всѣмъ вообще представителямъ декадентскаго индивидуализма, пытающимся отвѣтить на роковой вопросъ: „какъ жить надо?“ не призывомъ къ какимъ-либо общественнымъ улучшеніямъ, а разложеніемъ общества на составные его элементы, на отдѣльныхъ индивидуумовъ. Для Горькаго, какъ и для всѣхъ вообще декадентствующихъ индивидуалистовъ, сложная сѣть общественныхъ отношеній, опутывающая каждаго человѣка, есть нѣчто чудовищное, враждебное человѣку.—нѣчто такое, что человѣкъ можетъ сбросить съ себя единственно силою своей свободной воли ²). Конечный смыслъ философіи Горькаго сводится къ освобожденію человѣческой личности отъ всякихъ общественныхъ путъ, хотя бы это освобожденіе достигалось цѣною самой

¹) См. № 7-й за 1908 г.

²) М. Филипповъ. „Письма о европейск. литературѣ“. „Научн. Обзорніе“ 1901 г., № 2, стр. 105—106.

жизни ¹⁾). Проповѣдь Горькаго „освобождаетъ человѣка отъ всего, что онъ когда-либо имѣлъ: отъ любви, отъ нравственности, отъ имущества, отъ знанія, отъ долга, отъ чести, отъ всякаго помышленія о Богѣ, отъ всякой надежды, отъ всякаго страха, отъ всякаго душевнаго или тѣлеснаго устремленія“ ²⁾). И эта его проповѣдь далеко не пассивнаго характера, а исполнена активной воли.

Герои Горькаго—босяки или, какъ онъ называетъ ихъ, „гольтепа“, „бывшіе люди“, „потомственные алкоголики и кавалеры зеленаго змія“, высказывающіе, конечно, воззрѣнія самого автора, всего менѣе склонны страдать и терпѣть; они бросаютъ вызовъ самому небу, не говоря уже о вызовѣ обществу, государству, власти, жизненному укладу; ихъ идеаль—„опрокинуть все вверхъ дномъ“, „выворотить все наизнанку“, все сокрушить и добиться своего, хотя бы путемъ насилія. Н. Я. Стечкинъ, посвятившій М. Горькому цѣлый рядъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1904 годъ, между прочимъ, пишетъ: „смѣлый шагъ Горькаго, беззапѣчивый апофеозъ босячества, который онъ создалъ, былъ принятъ за новый свѣтъ въ общественномъ сознаніи. Свѣтъ-то онъ—свѣтъ, но и свѣтъ бываетъ разнымъ. Бываетъ свѣтъ солнца, бываетъ свѣтъ лампы, возжигаемый предъ престоломъ Господнимъ, и бываетъ свѣтъ пожара... Не свѣтъ новаго откровенія несетъ босякъ Горькаго. Не свѣтъ, озаряющій благотворно невѣдомые еще уголки жизни, вложилъ Горькій въ грязную руку босяка. Этотъ свѣточъ называется иначе, это—факель анархіи, провозвѣстникъ поправанія всего, чѣмъ жили, во что вѣрили, чему служили, для чего работали ряды поколѣній“. Этотъ дикій, революціонно-анархическій призывъ, тонкой струей проходящій черезъ всѣ произведенія Горькаго, настоящимъ бурнымъ потокомъ вырвался въ его пресловутой „Пѣсни о буре вѣстникѣ“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 206.

²⁾ „Новый Путь“ 1904 г., № 1, стр. 258.

Буревѣстникъ носится надъ бушующимъ моремъ съ крикомъ. „Въ этомъ крикѣ жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышать тучи въ этомъ крикѣ“. Грохочетъ громъ. Буревѣстникъ, какъ стрѣла, пронзаетъ тучи. „Вотъ онъ носится, какъ демонъ, гордый, черный демонопъ бури,—и смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ“. Онъ кричитъ: „пусть сильнѣе грянетъ буря!“ Ясно, что буревѣстникъ—олицетвереніе грубой „босаякой“ силы, стремящейся разрушить всѣ основы общественной жизни. Пѣснь о буревѣстникѣ есть не что иное, какъ „поэтизація разбойничьихъ ощущеній, принявшая, подъ вліяніемъ поверхностно схваченныхъ афоризмовъ Ницше, удалъ безшабашныхъ головорѣзовъ, нашихъ разудалыхъ добрыхъ молодцевъ былыхъ временъ, героевъ Волги и дремучихъ лѣсовъ, за *какую-то созидательную, свѣтлую силу*“¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, все это фантастическое „босаяцкое“ движеніе есть дикое буйство пьяной и безумной толпы.

Горькій, по справедливому приговору Л. Н. Толстого, взялъ на свою душу великій грѣхъ, когда такъ наклеветалъ на нашу въ сущности безобидную голь кабацкую, нарядивъ ее въ какія-то страусовыя перья и вооруживъ шагой²⁾, и когда, добавимъ отъ себя—передъ всѣмъ свѣтомъ литературно расписалъ свой народъ въ видѣ „босыка“, т. е. разбойника и анархиста. Изображеніе босыковъ вовсе не новость въ нашей литературѣ. Не мало находимъ мы ихъ у Рѣшетникова, Левитова, Глѣба Успенскаго. Но до сей поры босыки изображались у насъ, какъ „пропацій народъ“, „непугнутые люди“, доходившіе до послѣдней степени нравственнаго паденія. Изображавшіе ихъ писатели не шли дальше возбужденія въ читателяхъ сострадательной любви къ этимъ потеряннымъ людямъ³⁾. Не разъ заимствовали свои сюжеты

¹⁾ „Заря“, Москва, 1902 г., вып. I, стр. 162.

²⁾ Меньшиковъ. „Письма къ ближнимъ“ 1903 г., ноябрь, стр. 632.

³⁾ А. Скабичевскій. „Исторія новѣйшей русс. литературы“, стр. 394.

изъ „босяцкой области“ и Тургеневъ, и Достоевскій, и Григоровичъ, и Островскій и др. Однако они старались отыскать во всякомъ, даже самомъ уничиженномъ существѣ чловѣческаго рода, искру Божію, совѣсть и сознание своего паденія, желаніе стать лучшимъ, но не возвеличивали того, что недостойно возвеличенія, и не изображали босяковъ героями и едва не титанами. Не то видимъ у современнаго пѣвца „босой команды“. Горькій первый возвелъ своихъ героевъ на пьедесталь и выставилъ ихъ, какъ образецъ, достойный всякаго подражанія. Съ него водворяется у насъ „новѣйшій“ и безусловно странный предрасудокъ, что „каждый босякъ—лучшій типъ чловѣчества“. Послѣ „откровенія Горькаго босякъ провозглашается какъ альфа и омега эволюціи чловѣческаго духа. А такъ называемое подлинное общество есть ложь и все, въ противоположность единственно здоровому члену общества—босяку, сгнило: интеллигенція—„гниды“, купечество—„гады“, мужикъ—звѣрь, жаденъ и трусь, одинъ босякъ достоинъ всякаго уваженія.

Тайна такой разницы въ изображеніи босяка Горькимъ по сравненію съ изображеніями его нашими прежними великими писателями кроется въ увлеченіи современнаго пѣвца босячества декадентско-символической поэзіей настроенія. Босякъ Горькаго не можетъ быть признанъ художественнымъ типомъ въ смыслѣ синтеза характерныхъ для его времени явленій жизни, какъ это можно сказать о босяцкихъ типахъ вышеуказанныхъ его предшественниковъ. Образъ босяка созданъ Горькимъ не по фактамъ окружающей дѣйствительности, а, такъ сказать, изъ себя, силою собственной фантазіи, подъ влияніемъ интимнаго настроенія¹⁾. Въ одномъ изъ своихъ рассказовъ, именно „Проходимецъ“, Горькій раскрываетъ тайну своего творчества, подтверждающую эту мысль. Бродяга Промтовъ, герой этого рассказа, рассказывая Горькому

¹⁾ Ст. Сухановъ. „Правда о Максимѣ Горькомъ“, Кіевъ, 1902 г., стр. 4—5.

свою біографію, обращается къ нему съ знаменательными словами: „Я понимаю, что рассказываю вамъ факты жизни кратко и поверхностно. Но суть не въ фактахъ, а въ *настроеніяхъ*; все дѣло въ настроеніяхъ—оно плодитъ факты и творитъ мысли и идеалы“.

Герои Горькаго, высказывающіе его устами ницшенскія идеи, указываютъ на другую, кромѣ увлеченія Горькаго поэзіей настроенія, причину идеализаціи босяковъ, именно на увлеченіе его нищеанствомъ, единодушно отмѣчаемое всѣми критиками. „Ницше, говоритъ А. Скабичевскій, со всѣмъ своимъ нравственно-политическимъ ученіемъ не былъ чужимъ среди философствующихъ босяковъ Горькаго“¹⁾ „Кто, какъ не нищеанскіе прирожденные господа,—этотъ Челкашъ въ противоположность рабу Гаврилѣ, Соколь въ противоположность Ужу, Кузька-Косякъ въ противоположность разной деревенщинѣ... или Макарь Чудра, который учитъ: вѣдома ли ему (землепашцу) воля? Онъ рабъ, какъ только родился, и всю жизнь рабъ“²⁾. „Въ Горькомъ, пишетъ тотъ же критикъ, мы замѣчаемъ наклонность среди босяковъ искать *человѣкобоговъ*, которые, при удовлетвореніи своихъ дерзкихъ желаній, не допускаютъ никакихъ препонъ, въ видѣ нравственныхъ правилъ, существующихъ, конечно, лишь для людей слабодушныхъ, рабовъ ничтожныхъ“³⁾. „Всѣ герои рассказовъ Горькаго,—съ одной стороны мужчины въ родѣ Челкаша, Озорнива, Орлова, Коновалова и др.,—съ другой—безшабашныя женщины въ родѣ Мальвы, Изергиль, Вареньки Олесовой—все это, по мнѣнію Скабичевского, въ своемъ родѣ *человѣко-боги* Ницше“⁴⁾. И другой историкъ новѣйшей русской литературы—Энгельгардтъ замѣчаетъ⁵⁾, что „Горь-

¹⁾ См. его критич. статью „О Максимѣ Горькомъ и его герояхъ“, стр. 96.

²⁾ Тамъ же, стр. 98.

³⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 135.

⁵⁾ Его „Исторія русс. литературы XIX столѣтія“, т. II, Спб. 1903 г., стр. 530.

кій въ рѣчи своихъ героевъ влагаетъ своеобразное ницшеанство“. Сходство Горькаго въ этомъ отношеніи съ „колоссомъ“ идейно-соціального декадентства—Ницше подмѣтила даже иностранная критика. „Во всѣхъ произведеніяхъ Горькаго,—говоритъ французскій критикъ Вогюэ, вы видите *сверхчеловѣка*“¹⁾).

И съ этими отзывами современной критики нельзя не согласиться: вникая въ пеструю смѣсь сужденій Горькаго, нельзя не поставить ихъ въ параллель съ главнѣйшими положеніями ницшеанства. Ницшеанская мораль „сверхчеловѣковъ“ есть мораль „по ту сторону добра и зла“, стоящая выше добра и зла, и мораль Горькаго—мораль силы и сильныхъ—стоитъ на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ. Сверхчеловѣки Ницше, какъ и босяки Горькаго, нравственными правилами не стѣсняются: имъ все позволено, у нихъ все хорошо²⁾. По Ницше, величайшій грѣхъ—бояться грѣховъ, и у Горькаго—„не согрѣшишь—не спокаешься“, „какъ ни живи—все грѣшно“. По ученію Ницше, только сильный имѣетъ право на существованіе, слабого же онъ называетъ „позоромъ земли“³⁾; люди слабые „должны быть подчинены благу высшихъ личностей“, т. е. сверхчеловѣковъ⁴⁾; они даже „должны быть уничтожены, и надо всячески способствовать такому уничтоженію“⁵⁾. Горькій, какъ и Ницше, страстный поклонникъ силы, какъ бы безсмысленна и жестока она ни была, и такъ какъ „въ каждомъ уголкѣ жизни есть свой деспотъ“, то Горькій, не обвиняясь, становится на сторону послѣдняго. „Нужно людей съ разумомъ жалѣть,—учить своего сына Игнатъ Гордѣевъ,—сначала посмотри на человѣка,

¹⁾ Тамъ же, стр. 58; статья Вогюэ: „М. Горькій, какъ писатель и человѣкъ“.

²⁾ Гером. Георгій. „Мораль М. Горькаго“. „Вѣра и Разумъ“ 1903 г., № 5, стр. 191.

³⁾ „Вопросы философіи и психологіи“ 1892 г., кн. 15, стр. 151.

⁴⁾ Проф. Риль. „Фридрихъ Ницше“. Перев. съ пѣмед. Москва, 1901 г., стр. 85.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 70.

узнай, какой въ немъ толкъ, какая отъ него можетъ быть польза. И ежели видишь—сильный, способный къ дѣлу человѣкъ—пожалѣй, помоги ему. А который, ежели слабый, къ дѣлу не склоненъ—плюнь на него и пойдѣ мимо“! Ницше не признаетъ совѣсти, называя ее „только предразсудкомъ, легко устранимымъ“¹⁾. Не признаетъ ее и Горькій: „совѣсть, по нему, есть сила, непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ; сильные же быстро овладѣваютъ ею и поработаютъ ее своимъ желаніемъ“ („Ома Гордѣевъ“). „Куда онѣ—честь и совѣсть?—равнодушно разсуждаетъ одинъ босякъ („На днѣ“).— На ноги, вмѣсто сапоговъ, не надѣнешь ни чести, ни совѣсти“. „Хорошій подлець всегда лучше плохого честнаго человѣка“, —говоритъ проходимецъ Промтовъ.

Само собою разумѣется, что эти разсужденія босяковъ Горькаго не свои, а заимствованныя авторомъ и именно у Ницше. Усердно занимаясь своимъ самообразованіемъ, Горькій могъ читать въ существующихъ переводахъ и произведенія Ницше. Если же онѣ ихъ и не читаль, то тѣмъ не менѣе не могъ не ознакомиться съ ницшеанскими воззрѣніями, сталкиваясь съ людьми изъ интеллигентной среды, гдѣ они въ такомъ большомъ ходу. Какъ у насъ въ 40-хъ годахъ были ярые гегельянцы, никогда не читавшіе Гегеля, такъ въ наше время чуть ли не каждый полуобразованный интеллигентъ, никогда не бравшій въ руки Ницше, непременно старается корчить изъ себя ницшеанца.

Какъ бы то ни было, М. Горькій, одно время едва было не попавшій въ академики, имѣлъ и продолжаетъ имѣть у насъ громадное литературное вліяніе на общество. У него явилось немало подражателей—такъ называемыхъ „подмаксимнистовъ“, создавшихъ цѣлую „босяцкую литературу“, могучее обаяніе которой заключается именню въ ея революціонно-анархическомъ направленіи, роднящемъ ее съ ницшеанствомъ, а чрезъ него и съ декадентствомъ.

¹⁾ А. С. Свѣтозаровъ. „Современные моралисты—Левъ Толстой и Фр. Ницше“ „Вѣра и Церковь“ 1901 г., кн. 6, стр. 73.

Вѣнцомъ этого союза „босаяцкаго ницшеанства“ съ декадентствомъ надобно признать беллетристику самаго выдающагося у насъ представителя современнаго символизма— *Леонида Андреева* ¹⁾, который, какъ и Горькій, изображаетъ въ своихъ сочиненіяхъ не то, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, а то, что вызываетъ эта жизнь въ его душѣ, свои собственныя настроенія ²⁾.

Произведенія Л. Андреева, вообще говоря, очень талантливы. Рядомъ съ рассказами правдивыми, полными жизни и глубокаго содержанія, напр. „Молчаніе“, „На рѣкѣ“, „Жили были“ и др., встрѣчаются такіе, которые исполнены или чисто декадентской грязи въ соединеніи съ символическимъ туманомъ, порой болѣзненнымъ и уродливымъ, какъковы— „Бездна“, „Стѣна“ и „Ложь“, или яркихъ „босаяцко-ницшеанскихъ“ красокъ, какъ напр. „Мысль“ и „Рассказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“.

Въ рассказѣ „Мысль“ авторъ выводитъ современнаго русскаго интеллигента Керженцева, преклоняющагося единственно предъ своимъ „я“, надѣющагося только на свой умъ, живущаго только для себя, съ сознаниемъ, что ему все позволено. Убивши своего друга, Керженцевъ разсуждаетъ по этому поводу такъ: „Развѣ нельзя допустить, что убійствомъ Алексѣя я просто хотѣлъ попытать свои силы. Вѣдь вы свободно допускаете существованіе людей, которые взлѣзаютъ, рискуя жизнию, на неприступныя горы только потому, что онѣ неприступны, и не называете ихъ сумасшедшими? Въ нравственной жизни есть свои колоссы, и одного изъ нихъ пытался я достигъ“. Въ этихъ разсужденіяхъ звучатъ знакомыя намъ ноты „босаяцко-ницшеанской“ философіи, создающей такіе типы, какъ Керженцевъ, который, очевидно, чувствуетъ себя „по ту сторону добра и зла“.

¹⁾ Его „Разъказы“, 1902 г.

²⁾ Ст. Сухановъ. „Символизмъ и Леонидъ Андреевъ“, Кіевъ, 1903 г., стр. 9.

Тѣ же знакомыя ноты „ницшеанства на русской почвѣ“ слышатся и въ „Разказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“. Студентъ естественнаго факультета Сергѣй Петровичъ, — герой этого разказа, — сначала былъ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ, какъ тысячи другихъ студентовъ, посѣщалъ лекціи, ходилъ на товарищескія собранія, пилъ водку, ѣздилъ къ женщинамъ, не любилъ читать серіозныхъ книгъ и вполнѣ было примирился съ своею заурядностію. Но познакомился онъ съ произведеніями Ницше и сталъ фантазировать о томъ, какъ бы возвыситься надъ общимъ уровнемъ людей, все равно—въ какомъ отношеніи: въ качествѣ ли носителя благороднѣйшей идеи, или творца какой-нибудь колоссальной мерзости; лишь бы перешагнуть за грань ограниченности. „Въ газетахъ Сергѣй Петровичъ читалъ о людяхъ, которые убиваютъ, крадутъ, насилуютъ, и каждый разъ одна и та же мысль заканчивала чтеніе: „а я бы не могъ“. Эта мысль неотступно преслѣдовала его, пока, наконецъ, ему не послышался беспощадный призывъ Заратустры: „Если жизнь не удается тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай, что удастся смерть“. И вотъ послѣ нѣкоторой борьбы Сергѣй Петровичъ въ доказательство могущества своего „я“ лишилъ себя жизни, припавъ ціанистаго калия“¹⁾).

Ницшеанско-босаяцкая волна идей по-соціального декадентства даетъ въ современной жизни общества несравненно болѣе печальное отраженіе, чѣмъ декадентство литературно-художественное, — при всѣхъ своихъ недостаткахъ, — довольно

¹⁾ Вопросу о ницшеанствѣ въ его діаметральной противоположности съ христіанствомъ посвящено и одно изъ послѣднихъ произведеній Л. Андреева — „Савва“ — напечатанное въ XI сборникѣ ж. „Знаніе“. Здѣсь слышится отзвукъ „Потопушаго Колокола“ декадента *Гауптмана*. Какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ разказѣ Андреева побѣда при столкновеніи двухъ взаимопротиворѣчивыхъ началъ оказывается на сторонѣ христіанства, но внутреннюю правду авторъ оставляетъ на сторонѣ его антагониста — ницшеанства.

все-таки невиннаго свойства. Факты, подтверждающіе это положеніе, налицо. Такъ, извѣстный юристъ Маленкій, отравившій въ 1903 году ядомъ кураре своего кузена Томашевскаго, оправдывалъ свое преступленіе ссылкой на Ницше, сочиненія котораго онъ читалъ въ тюрьмѣ. Ницшенская же мораль, выраженная въ художественной формѣ разсказовъ Горькаго и Андреева, по ея вліянію на общественную жизнь, оказалась, быть можетъ, опаснѣе, чѣмъ морально-лирическія сентенціи самого Ницше. Меньшиковъ, въ своихъ критическихъ замѣткахъ, передаетъ слѣдующее: „Одинъ студентъ, спившись съ круга, сдѣлался золоторотцемъ, сталъ воровать и прочее, и адвокатъ его на судѣ объяснялъ это вліяніемъ г. Горькаго“¹⁾).

Вредное вліяніе „босяцкой литературы“ не ограничивается интеллигентною частью нашего общества, а простирается и на неразвитую простонародную массу, на которую не можетъ не производить крайне развращающаго дѣйствія восхваленіе въ этой литературѣ трущобныхъ героевъ. Мало-развитая масса, болѣе падкая на худое, чѣмъ на хорошее, находитъ здѣсь оправданіе для дурныхъ своихъ инстинктовъ, и то, чего должна бы стыдиться, считаетъ для себя предметомъ гордости. Босяки возгордились и стали жить по Горькому. Попрошайничая, они нерѣдко ссылаются на Горькаго, и не одинъ уже кошелекъ любезно открывался для удовлетворенія пьяной жажды героевъ „босячества“. Вліяніе „босяцкой“ разнузданности на низшій слой народа особенно сильно сказывается въ необыкновенномъ развитіи всякаго озорства и хулиганства, яркимъ примѣромъ чего служитъ сравнительно недавній фактъ грубаго оскорбленія босякомъ Журловымъ молодого артиллерійскаго офицера Кублицкаго-Пиотухъ при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей,—который не перенесъ оскорбленія и черезъ три дня послѣ того

¹⁾ „Недѣля“ 1902 г., стр. 207.

покончилъ съ собой. Босяки обнаглѣли, они среди бѣла дня стали бить въ лицо мирныхъ обывателей, стариковъ, женщинъ. Въ поднявшуюся же у насъ революціонную смуту нѣкоторые изъ этихъ поддонковъ общества поступили въ шайки вооруженныхъ разбойниковъ, при чемъ они, желая оправдать свои звѣрскія преступленія политическими мотивами и даже возвести ихъ въ подвигъ, называли себя „соціалистами-революціонерами“ или „коммунистами-анархистами“. Они, очевидно, попали въ кадры нашей пресловутой „революціи“ и получили отъ нея вооруженіе, какъ отъ нея же усвоили всѣ приемы разбойничества. Тѣсная связь революціоннаго движенія съ міромъ профессиональныхъ преступниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, при чемъ этотъ союзъ революціи съ падшими людьми былъ заранѣе духовно подготовленъ М. Горькимъ. Онъ изобразилъ босяцкій „пролетаріатъ“, какъ образецъ тѣхъ натуръ, которыя способны на всякое дѣло, на „активный протестъ“, и среди которыхъ революція найдетъ, какъ и нашла, нужныхъ ей людей ¹⁾).

По мнѣнію же нѣмецкаго профессора и извѣстнаго знатока Россіи Шиманна, высказанному въ его обзорахъ за 1903—1905 гг. („Deutschland und die grosse Politik“ ²⁾), Горькимъ былъ подготовленъ союзъ революціи не съ босяками только, но и съ русскою учащеюся молодежью, о которой нѣмецкій ученый говоритъ, что изъ произведеній М. Горькаго и его единомышленниковъ она впитывала въ себя лишь ненависть къ современной государственности, какъ коренной причинѣ всего общественнаго зла. И это вполнѣ понятно, такъ какъ, по словамъ о. Н. Колосова, господствующею, общею всѣмъ рассказамъ Горькаго, тенденціею, связывающею красною нитью почти всѣхъ безъ исключенія его

¹⁾ „Кіевлянинъ“ 1906 г., № 81.

²⁾ Обширныя выдержки изъ этихъ обзоровъ Шиманна, показывающія, какъ правильно онъ смотрѣлъ на русскія дѣла въ самомъ началѣ нашей революціонной смуты, сдѣланы „Истор. Вѣстникомъ“ за 1906 г.

героевъ, является отрицаніе существующихъ порядковъ и формъ человѣческаго общежитія¹⁾.

Вопросъ о несомнѣнной связи нашей революціи съ идейно-соціальнымъ декадентствомъ представляетъ большой интересъ въ виду особенно активнаго участія въ ней самихъ представителей этого рода декадентства—Горькаго и Андреева. Революціонно-анархистская проповѣдь, къ сожалѣнію, у нихъ не одна рисовка, не только пустыя, громкія фразы, но и дѣйствительная жизненная программа, которую они рѣшительно и настойчиво выполняютъ. Показаніями нѣсколькихъ арестованныхъ по дѣлу о московскомъ вооруженномъ возстаніи въ декабрь 1905 года точно установлено, что М. Горькій выдавалъ деньги на оружіе и дѣятельно участвовалъ въ организаціи этого возстанія²⁾. Стараясь возбудить противъ своего собственнаго народа сосѣдей и повредить его интересамъ, онъ же, по порученію нашихъ революціонеровъ, помѣстилъ въ германской газетѣ „Berl. Tageblatt“ за 1906 г. извѣстное воззваніе къ нѣмецкимъ банкирамъ о томъ, чтобы „не давать русскому правительству ни копейки“. Агитируя противъ послѣдняго нашего внѣшняго займа, необходимаго для ликвидаціи разорительной войны съ Японіей, Горькій не задумался въ томъ же воззваніи оклеветать передъ германскимъ народомъ свою родину, предупреждая, что де для Европы опасно имѣть по сосѣдству 140 милліоновъ людей, которые только тѣмъ и держатся, что пронизнуты ненавистью противъ всего нерусскаго. Такимъ же рыцаремъ печальнаго образа со страницъ сквернаго романа русской революціи явился и Л. Андреевъ, который, по примѣру Горькаго, не прочь свою соціально-литературную проповѣдь подкрѣпить и активно-агитаціоннымъ выступленіемъ. По сообщенію „Новаго Времени“ отъ 20 іюня 1906 г., на извѣстномъ празд-

¹⁾ См. его „Міросозерцаніе и герои М. Горькаго предъ судомъ православнаго читателя“. „Душенолезное Чтеніе“ 1903 г., ч. III, стр. 509.

²⁾ „Кіевлянинъ“ 1906 г., № 115.

никѣ „красной гвардіи“ въ Гельсингфорсѣ Андреевъ, вмѣстѣ съ бывшими депутатами первой Госуд. Думы Гамартели и Михайличенко, обращался къ солдатамъ и матросамъ съ возмутительными рѣчами, съ чѣмъ, какъ мы знаемъ, связанъ былъ матросскій бунтъ въ Свеаборгѣ.

Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Евангельское учение о разводѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Съ вопросомъ о разводѣ тѣсно связапъ,—вѣрнѣе составляетъ вторую его половину,— вопросъ о новомъ бракѣ разведенныхъ супруговъ. „Разводъ и бракъ у Него (Исуса Христа), пишетъ проф. Глубоковскій, тѣсно связываются, какъ неразрывныя ante и post, почему фальшивы и все умозрѣнія о *divortium* (разводъ) съ запретомъ для обоихъ членовъ брачной четы“ ²⁾. Возможность брака для стороны невиновной въ прелюбодѣяніи вытекаетъ сама собою изъ выше сказаннаго нами о дѣйствиі прелюбодѣянія на брачный союзъ. Если, какъ мы это старались показать, *ἐπι πορνείᾳ* происходитъ полное прекращеніе брачной связи; если дѣйствіе прелюбодѣянія по энергіи своей равносильно смерти, то отсюда съ несомнѣнностію вытекаетъ позволеніе вступить невиновному супругу во второй бракъ. Какъ плотская смерть одного изъ супруговъ освобождаетъ другого, живого, для новаго брака, такъ смерть духовная, прелюбодѣяніе, вполне освобождаетъ невинную сторону отъ прежнихъ супружескихъ обязанностей для новыхъ. И св. отцы новый бракъ для невиновной стороны считали вполне законнымъ (I. Злат., Вас.

¹⁾ См. № 6-й за 1908 г.

²⁾ Цит. сочин. 15 стр.

Вел., Теоф., Ориг., Тертул. и др.). Хорошо въ данномъ случаѣ разсуждаетъ проф. Глубоковскій. Сказавъ, что „всякій *πορνεῖον* тѣмъ самымъ уничтожаетъ брачный союзъ, умираетъ для него и освобождаетъ невиннаго для новаго супружества (такъ и Теофилъ—*ad Autol.* III, 13; *M. gr.* VI, 1140; Оригенъ—*comment. in Matth. t. XIV*; 24; *M. gr.* XIII, 1248 А—В; Златоустъ въ *homil.* XVII, 3 *tin.*; *M. gr.* LVII, 259; на 1 Кор. 7, 39. 40 (п. 1); св. Василиій Великій въ *прав.* 9; стр. 195), онъ приводитъ дальше очень умѣстную аналогію. „Параллель этому можно находить, говорить проф., въ отношеніяхъ Жениха—Бога къ евреямъ и язычникамъ. Первые наслаждались нѣкогда преимущественно близостію Иеговы, и еврейская нація справедливо считалась Его избранною женой (Исаи 54, 1; ср. Гал. 4, 27), но она измѣнила этому союзу и, какъ засохшая вѣтвь, отпала отъ него. Послѣ этого прежнее брачное общеніе кончается всецѣло, и пустое мѣсто занимаетъ съ равными правами неплодящая прежде церковь (ср. Римл. 11, 17 и др.). Итакъ: въ *πορνεῖα* одинъ членъ выходитъ изъ брачной связи, почему другой пребываетъ живымъ для второго бракосочетанія“ (цит. выше сочин., 14—15 стр.). Обратимся къ слову Божию. Ничего положительнаго не говорится въ евангеліяхъ о томъ, можно ли разведеннымъ супругамъ вступать въ новый бракъ, или нѣтъ; можно лишь путемъ косвеннымъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Такъ въ евангеліи Матѳея читаемъ: „кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ (19, 9)“. Непосредственный смыслъ этихъ словъ будетъ слѣдующій. Въ случаѣ вступленія въ новый бракъ по разводѣ, прелюбодѣйствуетъ только тотъ мужъ, который разведся со своею женою „не за прелюбодѣяніе“, а по иной причинѣ, иначе говоря—произвольно; въ этомъ случаѣ „мужъ *πορνεῖται*: единственно по той причинѣ, что разводъ фиктивный, реально-юридически не состоявшийся“¹⁾. Отсюда

¹⁾ Глубоковскій. Цит. соч. 31 стр.

же вытекает и слѣдующее: кто разведется съ женою своею „за прелюбодѣянiе“ и „женится“ на другой, тотъ „не прелюбодѣйствуетъ“. Другими словами это будетъ значить, что „при благословномъ упраздненiи супружескаго союза женищiйся не прелюбодѣйствуетъ, т. е. ἐπὶ πορνείᾳ, оправдывающей отпущенiе жены, новый бракъ для него позволителенъ, ибо μοιχεία бываетъ не иначе, когда наличная брачная связь сохраняетъ всю свою силу“¹⁾. Вотъ нѣкоторый выводъ изъ словъ Спасителя (Мѡ. 19, 9) въ пользу новаго брака для стороны, невиновной въ прелюбодѣянiи²⁾.— „Иже аще пуститъ жену свою и оженится иною, прелюбы творитъ на ню,— читаемъ у ев. Марка (10, 11). Важенъ въ данномъ случаѣ греческiй текстъ³⁾, въ частности „вся типичность этой фразы, по словамъ Глубоковскаго, въ конечномъ предложномъ сочетанiи, удостовѣренномъ весьма прочно ἐπὶ здѣсь „противъ“, „въ отношенiи“ къ той—отпущенной жепѣ своей... Значить, и у ев. Марка, заключаетъ проф., понятiе считается блуженiемъ не абсолютно, по свойству самаго факта, а условно, поскольку и доколѣ законнаго удаленiя не было“⁴⁾. Идя далѣе, естественно слѣлать такой выводъ, что коль скоро удаленiе жены можетъ быть и легальнымъ, то въ послѣднемъ случаѣ и новый бракъ разведеннаго по випѣ другой стороны не будетъ μοιχεία,—иначе говоря, стапетъ совершенно нормальнымъ.

Серапионъ Чернышевъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

¹⁾ Глубоковскiй. Цит. сочин. 31 стр.

²⁾ Даже г. А. Кирѣевъ, вообще довольно тенденциозно относящiйся къ словамъ Спасителя о разводѣ, относительно этого стиха пишетъ: „Да! въ нихъ (т. е. въ словахъ Мѡ. 19, 9) можно усмотрѣть нѣкоторую льготу... Если это льгота, то, конечно, льгота невишному, онъ можетъ жениться, не онъ уничтожилъ бракъ, онъ какъ бы овдовѣлъ вслѣдствiе грѣха жены, онъ и можетъ вступить въ новый бракъ“ („Новое Время“ 1904 г. № 10299-й. По поводу письма А. Васильева.

³⁾ Ὁς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ γαμήσῃ ἄλλην, μοιχᾶται ἐπ' αὐτὴν.

⁴⁾ Глубоковскiй. Цит. соч. 31 стр.

ЗАМѢТКА.

Изъ жизни Кишиневской епархіи.

Благочиннической сѣздъ духовенства 1-го округа Анкерманскаго уѣзда, Кишиневской епархіи, между прочими дѣлами, разсмотрѣлъ постановленія пастырскихъ собраній, бывшихъ въ теченіи года въ четырехъ пунктахъ округа: въ Анкерманѣ, м. Байрамчѣ, с. Кебабчѣ и с. Будаки. Изъ всѣхъ постановленій пастырскихъ собраній, сѣздъ духовенства единогласно одобрилъ и принялъ къ руководству слѣдующія: 1) непременно настоять, чтобы всюду церковное чтеніе было бы внятное и неспѣшное; 2) вводить общее народное церковное пѣніе, возложивъ это дѣло на псаломщиковъ, которыхъ за усердіе и успѣхи въ этомъ дѣлѣ награждать, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, изъ свободныхъ церковныхъ суммъ, въ размѣрѣ отъ 60 до 100 рублей; 3) поручать способнымъ псаломщикамъ читать народу въ церкви во время причащаго, особенно-же въ Великомъ посту, указанныя настоятелями церковей назидательныя и поучительныя статьи и житія святыхъ; 4) избѣгать разнообразія при совершеніи различныхъ требъ въ приходѣ и вообще въ обрядовой сторонѣ церковныхъ службъ (при этомъ духовенство высказалось, гдѣ и какъ совершается та или иная треба и служба); 5) облегчать прихожанамъ возможность въ полученіи разныхъ церковныхъ и причтовыхъ документовъ, избѣгая требованія непосильной платы за нихъ и, по мѣрѣ возможности, выдавать таковыя безвозмездно; 6) члены причтовъ въ своей личной жизни и въ отношеніи другъ къ другу должны служить примѣромъ для прихожанъ, избѣгать всякихъ препирательствъ и недоразумѣній между собою, а въ отношеніи къ прихожанамъ должны быть какъ можно болѣе внимательны, услужливы и терпѣливы; 7) всѣ службы совершать своевременно и съ чувствами искренняго расположенія къ совершаемому и 8) въ дни и времена общественныхъ бѣдствій и скорбей усугублять богослужебныя молитвы, не ожидая за то какихъ-либо вознагражденій со стороны прихожанъ, а если таковыя и будутъ, то обращать ихъ на дѣла благотворительности. (Кишин. еп. вѣд. № 3).

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ. 19-го февраля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XIX

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
дублей

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года марта 2-го дня.

Содержаніе: I. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. II. Петрушевскій.—III. Современное декадентство и христіанство (продолженіе). Прот. П. Стеллецкій.—IV. Евангельское ученіе о разводѣ (окончаніе). С. Червышевъ.—V. Замѣтка. Дѣйствіе живого слова.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Къ 300-лѣтнему юбилею его кончины).

13-го числа сего февраля исполнилось 300 лѣтъ со дня смерти знаменитаго поборника православія и русской народности въ юго-западной Руси, Князя Константина Константиновича Острожскаго. Его дѣятельность принадлежитъ тому времени, когда въ жизни нашего народа, волею историческихъ судебъ вошедшаго въ составъ Польско-Литовскаго государства, готовился и, наконецъ, разрѣшился опасный кризисъ, грозившій ему (народу) потерей религіозной и національной самобытности подъ сильнымъ натискомъ Польши и католицизма. Среди великой смуты, охватившей нашъ народъ въ виду коварно подкрадывавшихся враговъ его вѣры

и самобытности, а затѣмъ и при начавшейся открытой борьбѣ съ этими врагами, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій занялъ выдающееся положеніе, какъ бдительный стражъ своего народа и Православной Церкви и какъ передовой ратоборець въ культурной и политической борьбѣ съ врагами Православной вѣры и русской народности. Въ этомъ отношеніи личность князя Константина Константиновича выступаетъ окруженною тѣмъ болѣе лучезарнымъ ореоломъ, что по степени сознательности и настойчивости въ защитѣ народныхъ правъ и завѣтныхъ святынь онь оставилъ далеко за собою тогдашнюю русскую знать. Ясное пониманіе современнаго положенія народа и Православной Церкви, горячая любовь къ родинѣ, преданность православію, готовность жизнь отдать за вѣру и отечество, стойкость убѣжденій, въ связи съ могучимъ обаяніемъ въ народѣ и значительною матеріальною силою, наконецъ, честность и умѣренность въ отношеніи даже къ врагамъ заставляли преклоняться предъ нимъ и занскивать у него самихъ ненавистниковъ русскаго народа и православной вѣры. Можно сказать, что этотъ князь вынесъ на своихъ плечахъ большую часть борьбы съ полонизмомъ и латинизаціей нашего народа въ самую горячую, начальную ея пору (2-ю полов. XVI и начало XVII ст.). Трудно сказать, какой исходъ могла бы имѣть эта борьба для нашего народа, если бы не былъ князь К. К. Острожскій истиннымъ сыномъ русскаго народа и Православной Церкви. Вспомнать намъ, русскимъ, о такомъ дѣятелѣ будетъ сугубо кстати въ виду аналогичныхъ симптомовъ въ жизни современнаго общества и общества времени Константина Константиновича Острожскаго, а также и въ виду новыхъ опасностей для насъ, въ частности—для юго-западной Россіи въ настоящее время, отъ тѣхъ же враждебныхъ намъ стихій—полонизма и католицизма.

Значеніе князя К. К. Острожскаго, кромѣ его личныхъ качествъ, опирается на его происхожденіи. Поэтому мы сначала скажемъ о его родѣ, а затѣмъ будетъ рѣчь о его до-

блестной дѣятельности на пользу православія и русскаго народа въ періодъ подготовленія и осуществленія религіозной уніи въ юго-западной Россіи и начальной борьбы съ нею (въ первые 12 лѣтъ послѣ провозглашенія ея на Брестскомъ соборѣ въ 1596 г.).

I. Родъ князей Острожскихъ.

Несомнѣнно, что князья Острожскіе составляютъ отрасль дома Св. Равноапост. Князя Владиміра. Историки расходятся только въ опредѣленіи посредствующихъ звеньевъ между Св. Владиміромъ и князьями Острожскими. Одни изъ историковъ (преимущественно польскіе) ¹⁾ производятъ родъ Острожскихъ отъ Св. Владиміра чрезъ Романа Даниловича Галицкаго. Другіе ²⁾ съ большимъ основаніемъ производятъ этотъ родъ отъ Владиміра чрезъ правнука его Святополка Изяславича и князей Туровскихъ и Пинскихъ. Точныя историческія свѣдѣнія о князьяхъ собственно *Острожскихъ* начинаются съ начала XIV в., со времени князя *Даніила Дмитріевича*. Вся дальнѣйшая исторія этого рода до князя Константина Констаинновича свидѣтельствуетъ о ревностномъ служеніи его предковъ своему отечеству и преданности его православію. Такъ, князь *Даніилъ Дмитріевичъ* первый, даетъ отпоръ Краковскому королю Казиміру Владиславичу, лишь только послѣдній посягнулъ на завладѣніе землею Галицкою (1341 г.). Болѣе славенъ былъ сынъ его *Теодоръ Даниловичъ*. Онъ былъ могущественнѣйшимъ изъ южно-русскихъ князей. Его владѣнія простирались отъ Кіева почти до Львова. Онъ пользовался уваженіемъ Литовскихъ князей Ягайла и Витовта. Съ ними онъ участвовалъ и въ битвѣ съ тевтонскими рыцарями при Танненбергѣ (1410 г.). Когда же на Городмаскомъ сеймѣ (1413 г.) были проведены постановленія, устранявшія русскихъ православныхъ отъ со-

¹⁾ Бонѣцкій, Шетцкій и др.

²⁾ М. А. Максимовичъ, Собр. сочин. т. I, 1376 г. 167.

вѣта державной думы и отъ всѣхъ общественныхъ должностей и преимуществъ и предоставлявшія всѣ права лишь „подданнымъ римскаго костела“, то князь Θεодоръ Даниловичъ отступился отъ Ягайла и сталъ поддерживать Витовта, а по смерти его Свидригайла. Когда поляки напали и захватили въ руки Подолію, Θεодоръ, по порученію Свидригайла, выступилъ противъ нихъ и нанесъ имъ страшное пораженіе при болотистой рѣчкѣ Мурахвѣ и затѣмъ совершенно очистилъ отъ нихъ Подолію. Современники считали этого князя мужемъ великихъ дарованій, храбрымъ, воинственнымъ и ставили его выше всѣхъ тогдашнихъ вождей Литвы и Руси. Но съ этими доблестями у него соединялось и глубокое благочестіе. Движимый любовію къ строгимъ духовнымъ подвигамъ, онъ оставилъ земную славу и принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ съ именемъ Θεодора. Здѣсь онъ скончался въ глубокой старости, вѣроятно, во 2-й половинѣ XV ст. и сподобился святости и прославленія нетлѣніемъ его тѣла. Въ жизнеописаніи св. отцевъ дальнихъ пещеръ, составленномъ въ XVII ст., о немъ говорится: „Преподобный Θεодоръ Даниловичъ, князь Острожскій, оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество, и тамъ подвизався крѣпко о согласеніи (спасеніи?) своемъ, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ; а тѣло его, здѣ положенное, опочиваетъ“. Мощи пр. Θεодора, кн. Острожскаго и теперь почиваютъ въ тѣхъ же дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской обители. Жена князя Агаѳія и младшій братъ его Александръ также скончались въ Кіевѣ въ иноческомъ чинѣ. Славны были также своимъ заступничествомъ за народъ и мужественной обороной его отъ враговъ сынъ Θεодора *Василій* и внукъ *Иванъ*.

Но наиболѣе знаменитымъ изъ князей Острожскихъ былъ правнукъ Θεодора Даниловича *Константинъ Ивановичъ*, отецъ Константина (точнѣе Василія) Константиновича. Онъ отличался богатыми дарованіями, благодаря которымъ

оказалъ многочисленныя и важныя услуги Польско-Литовской коронѣ и достигъ высшихъ степеней въ королевствѣ. Король Александръ I и Сигизмундъ I осыпали его своими милостями, народъ русскій также благословлялъ его, Церкви Православной онъ также былъ вѣрнымъ сыномъ. Свои замѣчательныя военныя дарованія онъ показалъ во время войнъ съ Москвой и въ походахъ для отраженія грабителей—крымскихъ татаръ. Участіе князя въ войнахъ Литвы съ Москвой показываетъ, какъ далеко зашла къ началу XVI в. разнь между сѣверо-восточной и юго-западной Русью, существовавшая уже болѣе 2-хъ столѣтій. Входя въ составъ Польско-Литовскаго королевства, русскіе естественно проникались особыми политическими интересами, побуждавшими ихъ идти противъ своихъ братьевъ. Такъ было именно и теперь, при великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ. Въ то время, когда въ Литвѣ началось притѣсненіе русскихъ за вѣру, и многіе изъ западно-русскихъ князей бѣжали въ Москву (Бѣльскіе, Трубчевскіе, Мосальскіе, Мпенскіе, Серпейскіе и др.), другіе и въ томъ числѣ князь Константинъ Ивановичъ продолжали однако вѣрно служить литовскому князю. Когда изъ-за притѣсненія православныхъ за вѣру возгорѣлась жестокая война между Литвой и Москвой (при Іоаннѣ III), то князь Константинъ Ивановичъ принялъ въ ней дѣятельное участіе. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе замѣчательная преданность князя своему литовско-русскому отечеству. На р. Ведрошѣ онъ, при малочисленности войска, потерпѣлъ неудачу и былъ взятъ въ плѣнъ (1550 г. 14-го іюня). Но и въ Московскомъ плѣну онъ остался вѣрнымъ своему государю. Спустя семь лѣтъ онъ бѣжалъ изъ плѣна и снова является во главѣ литовскаго войска, дѣйствующаго противъ Москвы. Подъ Оршей онъ нанесъ славное пораженіе московскому войску, захвативши въ плѣнъ болѣе 30 т. человекъ съ ихъ вождемъ Иваномъ Челядинымъ. Литовскій вел. князь наградилъ его триумфомъ при въѣздѣ въ Вильну.

По еще болѣе заслужилъ себѣ славы князь Константинъ Ивановичъ своими побѣдами надъ крымскими татарами. Въ ту пору эти татары были страшнымъ бичемъ для нашей Руси. Не проходило года, чтобы они не сдѣлали опустошительнаго набѣга на Малороссію, забѣгали даже въ Галицію, Холмскую Русь, Литву и Польшу (до Вильны и Кракова). Вездѣ по пути они оставляли пылающія огнемъ села и мѣстечки. Все лучшее расхищалось. Цѣлые десятки тысячъ народа были уведимы въ плѣнъ. Всюду раздавались крики ужаса и плачь угоняемыхъ въ далекій ясырь (плѣнъ). Вотъ здѣсь-то не разъ князь Острожскій достигалъ хищниковъ, разбивалъ ихъ главныя ватаги, освобождалъ плѣнниковъ и возвращалъ полонъ. Особенно блестящи были его побѣды надъ громадными силами татаръ подъ Вишневецемъ, при р. Горыни (недалеко отъ Почаева), въ 1516 г., и подъ Ольшаницей близъ Канева, въ 1527 году. Однихъ плѣнниковъ возвращено было въ первомъ случаѣ 16 тыс., а во 2-мъ 80 тыс. Изъ татарскихъ скопищъ спаслось не много. Не было, конечно, предѣловъ благодарности народа своему спасителю. Современники не находили словъ для прославленія князя, называли его богатыремъ Волини, вождемъ всѣхъ вѣковъ достойнымъ, русскимъ Сципіономъ, литовскимъ Ганнибаломъ, сравнивали съ Геркулесомъ, Гекторомъ, Пирромъ... Правительство литовское награждало его многими чинами; онъ былъ гетманомъ литовскимъ, маршалкомъ земли Волинской, старостою луцкимъ, канцелярномъ виленскимъ, воеводою троцкимъ, старостою брацлавскимъ и пр. Король Сигизмундъ I, въ благодарность за его великія заслуги, особою грамотою предоставилъ ему и его потомству королевское право печатать краснымъ воскомъ. Слава его довершилась родствомъ со многими именитыми княжескими домами—Заславскими, Ровенскими, Вишневецкими, Слуцкими, Воронечкими и др.

Будучи въ полной славѣ и власти, князь Константинъ Ивановичъ крѣпко держался и православной вѣры. Жертвуетъ

очень много на содержаніе своего войска, онъ не щадилъ средствъ и на сооруженіе многихъ храмовъ (въ Вильнѣ, Повгородѣ Литовскомъ, Острожскомъ имѣніи) и на помощь обителемъ, въ ообенности Кіево-Печерскому монастырю. Онъ защищалъ православныя церкви и духовенство отъ насилія католиковъ. О ревности князя Константина Ивановича къ православной вѣрѣ папскій легатъ Пизонъ, лично знавшій его, писалъ слѣдующее: „Князь Острожскій Константинъ принадлежитъ къ греческой религіи. Онъ до такой степени привязанъ къ законамъ ея, что ни на волосъ не отступаетъ отъ нихъ. Дома онъ благочистивѣ Пумы, въ сраженіяхъ воинственнѣ Ромула. При всѣхъ дарахъ его души и славныхъ добродѣтеляхъ, онъ имѣетъ лишь одинъ недостатокъ, что онъ—схизматикъ. Если бы удалось привлечь его въ лоно нашей Матери-Церкви, то онъ увлекъ бы за собою безчисленное множество народа (русскаго), ибо онъ у своихъ пользуется великимъ уваженіемъ и славою“¹⁾. Умеръ онъ въ 1530 году, 70 лѣтъ, въ маститой старости. По его предсмертному желанію, сынъ его Илія перевезъ гробъ его въ Кіевъ, гдѣ и похороненъ по лѣвой сторонѣ великой соборной церкви, въ часовнѣ св. Стефана. Надъ его гробомъ и понынѣ сохранилась статуя, представляющая возлежащаго рыцаря. Статуя эта какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ характеру князя, упокоившагося послѣ многотрудной боевой жизни. До пожара, бывшаго въ Лаврѣ въ 1718 г., на гробѣ князя была слѣдующая надпись: „Константинъ Юанновичъ князь Острожскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полягши, здѣ погребенъ лѣта отъ Р. Х. 1533, имѣя лѣтъ 70; одержавъ побѣдъ 63“.

II. II.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Niesiecky, Koron. Polsk III, 514.

Современное декадентство и христианство.

Исторія декадентства.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Не довольствуясь ни специфическимъ литературно-художественнымъ, ни идейно-соціальнымъ творчествомъ, современное декадентство пытается проникнуть дальше—въ область философіи и религіи.

Типичнымъ органомъ декадентской философіи является издаваемый фирмой „Скорпионъ“ журналъ „Вѣсы“. Въ предисловіи къ первой книжкѣ своего журнала (1904 г.) издатели его заявляютъ, что при всемъ ихъ, якобы научномъ безпристрастіи, „они не могутъ не удѣлять наибольшаго вниманія тому знаменательному движенію, которое подъ именемъ *декадентства, символизма, новаго искусства* проникло во всѣ области человѣческой дѣятельности“.

Яркимъ же выраженіемъ декадентства въ сферѣ религіи и богословія служили недавно закрытыя „Петербургскія Религіозно-философскія собранія“, направленіе которыхъ, обманувшее по началу многихъ честныхъ и искреннихъ людей мнимой свободой и широтой своихъ взглядовъ, вскорѣ же обнаружило свою истинную, тенденціозно-декадентскую природу. Специальнымъ органомъ этихъ собраній, учрежденныхъ якобы съ цѣлью сближенія и примиренія интеллигенціи съ Церковью, а на самомъ дѣлѣ—съ цѣлью злой критики современнаго строя церковной жизни, былъ нынѣ также уже приостановленный изданіемъ журналъ „Новый Путь“, въ особомъ приложеніи котораго помѣщались стенографическія „записи“ преній, происходившихъ въ рел.-философскихъ собра-

¹⁾ См. № 7-й 'за 1908 г.

ніяхъ ¹⁾. По своему характеру и направленію этотъ типично-декадентскій журналъ, занимавшійся вопросами религіи и Церкви, вмѣщалъ въ себѣ и концентрировалъ вокругъ себя всѣ оппозиціонные элементы традиціоннаго уклада церковной жизни. Въ противоположность духовнымъ періодическимъ изданіямъ, старающимся оправдать цѣлесообразность сложившихся вѣками формъ и нормъ жизни Церкви, укрѣпить ихъ и внѣдрить въ сознаниі общества, „Новый Путь“ преслѣдовалъ совершенно противоположныя цѣли: онъ критиковалъ существующій строй жизни Церкви и старался реформировать его на новыхъ началахъ. Въ то время, какъ духовные журналы при рѣшеніи религіозно - церковныхъ вопросовъ всегда стараются стоять на почвѣ Свящ. Писанія и вселенскаго преданія Церкви, ж. „Новый Путь“, въ видахъ достиженія чудной неслыханной еще гармоніи культуры и религіи, имѣлъ иную точку отправленія, стоя на почвѣ философско - литературныхъ теченій современной жизни. Если журналы духовные въ виду цѣлей своей дѣятельности наибольшее мѣсто отводятъ твореніямъ св. отцевъ Церкви, житіямъ святыхъ и благочестивыхъ людей и ихъ письмамъ, то „Новый Путь“ главное мѣсто предоставлялъ мнѣніямъ современныхъ мыслителей религіознаго направленія; письмамъ русской интеллигенціи, „ищущей Бога“, поэтамъ и писателямъ, насколько ихъ произведенія и жизнь имѣютъ отношеніе къ религіозно-богословскимъ вопросамъ.

Наиболѣе видными изъ „новопутейцевъ“, или „новохристіанъ“, какъ принято у насъ называть свѣтскихъ членовъ с.-петербургскихъ рел.-философскихъ собраній, являются извѣ-

---

¹⁾ Какъ видно изъ содержанія этихъ записокъ, вышедшихъ въ 1906 году и особымъ изданіемъ, на рел.-философ. собраніяхъ дебатировались въ чисто декадентскомъ духѣ интереснѣйшіе вопросы—о положеніи русской Церкви и ея жизненныхъ задачахъ, объ отношеніи Церкви къ семьѣ и къ обществу, о взаимныхъ отношеніяхъ государства и Церкви, объ отношеніи христіанской религіи къ культурѣ, о свободѣ совѣсти, о религіозномъ творествѣ и пр.

стные уже намъ декаденты—Мережковскій, Минскій, Розановъ и нѣкот. др. Религіозные идеалы всѣхъ этихъ „суемудрствующихъ интеллигентныхъ богоискателей“, какъ довольно удачно назвалъ ихъ В. М. Скворцовъ ¹⁾, находятся безспорно въ тѣсномъ родствѣ съ типично-декадентскими воззрѣніями.

И прежде всего такое родство сказалось въ озлобленномъ походѣ „новохристіанъ“ противъ Церкви, ея каноники и догматики, чему былъ посвященъ цѣлый рядъ вышеупомянутыхъ петербургскихъ собраній. Хотя въ предисловіи ко второму тому своего обширнаго и полнаго оригинальныхъ мыслей сочиненія: „Л. Толстой и Достоевскій“ (Спб. 1902 г.), г. Мережковскій—самый выдающійся представитель „новохристіанства“—какъ-то и обмолвился, что „тѣ мысли, которыя желалъ бы здѣсь высказать, не мысли самоувѣреннаго, бунтующаго противъ Церкви нигилиста, ницшеанца, западника, декадента“, а что онъ идетъ „изъ глубины запада, отрицанія, отвлеченія, вырожденія, декадентства, къ живой исторической дѣйствительности Русскаго народа и къ христіанскому возрожденію“ (стр. XXIV),—но, очевидно, что это были только пустыя слова, однѣ громкія фразы, безъ соотвѣтствующаго реальнаго содержанія. По крайней мѣрѣ, совсѣмъ инымъ, именно декадентомъ чистой воды, онъ заявилъ себя на религ.-философ. собраніяхъ, гдѣ выступилъ убѣжденнымъ противникомъ „историческаго христіанства“, какъ величаютъ „новохристіане“ Церковь, и проповѣдникомъ какого-то „новаго, свободнаго христіанства“, „христіанства четвертаго измѣренія“. „Христіанство, говорилъ Мережковскій на этихъ собраніяхъ, до сихъ поръ существовало въ трехъ формахъ: православія, католичества и протестантства. Далѣе должно явиться христіанство *четвертаго измѣренія*, которое включить въ себя всѣ три прежнія измѣренія. Это христіанство и будетъ по существу своему вселенскимъ, ибо

¹⁾ „Миссіонер Обзоріе“ 1903 г., № 1.

донинѣ ни одна изъ трехъ церквей не стала вселенской, потому что каждая отрицаетъ двѣ другихъ“¹⁾).

Мережковскій и всѣ его единомышленники, разумѣется, не могли понять и принять ни догматовъ, ни каноновъ Церкви, какъ чего-то такого, надъ чѣмъ нельзя произвольно оперировать и что налагаетъ крѣпкую узду на ихъ вольнолюбивые, декадентскіе порывы. Такъ, Розановъ, другой корифей религіознаго декадентства, или „новохристіанства“, являясь горячимъ противникомъ законченности религіознаго творчества, откровенно заявляетъ на тѣхъ же собраніяхъ, что въ теперешнемъ „догматическомъ христіанствѣ это творчество невозможно. Догматы Церкви, по мнѣнію его, порождены *отчаяніемъ о Боге*“. Спаситель не далъ догмата, самаго духа его, *этой таблицы уможенія* религіозныхъ истинъ. Въ Евангеліи—*все картина, все умиленіе*“, евангельское христіанство—*растительное христіанство*. Въ немъ заключается особенный, богатый и безконечный свѣтъ, который питаетъ *духъ творчества и откровеній*. Но, воть является догматизмъ,—и „Евангеліе потеряло свой небесный характеръ, свой христіанскій аромать. Лиліи евангельскія болѣе красивыя, чѣмъ одежды Соломона, повяли подъ руками догматистовъ—церковниковъ“, которые „возпамѣрились стать несравненно красивѣе этихъ евангельскихъ лилій, рыбаковъ Петра, Андрея, Нафанаила, Іоанна; и воть, какъ Адамъ, не послушавшись Господа, началъ шить себѣ одежды, такъ, не послушавшись предостереженій Спасителя о лиліяхъ и птицахъ, христіане между IV и VIII вв. начали шить полотноца догматовъ. Галилейскіе рыбаки Петръ и Андрей смѣнились Оригеномъ и Климентами. Растительное христіанство начало превращаться въ *каменное*, повидимому, болѣе твердое, но не живое“²⁾). Такъ Розановъ съ обычнымъ сво-

1) „Новый Путь“ 1903 г., № 11, записки рел.-философ. собраній, стр. 472.

2) Тамъ же, стр. 455—466.

имъ туманомъ декадентствуетъ по адресу древней Церкви, Церкви вселенскихъ соборовъ и ихъ догматическихъ опредѣленій.

Еще откровеннѣе основная, чисто декадентская точка зрѣнія этихъ „новыхъ“ богослововъ оказалась въ томъ случаѣ, когда они отъ нападокъ на Церковь перешли къ критикѣ самого христіанства; тутъ они рѣзко выдвинули противоположность своего жизнерадостнаго, „розоваго“, „воздушнаго“ христіанства, включающаго въ себя язычество, какъ равноправную половину ¹⁾), — „черному“, „скопческому“, „аскетическому“, древне-церковному христіанству: въ послѣднемъ „распятіе плоти съ ея страстями и похотями“, „отреченіе отъ міра“, „загробные, потусторонніе идеалы“, „великая безбрачная скорбь“ и пр., а въ первомъ — „культъ плоти и святого сладострастія“, обозначаемый у Мережковскаго, въ противоположность церковному аскетизму, понятіемъ „астартизма“ ²⁾), какое-то чисто религіозное преклоненіе предъ античнымъ язычествомъ, — словомъ, всѣ радости и утѣхи посясторонняго „земного рая“. Само Евангеліе, по мнѣнію „новохристіанъ“, было будто бы проповѣдью одной радости. Вѣчная безпредѣльная радость — вотъ сущность ученія Христова. „Онъ Самъ былъ, говоритъ Мережковскій, какъ бы воплощенное веселіе сердца, и всѣ вокругъ Него были веселы, пьяны отъ веселья, какъ сыны чертога брачнаго“ ³⁾). При этомъ, радость, къ которой дѣйствительно призывалъ Своихъ послѣдователей Христосъ, Мережковскій понимаетъ въ какомъ-то стихійномъ, вакхическомъ смыслѣ, видя въ Тайной вечери Спасителя не что иное какъ „пиръ плоти и крови, таинственную вечерю Новаго Діониса“ ⁴⁾). А чтобы не было

¹⁾ Проф. А. Введенскій. „Религіозное обновленіе нашихъ дней“ Вып. I, Москва, 1903 г., стр. 17.

²⁾ „Л. Толстой и Достоевскій“, т. II, стр. XXXIV.

³⁾ Тамъ же, стр. 266, ср. т. I, стр. 270.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 288—290; 313—314.

уже никакого сомнѣнія относительно истиннаго характера той радости, которой, по мнѣнію нашихъ декадентствующихъ богослововъ, училъ Христосъ, приведемъ еще одно самое рельефное мѣсто изъ сочиненія Мережковскаго: „Л. Толстой и Достоевскій“, гдѣ говорится, что Господь проявляется будто бы не только въ экстазѣ духа, но и въ страстныхъ движеніяхъ плоти: „и въ сладострастїи и въ бурѣ, пишетъ онъ, нѣтъ ничего человѣчески-злого, или добраго; и здѣсь и тамъ все просто и невинно, все такъ, какъ вышло изъ рукъ Творца; и здѣсь и тамъ совершается воля Того, Кто вызвалъ стихїи и сердце изъ небытія. И ежели стихійныя силы копятся въ воздухѣ и, наконецъ, поражаются бурей,—на то Его святая воля; и ежели грозныя силы пола... точно также копятся и, наконецъ, поражаются страстью, то и на это Его святая воля. И здѣсь и тамъ... есть печать святости—красоты“¹⁾).

Съ точки зрѣнія этого контраста между „новохристіанствомъ“ и такъ называемымъ „историческимъ христіанствомъ“ становятся совершенно понятными всѣ излюбленныя темы „новопутейцевъ“: и воскрешеніе древнихъ боговъ язычества съ культомъ елевзинскихъ мистерій Діониса и моралью Еврипида.—въ чемъ особенно специализируется Мережковскій, и восторженное преклоненіе до обоготворенія предъ „великой тайной пола“, составляющее еіеe fixe г. Розанова, не чуждое, впрочемъ, и Мережковскому. Вопросъ пола послѣдній называетъ даже „по преимуществу своимъ новымъ вопросомъ“ и поставляетъ „въ зависимость отъ него все будущее христіанства“²⁾. Вотъ почему, говоря объ односторонности „историческаго христіанства“, онъ повторяетъ вслѣдъ за Ницше фразу—„христіанство не удалось“, „или по крайней мѣрѣ“, добавляетъ онъ, „намъ, еще не скопцамъ и не мертвецамъ, съ такимъ христіанствомъ дѣлать нечего“³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 466.

²⁾ Тамъ же, стр. 472.

³⁾ Тамъ же стр. 480.

Но всего яснѣе современное декадентствующее богословіе „новохристіанъ“ сказалось тогда, когда они назвали свою измышленную религію—„религіей конца“, терминомъ, совершенно во вкусъ *fin de siecle*, столь характеристичнымъ для подлиннаго декадентства. „Историческое христіанство, по словамъ Мережковскаго, какъ религія несовершенная, *обездолившая Христа* ¹⁾, должна уступить свое мѣсто религіи совершенной—*религии конца*, т. е. „религии великаго послѣдняго соединенія, великаго Символа, религии второго, уже не тайнаго(?), скрытаго, какъ первое, а явнаго пришествія въ силѣ и славѣ“ ²⁾. Если „историческое христіанство“, съ точки зрѣнія этого вождя „новохристіанства“, грѣшитъ тѣмъ, что осуждаетъ плоть, все языческое, „титаническое“ и „прометеевское“ въ человѣкѣ, то „религія конца“, въ противоположность ему, должна „освятить“ все это, дать законное мѣсто и права, рядомъ съ духомъ, также и плоти,—всему стихійному, личному, титаническому. Говоря иначе, она должна прежде всего быть „синтезомъ духа и плоти“, совершить „то *измѣненіе* существа человѣческаго, о которомъ говоритъ апостоль: *не вѣсь мы умремъ, но вѣсь измѣнимся скоро, во миновеніе ока*“ ³⁾. И все это здѣсь на землѣ. Это ли не подлинное декадентство, именно во вкусъ ницшеанскихъ мечтаній? И Мережковскій подъ именемъ „религии конца“ мечтаетъ то же, что и Ницше. По нему, какъ и по ученію Заратустры, выходить, что именно здѣсь, на нашей землѣ, наступитъ вождедѣнное для Ницше „царство сверхчеловѣка“, когда теперешній человѣкъ и *физически* перемѣнится и станетъ новымъ, тѣлеснодуховнымъ,—словомъ „сверхчеловѣкомъ“, который безирепятственно и безтрепетно принадлееть тогда къ культу „преображенной плоти“, къ матери—

¹⁾ Тамъ же, стр. 410.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 358.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. XVII.

земль, дать въ своей жизни широкій просторъ титаническому, прометеевскому, стихійному¹⁾.

Прот. *Николай Стеллецкий*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ А. Введенскій. „Религіозное обновленіе нашихъ дней“, стр. 31.

²⁾ См. № 8-й за 1908 г.

³⁾ Еще двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ чувствовалась настоятельная нужда въ этомъ законѣ, когда раздавались громкіе голоса въ пользу послѣдняго и за отміну всегдашняго безбрачія для виновнаго супруга. „Боспрещеніе вступать въ новый бракъ супругу, оскорбившему святость брака,—писалось тогда въ одномъ журналѣ,—чуждо гуманному отношенію Церкви къ преступающему церковный порядокъ.. Отміна обязательнаго безбрачія требуется правомъ и нравственностью, составляетъ одно изъ важныхъ условий крѣпости государственна о быта, основаннаго, главнымъ образомъ, на чистотѣ и крѣпости семейной жизни“ („Юридическій Вѣстникъ“, 1881 г. М. Соловьевъ. „О вѣчномъ безбрачій виновнаго супруга“, 271 стр). „Существующее въ нашемъ законодательствѣ постановленіе объ осужденіи виновныхъ въ невѣрности супруговъ на вѣчное безбрачіе,—писалось нѣсколько позже въ одной газетѣ,—должно подлежать отмінѣ. Постановленіе это стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ христіанскимъ возрѣніемъ на святость супружескаго союза, въ котораго не допускается брачнаго сожитія, не освященнаго церковнымъ обрядомъ (?) брака“ („Голосъ“, 1882 г. № 31-й „Къ вопросу о реформѣ законодательства о бракѣ“). И вотъ эти голоса, раздававшіеся почти четверть вѣка назадъ, оправдались; желанія „новаго закона“ нашли реальное осуществленіе. Педаромъ и теперь это осужденіе на безбрачіе трактуется какъ „устарѣвшее, нецѣлесообразное и даже несправедливое“ (см. „Церков. Вѣдом.“ 1904 г. № 41-й „Законъ объ отмінѣ осужденія на всегдашнее безбрачіе“. С. Г.).

Евангельское учение о разводѣ.

(Окончаніе ²⁾).

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ о возможности новаго брака для стороны виновной. Здѣсь намъ неизбѣжно приходится имѣть дѣло съ закономъ 28-го мая 1904 года, дозволившимъ бракъ и виновной въ прелюбодѣяніи сторонѣ ³⁾. Съ

¹⁾ А. Введенскій. „Религіозное обновленіе нашихъ дней“, стр. 31.

²⁾ См. № 8-й за 1908 г.

³⁾ Еще двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ чувствовалась настоятельная нужда въ этомъ законѣ, когда раздавались громкіе голоса въ пользу послѣдняго и за отмену всегдашняго безбрачія для виновнаго супруга. „Боспрещеніе вступать въ новый бракъ супругу, оскорбившему святость брака,—писалось тогда въ одномъ журналѣ,—чуждо гуманному отношенію Церкви къ преступающему церковный порядокъ... Отмена обязательнаго безбрачія требуется правомъ и нравственностью, составляетъ одно изъ важныхъ условий крѣпости государственна о быта, основаннаго, главнымъ образомъ, на чистотѣ и крѣпости семейной жизни“ („Юридическій Вѣстникъ“, 1881 г. М. Соловьевъ. „О вѣчномъ безбрачій виновнаго супруга“, 271 стр). „Существующее въ нашемъ законодательствѣ постановленіе объ осужденіи виновныхъ въ невѣрности супруговъ на вѣчное безбрачіе,—писалось нѣсколько позже въ одной газетѣ,—должно подлежать отмене. Постановленіе это стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ христіанскимъ возрѣніемъ на святость супружескаго союза, въ котораго не допускается брачнаго сожитія, не освященнаго церковнымъ обрядомъ (?) брака“ („Голосъ“, 1882 г. № 31-й „Къ вопросу о реформѣ законодательства о бракѣ“). И вотъ эти голоса, раздававшіеся почти четверть вѣка назадъ, оправдались; желанія „новаго закона“ нашли реальное осуществленіе. Педаромъ и теперь это осужденіе на безбрачіе трактуется какъ „устарѣвшее, нецѣлесообразное и даже несправедливое“ (см. „Церков. Вѣдом.“ 1904 г. № 41-й „Законъ объ отменѣ осужденія на всегдашнее безбрачіе“. С. Г.).

появленіемъ этого закона вопросъ о бракѣ и разводѣ принялъ самый острый и жгучій характеръ. Общественное мнѣніе встрѣтило этотъ законъ весьма различно; въ печати, по адресу его, появились статьи и замѣтки самаго разнообразнаго, иногда до крайности противоположнаго, характера. Въ то время какъ одни нашли распоряженіе Св. Синода „гуманнѣйшимъ и достойнымъ всякаго сочувствія“ (М. О. Меньшиковъ въ „Нов. Врем.“), другіе подвергли его сомнѣнію и даже отрицанію (А. А. Кирѣевъ, Вязигинъ, Айвазовъ и др.). Одними новый законъ былъ привѣтствованъ какъ „доброе начало имѣющихъ и впрередъ послѣдовать законовъ“, какъ „одна изъ самыхъ значительныхъ реформъ въ брачномъ законодательствѣ за послѣдніе годы“ (Розановъ),—другими какъ „уступка гражданскому законодательству въ дѣлахъ брака“ (Айвазовъ). Если, по признанію однихъ, законъ этотъ „пошелъ навстрѣчу всеобщимъ желаніямъ и тѣмъ заслужилъ себѣ справедливую признательность“ („Церк. Вѣстникъ“ 1904 г. № 27), то, по заключенію другихъ, онъ „внесъ соблазнъ“ въ сердца вѣрующихъ и „подвергъ Православную русскую Церковь заслуженнымъ нареканіямъ“ (Вязигинъ). Тогда какъ одинъ изъ духовныхъ авторовъ склоненъ считать новый законъ даже „роковою ошибкой“ (Айвазовъ), другой утверждаетъ совершенно обратное,—что „русская Церковь не только не впала въ роковую ошибку, а истинно озарилась свѣтомъ и разумомъ Божиимъ“ (Д. Боголюбовъ). Если одни главную заслугу новаго закона усматриваютъ „въ снятіи со свѣтлыхъ ризъ Церкви черныхъ пятенъ; брошенныхъ въ пылу гнѣва и негодованія тѣми, кто обвинялъ ее въ холодности и нелюбви къ браку“ (свящ. І. Филевскій),—то другіе на это замѣчаютъ, что „черныя пятна, брошенные гг. Розановымъ и Амфитеатровымъ, не могутъ пристать къ свѣтлой ризѣ Церкви, пока она будетъ придерживать евангельскихъ указаній“ (Вязигинъ). Между тѣмъ какъ одни считаютъ законъ „прекраснымъ проявленіемъ снисхожденія нашей Церкви къ немощамъ своихъ чадъ“ (Церк. Вѣсти. 1904 г.

№ 27) и готовы хвалить Церковь за смиренную уступку въ дѣлѣ 28-го мая (Розановъ); другіе смотрятъ на него, какъ на „актъ уклона Церкви въ сторону символа современной культуры“, какъ на „уступку современнымъ распущеннымъ правамъ“, сдѣланную „въ угоду суетному требованію времени“ (А. Кирѣевъ) ¹⁾. Въ то время какъ нѣкоторые настойчиво упрекаютъ Синодъ въ „поспѣшности, неосмотрительности и необдуманности“ (Кирѣевъ),—другіе говорятъ совершенно противоположное: „далеко неспѣшно, далеко неосмотрительно, напротивъ, до крайности осмотрительно, довольно медлительно и весьма обдуманно дѣйствовали въ данномъ случаѣ Св. Синодъ... Упрекать его за медлительность нельзя, а благословлять за измѣненіе редакціи 253 ст. должно“ ²⁾. Оказались лица, которыя во всеуслышаніе объявили, что „новый законъ является лишь первой ступенью къ разрушенію усвоенныхъ всѣми истинно-православными людьми представленій о бракѣ, какъ о таинствѣ (Ефес. 5, 32), нераздѣльно соединяющемъ два существа въ одно“. Нашлись, наконецъ, даже архипастыри, которые усмотрѣли въ новомъ законѣ такое новшество, которое „покрываетъ стыдомъ“, „ужасаетъ послѣдствіемъ“, какъ явное противорѣчіе Евангелію ³⁾.—Вотъ какъ разнохарактерно отозвалась печать о законѣ 28-го мая. Одни его хвалятъ, другіе порицаютъ; тѣ едва не до небесъ превозносятся, а

¹⁾ „Міръ затѣялъ, пишетъ онъ, крупную, принципиальную реформу, Церковь вынужденная—уступила, положивъ однако этой тяжелой уступкѣ извѣстную границу, извѣстное условіе—енитимію!“ („Нов. Время“ 1904 г. № 10285-й. „Гражданскій бракъ“ А. Кирѣевъ). И въ другомъ мѣстѣ: „Церковь какъ бы вынуждается угрозой грѣшника измѣнить свой строй“. („Новое Время“ 1904 года № 10313-й. „Еще „о волнуемомъ“ вопросѣ“ А. Кирѣевъ).

²⁾ Н. Заозерскій. Богосл. Вѣстн. 1904 г. № 12-й „Печальное недоразумѣніе“, 724 стр).

³⁾ Такъ пишетъ авторъ статьи „Измѣненіе ст. 253 Устава Дух. Консисторій“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ братства Православной Церкви въ Китаѣ“. См. Богоел. Вѣстн. 1904 г. № 12. Цит. соч. 719 стран.

эти готовы совсѣмъ отвергнуть. Многіе видятъ здѣсь противорѣчіе Слову Божію, нарушение завѣтовъ Христа. Къ числу такихъ принадлежатъ, между прочимъ, не разъ упоминаемый нами А. Кирѣевъ, высказавшійся по поводу новаго закона на страницахъ „Новаго Времени“, и г. А. Вязигинъ—проф. Харьковскаго университета въ редактируемомъ имъ журналѣ „Мирный Трудъ“. „Если допустить правильность и законность браковъ и невиновной и виновной сторонѣ,—пишетъ первый изъ нихъ,—то куда же дѣнутся ясныя и опредѣленные слова Спасителя у ев. Марка и Луки? Къ какому случаю будутъ они относиться? Что карается столь жестоко Спасителемъ? Очевидно, слова эти сказаны на вѣтеръ, впустую! Очевидно, Спаситель проводитъ глубокую, рѣзкую черту между браками виновныхъ и невиновныхъ. Тутъ вотъ окажется явное противорѣчіе въ словахъ Спасителя. Съ одной стороны Онъ разрѣшаетъ, будто бы, всѣ браки безразлично и виновныхъ и невиновныхъ, а съ другой—запрещаетъ ихъ, называя ихъ прелюбодѣніемъ! Выходитъ нѣчто очень невѣроятное и неудобопріемлемое, именно, что Церковь благославляетъ то, что Спаситель казнить словомъ „прелюбодѣніе“¹⁾. Въ виду ясныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія (Мрк. 10, 9; Лук. 16, 18; Мѡ. 5, 32; Мрк. 10, 11), пишетъ второй, установленіе церковнаго брака для разведенныхъ по „жестоковѣности“ изъ-за вины прелюбодѣнія, вноситъ отступающее отъ толкованія св. отцовъ пониманіе таинства и даетъ въ сущности разрѣшеніе на новое прелюбодѣніе... Разрушеніе одного таинственнаго сочетанія, оскверненнаго прелюбодѣніемъ, не даетъ права осквернителю вступить въ новое. Таково наставленіе Священнаго Писанія, таково воззрѣніе отцовъ Церкви, такова практика первыхъ христіанъ, придерживающихся евангельскихъ завѣтовъ“²⁾. По мнѣнію о. А. Мерцалова, если виновный въ

¹⁾ „Новое Время“ 1904 года, № 10313-й. А. Кирѣевъ. „Еще о „волнующемъ“ вопросѣ“.

²⁾ „Мирный Трудъ“ 1904 г. № 8-й. А. Вязигинъ. „Опасныя стороны новаго закона о бракѣ“, 56—57 стр.

прелюбодѣяніи супругъ вступаетъ въ новый бракъ, то онъ снова прелюбодѣйствуетъ, и этотъ бракъ его никогда не станетъ таинствомъ, потому что Духъ Святой не можетъ освятить брачнаго союза людей, обреченныхъ самимъ Богомъ на безбрачіе ¹⁾).

Чтобы разобраться во всемъ этомъ разнообразіи мнѣній, сужденій и заключеній, необходимо разсмотрѣть и рѣшить, противорѣчить ли, дѣйствительно, новый законъ Синода Слово Божію! Тогда, при отрицательномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, всѣ эти тенденціозныя мудрованія рушатся сами собою. Вчитавшись внимательно въ слова Спасителя о разводѣ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что въ нихъ нѣтъ прямого указанія на возможность виновной сторонѣ вступать въ новый бракъ. Но зато въ Евангеліи нѣтъ прямого указанія и на то, что повинный въ прелюбодѣяніи безусловно не можетъ быть никогда допущенъ къ новому сожитію. И только тотъ же г. Кирѣевъ, явно тенденціозно, дѣлаетъ выводъ, будто виновной сторонѣ Слово Божіе безусловно запрещаетъ новый бракъ. Указавъ на тексты: Мр. 10, 11—12; Лук. 16, 18, онъ продолжаетъ: „вотъ слова Спасителя. Они ясные дня. Въ нихъ запрещается вообще бракъ разведенныхъ—*a fortiori* и бракъ лицъ, разведенныхъ за то, что впали въ грѣхъ! Вотъ стало быть какъ смотреть на это дѣло Спаситель. Вотъ Его завѣты“ ²⁾! Но такое заключеніе произвольно. Если запрещается новый бракъ, то бракъ самовольно разведшихся супруговъ,—когда прежній бракъ еще не расторгнутъ, не разлученъ Сочетавшимъ его, и потому мужъ и жена въ самочинныхъ новыхъ супружествахъ любодѣйствуютъ другъ противъ друга. По иное дѣло совсѣмъ, когда супруги развелись по винѣ прелюбодѣянія. Въ этомъ

¹⁾ См. „Московск. Вѣд.“ 1904 г. № 247-й. „Еще о брачн. законодательствѣ“.

²⁾ „Новое Время“, 1904 г. № 10299. „По поводу письма А. Васильева“.

случаѣ „бракъ расторгнуть, они разлучены, они свободны и могутъ оба вступить въ новый бракъ, напутствуемые предостереженіемъ (новый законъ): иди и впредь не грѣши“¹⁾. Несомнѣненень, по крайней мѣрѣ, слѣдующій фактъ. Вникая въ мысли и отдѣльныя слова Мрк. 10, 11—12 и Лук. 16, 18, мы вовсе не видимъ здѣсь осужденія на безбрачіе и даже самаго слова безбрачіе. Если же нѣтъ ни этой мысли, ни этого слова, то зачѣмъ же этими словами Евангелія оправдывать осужденіе на безбрачіе,—какъ это дѣлаютъ гг. Кирѣевъ и Вязигинъ? То же приходится сказать и относительно текстовъ у евангелиста Матѳея. „Если въ Мѳ. 19, 9, по словамъ того же Кирѣева, относительно права на бракъ виновной стороны въ этомъ текстѣ не говорится ни единого слова“ („Нов. Вр.“ № 10313; цит.),—то нѣтъ здѣсь также и ни одного слова, осуждающаго *πορνείων*'а на всегдашнес безбрачіе. Правда, вышеупоминаемый свящ. А. Васильевъ дѣлаетъ попытку вывести и оправдать вступленіе въ новый бракъ виновной стороны изъ Мѳ. 5, 32. По его мнѣнію, заповѣдь Спасителя, выраженная въ этомъ стихѣ, „изложенная въ положительной формѣ“, получаетъ такой смыслъ: „отпущай жену свою по словеси любодѣйному не творить ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу (такую) пойметъ, не прелюбодѣйствуетъ“ („Нов. Вр.“ № 10303; цит.). Какъ видно, энергію исключенія, изъятія—*παρεκτός*“ о. Васильевъ простираетъ на весь стихъ, когда подъ пущеницей во второй половинѣ стиха разумѣетъ разведшуюся по прелюбодѣянню. Если такъ, тогда общій его выводъ въ пользу брака виновной стороны правиленъ. Но здѣсь предъ нами стоятъ діаметрально-противоположныя слова другого ученаго авторитета. „Мы со всею готовностію признаемъ,—пишетъ проф. Глубоковскій,—что *παρεκτός* со своею энергіей замыкается исключительно въ первой части Мѳ. 5, 32, почему и *ἀπολε-*

¹⁾ „Нов. Вр.“, 1904 г. № 10313-й. „Мой отвѣтъ Кирѣеву“. А Васильевъ.

λορένη будетъ всякая пущеница“ (цит. соч. 30 стр.). По заключенію этого профессора, „туть немислима даже рѣчь о какомъ-либо бракѣ“ (31 стр.). Не такъ категорично, но зато и наиболѣе вѣрно рѣшаетъ этотъ вопросъ профессоръ Д. И. Богдашевскій. „Если вчитаться въ слова Господа,—такъ приблизительно говорить онъ,—то можно сдѣлать тотъ выводъ, что прелюбодѣяніе разрушаетъ въ корнѣ данный бракъ; но нельзя никакъ сказать, что *πορνεῶν* навсегда осужденъ на безбрачіе“. Логично разсуждаетъ и проф. Павловъ. „Союзъ двухъ, расторгнутый для одного, пишетъ этотъ выдающійся канонистъ, необходимо уничтожается и для другого. А отсюда само собою слѣдуетъ, что если невиновный въ разводѣ супругъ, вступая въ новый бракъ, не совершаетъ прелюбодѣянія, то нельзя признавать прелюбодѣяніемъ и второй бракъ виновнаго“ ¹⁾. Повидимому, новый бракъ стороны виновной въ результатѣ все же будетъ нѣкотораго рода „прелѣбодѣянїемъ“. Вѣдь апостоль Павелъ прямо говоритъ, что „совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею (1 Кор. 6, 16). Слова апостола безспорны. Но нельзя, думается, сказать того, чтобы согрѣшившая супруга и потомъ омытая свой грѣхъ слезами покаянія была „блудницей“. Если виновная духовно умерла для прежняго брака, то это еще не значитъ, что она безусловно дѣловно мертва и для новаго брака; въ послѣднемъ она можетъ оказаться самой цѣломудренной, честной, вѣрной и преданной женой,—особенно послѣ того, какъ она уже принесла чистосердечное раскаяніе, сознавъ вину своего перваго грѣха, допущеннаго, быть можетъ, по увлеченію или по причинѣ, отъ нея всецѣло не зависящей ²⁾. Осудить такую жену, помимо епитиміи, на

¹⁾ „Церх. Вѣд.“ 1904 г. № 44; цит. 1746 стр.

²⁾ За возможность новаго брака жены—прелюбодѣйи ясно говорить слова архіеи. Псковскаго Теофана. „И виноватое лице,—пишетъ онъ,—по разводѣ совершенномъ, не есть никому долгомъ супружества привязанное...“ если оно „по разводѣ стало ничіе, то для чего ему не

всегдашнее безбрачіе—значило бы карать ее вдвойнѣ и поистинѣ открывать ей просторъ къ новому грѣху³⁾. Положимъ, для такой жены у того же апостола есть совѣтъ „быть безбрачной или примириться съ мужемъ своимъ“ (1 Кор. 7, 11). Но примиреніе иногда никакъ не можетъ произойти, по причинѣ, отъ виновной стороны не зависящей; а безбрачное пребываніе, какъ учитъ апостоль Павелъ, есть удѣлъ далеко не всѣхъ, а лишь „вмѣстить могущимъ“. А для обыкновенныхъ смертныхъ, по слову апостола, „лучше жениться, нежели разжизниться“ (1 Кор. 7, 9). Пусть только новый бракъ будетъ „о Господѣ“, и пусть виновная сторона будетъ непрестанно помнить и исполнять завѣтъ Спасителя: „Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши“ (Іоанн. 8, 11).

Если прямого противорѣчія Слову Божию въ изданіи новаго закона мы не видимъ, то какъ же, однако, смотрѣть на этотъ законъ: не есть ли онъ потворство живущимъ „по духу міра сего; Церковь, издавая этотъ законъ, не явилась ли здѣсь въ роли безропотной исполнительницы прихоти и каприза людского? Нѣтъ. Церковь воздѣйствуетъ исключительно на совѣсть людей, это—единственная область ея вліянія. И если она разрѣшаетъ согрѣшившей сторонѣ новый бракъ, то поступаетъ въ этомъ случаѣ какъ любвеобильная мать, отзывающаяся на каждый покаянный вздохъ своихъ чадъ. Въ самомъ дѣлѣ, если виновный сынъ ея снова идетъ къ ней на встрѣчу, снова стучится въ двери ея милосердія,

попускать свободы къ новому браку?.. Ибо прелюбодѣвица преждему то-чѣю мужевѣ прелюбодѣвица была, а новому невиновата и общается быть вѣрною“ (Церк. Вѣдом. цит. 1745 стр.).

³⁾ „Аще речеть кто,—пишетъ тотъ же арх. Теофанъ,—что вмѣсто достойной казни виновному лицу, отнять подобаеть свободу къ новому браку, отвѣтствуемъ ему, что человекъ казнить за грѣхи человека явнымъ грѣха бѣдствіемъ не можетъ.“ (Церк. Вѣдом. цит. выше 1745 стр.). „Признаюсь, пишетъ профессоръ Н. А. Заозерскій,—что я совершенно безсиленъ что-нибудь возразить противъ этой мысли“. („Богословскій Вѣстникъ“ 1904 года № 12-й. „Печальное недоразумѣніе“, стр. 725).

готовый впродъ быть покорнымъ и послушнымъ,—ужели она не должна съ радостію встрѣтить свое дитя, не должна принять его подъ свое милостивое попеченіе? Она, прощающая безъ конца (Мѡ. 18, 22), радующаяся о единомъ грѣшникѣ кающемся, должна отозваться на голосъ согрѣшившаго чада. И вотъ она отзывается... Церковь нисколько не будетъ виновата въ томъ, если найдутся невѣжды, злоупотребляющіе этой мудрой снисходительностью въ угоду своимъ похотѣніямъ, потому что зла Церковь никогда не благословляла и не благословляетъ,—она, повторимъ, имѣетъ въ виду исключительно совѣсть человѣка, и на нее хочетъ воздѣйствовать.—Такимъ образомъ въ изданіи новаго закона проявилось лишь мудрое снисхожденіе Церкви къ немощамъ своихъ чадъ. И это снисхожденіе не есть уступка развращенному духу міра, а напротивъ—новое средство для успѣшной борьбы съ нимъ, новый способъ вырвать изъ власти зла подпавшаго ей слабаго человѣка и дать ему возможность снова жить въ „законѣ“ и добрѣ...

По новому закону, какъ извѣстно, виновный въ преступленіи супругъ, прежде вступленія въ новый бракъ, долженъ предварительно выдержать епитимію—семи или двухлѣтнюю. И по поводу этой епитиміи появилось не мало замѣтокъ въ печати. Такъ, г. Розановъ, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Кирѣевъ признаютъ болѣе цѣлесообразной епитимію семинедѣльную, а не семилѣтнюю. При чемъ Кирѣевъ идетъ дальше—онъ „безусловно сомнѣвается въ цѣлесообразности“ и дѣйственности всякой епитиміи ¹⁾, никакъ не вѣря въ ея осуществленіе; онъ даже иронически вышучиваетъ это церковное установленіе. Епитимія представляетъ, по его мнѣнію, „нѣкоторый коррективъ, придуманный для благовиднаго прикрытія беззаконія“ ²⁾, „казенный фасадъ, за которымъ кроется одинъ пустырь“ ³⁾. Но дѣло тутъ, думается намъ, совсѣмъ

¹⁾ „Новое Время“ 1904 г. № 10285-й. „Гражданскій бракъ“.

²⁾ „Новое Время“ 1904 г. № 10288-й. А. Васильевъ. „По поводу письма А. Кирѣева о гражданскомъ бракѣ“.

³⁾ „Новое Время“; № 10313-й, цит. выше.

не въ срокѣ епитиміи, а въ искренности и интенсивности покаянныхъ чувствъ согрѣшившаго. Для истинно-христіанской души, вѣрящей въ жизнь будущаго вѣка и въ вѣчную правду Христову, каждый покаянный вздохъ имѣетъ высокое значеніе и великую цѣну предъ лицомъ Всеправеднаго Судіи. Примѣры мытаря и „разбойника благоразумнаго“ навсегда будутъ безсмертными.

Сераніонъ Чернышевъ.

ЗАМѢТКА.

Дѣйствіе живого слова.

Въ большомъ православномъ селѣ Сѣдлецкой губ. началась католическая пропаганда; произошло нѣсколько отступничествъ. Въ селѣ проживалъ старый, хворый, уже оставившій службу 87-лѣтній священникъ. Деревенская „громада“ его очень уважала. Къ нему, къ старому „батькѣ“, обратились смятенные духомъ прихожане: наставь, научи... Съ трудомъ облачился и вышелъ на солею для проповѣди старикъ; его пришлось поддерживать подъ руки—стоять безъ помощи онъ не могъ. Вся переполненная церковь замерла въ напряженномъ ожиданіи. Проповѣдникъ, какъ положено, перекрестился и началъ: „Вѣрую во единого Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа; да, вѣрую. Вѣрую во единую Святую Соборную Апостольскую Церковь; да, вѣрую“. Онъ помолчалъ немного и вдругъ закричалъ: „А въ папу римскаго не вѣрую, нѣтъ, не вѣрую, на томъ умереть готовъ“... Повернулся и ушелъ въ алтарь. Онъ все сказалъ, что могъ. И слушатели остались довольны. Вѣроотступничество въ приходѣ прекратилось (Мин. енарх. вѣд.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го февраля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года марта 9-го дня.

Содержаніе: I. Что требуется для того, чтобы достойнымъ образомъ вы-
полнять долгъ проповѣдничества? В. Пѣвникій.—II. Кооперация въ
сельскомъ хозяйствѣ и православное духовенство (оконч.). В.—
III. Современное декадентство и христіанство (продолж.). Прот. Н.
Стеллецкій.—IV. Замѣтка. Пастырскіе курсы для духовенства.

Что требуется для того, чтобы достойнымъ обра- зомъ выполнять долгъ проповѣдничества?

Проповѣдь христіанская—великое и святое дѣло. Ве-
лико это дѣло и по своему началу, и по своему существу,
и по той цѣли, которой оно призвано служить.

Начало проповѣди дано Господомъ, Его повелѣніемъ
апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и позднѣйшимъ служителямъ
Церкви учить всѣ народы. Господь, небесный Учитель, въ
теченіе Своего пребыванія на землѣ, Своимъ словомъ указы-
вавшій людямъ пути спасенія, для продолженія учительнаго
служенія призвалъ избранныхъ на это дѣло служенія и даль-
ше имъ заповѣдь и полномочіе совершать его, и они, совершая
повелѣнное Господомъ, являются продолжателями Его слу-

женія, связанными съ Нимъ неразрывною связью, и это высокое званіе принадлежит не однимъ непосредственнымъ ученикамъ Господа, а всѣмъ, кто, по призыву Церкви, является провозвѣстникомъ Евангелія Христова или евангельскаго ученія. Не даромъ Господь, давая повелѣніе апостоламъ идти и проповѣдывать, обставилъ это повелѣніе словомъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20).

Велико это дѣло по своему существу, или предмету, составляющему его содержаніе. Проповѣдь должна сообщать и раскрывать людямъ Божественное ученіе, данное свыше отъ Отца свѣтовъ, уясняющее коренные вопросы жизни, предъ которыми оказывается немогущимъ простой разумъ человѣческой, предоставленный самому себѣ. Мысль человѣческая долгіе вѣка искала надлежащаго пути, ведущаго къ постиженію истины и къ благу, предмету стремленій души нашей; но она не могла найти этого пути, и только изрѣдка болѣе или менѣе приближалась къ нему. Христіанская проповѣдь, руководимая Божественнымъ разумомъ, указываетъ этотъ путь и тѣмъ даетъ такое богатое, ясное и высокое содержаніе душамъ, ищущимъ истины, до какого не могла возвыситься простая мысль человѣческая. Къ земному темному элементу, надъ которымъ трудится и какой воздѣлываетъ разумъ человѣческой, она присоединяетъ свѣтлый и освѣщающій элементъ высшій, Божественный, и чрезъ то становится выше всѣхъ ученій человѣческихъ.

Высока проповѣдь и по цѣли, ей указанной. Этою цѣлю служить спасеніе людей или воспитаніе ихъ для достойнаго вступленія въ царство Божіе, членамъ котораго обѣтована блаженная жизнь. Что можетъ быть выше этой цѣли? Тѣ земные интересы, которыми заняты, и которымъ служатъ учителя и ораторы свѣтскіе,—гражданское благоустройство, внѣшняя правда и законность,—не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми высшими задачами, состоящими въ доставленіи человѣку спасенія и вѣчнаго блаженства, какія выполняетъ или должна выполнять церковная проповѣдь.

Исторія отмѣчаетъ важныя заслуги краснорѣчія свѣтскаго, служившаго и служащаго земнымъ цѣлямъ. „Но христіанство и основанная Иисусомъ Христомъ Церковь (говорить Шоттъ) указали краснорѣчію новое высшее призваніе, направивъ его къ служенію цѣлямъ небеснымъ. Болѣе благодарнаго и болѣе высокаго поприща для свободнаго развитія своихъ силъ краснорѣчіе нигдѣ не могло найти, какъ въ томъ священномъ кругѣ, гдѣ ему предложено быть общенароднымъ возвыщеніемъ Евангелія, или чистѣйшаго и возвышеннѣйшаго ученія Господа Иисуса Христа. Оно нигдѣ не могло получить того высшаго освященія, какое даетъ ему духъ христіанства“¹⁾.

Но это великое дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло трудное. Оно требуетъ отъ принимающаго долгъ церковнаго учительства или призываемаго къ нему особенной внимательности, большого напряженія душевныхъ силъ и тщательнаго приготовленія къ нему. Это дѣло святое, Божіе, а Божіяго дѣла нельзя вести кое-какъ, съ небреженіемъ. Святой Григорій Богословъ считаетъ его доступнымъ не для всякаго ума. „Ежели другой кто, говоритъ онъ, приступаетъ къ сему дѣлу съ дерзновеніемъ и почитаетъ его доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію, (чтобы не сказать малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ каждому *даяти во время житомѣрія* (Лук. 12, 42) слова и съ разсужденіемъ вести домо-строительство нашихъ догматовъ“²⁾.

Великое число дѣятелей призывалось и призывается Церковію къ служенію учительнаго слова; но неодинаковы плоды ихъ дѣятельности. Проповѣдь многихъ является мало

¹⁾ Die Theorie der Beredsamkeit mit besouderer Anwendung auf die geistliche Beredsamkeit. Theil. I. В. Пѣвницкаго „Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера“. 1899, стр. 265

²⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Творенія св. Григорія Богослова, сл. 3 е. Т. I, стр. 26—27.

дѣйственною, не достигающею своей цѣли, и слышны частыя жалобы на проповѣдниковъ, которые, выступая учителями церковными, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы народу. Ихъ слово проходить мимо ушей, какъ мѣдъ звенящая или кимваль бряцающъ.

Что же нужно для того, чтобы проповѣдникъ былъ достойнымъ служителемъ церковнаго слова, и въ чемъ главное условіе плодотворнаго дѣйствительнаго проповѣдничества?

Вопросъ этотъ очень сложный. Надъ разъясненіемъ его много трудились и разныя средства указывали къ тому, чтобы овладѣть силою учительнаго дѣйствительнаго слова и съ успѣхомъ вести долгъ проповѣдника. Трудно разобраться въ многообразныхъ требованіяхъ, какія предъявлялись проповѣдникамъ, въ видахъ лучшаго выполненія ихъ служенія. Часто указывали побочныя и второстепенныя условія и на нихъ сосредоточивали вниманіе, опуская изъ вида главное и существенное. Можно выполнять второстепенныя требованія, и быть искуснымъ въ словѣ, а проповѣдь все-таки будетъ мало дѣйствительна.

Считается необходимымъ нарочитое и тщательное приготовленіе къ достойному совершенію такого высокаго служенія, каково служеніе проповѣдическое. Первый образецъ такого приготовленія показалъ Господь Іисусъ Христосъ, въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ просвѣщенія учениковъ Своихъ, которыхъ Онъ имѣлъ послать съ проповѣдію Евангелія, сообщая и разъясняя имъ ученіе о царствіи Божіемъ (Дѣян. 1, 3) и о домостроительствѣ нашего спасенія (Лук. 24, 44). Въ Церкви Христовой, когда она заняла твердое положеніе въ гражданскомъ обществѣ, урегулировано было дѣло приготовленія проповѣдниковъ чрезъ школьное обученіе, въ школѣ явилась особая наука, извѣстная нынѣ подъ именемъ гомилетики, имѣющая спеціальною своею задачею наученіе проповѣдическому искусству. Но нельзя возлагать излишнихъ надеждъ на гомилетику въ рѣшеніи вопроса объ условіяхъ успѣшнаго и вліятельнаго проповѣдничества. Го-

милетика и соединенныя съ нею практическія упражненія въ проповѣдничествѣ могутъ оказывать пособіе служителю церковнаго слова, въ особенности при началѣ его учительной дѣятельности, дрессируя его мысль и слово, предохраняя его отъ недостатковъ и указывая ему добрыя примѣры для подражанія. Но какъ бы ни была хороша гомилетика, говоритъ одинъ изъ руководителей—гомилетовъ¹⁾, съ какимъ бы вниманіемъ и усердіемъ ни была изучена она, она не можетъ сдѣлать проповѣдника проповѣдникомъ вліятельнымъ и краснорѣчивымъ. Вліяніе гомилетики простирается на внѣшнюю сторону проповѣди. Она можетъ знакомить съ механическими приѣмами, какими можетъ пользоваться проповѣдникъ, при сообщеніи евангельскаго ученія народу, и можетъ приучать къ нимъ. Но она не даетъ внутренней силы слову, не даетъ духа, изъ котораго исходитъ слово, проходящее до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ. А эта внутренняя сила гораздо важнѣе той внѣшней полировки, къ какой можетъ приучить гомилетика. Всѣ проповѣдники, нынѣ выступающіе на церковную кафедру, въ свое время пользовались уроками гомилетики, и, можетъ быть, хорошо изучили всѣ ея правила и съ умѣньемъ прилагали ихъ къ дѣлу. Но много ли изъ нихъ сильныхъ и вліятельныхъ учителей и провозвѣстниковъ Евангелія?

Въ школѣ, при примѣрныхъ практическихъ упражненіяхъ въ проповѣдничествѣ, требуютъ, чтобы проповѣдь была содержательна, въ своемъ построеніи отвѣчала логическимъ требованіямъ и изложена была правильнымъ, яснымъ и чистымъ языкомъ, чтобы она вообще имѣла видъ хорошо обдуманнаго сочиненія. Положимъ,—это вещь немаловажная. Но не въ этомъ секретъ, ведущій къ сильному и вліятельному проповѣдничеству. Можно писать безукоризненныя и прекрасныя съ логической стороны проповѣди-сочиненія. Но

¹⁾ Homiletique ou Theorie de la predication, par Vinet. В. Пѣвнищаго Гомилетика въ новое время послѣ реформаціи Лютера, стр. 505.

дѣйствія на слушателей онѣ могутъ производить слабыя, или даже вовсе не будутъ производить никакого дѣйствія.

Осуждали и осуждаютъ проповѣдниковъ, когда они съ тетрадкою выступаютъ на кафедрѣ, и вмѣсто того, чтобы вести съ слушателями живую бесѣду, читаютъ, или предлагаютъ имъ изготовленное слово по написанному. Нынѣ настоятельно выставляется требованіе, чтобы проповѣдники владѣли импровизованнымъ словомъ, и безъ пособія письмени, безъ тетради излагали потребное ученіе для назиданія народа. Живое импровизованное слово считаютъ однимъ изъ условій, усиливающихъ дѣйственность проповѣди, и иные готовы видѣть въ этомъ самое существенное свойство, которымъ долженъ владѣть истинный проповѣдникъ. Конечно, большое достоинство, когда владѣтъ проповѣдникъ свободнымъ, открытымъ словомъ, и когда рѣчь его, безъ затрудненія, льется быстрымъ потокомъ, при изложеніи евангельскаго ученія и при сообщеніи народу добрыхъ нравственныхъ уроковъ. Но оно далеко не имѣетъ всерѣшающаго значенія въ дѣлѣ проповѣдничества. Можно быть хорошимъ, способнымъ импровизаторомъ, и въ то же время слабымъ, плохимъ проповѣдникомъ: не всякаго импровизатора слово сильно дѣйствуетъ на слушателей. Иной импровизаторъ на церковной кафедрѣ является простымъ болтуномъ, біющимъ воздухъ, не достигающимъ до сердца слушателей.

Требуютъ знанія и образованія отъ проповѣдника. Само собою разумѣется, что знаніе необходимо для проповѣдника, въ особенности знаніе, болѣе или менѣе совершенное, ученія и закона христіанскаго. Проповѣдникъ поставленный Церковію учитель народа. А нельзя быть учителемъ, не зная того, чему слѣдуетъ учить. Но одно знаніе не дѣлаетъ человѣка вліятельнымъ проповѣдникомъ, и сила проповѣди и ея дѣйствіе на слушателя не измѣряется богатствомъ знанія проповѣдника. Часто человѣкъ, обладающій обиліемъ научныхъ знаній и широкою образованностію, совершенно не производитъ своими проповѣдями впечатлѣнія на слушателей, и

уступаетъ въ этомъ отношеніи простецу, совершенно не равняющемуся съ первымъ по широтѣ образованія, но говорящему отъ сердца.

Ставятъ талантъ важнымъ условіемъ сильнаго проповѣдничества. Да, талантъ имѣетъ великое значеніе въ дѣлѣ несенія долга церковнаго учительства. Всѣ великіе проповѣдники, на примѣръ, вселенскіе учителя: св. Іоаннъ Златоустъ, св. Василій Беликій, св. Григорій Богословъ, были люди высоко даровитые, надѣленные особенными силами духа. И, конечно, весьма желательно, чтобы на церковную кафедру выступали люди высокихъ дарованій, носящіе, по выраженію св. Григорія Двоеслова, на челѣ своемъ печать власти. Но талантъ даръ Божій, не зависящій отъ воли человека; онъ дается свыше. И великіе таланты, дѣлающіе проповѣдниковъ Златоустами, весьма рѣдки. Большинство людей, призываемыхъ къ исполненію долга проповѣдничества, — личности срединныхъ дарованій, и церковная кафедра могла бы опустѣть, если бы на нее допускались, или избирались только люди особенныхъ чрезвычайныхъ дарованій. Кромѣ того, высокій талантъ, какимъ надѣленъ тотъ или другой человекъ, еще не ручательство того, что изъ него выйдетъ достойный, вліятельный проповѣдникъ, несущій народу доброе христіанское назиданіе. Талантомъ можно злоупотребить; талантъ можетъ принять ложное направленіе, и въ своей дѣятельности идти неправильнымъ путемъ, и въ такомъ случаѣ онъ вмѣсто пользы принесетъ вредъ, и вредъ можетъ быть тѣмъ большій, чѣмъ сильнѣе талантъ. *В. Пльвицкій.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ и православное духовенство.

(Окончаніе ¹⁾).

Кооперація, какъ цѣль.

II.

Лѣтомъ прошлаго года мнѣ пришлось побывать въ предѣлахъ Черниговской губерніи, особенно извѣстной кооперативнымъ движеніемъ ²⁾. Счастливая случайность направила меня именно къ тѣмъ пунктамъ губерніи, гдѣ находился нужный мнѣ опытъ организаціи коопераціи по инициативѣ и при ближайшемъ участіи духовенства. Я разумѣю м. Басань, Козелецкаго уѣзда. Въ центрѣ мѣстечка обращаютъ вниманіе посѣтителя двѣ постройки: вышка водокачки и зданіе народнаго дома. Исторія происхожденія этихъ украшеній выше-названнаго мѣстечка есть въ то же время исторія новобасанскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, организованнаго по инициативѣ одного изъ мѣстныхъ священниковъ. Для меня, заинтересованнаго идеями и судьбою „христіанскаго социализма“, этотъ неожиданный сюрпризъ моего путешествія былъ особенно поучительнымъ еще и въ томъ отношеніи, что непредвидѣнная случайность свела меня съ виновникомъ новобасанскаго прогресса. Я убѣдился, что для созидательной дѣятельности въ деревнѣ необходимъ нравственный авторитетъ какъ инициаторовъ всякаго новаго дѣла, такъ и самаго учрежденія. „Народный домъ“ м. Басани совмѣщаетъ въ себѣ всѣ культурныя приобрѣтенія мѣстнаго населенія: бібліотеку-читальню, чайную, обширную аудиторію-театръ, ссудо - сберегательное товарищество, телефонную станцію,

¹⁾ См. № 8-й за 1908 г.

²⁾ Осенью 1907 года состоялся первый съѣздъ представителей черниговскихъ кооперацій въ Черниговѣ. Были очень цѣнные доклады, которые въ печати еще не появились.

сельско-хозяйственный складъ, пожарную дружину, — только потому, что населеніе *впритѣ* тѣмъ, кто стоялъ и стоитъ во главѣ этихъ учреждений, любя свое живое дѣло и отдавая ему лучшія стороны человѣческаго духа. Изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ батюшкой-иниціаторомъ мы узнали, что этотъ нравственный авторитетъ его учреждений приобрѣтенъ путемъ честнаго труда и преодоленія препятствій, которыя ставятся различными виновниками экономической кабалы деревни. Иниціаторамъ нужна была, для успѣха ихъ дѣла, нравственная высота его, и они, путемъ долгихъ усилій, достигли этого.

„Народный домъ“, какъ можетъ видѣть читатель, въ высшей степени полезное для населенія учрежденіе. Въ особенности же для насъ было интересно узнать, что наиболѣе популярнымъ „народный домъ“ является благодаря своему товариществу, складу и чтеніямъ, которыя ведутся при участіи находящейся въ сосѣдствѣ Майновской сельско-хозяйственной школы. Интересенъ „народный домъ“ своимъ христіанскимъ характеромъ, представленнымъ въ лицѣ почетнаго хозяина-иниціатора. Чтенія о жизни Спасителя, которыя ведутся послѣднимъ въ промежуткахъ между практическими лекціями преподавателей сельскаго хозяйства, собирали въ прошломъ году полную аудиторію и, по желанію ея, повторялись. Мнѣ пріятно было, убѣдившись во всемъ этомъ, почувствовать, что дѣло скромнаго священника растетъ, завоевывая и нравственный и экономическій авторитетъ.

Какъ высоко подымается авторитетъ священника-кооператора въ глазахъ народа, свидѣтельствуется такой фактъ, рассказанный мнѣ, изъ исторіи одного русскаго ссудо-сберегательнаго товарищества. Строили однажды для сельско-хозяйственнаго общества сарай. Были паняты изъ мѣстнаго населенія поденщики. Священникъ—хозяинъ коопераціи, которая расширяла сельско-хозяйственное дѣло, отлучился, поручивъ надзоръ за работами одному крестьянину. Послѣдній, однако, не оправдалъ довѣрія и надеждъ батюшки; батюш-

ка, явившись на работы во второй половинѣ дня, увидѣлъ, что рабочіе сдѣлали очень мало. Духовный отецъ-хозяинъ былъ сильно возмущенъ, раскричался на „управителя“ и въ пылу негодованія вскрикнулъ: „Знаешь, что я тебѣ сдѣлаю?“ Крестьянинъ имѣлъ смѣлость спросить священника, который угрожалъ ему чѣмъ-то такимъ, что въ общественномъ дѣлѣ не имѣеть мѣста: „а что?“ Этотъ вопросъ поставилъ на мгновеніе священника въ тупикъ: онъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣеть въ своихъ рукахъ никакихъ средствъ взысканія. По какому-то вдохновенію отецъ духовный вдругъ заявляетъ: „я больше не буду съ тобой говорить!“ и это производитъ магическое дѣйствіе какъ на толпу, такъ и на „управителя“; къ вечеру рабочаго дня все было исполнено образцово, и расплату съ поденщиками изъ средствъ товарищества сдѣлали безъ сожалѣнія о дорогихъ для общаго дѣла суммахъ.

Какъ видитъ читатель, уже немногихъ фактовъ достаточно, чтобы убѣдиться въ приспособленности къ нашей народной жизни началъ экономическаго товарищества, построенныхъ именно на эксплоатаціи капитала трудомъ. Кооперация, какъ цѣль, можетъ быть поставлена въ ряду мѣръ пастьерскаго воздѣйствія на массу потому, что она, какъ въ фокусѣ, объединяетъ всѣ отдѣльныя проявленія христіанской любви, объединенія, общежитія, которыя тонуть въ массѣ житейскаго горя и эгоизма только потому, что они не организованы въ одномъ экономическомъ кружкѣ и проявляются изолированно. Интересно иллюстрируетъ нашу мысль *А. Бансель*, авторъ труда „Кооператизмъ“ (перев. съ французскаго, Москва, 1903): „Кооператоръ говоритъ: „Я пользуюсь всѣми благами вмѣстѣ съ моимъ ближнимъ, съ помощью моего ближняго и для моего ближняго, какъ для самого себя, потому что солидарность есть общее благо“. Одинокіе собственники говорили: „Каждый за себя, а Богъ для всѣхъ“, а если они не вѣрили въ Бога, то говорили: „каждый за себя“; кооператоры же возражаютъ: „всѣ за одного и каждый за

всѣхъ“, справедливо подчиняя челевѣческой энергіи то, что должно быть предметомъ именно ея попеченій“ (стр. 45).

Кооперація послѣ того, какъ мы разъяснили ея идеологическую подкладку, должна стать въ рукахъ добраго пастыря новымъ жизненнымъ органомъ приходскаго объединенія христіанъ. Необходимо однако, чтобы указанная нами выше нравственно-экономическая основа коопераціи, поставленная въ качествѣ цѣли сельскаго содружества, сразу же сдѣлалась живымъ органомъ, соотвѣтствующимъ своему назначенію. Поэтому мы позволимъ себѣ указать по пунктамъ стороны, на которыя необходимо, по нашему мнѣнію, обратить вниманіе при организаціи кооперативнаго товарищества.

1) Необходимо принять, въ качествѣ основной, сознанный всѣми членами коопераціи, истины, одушевляющей всякаго кооператора, что главнымъ принципомъ коопераціи является не столько стремленіе къ прибыли, къ опредѣленной партійной обособленности въ „освободительномъ“ направленіи, сколько подъемъ экономически слабыхъ въ матеріальномъ и духовно-нравственномъ отношеніяхъ, вѣрность государственному порядку и полная религіозно-политическая нейтральность. Параграфы 4 и 5-й Райффейзеновскихъ кассъ должны, такимъ образомъ, быть принятыи самой жизнью въ существующій уставъ русскихъ кооперацій.

2) Товарищество функціонируетъ, какъ сберегательная касса, принимая также вклады, какъ выражается уставъ Райффейзена, „въ данный моментъ праздно лежащихъ денегъ“, съ платежомъ соотвѣтственнаго процента.

3) Товарищество выдаетъ ссуды кредитоспособнымъ и *достойнымъ* кредита членамъ за соотвѣтственный процентъ для употребленія ссудъ исключительно на хозяйственныя цѣли ¹⁾).

¹⁾ Въ кассахъ Райффейзена ссуды выдаются только членамъ. Прежде чѣмъ удовлетворить просьбу о выдачѣ ссуды, правленіе не только опредѣляетъ кредитоспособность заемщика, но и рѣшаетъ вопросъ о томъ, *достойна ли* онъ кредита. Цѣль, для которой берется ссуда, должна быть

4) Товарищество покупает за общій счет оптомъ необходимые для хозяйства предметы (искусственные удобрения, кормъ для скота, сѣмена и т. п.) и продаетъ ихъ въ розницу.

5) Т—во организуетъ общественный сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства и сельской домашней промышленности, который держать въ своихъ рукахъ сельскіе кулаки, странствующие прасолы и „міроѣды“ торговыхъ мѣстечекъ, уѣздныхъ городовъ, базаровъ и т. д.

6) Т—во принимаетъ на себя пріобрѣтеніе машинъ, орудій и другихъ предметовъ сельско-хозяйственной культуры и предоставляетъ ихъ въ пользованіе отдѣльныхъ членовъ за плату.

7) Т—во собираетъ не подлежащее раздѣлу общественное имущество, т. н. учредительный фондъ, имѣющее цѣлью способствовать улучшенію хозяйства членовъ.

8) Т—во распространяетъ сельско-хозяйственныя знанія путемъ устройства просвѣтительныхъ лекцій, выставокъ, обмена данныхъ сельско-хозяйственного опыта, обсуждения и рѣшенія хозяйственныхъ мѣропріятій.

Таковы приблизительно тѣ точки приложенія присущихъ народной общительности христіанскихъ началъ любовнаго объединенія, на которыхъ было бы желательно остановить вниманіе пастырей-кооператоровъ. Скажутъ, пожалуй, что указанныя стороны кооперативной работы, съ участіемъ пастыря, слишкомъ необычны для его духовной роли душепечителя. Но мы не думаемъ, чтобы новость и необычность положенія явилась препятствіемъ для живой дѣятельности духовенства: фактически жизнь сельскаго священника

по возможности напередъ установленна, и правленіе обязано наблюдать за тѣмъ, чтобы выданная сумма дѣйствительно была употреблена на выполнение объявленной цѣли.

(Антиферовъ, вышеназванное сочиненіе стр. 13).

настолько сложна, что она соприкасается съ бытомъ крестьянства не только въ Церкви, но и на полѣ, и на лугу, и на пчельникѣ, и въ саду... Хорошо было бы эти разбросанныя, такъ сказать, точки соприкосновенія объединить именно въ томъ дѣлѣ, которое, съ одной стороны, сплотитъ приходъ, какъ цѣлое, а съ другой—будетъ органически и всецѣло способствовать прогрессу деревенской культуры. Не повторяя того, что мы сказали о религіозно-нравственныхъ послѣдствіяхъ объединенія и сотрудничества духовенства съ народомъ, мы сошлемся только на такой фактъ изъ заграничной, богатой опытомъ, жизни сельскихъ кооперацій. Одинъ изъ рейнскихъ пасторовъ признался автору извѣстной книги о сельскомъ населеніи Германіи, Блонделю, что „Райффейзенская касса въ его общинѣ сдѣлала гораздо больше для подъема морали его прихожанъ, чѣмъ всѣ его проповѣди“¹⁾. Это, конечно, игра словъ въ утрированной, къ тому же, передѣлкѣ свѣтскаго человѣка, но тѣмъ не менѣе такому признанію охотно можно повѣрить, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что часто къ церковной проповѣди нашего времени нужно приложить классическое изреченіе: *verba, verba, verba...*

Въ заключеніе позволимъ себѣ дать практическіе совѣты относительно тѣхъ формальностей, которыя связываются съ организаціей товариществъ, и литературу предмета.

Учрежденію товарищества должно предшествовать ознакомленіе съ уставомъ его, который можно достать въ земской управѣ, въ ближайшемъ отдѣленіи государственнаго банка, въ Петербургскомъ отдѣленіи комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ (С.-Петербургъ, Фурштатская, 44). Послѣ обсужденія устава, члены-учредители подаютъ заявленіе въ губернской (или областной) комитетъ по дѣламъ мелкаго кредита или же въ земскую управу, если товарище-

¹⁾ Blondel. Les populations de l'Allemagne, p 248.

ство открывается при содѣйствіи и съ помощью земства. Въ заявленіи указывается лицо, которое товарищи-учредители избираютъ въ качествѣ своего представителя, а также свѣдѣнія объ учредителяхъ (сословіе, званіе, количество рабочихъ обоего пола въ семьѣ, число наемныхъ рабочихъ въ семьѣ, сколько обрабатывается земли, количество скота, цѣнность всего имущества, главные и второстепенныя занятія, казенныя и земельныя недоимки) и мѣстности, на которую распространяется товарищество (число сель, ихъ разстояніе отъ центрального села, количество земли, дворовъ, душъ обоего пола, казенныхъ и земскихъ недоимокъ). Въ заявленіи указывается основной капиталъ товарищества и тѣ источники, при помощи которыхъ онъ составляется: на примѣръ, земскія ссуды, ссуды изъ государственнаго банка; сумма, до которой можетъ быть допущена задолженность коопераціи ея членамъ; просьба открыть на извѣстную сумму краткосрочный кредитъ товариществу въ государственномъ банкѣ. Число членовъ-учредителей, которые подписываютъ заявленіе, должно быть не менѣе 20-ти. Государственный банкъ выдаетъ ссуду въ основной капиталъ изъ 6% годовыхъ ¹⁾, земство обыкновенно изъ 4%. Ссуда эта обычно долгосрочная, на десять лѣтъ и болѣе. Такъ какъ основного капитала для выдачи ссудъ частнымъ лицамъ бываетъ недостаточно, то коопераціи, для усиленія средствъ, принимаютъ вклады (процентъ по вкладамъ на разные сроки назначается общимъ собраніемъ членовъ) и дѣлаютъ займы какъ въ учрежденіяхъ, такъ и частныхъ лицъ. Кооперація получаетъ доходы, назначая проценты по ссудамъ обыкновенно больше (5%, 10%), чѣмъ оно само платитъ по вкладамъ и займамъ (5% и 6%). Товарищество контролируется не только избраннымъ повѣреннымъ совѣтомъ, но и каждымъ членомъ-участникомъ. При постепенномъ усложненіи операцій, товарищество пуждается въ хорошемъ и че-

¹⁾ Обычно дается по 1000 рублей (не болѣе 3000) на каждое товарищество.

стномъ счетоводѣ-бухгалтерѣ. По моимъ наблюденіямъ, эта должность особенно является живой точкой приложенія нравственныхъ началъ общезитія, которыя необходимо положить въ основу коопераціи: счетоводъ обычно-постоянное лицо, за-сѣдающее въ помѣщеніи товарищества и вѣдающее всѣ мелочи его операций. На этой должности мнѣ приходится наблюдать проявленія какъ высокой общественной честности, такъ и позорной склонности обманывать довѣріе товарищей. Хорошій и честный счетоводъ—украшеніе и залогъ процвѣтанія коопераціи.

Литература нашего вопроса на русскомъ языкѣ не особенно обширна, что вполнѣ соотвѣтствуетъ факту малой распространенности въ нашемъ отечествѣ и коопераціи, и самой идеи ея. Изъ книгъ руководственнаго характера могутъ имѣть значеніе: *Матвѣевъ П. П.* Сельскія ссудо-сберегат. товарищества. I—III (2 и 3 выпуски заключаютъ въ себѣ правила счетоводства и отчетности съ объясненіями). Изд. 6-е. Спб. 1887. Цѣна больше рубля. *Хитрово В. Н.* Образцовый уставъ сельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества. Изд. 7-е. Спб. 1887 г. 15 к. Книжка эта служитъ хорошимъ показателемъ того, что фактически въ уставѣ коопераціи возможны отступленія отъ образцоваго устава ея (новый съ 24 ноября 1905 г.). Могутъ имѣть значеніе книжки: *Осиповъ Н. О.* Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита. Спб. 1893. 1 р. 50 к. *Соколовскій П. А.* Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Спб. 1890. 1 р. *Русаневичъ А.* Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. 1903. 80 к. Весьма цѣнной является диссертация прив.- доц. Харьковскаго университета *А. Н. Ациферова*: „Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Германіи и Франціи“. Воронежъ. 1907. 1 р. 75 коп. Книга представляетъ результатъ детальнаго изученія успѣховъ коопераціи на Западѣ, весьма поучительныхъ для всякаго, интересующагося судьбой русской деревни. Можно, наконецъ, рекомендовать брошюры, издаваемыя подѣ

редакц. извѣстнаго сборника сельскаго благосостоянія Горбунова-Посадова, которыя помогутъ духовенству разъяснить простому люду значеніе коопераціи. Эти брошюры: 1) Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ? Ц. 10 к. 2) Какъ надо устраивать крестьянское хозяйство, чтобы не было нужды и голода? 8 коп. 3) Гдѣ достать крестьянину за небольшой процентъ денегъ для улучшенія и оборота въ хозяйствѣ? 5 коп. 4) Христіанская община и земледѣліе. 3 к. 5) Какъ земледѣльческіе союзы помогаютъ улучшить крестьянское земледѣліе? 6) Сельскія обществ. лавки и потребительныя товарищества. 7) Коопераціи,—пер. сочиненія француза *А. Банселя*. Эти брошюры выписываются по адресу: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осиповыхъ, И. И. Горбунову.

В.

Современное декадентство и христіанство.

Критическая оцѣнка декадентства съ христіанской точки зрѣнія.

(Продолженіе ¹⁾).

Изложенная нами исторія господствующихъ нынѣ въ обществѣ разнообразныхъ настроеній, которыя мы объединяемъ въ понятіи декадентства, заключающая въ себѣ необходимо и характеристику главнѣйшихъ его особенностей, есть, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и критика декадентства. Изъ самой исторіи и характеристики декадентства неизбѣжно явствуетъ, что оно—величина отрицательная, такъ какъ не только не отвѣчаетъ вѣковѣчнымъ идеаламъ—поэзіи, философіи, морали и религіи, не исключая христіанской, но и рѣшительно ниспровергаетъ ихъ. Поэтому, мы, конечно, могли бы и освободить себя отъ нарочитой критической ра-

¹⁾ См. № 9-й за 1908 г.

боты. Но, въ интересахъ лучшаго выясненія внутренней несостоятельности и фальши декадентства, подвергнемъ его сильной критической оцѣнкѣ, имѣя въ виду главнымъ образомъ отрицательное отношеніе его къ основамъ поэзіи, философіи, морали и религіи, въ особенности христіанской.

I.

Въ области поэзіи декадентство выдвинуло новую, такъ называемую „эстетическую теорію“, или теорію „чистой красоты“. По этой теоріи, изъ трехъ универсальныхъ идей—истины, добра и красоты—реальное значеніе имѣеть только идея красоты; прекрасное есть въ то же время и истинное и доброе. Отсюда качества нашихъ дѣйствій должны опредѣляться не отвлеченными понятіями объ истинѣ и добрѣ,¹⁾ а единственно конкретнымъ представленіемъ о красотѣ; мы должны стремиться въ своемъ поведеніи лишь къ прекрасному, не смотря на то, что ради этого намъ пришлось бы допустить явную ложь, или совершить очевидное преступленіе. „Чистая красота“ должна быть безусловно свободна и независима отъ интеллектуальнаго и моральнаго элементовъ; тамъ, гдѣ къ ней примѣшиваются эти элементы, она изъ самоцѣли превращается въ средство для достиженія постороннихъ цѣлей. Эта преувеличенная боязнь декадентовъ испортить свою красоту примѣсью къ ней элементовъ разумности и нравственности заставляетъ ихъ настолько сильно удаляться отъ всего разумно-нравственнаго, что нерѣдко толкаетъ въ другую, противоположную крайность. Вотъ почему они, вслѣдъ за Ницше, который высоко ставилъ „силу лжи“, т. е. стремленіе къ выдуманному (*fiat vita, pereat veritas*), такъ усердно льнуть ко всякой лжи и обману¹⁾. Тою же

¹⁾ Одна изъ декадентовъ поетъ имъ даже цѣлый дионисрамбъ:

Обманъ—знакъ божества необычайный,

Надежда на несбыточный отвѣтъ.

Тотъ побѣдитъ, кто въ панцырь лжи одѣтъ,

боязнью объясняется и сильное тяготѣніе ихъ къ нравственному злу.

За чувствомъ прекраснаго декаденты признають настолькоъ абсолютно-реальное значеніе, что готовы отождествлять самую религію съ проявленіями этого чувства, при чемъ источникъ и прототипъ „чистой красоты“ указывается ими въ Люциферѣ — этомъ „первомъ и самомъ красивомъ изъ ангеловъ, чьимъ именемъ названа утренняя звѣзда“¹⁾.

Что же, теперь, эта самая „новая красота“, какъ ее понимать? „Красивъ лишь тотъ, въ комъ дерзкая отвага, и кто уменъ, хотя бы умъ его — умъ Ричарда, Мефисто или Яго“, — говоритъ Бальмонтъ. „Мѣнять, мѣнять, измѣнять. Прильнуть и обнять, опрокинуть и бросить“, — вотъ, по нему, конечный идеаль декадентской эстетики²⁾. Очевидно, у декадентовъ понятіе „красоты“ совпадаетъ съ понятіемъ „силы“, и притомъ силы разрушительной, а не созидательной. Такой именно взглядъ на сущность и характеръ „красоты“ высказываетъ устами своихъ героевъ и Максимъ Горькій. Такъ, Ярославцевъ въ рассказѣ „Ошибка“ рассуждаетъ о поступкѣ купца Матвѣя, добившаго телку, сломавшую себѣ ноги; „морально ли это, или не морально? Во всякомъ случаѣ это *сильно*, прежде всего *сильно*, а потому оно морально и *хорошо*“. Въ этомъ разсужденіи одного изъ героевъ Горькаго можно бы и не видѣть декадентскаго взгляда послѣдняго на красоту, если бы такое разсужденіе принадлежало только одному Ярославцеву, при томъ еще человѣку психически ненормальному, но такъ склонны разсуждать всѣ

А правда — щитъ раба, покровъ случайный.

Болѣзнью правды я, какъ всѣ страдала...

Она меня, свободную, сковала.

Теперь предо мной широкой путь:

Прославить ложь! Отъ правды отдохнуть! („Сѣвер. Цвѣты“)

1903 г., стр. 155).

¹⁾ „Сѣвер. Цвѣты“ 1903 г., стр. 40.

²⁾ Ж. „Вѣсы“ 1904 г., № 1, стр. 33.

босяки Горькаго ¹⁾, а слѣдовательно и самъ Горькій. Кто не знаетъ себѣ ни въ чемъ удержу, кто осуществляетъ, не задумываясь нисколько, всѣ свои „хочу“, кто въ стремленіи къ достиженію своей цѣли сокрушаетъ всѣ препятствія, по Горькому, безусловно красивъ, каковы бы ни были сами по себѣ его дѣйствія. „Смыслъ жизни въ *красотѣ* и *силѣ* стремленія къ цѣлямъ“ („Читатель“),—вотъ общій съ декадентами взглядъ Горькаго на красоту.

Обращаясь къ критикѣ декадентской теоріи „чистаго эстетизма“, отмѣтимъ прежде всего, то, что эта теорія не нова, не оригинальна. Декаденты въ этомъ случаѣ, какъ во многомъ другомъ, слѣдуютъ Ницше, который полагалъ въ сущности „смыслъ жизни“ въ ея эстетической сторонѣ, въ томъ, что сильно, величественно, красиво. „Отдаться этой сторонѣ жизни, охранять и укрѣплять ее въ себѣ и внѣ себя, доставить ей преобладаніе и развивать дальше до созданія сверхчеловѣческаго величія и новой чистѣйшей красоты—вотъ задача и смыслъ нашего существованія“ ²⁾. Полагая въ основу жизни принципъ красоты, Ницше, очевидно, отвергалъ интеллектуальный, нравственный и религіозный идеалъ человѣка; ибо смыслъ жизни человѣкъ признаетъ въ гармоническомъ развитіи своей личности, въ религіозно-нравственномъ усовершенствованіи, приближающемъ его къ высшему идеалу совершенства—Богу. Созданный съ любовью къ вѣчной истинѣ, вѣчному добру и вѣчной красотѣ, человѣкъ весь, такъ сказать, обращенъ къ своему Создателю, къ Которому и долженъ постоянно стремиться. „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“: вотъ истинный смыслъ и главная задача жизни человѣка, исполненіе которой, начинаясь во времени, должно

¹⁾ Критич. статьи о произведеніяхъ М. Горькаго. Изд. Гринберга, стр. 103.

²⁾ Вл. Соловьевъ. „Оправданіе добра“. Правств. философія. Сиб. 1899, стр., 5—6.

продолжаться вѣчно. А между тѣмъ свою „опустошенность души“ Ницше старался возмѣстить одною вѣрою въ торжество красоты. Утративъ вѣру въ личнаго Бога, онъ пытается замѣнить ее вѣрою въ „сверхчеловѣка“, въ силу, въ совершенную красоту.

Современный эстетизмъ декадентовъ представляетъ собой не что иное, какъ послѣднюю степень въ развитіи ницшеанскаго культа красоты. Культъ красоты на ступени ницшеанства—культъ индивидуалистической силы и „сверхчеловѣческой“ страсти, воздвигаемый на развалинахъ „мѣщанскаго“ благополучія. Если сила индивидуума въ страсти, то вѣдь сила страсти въ моментѣ, который довольствуется собою. Индивидуализмъ такимъ образомъ переходитъ въ обоготвореніе индивидуальнаго настроенія, мгновенной страсти. Это и есть декадентскій культъ новой „чистой“ красоты, характеризующійся отсутствіемъ всякой устойчивости въ индивидуальной жизни субъекта¹⁾. По мнѣнію декадентовъ, важна не вся наша индивидуальная жизнь, а лишь ея отдѣльные, сравнительно рѣдкіе моменты. „Эти просвѣты“, — пишетъ въ своей статьѣ „Ключи тайнъ“ В. Брюсовъ, — тѣ мгновенія экстаза, сверхчувственной интуиціи, которыя даютъ намъ инныя постиженія міровыхъ явленій, глубже проникающія за ихъ внѣшнюю кору, въ ихъ сердцевину. Исключая задачу искусства и состоитъ въ томъ, чтобы запечатлѣть эти мгновенія прозрѣнія, вдохновенія“²⁾.

Провозглашенная декадентствомъ „эстетическая теорія“, не представляя собой никакой особой новизны, ничего болѣе или менѣе оригинальнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ и несостоятельна по самому существу своему. Усвоивъ изъ трехъ высшихъ началъ человѣческой жизни—истины, добра и красоты—реальное значеніе только началу красоты, декаденты тѣмъ самымъ

¹⁾ М. Тарѣвъ. „Духъ и Плоть“. „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 г., мартъ, стр. 144.

²⁾ Вѣсы 1904 г., № 1, стр. 20.

уничтожаютъ чувство истиннаго и чувство должнаго, чтобы болѣе возвысить эстетическое чувство. Но чувство истиннаго и чувство должнаго или добраго также всеобщи и неизгладимы въ душѣ человѣка, какъ и чувство прекраснаго. Они имѣютъ свои опредѣленные законы, которые не менѣе реальны, какъ и законы эстетики. Разумъ и нравственное чувство составляютъ столь же, если не болѣе важный факторъ для просвѣтлѣнія, облагороженія и чистоты нашей духовной жизни, какъ и чувство красоты.

Далѣе, понятіе красоты у декадентовъ чисто формальное понятіе, лишенное всякаго опредѣленнаго реального содержанія. „Чистой красоты“, т. е. красоты, представляющей собою одну какую-то пустую форму, безъ соотвѣтствующаго содержанія, не существуетъ: красота есть лишь извѣстное опредѣленіе сущности предмета, а не самая сущность, какъ доказываютъ это собственнымъ примѣромъ и декаденты, прилагая эпитетъ красоты къ силѣ, отвагѣ, дерзости и пр. Гдѣ въ понятіе эстетики рѣзко вводятся элементы ирраціонализма и аморализма, тамъ уже нѣтъ „чистой красоты“.

Наконецъ, декаденты, вырывая идею красоты изъ философской тріады—истины, добра и красоты,—тѣмъ самымъ нарушаютъ ихъ тріединую гармонію и извращаютъ самое понятіе красоты. Высшая красота, какъ и абсолютная истина, какъ и верховное благо, по глубокомысленному замѣчанію Вл. Соловьева, въ конечномъ идеалѣ совпадаютъ между собою и образуютъ доступное нашему ограниченному уму понятіе Божества. Отсюда элементы разумности, моральности и религіозности безусловно неотдѣлимы отъ понятія красоты, равно какъ ложь, нечестіе и безбожіе уничтожаютъ истинную красоту; все, что питается обманомъ, порокомъ и нечестіемъ, все это у всякаго сколько-нибудь развитого, благороднаго и набожнаго человѣка вызываетъ скорѣе чувство отвращенія, нежели эстетическое наслажденіе. Когда въ какомъ либо художественномъ произведеніи наносится ущербъ чувству истины или религіозно-нравственному чув-

ству, то чрезъ это разрушается и то эстетико-гармоническое впечатлѣніе на душу, которое должно быть произведено истиннымъ искусствомъ.

Философы различно опредѣляютъ, что такое красота сама въ себѣ. По опредѣленію Платона, она есть отображеніе небесной красоты, отъ созерцанія которой человѣкъ невольно переносится мыслію къ идеальному ея величію¹⁾; по пониманію Аристотеля, красота есть не что иное, какъ порядокъ и гармонія частей цѣлаго; по мнѣнію Лейбница, она есть нѣчто математически исчисленное и геометрически измѣренное; по Гегелю, она есть воплощеніе идеи въ соответствующей ей формѣ. Но какъ бы кто ни опредѣлялъ красоту, всѣ согласны въ томъ, что, не смотря на свое существенное отличіе отъ истины, добра и Божества, она имѣетъ однакоже весьма близкое сродство со всѣмъ этимъ. Можетъ быть, красоты нѣрѣдко не достасть тамъ, гдѣ есть все это, но несомнѣнно, что она не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ ничего этого.

Неотъемлемость интеллектуальнаго элемента отъ понятія красоты доказывается уже тѣмъ, что мы называемъ *эстетическимъ вкусомъ*, подъ именемъ котораго разумѣется сужденіе нашего разума объ изяществѣ предметовъ, сопровождаемое извѣстными движеніями сердца. Значить, эстетическій вкусъ не есть въ насъ нѣчто совершенно независимое отъ познающей силы; имъ обозначается примѣненіе не эмоціальной только способности нашей души, но и интеллектуальной къ прекрасному въ произведеніяхъ природы и искусства. „И увидѣлъ Богъ все, что Онъ создалъ, и вотъ, *хорошо весьма*“ (Быт. 1, 31), конечно, въ смыслѣ полного соответствія художественной формы съ творческою *мыслію*, или идеей. „Ты возвеселилъ меня, Господи, твореніемъ Твоимъ,—восхищается псалмопѣвецъ при *размышленіи* о величій созданія Божія,—я восхищаюсь дѣлами рукъ Твоихъ. Какъ велики дѣла

¹⁾ Діалогъ Платона „Федръ“, 250.

Твои, Господи! дивно глубоки помышления Твои“ (Пс. 91, 5—6). Самъ Господь Иисусъ Христосъ *созерцалъ* красоту въ природѣ, и въ полевой лиліи *усматривалъ* такую красоту, въ какую не облакался и Соломонъ во дни величайшей славы своей (Мѡ. 6, 28—29). Онъ же возмущался духомъ при *мысли* о будущихъ „развалинахъ“ великолѣпнаго храма Іерусалимскаго и плакалъ при *созерцаніи* предстоявшаго разрушенія великаго града (Лук. 19, 41—44). Итакъ, даже въ Словѣ Божіемъ можно находить указанія на тѣсную связь познавательнаго органа нашей души съ понятіемъ красоты. По такой связи своей съ раціональнымъ элементомъ, искусство, осуществляющее собою идею красоты, уже въ древности называлось „учительницей народовъ“ ¹⁾. Не уча насъ прямо, оно при посредствѣ художественныхъ формъ показываетъ намъ истину гораздо болѣе осязательнымъ образомъ, чѣмъ наука, которая преподноситъ намъ истину въ общихъ отвлеченныхъ понятіяхъ разума. Поэтому искусство можетъ давать познаніе истины большинству людей, между тѣмъ какъ наука служитъ только сравнительно меньшему кругу людей; цѣлыя народныя массы по необходимости остаются чуждыми научному образованію, которое едва ли когда нибудь и можетъ быть доступно имъ.

Прот. Николай Стеллецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, Спб., 1890 годъ, стр. 689.

ЗАМѢТКА.

Пастырскіе курсы для духовенства.

Ярославскія епархіальныя вѣдомости „считаютъ назрѣвшимъ вопросомъ *вопросъ о пастырскихъ курсахъ для духовенства.* На этихъ курсахъ лекторы должны сообщать свѣ-

---

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, Спб., 1890 годъ, стр. 689.

дѣнія о политическихъ ученіяхъ нашего времени и дѣлать сравнительную ихъ оцѣнку; они должны вмѣстѣ ознакомить своихъ слушателей съ наиболѣе важными сторонами общественной жизни въ нашемъ отечествѣ... На курсахъ слушателямъ должно быть сообщено и о важнѣйшихъ теченіяхъ современной философствующей и богословствующей мысли и должны быть указаны основные принципы, на которые надо опираться въ отстаиваніи православнаго ученія противъ нападений на него со стороны. Кромѣ обновленія и расширенія образованія, пастырскіе курсы могутъ выполнить, при соотвѣтствующей постановкѣ ихъ, и другую задачу—обновленіе и оживленіе пастырской дѣятельности, объединеніе сельскаго духовенства въ дружную семью, стремящуюся къ намѣченной цѣли, указанной въ Евангеліи, т. е. къ царству Божію. Здѣсь, на курсахъ раславлялся бы въ сердцахъ слушателей пастырей ледъ равнодушія къ своему служенію и возжигался бы огонекъ любви къ ближнему, ревности къ пастырству, безъ которыхъ никакія реформы не дадутъ улучшенія и выхода изъ настоящаго безотраднaго положенія. Здѣсь воодушевлялись бы молодые іереи, окончившіе семинарію безъ призванія къ пастырству и постушившіе на мѣсто только потому, что больше идти некуда. Здѣсь же подогрѣвались бы и пожилые священники, въ сосудѣхъ которыхъ свѣтильницы готовы погаснуть. Однимъ словомъ, другая задача пастырскихъ курсовъ: объединить и одушевлять пастырей, дѣлать ихъ идейными. Пастырь безъ идей—не пастырь, а наемникъ и не можетъ радѣть объ овцахъ. Матеріальная сторона дѣла не пугаетъ сотрудника Яросл. еп. вѣдом. По его расчету, расходы каждаго слушателя не превысятъ 20 рублей.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ. 1-го марта 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XIX

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года марта .6-го дня.

Содержаніе: I. Прямолинейность Рима въ борьбѣ за католицизмъ. Свящ.
Н. Гр.—II. Современное декадентство и христіанство (продолже-
ніе). Прот. Н. Стеллецкій.—III. Князь Константинъ Константино-
вичъ Острожскій (продолженіе). П. Петрушевскій.—IV. Замѣтка.
Вражда социалистовъ противъ христіанскаго духовенства.

Прямолинейность Рима въ борьбѣ за католицизмъ.

Папа Пій X несомнѣнно человѣкъ благочестивый, глубо-
ковѣрующій и проникнутый самыми благими намѣреніями
относительно римско-католическаго міра. Такимъ онъ былъ
до избранія въ папы, такимъ остался и на папскомъ престо-
лѣ,—и въ этомъ заключается объясненіе той популярности,
какою пользуется онъ въ широкихъ массахъ католиковъ. Въ
другое время онъ, конечно, чувствовалъ бы себя легко въ
латеранскомъ дворцѣ; но въ нынѣшній вѣкъ господства вся-
кихъ компромиссовъ въ дѣлахъ церковно-религіозныхъ ему
весьма трудно вести корабль католической церкви среди раз-
ныхъ бурь—политическихъ, социальныхъ и религіозныхъ. Его
предшественникъ, Левъ XIII, какъ извѣстно, былъ глубокой

политикъ, мудрый дипломатъ, и всѣ его церковныя мѣропріятія носили характеръ тонкаго приспособленія къ переживаемому моменту. Припомнимъ хотя бы его энциклику по рабочему вопросу. Пій X по натурѣ своей не способенъ къ такого рода церковной дѣятельности. Онъ держится весьма опредѣленныхъ убѣжденій какъ въ вопросахъ религіозной жизни, такъ и въ вопросахъ церковно-общественныхъ. Эти убѣжденія могутъ казаться неосновательными, отсталыми, идущими въ разрѣзъ съ богословской и церковно-исторической наукою, равно какъ и съ требованіями времени, но благочестивый Пій не думаетъ отъ нихъ отказываться и не хочетъ сдѣлать ни одной уступки новымъ вѣяніямъ. Онъ объявилъ непримиримую войну всему, что такъ или иначе, непосредственно или косвенно, идетъ противъ вѣкового уклада жизни католической церкви, и вотъ уже четыре года ведетъ эту войну систематически, всѣми силами, какія имѣются въ распоряженіи папской куріи. Что онъ не намѣренъ сойти съ занятой позиціи, это яснѣе всего показываетъ его энциклика о модернизмѣ: *Pascendi dominici*. Энциклика эта дѣлаетъ попытку самымъ опредѣленнымъ образомъ указать вѣрнымъ сынамъ католической церкви, гдѣ ея непримиримые враги, подтачивающіе ея корни и подготовляющіе ея распадъ; энциклика устанавливаетъ, что враги эти—модернисты, проповѣдующіе новыя приемы мысли и новыя идеи во всѣхъ областяхъ науки, жизни и искусства—въ философіи, въ вѣрѣ, въ богословіи, въ исторіи, въ критикѣ, въ апологетикѣ, въ церковно-общественной дѣятельности; что враги эти, будучи одержимы страстью къ новаторству, питаютъ глубокую ненависть къ вѣрѣ и церкви прежнихъ временъ; что ихъ взгляды на вопросы религіозные и церковные представляютъ собою какъ бы конгломератъ всѣхъ ересей и въ концѣ концовъ ведутъ человѣчество къ чистому атеизму и полному уничтоженію всѣхъ религій.

Насколько основы модернизма вѣрно опредѣлены и какіе будутъ результаты объявленной со стороны Рима войны всѣмъ модернистамъ, трудно напередъ сказать; очень мо-

жетъ быть, что въ концѣ концовъ папству, если не при Піи Х, то при его преемникахъ, придется отказаться отъ мысли одержать побѣду по всей линіи и сдѣлать нѣкоторыя уступки,—но для насъ въ настоящую минуту имѣютъ высокій интересъ тѣ мѣропріятія, какія папа предлагаетъ для борьбы съ модернизмомъ. Вотъ эти мѣропріятія.

1. „Прежде всего, что касается наукъ, то мы желаемъ и усердно повелѣваемъ, чтобы въ основу священныхъ наукъ была положена схоластическая философія... Мы разумѣемъ преимущественно ту, которая передана св. Томомъ Аквинатомъ“. Папа желаетъ, чтобы Томъ Аквинату въ католическихъ семинаріяхъ отдавалось преимущество предъ всѣми авторитетами католической мысли, чтобы, затѣмъ, усердно изучалось преданіе церковное, свѣтскимъ же наукамъ, особенно естествознанію, удѣлялось лишь незначительное мѣсто.

2. Для выполненія этого желанія папы необходимо, чтобы дѣло воспитанія и обученія какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ университетахъ католическихъ находилось въ рукахъ людей однихъ съ папою убѣжденій; поэтому тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, обязаны имѣть наблюденіе за составомъ начальниковъ учебныхъ заведеній и учителей, чтобы въ него не попадали лица, зараженные модернизмомъ, а случайно попавшія были удалены. Должно быть также обращено серьезное вниманіе на посвященіе въ пресвитерскій санъ лишь испытанныхъ лицъ, вѣрныхъ католическимъ традиціямъ. *Procul, procul esto a sacro ordine novitatum amor!*

3. Необходимо всячески предохранять юношество католическое отъ чтенія литературы модернистической. Поэтому должно изъять послѣднюю изъ обращенія въ семинаріяхъ и университетахъ. Ее нужно подвергать запрещенію, впрочемъ, не только въ учебныхъ заведеніяхъ, но и въ жизни, чтобы идеями ея не заражались широкія массы народа. Епископы должны имѣть объ этомъ неустанное попеченіе, вооружаясь противъ книжнаго зла всею силою своей епископской интердикціи, включительно до лишенія виновныхъ въ распростра-

неніи модерническихъ книгъ званія католическихъ книготорговцевъ(?).

4. Но одного запрещенія читать и продавать вредныя книги, конечно, далеко не достаточно; необходимо всячески препятствовать самому изданію ихъ. Для сего должны быть учреждены во всѣхъ діоцезахъ (епархіяхъ) должности цензоровъ, которые должны быть избираемы изъ клириковъ, преимуществующихъ возрастомъ, знаніемъ, опытностью. Цензоры обязаны дѣлать на рукописяхъ, предназначаемыхъ къ печати, одобрительную отмѣтку (*Nihil obstat*), послѣ чего епископъ окончательно разрѣшаетъ къ печати (*Imprimatur*). Автору не должно быть объявляемо имя цензора, прежде чѣмъ послѣдній дастъ свой отзывъ, — *ne quid molestiae censori exhibeatur*. Что же касается тѣхъ клириковъ, которые корреспондируютъ или сотрудничаютъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, то епископъ обязанъ имѣть за ними самое тщательное наблюденіе, и въ случаѣ проявленія ими модернистическаго образа мыслей дѣлать имъ напоминанія или даже вовсе запрещать литературныя занятія.

5. Такъ какъ модернизмъ весьма легко распространяется посредствомъ разнаго рода съѣздовъ и публичныхъ собраній, то епископы на будущее время должны разрѣшать собранія священниковъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ (*nisi rarissime*), при чемъ закономъ должно быть воспрещено обсуждать на этихъ собраніяхъ вопросы, относящіеся къ положенію епископовъ и папской власти въ церкви, или вообще вести рѣчь о такихъ вещахъ, въ которыхъ сказывался бы модернизмъ, или пресвитеріанизмъ, или ланцизмъ (преобладаніи мірянъ). На пастырскихъ собраніяхъ данной епархіи никто изъ чужой епархіи не имѣетъ права присутствовать безъ разрѣшенія своего епископа.

6. Для успѣшной борьбы съ модернизмомъ на помощь епископамъ должны придти совѣты, члены которыхъ должны быть избираемы съ самою строгою разборчивостью, и на обязанности которыхъ лежитъ забота объ искорененіи всякихъ

новшествовъ, объ охраненіи святынь католическихъ и о соотвѣтствіи разныхъ общественныхъ учрежденій католическихъ предписаніямъ римскихъ папъ.

7. Чтобы всѣ эти распоряженія папы не были преданы забвенію, епископы обязываются по истеченіи года, со дня обнародованія энциклики о модернизмѣ, а затѣмъ черезъ каждые два года присылать апостольскому престолу подробные доклады по вопросамъ, здѣсь опредѣляемымъ. То же должны дѣлать и начальники религіозныхъ общинъ.

Католическая церковь всегда была сильна внутреннею организаціею, дисциплиною, непрекословнымъ послушаніемъ іерархіи папскому престолу. Если все это не поколеблено еще, то можно быть увѣреннымъ, что на западѣ гоненіе противъ модернистовъ вступить въ новую стадію развитія, и религіозная война приметъ самыя широкіе размѣры. Выйдетъ ли отсюда добро или худо, объ этомъ можно спорить, но не подлежитъ сомнѣнію, что папа и римскія курія въ настоящее время заговорили языкомъ, весьма приличнымъ ихъ положенію, т. е. языкомъ яснымъ, твердымъ, авторитетнымъ. Церковная власть, достойная этого имени, не знаетъ никакихъ экивоковъ, и когда идетъ дѣло объ интересахъ вѣры и церкви, т. е. объ интересахъ абсолютно-цѣнныхъ, вѣчныхъ, она прислушивается только къ собственному голосу и совершенно отвергаетъ политику разныхъ уступокъ и недоговоренностей. Она говоритъ именно, какъ этотъ *Sacerdos magnus*: „Это мы, честные братіе, написали вамъ для спасенія каждому вѣрующему. Противники же церкви, конечно, этимъ злоупотребятъ, чтобы снова возбудить древнюю клевету; будто мы враждебны прогрессу знанія и человѣчности. Чтобы этимъ обвиненіямъ, которыя исторія христіанской религіи опровергаетъ непрерывными аргументами, противопоставить нѣчто новое, у насъ есть мысль всѣми силами создать особенный институтъ, въ которомъ бы, при помощи всѣхъ католиковъ, извѣстныхъ мудростью, подъ руководствомъ и наставленіемъ католической истины, развивались всякія науки, всякаго рода знанія“.

Конечно, эти слова способны вызвать улыбку у модернистовъ но Пій Х высказываетъ ихъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что возможно, отринувъ всю современную науку, создать новую на старыхъ началахъ католицизма, что возможно остановить разливъ безбожія и направить современное поколѣніе людей къ прежнимъ католическимъ формамъ мысли и жизни.

Свящ. Н. Гр.

Современное декадентство и христіанство.

(Продолженіе ¹).

Тѣсная связь красоты съ моральнымъ элементомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Безспорно, въ эстетическомъ есть и долженъ быть моментъ моральный. Грубые пороки — пьянство, обжорство, воровство, ложь — одинаково оскорбляютъ какъ нравственное, такъ и эстетическое въ насъ чувство. Вотъ почему тѣ произведенія искусства, въ которыхъ изображается порокъ въ привлекательныхъ и соблазнительныхъ краскахъ, а добродѣтель является предметомъ насмѣшки, недостойны истиннаго искусства, исключающаго всякую нечистоту и грязь. Чистота и цѣломудріе есть необходимое требованіе, вытекающее изъ сущности самаго искусства, и если правда, что искусство тѣсно связано съ чувственностью, то все-таки послѣдняя должна быть подъ господствомъ духа и нравственной чистоты художника; иначе оно не способно произвести истинно художественное впечатлѣніе. Поэтому, когда мы слышимъ отъ декадентовъ заявленіе, что нравственность не должна имѣть никакого отношенія къ эстетикѣ, что нравственныя разсужденія совершенно неумѣстны въ эстетической критикѣ, то мы должны всячески протестовать противъ такихъ заявленій.

¹ См. № 10-й за 1908 г.

Но вопросъ о близкомъ сродствѣ между эстетикой и моралью гораздо глубже. Именно спрашиваютъ, въ какомъ отношеніи стоитъ эстетическое образованіе къ нравственно-му. Откуда возникаетъ въ нашей природѣ потребность эстетическаго образованія? По наблюденіямъ психологовъ (Ульрици), эта потребность коренится въ одномъ и томъ же нравственномъ чувствѣ, въ чувствѣ должнаго. И дѣйствительно, чувство должнаго, хотя и говоритъ намъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи, но въ этомъ чувствѣ данъ только какъ бы зародышъ или намекъ на это. Эстетическая же сила воображенія, возбуждаемая нравственнымъ чувствомъ должнаго, развивая этотъ зародышъ или намекъ, во внутреннемъ созерцаніи наглядно представляетъ идеальное совершенство человѣка. Это внутреннее созерцаніе нравственной красоты человѣка въ свою очередь служитъ мѣриломъ или нормою для созерцанія внѣшней красоты природы. Потому только и сочувствуетъ человѣкъ прекрасному въ предметахъ природы, что созерцаетъ въ ней отображеніе своей собственной нравственной красоты. Въ красотѣ неодоушевленной природы кроется нѣчто подавляющее, и если бы человѣкъ не влагалъ въ нее „душу живу“ чрезъ свою творческую фантазію, она, при своей безжизненности, не могла бы возбуждать въ немъ ощущеніе прекраснаго. Изображеніе, напр., какого-нибудь ландшафта никогда не бываетъ художественнымъ, если оно служитъ только точною копіей того, что есть въ природѣ. Оно дѣлается художественнымъ произведеніемъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ него привносится человѣческое пониманіе и чувствованіе. Другими словами: оно становится художественнымъ произведеніемъ только тогда, когда въ немъ не просто лишь отпечатлѣвается природа, но изображается она такъ, что человѣкъ понимаетъ ее, чувствуетъ влеченіе къ ней. Отсюда понятно, почему подъ вліяніемъ прекраснаго въ природѣ или въ произведеніяхъ искусства, у насъ возбуждается сочувствіе ко всему, „что только истинно, что честно, что справедливо,

что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала“ (Филип. 4, 8). Прекрасное въ природѣ и искусствѣ есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ тому, чтобы открывать наше сердце для всего добраго и благороднаго¹⁾. Такое облагораживающее дѣйствіе оно производитъ именно потому, что мѣриломъ всякой внѣшней красоты служитъ нравственная красота человѣка. Такимъ образомъ, въ основѣ тѣсной органической связи эстетическаго съ моральнымъ лежитъ одно и то же стремленіе къ должному и нравственно-совершенному.

Наконецъ, и отношеніе эстетики къ религіи есть отношеніе взаимнаго сродства и взаимной помощи другъ другу. Между искусствомъ, стремящимся удовлетворить нашу потребность эстетическаго образованія, и религіей есть нѣчто весьма сродное. Идя на помощь прирожденному влеченію нашего духа къ высшему идеальному міру, и искусство и религія сходятся между собой въ томъ своемъ дѣйствіи на насъ, что способствуютъ возвышенію нашего духа надъ дѣйствительностію. Затѣмъ, въ искусствѣ, какъ и въ религіи, идея выражается не въ отвлеченномъ ея видѣ, а въ конкретномъ образѣ, чрезъ что она является какъ предметъ нагляднаго созерцанія. Самымъ своимъ происхожденіемъ искусство обязано присущей религіозному чувству потребности искать своего выраженія во внѣшнемъ культѣ. По крайней мѣрѣ это несомнѣнно относительно древнѣйшаго вида искусства—символическаго. Но если искусство возникло и не изъ религіозныхъ, а эстетическихъ потребностей человѣческаго духа, то во всякомъ случаѣ оно всегда, и особенно въ древности, находилось въ самой тѣсной связи съ религіей. Это доказывается господствующимъ въ древнія времена взглядомъ на искусство, какъ на нѣчто священное. Платонъ называетъ

¹⁾ Интересенъ взглядъ Достоевскаго на благотворное нравственное вліяніе эстетики (см. соч. Достоевскаго. Дневникъ писателя т. IX. Изд. Маркса. Статья о Бовѣ и вопросъ объ искусствѣ).

поэта „ἱερὸν πρᾶγμα“, „ἱερὸν ἔργον“¹⁾). Гомеръ обыкновенно обращался къ богамъ съ молитвенными воззваніями о дарованіи ему высшей вдохновляющей силы²⁾. Горацій³⁾ и Овидій⁴⁾ прямо приписывали себѣ „божественное“ вдохновеніе. Даже въ свящ. книгахъ Ветхаго завѣта, о нѣкоемъ Веселіилѣ, назначенномъ для художественнаго украшенія скинии, отъ лица Бога говорится Моисею: „Я исполнилъ его *Духомъ Божіимъ*, мудростію и всякимъ искусствомъ составлять искусныя ткани, работать изъ золота, серебра и мѣди, рѣзать камни для вставляванія и рѣзать дерево и дѣлать всякую художественную работу“ (Исх. 33, 30—31. Ср. 31; 1 дал.).

Но, признавая, вопреки декадентамъ неразрывную связь эстетики съ религіей, мы однако же не можемъ согласиться и съ тѣмъ взглядомъ ихъ на взаимоотношеніе этихъ проявленій человѣческаго духа, по которому они, вслѣдъ за Ницше, готовы отождествлять религію съ проявленіями чувства красоты. Изъ того, что эстетическое и религіозное чувства сродны между собою и взаимно помогаютъ одно другому, еще не слѣдуетъ, какъ полагаютъ декаденты, что первое способно замѣнить собою второе. При всемъ своемъ сходствѣ, чувства эти существенно и отличаются другъ отъ друга.

Религіозное чувство болѣе духовнаго характера по сравненію съ эстетическимъ. Правда, религіозное чувство, подобно эстетическому, не остается равнодушнымъ къ внѣшней красотѣ. Извѣстно, что христіанскіе подвижники всегда любили избирать для своихъ подвиговъ такія именно мѣста, которыя отличались живописностію. Но есть у насъ примѣръ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ примѣровъ. Если внимательно присмотрѣться къ человѣческой природѣ Богочеловѣка, то нельзя не замѣтить Его любви къ прекрасному въ

¹⁾ Діалогъ Платона „Гонъ“, 534.

²⁾ „Иліада“ Гомера, пѣснь II. стр. 485, 490. Переводъ Гнѣдича.

³⁾ „Carmina“ Горація, lib. IV, с. 6; с. 29—30.

⁴⁾ „De art. amor“ Овидія, lib. III, с. 549.

видимой природѣ. Не трудно замѣтить, что Онъ охотно удалялся для молитвеннаго изліянія Своихъ религіозныхъ чувствъ на красивые холмы и горы, съ которыхъ открывались великолѣпные виды на окрестности, и дивное преображеніе Его во время молитвы совершилось на одной изъ прекраснѣйшихъ горъ Галилеи. Однако, религіозное чувство, не оставаясь холоднымъ къ красотамъ природы, возбуждается въ насъ не самымъ созерцаніемъ изящныхъ предметовъ природы, а представленіемъ о безконечной причинѣ всего прекраснаго и совершеннаго въ твореніи и выражается въ благоговѣннѣе не предъ самою красотою созданія Божія, а предъ безконечнымъ величіемъ Творца. Болѣе духовнымъ характеромъ религіознаго чувства сравнительно съ эстетическимъ объясняется, между прочимъ то, что изъ произведеній искусства возбуждаютъ религіозное чувство только тѣ, содержаніе которыхъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ сверхчувственному міру. Вотъ почему въ содержаніи и составѣ христіанскаго и особенно православнаго богослуженія имѣютъ преимущественное примѣненіе болѣе духовныя искусства, т. е. такія, которыя болѣе другихъ способны выражать религіозныя чувствованія—поэзія, пѣніе и живопись.

Религіозное чувство, отличаясь отъ эстетическаго болѣе духовнымъ характеромъ, имѣетъ существенное различіе по сравненію съ послѣднимъ еще въ томъ, что оно ставитъ нашу душу въ живое общеніе не съ умопредставляемымъ лишь или воображаемымъ идеаломъ совершенства, какъ это можно сказать относительно эстетическаго чувства, а съ дѣйствительнымъ всесовершеннымъ Существомъ, съ Богомъ—высочайшимъ образцомъ и источникомъ всякаго совершенства.

Нельзя не признать весьма важнаго различія между проявленіями чувства красоты и религіей и въ отношеніи къ ихъ вліянію на нашу нравственную жизнь. Конечно, искусство можетъ производить на человѣка доброе нравственное вліяніе; но это не есть его спеціальная задача. Религія, напротивъ, имѣетъ прямымъ своимъ назначеніемъ нравствен-

ное усовершенствованіе людей до степени уподобленія ихъ Отцу небесному (Мѡ. 5, 48). Отсюда нравственное дѣйствіе эстетики, можно сказать, ничтожно по сравненію съ религіей. Мало того. Одно эстетическое образованіе безъ религіознаго, не давая намъ нравственныхъ силъ, можетъ даже создавать великія затрудненія для добродѣтели. На примѣрѣ это яснѣе. Представимъ себѣ какую-либо сестру милосердія съ развитымъ чувствомъ красоты, но съ подавленнымъ чувствомъ нравственно-религіознымъ. Найдеть ли она достаточно силъ въ одномъ своемъ эстетическомъ чувствѣ для исполненія своего тяжелаго долга, будучи обязана въ тиши и незамѣтно для свѣта ухаживать днемъ и ночью за больнымъ, пораженнымъ какою-нибудь отвратительною болѣзнію? Ея развитое чувство прекраснаго не возмутится ли при видѣ безобразныхъ явленій болѣзни порученнаго ей попеченію больного? Только религія, непосредственно обращающаяся къ нашей совѣсти съ властнымъ и сильнымъ словомъ побужденія къ исполненію требованій нравственнаго закона, способна возбуждать и поддерживать въ насъ дѣятельную любовь къ ближнему, нравственно закалять человѣка, дѣлать его мужественнымъ и твердымъ духомъ среди всѣхъ превратностей жизни. Одно эстетическое образованіе безъ религіознаго можетъ даже поставить насъ въ глубокое противорѣчіе съ нашею добродѣтелью. Это ясно доказали своею жизнію древніе греки—величайшіе поклонники классической красоты и въ то же время величайшіе антиномисты въ нравственной сферѣ¹⁾. Да и современный опытъ показываетъ, что, и любя прекрасное, мы можемъ быть безобразнѣе собственныхъ своихъ произведеній. Сдѣлать самого человѣка нравственно прекраснымъ такъ же трудно, какъ образовать изъ куска крѣпкаго мрамора прекрасную статую²⁾.

¹⁾ Изъ твореній Лактанція. Перев. Е. К. Карнеева. Спб. 1848 г., I, стр. 364.

²⁾ Проповѣди Амвросія, епископа Дмитровскаго (потомъ архіепа. харьк.). Москва, 1883 г., стр. 204.

Такимъ образомъ новоизмышленная декадентами въ области поэзіи теорія „высшей эстетики“, или „чистой красоты“, совершенно отрѣшенной отъ высшихъ человѣческихъ идей истины, добра и Божества, не выдерживаетъ никакой, даже болѣе или менѣе снисходительной, критики: истинная поэзія никогда не знала и не хочетъ знать такой дикой красоты. Не менѣе безотвѣтнымъ оказывается декадентство и предъ судомъ другихъ отвергаемыхъ имъ вѣковѣчныхъ началъ философіи, морали и религіи.

Прот. *Николай Стеллецкій*.
(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Къ 300-лѣтнему юбилею его кончины).

(Продолженіе ¹⁾).

II. Опасность для православія и русской народности въ Польско-Литовскомъ государствѣ и помощь имъ со стороны кн. К. К. Острожскаго.

Если предкамъ кн. К. Острожскаго приходилось служить родинѣ преимущественно мечемъ, то ему самому выпала нѣсколько иная доля—постоять за свой народъ и вѣру предковъ отъ поглощенія ихъ Польшей и католицизмомъ своею видною общественною дѣятельностію, для которой открывали широкій просторъ его высокое положеніе въ государствѣ, обширныя связи и, колоссально-богатыя матеріальныя средства.

Уже давно Польша стремилась завладѣть Литвой и юго-западной Русью, подчинить ихъ себѣ политически и духовно, навязать имъ свои учрежденія, языкъ и вѣру и, претворивъ ихъ такимъ образомъ въ свою плоть и кровь, совер-

---

¹⁾ См. № 9-й за 1908 г.

шенно уничтожить ихъ національную и религіозную само-бытность. Средствомъ къ этому служило отчасти открытое насиліе надъ русской народностью,—тамъ, гдѣ это было сразу возможно, напр., въ Галиціи,—а большею частію лукавая политика, стремившаяся подъ видомъ союза Литвы и Польши всецѣло подчинить первую вліянію послѣдней. Нашествіе монголовъ на Русь такъ ослабило юго-западныхъ русскихъ княжества, что они не могли своими небольшими, при томъ разрозненными силами отстаивать свою независимость отъ налегающихъ на нихъ сосѣдей—Литвы и Польши. Галиція, сильная еще при князѣ Даніилѣ Романовичѣ (1229—1264 г.), спустя 76 л. послѣ него первая перешла въ руки польскаго короля Казимира III (съ 1340 г.). Другая, большая часть южныхъ и западныхъ русскихъ земель—Кіевская область, Черниговская, Сѣверская, Воынь, Подолія, Полѣсье, Полоцкая и даже Смоленская—перешла подъ власть литовскихъ князей. Въ то время, когда польскіе короли сильно тѣснили русскій народъ и православіе въ Галиціи, отнимая у русскихъ церкви и превращая ихъ въ костелы, выбрасывая изъ гробовъ кости князей-строителей этихъ церквей, запрещая православнымъ открытое совершеніе ихъ требъ и пр., въ Литовскомъ княжествѣ было иное. Князья литовскіе (Войшелъ, Гедиминъ, Ольгердъ и др.), покоривъ русскія земли, обнаружили сильную склонность къ тѣсному сближенію съ русскимъ народомъ: они сами вступали въ родственныя связи посредствомъ браковъ съ русскими княжескими домами, принимали крещеніе отъ православныхъ священниковъ, дозволяли дѣтямъ и всѣмъ подданнымъ своимъ также принимать православіе и жениться на русскихъ, усвоили сами и вводили въ судъ и государственные акты русскій языкъ. Началось было мирное и благотворное сліяніе двухъ народностей. Поляки, уже и теперь смотрѣвшіе на русскія земли, какъ на лакомый для нихъ кусокъ, встрѣтили пренятствіе своимъ видамъ на Русь въ литовскихъ князьяхъ. Съ объ-

единеніемъ литовскихъ и русскихъ земель подъ властію великихъ князей образовалось сильное государство, которое могло быть тѣмъ болѣе опаснымъ для Польши, что начало развиваться на самобытныхъ началахъ византійской и русской культуры. И вотъ, начинаются хлопоты поляковъ о томъ, чтобы отвлечь литовскихъ князей отъ сближенія съ Русью, сбить молодое государство съ принятаго пути и подчинить ихъ видамъ Польши. Этого они и достигаютъ при литовскомъ князѣ Ягайлѣ, устроивъ бракъ его съ наследницей Польской короны Ядвигой (1386 г.). Литва соединилась съ Польшей,—хотя пока еще на конфедеративныхъ началахъ, съ сохраненіемъ своихъ особыхъ учреждений и законовъ, но въ сущности съ нравственной и политической зависимостью отъ Польши. Ягайло самъ принялъ католическую вѣру и крестилъ литовцевъ-язычниковъ въ латинство. Превъзшедшая нравственная и духовная связь Литвы и Руси была порвана. Литовское княжество со времени Ягайлы пошло по другому пути—тѣснаго сближенія съ Польшей и постепеннаго порабощенія ей. Уже въ 1398 г. королева Ядвига требуетъ дани отъ Литвы и Руси, ссылаясь на то, будто Ягайло отдалъ ей Литовское и Русскія княжества въ вѣно. Литовскіе бояре дали твердый отпоръ этому притязанію—обратить союзныя Литву и Русь въ прямыхъ данищъ. Но за то въ своей политической жизни Литовско-Русское княжество при томъ же Ягайлѣ было поставлено въ еще болѣе тѣсную связь съ Польшей и вмѣстѣ—зависимость отъ нея. На Гродельскомъ сеймѣ въ 1313 году было постановлено—избирать королей для Польши и великихъ князей для Литвы общими соглашениями, имѣть общіе сеймы, распространить польскія шляхетныя права и на Литву и ввести здѣсь одинаковыя съ Польшей областныя учреждения (воеводы, старосты, каштеляны), при чемъ всѣ русскіе, какъ не принадлежащіе къ римско-католической церкви, были устранены изъ совѣта державной думы и лишены всѣхъ достоинствъ и долж-

ностей ¹⁾). Городельскимъ сеймомъ Литва была окончательно сдвинута съ прежняго пути—сближенія съ византійской цивилизаціей и введена въ теченіе цивилизаціи западно-европейской, латинской. Съ этого времени Литовско-русское государство проходитъ рядъ ступеней, низводящихъ его все ниже съ первоначальной его высоты. Польша неудержимо стремится и пользуется всѣми случаями, чтобы всецѣло подчинить его себѣ и уничтожить его самобытность. Литовскіе князья (Витовтъ, а затѣмъ Ягеллоны—Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ I Старый, Сигизмундъ II Августъ) любили свою родину и старались, сколько могли, оберечь ее отъ Польши, но политика Польши, возводившая литовскихъ князей на польскій престолъ, вынуждала послѣднихъ жертвовать интересами родного престола. Литовская Русь всѣми силами противилась этому соединенію и, подъ видомъ его, порабошенію Польшѣ, но не имѣла ни силъ внутри, ни опоры совнѣ, чтобы удержаться на разъ принятомъ скользякомъ пути ²⁾). Литовскіе чиновные люди крѣпко стояли за свое право имѣть своихъ особыхъ великихъ князей, просили послѣднихъ и по избраніи ихъ на польскій престолъ не нарушать ихъ правъ въ пользу Польши, не замѣнять русскаго языка польскимъ, не ставить на высокія должности въ княжество поляковъ, не отдавать полякамъ литовскихъ и русскихъ земель. Князья—короли Ягеллоны давали на это гарантіи, но эти гарантіи, при соединеніи въ одномъ лицѣ королевской и княжеской власти, при неопредѣленности границъ между короною и великимъ княжествомъ, а главное, при постоянномъ стремленіи поляковъ поживиться на счетъ Литвы, постоянно нарушались: поляки все-таки проникали въ Литву и Русь, занимали высшія должности и забирали въ руки свои земли. Въ Литвѣ,

¹⁾ Et hujus modi dignitarii non eligantur, nisi sint fidei catholicae cultores et subjecti sanctae Romanae ecclesiae, et non schismatici vel abii infideles. Докум., объясн. ист. Зап.-Русск. края, № 11. Сиб. 1865 г.

²⁾ Чистовичъ, Очерки ист. Зап. Русск. Церкви, 1882 г., ч. I, стр. 50.

Подоліи, Волыни, даже въ Смоленщинѣ осѣли польскіе роды¹⁾. Съ усиленіемъ въ Литвѣ польскаго элѣмента, начинается съ большею силою обнаруживаться національная ихъ нетерпимость ко всему русскому²⁾. Но пока существовало еще особое Литовское княжество съ отдѣльнымъ политическимъ устройствомъ и управленіемъ, съ особыми законами и своими чиновниками, до тѣхъ поръ Польша не могла быть покойна. Для утвержденія полнаго господства поляковъ въ предѣлахъ этого княжества требовалось совершенное сліяніе его съ Польшей, или уничтоженіе его съ подчиненіемъ Польшѣ. Это и было достигнуто наконецъ на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1569 г., при королѣ Сигизмундѣ II Августѣ. Поляки рѣшились здѣсь покончить съ самобытностью Литовскаго княжества. Съ ними за одно былъ и король. Напрасно Литовскіе чины сопротивлялись соединенію съ Польшей, даже уѣхали было изъ Люблина. Поляки вызвали сюда мало-россійскихъ пословъ и насильно заставили ихъ присягнуть

¹⁾ При послѣднемъ Ягеллонѣ Сигизмундѣ II Августѣ литовцы жаловались королю на это „забранье поляками земель“. Но король отвѣчалъ имъ, что „панства его милости суть не замкнуты, и есть вольно каждому пріѣхать и отѣхать, купити и продати; а изъ чужоземцы имѣнія посядаютъ, въ томъ нивый никто не есть виновенъ, одно тотъ самъ, который чужоземца на маетность свою пріймуетъ и имѣнья ему свои продаетъ“ и пр. А. З. Р. III, № 11, стр. 25.

²⁾ Кто былъ доблестнѣе и вѣрнѣе польско-литовскому правительству, чѣмъ кн. К. Ив-чъ Острожскій, отецъ К. К-ча? И однако какую бурю негодованія вызвало въ средѣ польско-литовскихъ пановъ римской вѣры возведеніе его Сигизмундомъ I въ званіе воеводы Троцкаго и сенаторское достоинство (1522 г.)! Видѣли въ этомъ прямое нарушеніе Городельскаго постановленія. Король настоялъ на своемъ. Однако заявили сейму грамотой, что это пожалованіе имъ князя К. Ив-ча Острожскаго сенаторскимъ званіемъ сдѣлано имъ въ видѣ исключенія, ради необыкновенныхъ заслугъ его, и ручался, что впредь ни онъ, ни его преемники не нарушатъ Городенскаго постановленія. Правда, это постановленіе было потомъ все-таки отмѣнено при его преемникѣ Сигизмундѣ II Августѣ на сеймахъ Виленскомъ въ 1563 г. и Гродненскомъ въ 1568 г., въ присутствіи кн. К. К. Острожскаго, но отъ этого русскимъ теперь не было никакой пользы. См. Ист. Русск. Церкви Макарія, стр. 210—211, 343—347.

на соединеніе или унію Литвы съ Польшей. Но неволь со-
гласились на это и литовцы. Литва потеряла право имѣть
особаго князя, законы и управленіе. Малорусскія земли
(Кіевская область, Волынь, Подоля) включены непосред-
ственно въ составъ Польши. Для отведенія глазъ русскимъ
въ этихъ областяхъ обѣцано было свободное исповѣданіе
православной вѣры, употребленіе русскаго языка въ официаль-
ныхъ актахъ и прочія права и вольности, наравнѣ съ по-
слѣдователями римскаго исповѣданія, но это были пустыя
лишь обѣщанія. Съ Люблинской уніей началась въ сильной
степени колонизація бывшаго Литовскаго княжества. Боль-
шими массами поляки нахлынули чрезъ открытую дверь въ
Литву и юго-западную Русь. Государственныя должности и
недвижимыя имѣнія свободно переходили въ руки поляковъ,
при содѣйствіи имъ самихъ польскихъ королей. Всюду стали
входить въ моду польская рѣчь, нравы и обычаи. При на-
ціональной исключительности и религіозномъ фанатизмѣ по-
ляковъ русскій православный народъ не могъ теперь ожи-
дать себѣ пощады и терпимости, какъ не видѣлъ ея никогда
и въ Галиціи. Обстоятельства вскорѣ это доказали.

Сдѣлавшись наконецъ полными хозяевами въ литовско-
русскихъ земляхъ, поляки не могли оставить въ покоѣ и
Православную Церковь. Уже давно они принимали настой-
чивыя мѣры къ распространенію латинства въ бывшемъ Ли-
товскомъ княжествѣ. Условіемъ брака Ягайло съ Ядвигою
было обращеніе всѣхъ подданныхъ его въ латинство. Крестивъ
въ латинство литовцевъ-язычниковъ, Ягайло пытался навязать
римско-католическую вѣру и своимъ православнымъ под-
даннымъ. Не достигши этого открытымъ принужденіемъ, онъ
прибѣгнулъ къ косвеннымъ мѣрамъ,—къ ограниченію правъ
православныхъ; напр., къ запрещенію имъ браковъ съ ка-
толиками ¹⁾ и проч. Латинская пропаганда тогда приняла та-

¹⁾ „Литовцамъ обоего пола“ запрещено было соединяться бракомъ съ
русинами также обоего пола, пока напередъ русинъ или русинка не
изъявятъ покорности римской церкви. Въ случаѣ нарушенія этого за-

кіе размѣры, что народъ хотѣлъ даже бросить родную землю ¹⁾. На протяженіи 200 лѣтъ со времени крещенія Ягайло (1386 г.) русскій народъ испытывалъ много нападеній со стороны католиковъ на его праотческую вѣру: Замѣчательно, что еще въ 1436 году, за 43 года раньше, чѣмъ въ Испаніи, въ Литвѣ католическимъ духовенствомъ былъ учрежденъ трибуналь святой инквизиціи съ правомъ отыскивать и карать мѣстныхъ еретиковъ и отщепенцевъ. Когда въ Италіи была принята извѣстная Ферраро-Флорентійская унія (1438—1439), достигнутая всякими неправдами, хитростію и насиліемъ, то литовское правительство уже тогда дѣлало усилія, чтобы водворить унію въ средѣ православныхъ, принявъ поставленнаго уніатами въ Римѣ для южной Руси митрополита Григорія ²⁾, требуя отъ русскихъ признанія его своимъ первоіерархомъ и вообще стѣсняя ихъ въ дѣлѣ вѣры (при Казимірѣ) ³⁾. Особенно сильный натискъ римскаго католицизма на Православіе мы встрѣчаемъ при великомъ князѣ литовскомъ, а потомъ и королѣ польскомъ Александрѣ (1492—1506 г.). Не говоря уже о подданныхъ русскихъ, католическая пропаганда не обошла и супруги Александра, великой княгини Елены, дочери великаго князя Московскаго Іоанна III Васильевича. Не помѣшали здѣсь пропагандѣ и самыя торжественныя обѣщанія князя Александра при заключеніи брака—не препятствовать ей содержать свой греческій законъ и не принуждать ее къ закону римскому, даже не

прещенія, повелѣвалось принуждать того, изъ супруговъ, который принадлежитъ къ другой вѣрѣ, къ принятію католицизма даже тѣлеснымъ наказаніемъ. Докум., объясн. ист. З.-Р. края. 1865 г. № 1.

¹⁾ Чистовичъ, Очерки ист. З.-Р. Церкви, ч. I, стр. 51.

²⁾ Его поставилъ уніатскій патріархъ Константинопольскій Григорій Мамма, съ согласія павы, бывшаго митрополита Московскаго, измѣнника Православію Исидора и римскихъ кардиналовъ.

³⁾ Хотя это и не привело къ желанной цѣли, ибо русскій народъ остался вѣренъ православію, а самъ митр. счелъ нужнымъ потомъ воссоединиться съ Православною Церковью. Ист. Р. Ц. Макарія, т. II, стр. 70.

дозволять ей приступать къ этому закону, хотя бы этого она сама захотѣла, дозволить ей имѣть свою церковь, духовника и единовѣрныхъ русскихъ слугъ. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ самымъ возмутительнымъ примѣромъ вѣроломства и безстыдства католической пропаганды. Какъ разъ напротивъ торжественнымъ обѣщаніямъ, княгиня тотчасъ послѣ брака лишается всякой нравственной поддержки: ей не даютъ своей церкви, отъ нея удаляютъ православнаго священника и вѣрную прислугу; ее осаждаютъ убѣжденіемъ перейти въ католицизмъ и виленскій бискупъ Альбертъ Войтехъ и монахи бернардины и даже смоленскій епископъ Іосифъ Болгариновичъ,—княжескій угодникъ, котораго современники называли „отметникомъ православныя вѣры“. Самъ папа Александръ VI одобрялъ эти дѣйствія, разрѣпалъ князя отъ даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія и даже побуждалъ его къ большому,—убѣждать ее къ переходу въ латинство до „принужденія ея мѣрами церковнаго исправленія и другими законными средствами“, даже съ угрозою „отлучить ее отъ мужа, удалить ее изъ его дома и все ея имущество объявить конфискованнымъ“¹⁾. Еще менѣе было мягкости католическаго духовенства и правительства при убѣжденіи перейти въ латинство прочихъ русскихъ князей, бояръ, горожанъ и народа. Не даромъ они жаловались великому князю Московскому Іоанну III и искали въ немъ защиты. Не даромъ и самъ Іоаннъ III долженъ былъ поднять оружіе для защиты религіозныхъ правъ своей дочери и православныхъ въ Литвѣ²⁾. Правда, зять Іоанна вел. князь

¹⁾ См. объ этомъ подробно въ Ист. Р. Ц. Макарія IX, стр. 100—108.

²⁾ Впечатлѣніе, произведенное на русскихъ этими преслѣдованіями великой княгини и всѣхъ православныхъ за вѣру можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ подъячаго Феодора Шестака, находившагося при вел. кн. Еленѣ, къ виземскому намѣстнику князю Оболенскому: „Здѣсь у насъ, господине, произошла великая смута между латинами и нашимъ христіанствомъ. Въ нашего владыку Смоленскаго (Іосифа Болгариновича) дьяволь вселился и вмѣстѣ съ Софѣюю отметникомъ (отъ православія) они возстали на православную вѣру. Великій князь нево-

Александръ пытался сначала все это скрыть, отрицалъ самый фактъ стѣсненія своей супруги Елены и притѣсненія подданныхъ за вѣру. Но чтобы видѣть, какъ велико было его здѣсь лицемеріе, достаточно прочесть переписку папы Александра VI по этому предмету съ бискупомъ виленскимъ Войтехомъ и самимъ княземъ Александромъ (Ист. Р. Ц. Макарія, т. IX, стр. 100—108). Впрочемъ эти преслѣдованія православно-русскаго населенія за вѣру имѣли пока еще мало уснѣха. Сворачивались въ латинство лишь немногіе, въ родѣ Ив. Сапѣги, которыхъ народъ считалъ „отметниками отъ правосл. вѣры“.

Самая серіозная опасность для православной вѣры въ Литовской Руси открылась тогда, когда противъ нея выступили латинство и другія секты подъ знаменемъ науки и просвѣщенія, во 2-й половинѣ XVI ст. Въ 1-й половинѣ XVI ст. сама католическая церковь въ Литвѣ и Польшѣ должна была пережить тяжелый кризисъ, въ виду натиска протестанства, проникшаго сюда изъ Германіи и распространившагося, вопреки всяческимъ запретамъ правительства, среди не только знати, но и простого народа. въ видѣ лютеранства, кальвинизма и социніанства. Для борьбы съ этимъ врагомъ были вызваны съ запада опытные борцы за католическую вѣру—іезуиты. Это событіе, имѣвшее важное значеніе и для православныхъ, почти совпало съ другимъ роковымъ для Литов-

диль государыню нашу, великую княгиню Елену въ проклятую латинскую вѣру, но государыню нашу Богъ научалъ, да помнила она науку государя, отца своего...“ и пр. „Да и все наше православное христіанство хотятъ окрестить: оттого наша Русь съ Литвой (разумѣется, окатоличенной) въ сильной враждѣ“... Другой свидѣтель князь Ив. Вас-чъ Бѣльскій говорилъ вел. кн. Іоанну III: „пришла на нихъ въ Литвѣ великая нужда о греческомъ законѣ; посылалъ-де вел. князь Александръ къ своей великой княгинѣ Еленѣ *отметника* православныя вѣры Іосифа, владыку Смоленскаго, да бискупа своего Виленскаго и чернецовъ бернардиновъ, чтобы приступила къ римскому закону, да и къ князьямъ русскимъ посылашь, и къ виленскимъ горожанамъ и по всей Руси, которые держатъ греческій законъ, и нудятъ ихъ приступитъ къ закону римскому“ (Макарія И. Р. Ц. Т. IX, стр. 95 и 97).

ской Руси событіемъ—Люблинской политической уніей (1569 г.). Если послѣдняя открыла широко дверь къ колонизаціи Литвы и Руси, то первое привело Русь къ окатоличенію ея чрезъ латинизацію—прямую или—прикрытую, въ видѣ религіозной уніи. Появленіе іезуитовъ въ Литвѣ на первыхъ порахъ, по-видимому, не имѣло угрожающаго характера, для православія. Они были приглашены первоначально въ Вильно тамошнимъ бискупомъ Валеріаномъ Протасевичемъ ¹⁾ специально для борьбы съ протестанствомъ, которое въ ту пору производило большія опустошенія не только въ средѣ католиковъ, но и православныхъ ²⁾. Скромно прибыли они въ Вильно и начали свою дѣятельность въ открытой ими коллегіи. Вскорѣ о нихъ заговорило все тогдашнее общество, какъ замѣчательныхъ ученыхъ, опытныхъ воспитателей и самоотверженныхъ служителейъ церкви. Свою коллегію они подняли на такую высоту, что она получила званіе академіи. Въ ней было больше 50 профессоровъ и 700 учащихся. Изъ нея выходили многіе ученые писатели, проповѣдники и полемисты. Вскорѣ виленскіе іезуиты затмили ученую славу протестантовъ, подорвали ихъ кредитъ въ глазахъ народа и высоко подняли знамя католической науки. Но на этихъ успѣхахъ они не остановились. Покончивъ съ протестантствомъ, они обратили силы противъ православія. Обстоятельства имъ весьма благопріятствовали. Почетная слава ихъ академіи привлекала въ нее и множество русскихъ юношей, особенно изъ

¹⁾ По совѣту знаменитаго варминскаго епископа, кардинала Станислава Гозія.

²⁾ Въ одномъ Новогрудскомъ округѣ, въ епархіи митрополита кievскаго опустошено ими 650 церквей, и изъ 600 и даже болѣе именитыхъ домовъ греческой вѣры едва шестнадцать убереглось отъ новокрещенской заразы. Много молодежи изъ знатныхъ православныхъ фамилій—Ходкевичей, Сапѣгъ, Воловичей, Горскихъ, Вишневецкихъ и др. обращались въ протестантство. Нѣкоторые изъ дворянъ явились даже усердными покровителями для сектантовъ, напр. Янъ Кипка для соціанъ—или антиринитаріевъ, князя Николай Радзивиль Черный и Николай Радзивиль Рыжій—для кальвинистовъ и др. Ист. Р. Ц. Макарія IX. стр. 322.

знатныхъ фамилій. Здѣсь было обширное поле для насажденія латинскихъ плевель въ средѣ православныхъ, и не такъ-вы были іезуиты, чтобы не воспользоваться своимъ положеніемъ для совращенія русскихъ питомцевъ въ католическую вѣру. Дѣйствительно многіе русскіе, учившіеся въ Виленской академіи, вскорѣ стали католиками. Изъ Вильно іезуиты потомъ раскинули свои силы по всей Литвѣ и Руси: появились ихъ коллегіи и семинаріи въ Полоцкѣ, Ригѣ, Несвижѣ, Ярославѣ и въ др. мѣстахъ. Здѣсь уже принимали едва ли не исключительно русскихъ юношей, и многіе изъ нихъ, особенно знатные, совращались въ католицизмъ¹⁾. Но совращая воспитывающихся въ ихъ школахъ русское юношество, іезуиты начали готовить и все русское населеніе къ переходу въ латинство или унію. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи вышедшее въ 1577 г. сочиненіе ученаго іезуита Петра Скарги, подъ заглавіемъ: „О единствѣ церкви Божіей надъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскимъ народамъ, держащимся грековъ“. Здѣсь было весьма искусно собрано и изложено все то, что могло поколебать вѣру русскаго народа въ истину православія и склонить его къ признанію главенства папы и католическихъ догматовъ и даже начертана была программа дальнѣйшей осады іезуитами Православной Церкви. Оставляя рѣчь объ этомъ, до слѣдующей главы, замѣтимъ только, что съ этого именно времени положеніе православія въ Литвѣ становится особенно затруднительнымъ. Съ одной стороны католицизмъ налегъ на Русь всею силою, стараясь то убѣжденіями простодушныхъ, то насмѣшками, то административными и судебными прижимками сломить ихъ преданность отцовской вѣрѣ²⁾. Съ

¹⁾ Легатъ папы Антоній Поссевишъ самъ видѣлъ многихъ русскихъ дѣтей, изъ бѣднаго и богатаго сословія, студентовъ Виленской академіи, а также воспитывавшихся въ Ярославской и Ольмюцкой іезуитскихъ коллегіяхъ

²⁾ По словамъ острожскаго пресвитера Василія, въ то время латинны „многихъ въ свое зловѣріе попуждали... Еще же поругающися на-

другой стороны угрожало православію въ Литвѣ и протестантство, въ видѣ лютеранства и кальвинизма, особенно крайняго раціонализма въ ереси жидовствующихъ и новыхъ аріанъ или антитринитаріевъ-социніанъ¹⁾. И католики и протестанты уже многихъ русскихъ сбили съ пути истины и поставили ихъ на распутьѣ разныхъ сектъ и вѣрованій. Не находя въ себѣ пока еще достаточно силъ для противодѣйствія польско-католической и протестантской стихіямъ, Литовская Русь, по-видимому, зашла въ тупикъ, изъ котораго, казалось, не было иного выхода, какъ только отдать себя въ жертву тому противнику, который былъ настойчивѣе и сильнѣе, т. е. Польшѣ и католицизму.

Что же дѣлали тогда высшіе представители русскаго народа—епископы и знать? *П. Петрушевскій*

(Продолженіе слѣдуетъ).

смѣваются и нѣконихъ малодушныхъ и скудоумныхъ симъ соблазняютъ: яко попущеніемъ Божиимъ Греція страждетъ подъ боязнію поганыхъ агарявъ, сего ради укоряючи глаголютъ: и што суть патріархи ваши и гдѣ ихъ престолы и для чего ихъ слушаете? (Прав. Собес. 1858, ч. I, стр. 369—370).

¹⁾ Тотъ же пресвитеръ Василій пишетъ: „уже нынѣ явнѣ нѣкоторыхъ видимъ въ слѣпоту жидовскаго злоумія ненадшихъ. Крадутъ бо жидове уставичивѣ (постоянно) христіанъ, не только маетности ихъ лихвами, мытами и иными фортельми (способами) вынуждаючи, но и отводячи блюзнерствомъ (нечестіемъ) своимъ, отъ духовнаго добра обнажаютъ, то есть отъ царства небеснаго и отъ милости Божіей“... (Тамъ же, стр. 370).

ЗАМѢТКА.

Вражда социалистовъ противъ христіанскаго духовенства.

Всѣ вожаки и писатели партіи социалистовъ въ этомъ отношеніи находятся въ полномъ согласіи. Гдѣ только есть какая-нибудь возможность, они стараются задѣть христіанское

смѣваются и нѣкоихъ малодушныхъ и скудоумныхъ симъ соблазняютъ: яко попущеніемъ Божиимъ Греція страждетъ подъ боязнію поганыхъ агарявъ, сего ради укоряючи глаголютъ: и што суть патріархи ваши и гдѣ ихъ престолы и для чего ихъ слушаете? (Прав. Собес. 1858, ч. I, стр. 369—370).

¹⁾ Тотъ же пресвитеръ Василій пишетъ: „уже нынѣ явнѣ нѣкоторыхъ видимъ въ слѣпоту жидовскаго злоумія непадшихъ. Крадутъ бо жидове уставичивѣ (постоянно) христіанъ, не только маетности ихъ лихвами, мытами и иными фортельми (способами) вынуждаючи, но и отводячи блюзнерствомъ (нечестіемъ) своимъ, отъ духовнаго добра обнажаютъ, то есть отъ царства небеснаго и отъ милости Божіей“... (Тамъ же, стр. 370).

духовное лицо, обрисовать его какъ ненужнаго, даже опаснаго человѣка и лицемѣра, лжеца и бездѣльника. Карль Марксъ говорить о нихъ не иначе, какъ о попахъ; онъ изображаетъ ихъ какъ государственныхъ нахлѣбниковъ, дармоедовъ; въ особенности онъ изливаетъ чашу своего гнѣва на протестантское духовенство Англій, съ которымъ онъ тамъ втерѣчался. Чтобы никто изъ послѣдняго не могъ жаловаться на забвеніе, для этого и католическіе социалисты выливаютъ свой ядъ на ксендзовъ. Бебель дѣлаетъ это съ обычною ему грубою и неумѣстною острою даже по адресу долголѣтія и продолжительнаго возраста жизни протестантскихъ пасторовъ, хотя они, по статистикѣ, не всегда занимали въ этомъ отношеніи первое мѣсто, какъ утверждаетъ Бебель. Но въ такомъ явленіи болѣе благоразумные видятъ слѣды разумнаго, здороваго и умѣреннаго образа жизни, и социаль-демократія сдѣлала бы гораздо лучше, если бы стала подражать духовенству въ этомъ, чѣмъ смѣяться надъ нимъ. Стараются также Бебель посмѣяться и надъ обильнымъ чадородіемъ духовенства, надъ ихъ многосемейностью, хотя иные изъ болѣе благоразумныхъ людей усматриваютъ въ этомъ признакъ счастливаго брачнаго достоянія цѣломудренно проведенной молодости. А сколько способныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ выдающихся людей дала эта духовная семья обществу, народу, какое благотворное, нравственное вліяніе оказывали эти люди на общество—объ этомъ Бебель не говоритъ ничего, быть-можетъ, потому, что онъ объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, ничего и не знаетъ. (Соврем. лѣт.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го марта 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года марта 23-го дня.

Содержаніе: I. Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы въ памятникахъ цер-
ковной иконографіи. В. П.—II. Что требуется для того, чтобы до-
стойнымъ образомъ выполнять долгъ проповѣдничества? (Окончаніе).
В. Пѣвницкій.—III. Князь Константинъ Константиновичъ Острож-
скій (продолженіе). П. Петрушевскій.—IV. Замѣтка. Къ дѣятель-
ности церковно-приходскихъ совѣтовъ.

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы въ памят- никахъ церковной иконографіи.

*(По поводу двухъ древнихъ изображеній Благовѣщенія въ
Кіево-Софійскомъ соборѣ).*

И постоянный и случайный посѣтитель Кіево-Софійскаго
собора не могутъ, конечно, не обратить вниманія на моза-
ическое изображеніе Благовѣщенія Пресвятой Богородицы,
помѣщенное въ разьединенномъ видѣ по обѣимъ сторонамъ
предалтарной арки собора. Это изображеніе, помимо того,
что является рѣдкимъ памятникомъ мозаичнаго искусства у
насъ въ Россіи, обращаетъ на себя вниманіе и по той об-
становкѣ, въ какой представлена здѣсь Богоматерь, выслу-

шивающая глаголы Божественнаго опредѣленія отъ явившагося къ ней архангела. Пресвятая Дѣва изображена за работой, съ веретенемъ въ одной рукѣ и куделькой пурпуровой пряжи въ другой. Такая композиція евангельскаго сюжета Благовѣщенія для нашего времени является далеко необычной; современная церковная живопись, насколько извѣстно, ее уже не повторяетъ.—Гораздо менѣе выгодное положеніе въ зрительномъ отношеніи занимаетъ другое древнее настѣнное изображеніе Благовѣщенія въ томъ же Кіево-Софійскомъ соборѣ. Разумѣемъ фресковое изображеніе Благовѣщенія, находящееся въ правомъ (первомъ отъ главнаго алтаря) придѣлѣ собора тоже на алтарной стѣнѣ. Здѣсь изображено Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы въ двухъ композиціяхъ: по одной—явленіе архангела Пресвятой Дѣвѣ происходитъ у колодца, другая композиція воспроизводитъ явленіе архангела Богоматери уже въ храмѣ, въ тотъ моментъ, когда Пресвятая Дѣва занимается рукодѣльемъ. Вторая композиція по характеру своего сюжета сходствуетъ съ мозаическимъ изображеніемъ Благовѣщенія, почему мы остановимся на первой картинѣ, опять таки необычной для современной церковной иконографіи. Богоматерь представлена здѣсь стоящей между двухъ горныхъ утесовъ, въ правой рукѣ ея ведро, которое она опускаетъ въ колодець. Въ верхнемъ (лѣвомъ) углу фрески изображенъ ангелъ по поясъ въ полукругѣ. Постановка корпуса Богоматери и жестъ лѣвой свободной руки выражаютъ изумленіе. Нѣсколько наклоненное положеніе головы (какъ бываетъ это у человѣка, прислушивающагося къ неожиданно раздавшимся звукамъ), а также выраженіе глазъ Богоматери показываютъ, что Она не видитъ архангела-благовѣстника, а только слышитъ его голосъ.

Вотъ два замѣчательныхъ по своей необычной композиціи изображенія Благовѣщенія, находящіяся на стѣнахъ древней святыни Кіево-Софійскаго собора. Что за смыслъ этихъ изображеній, и откуда взяты художниками такіа детали для

передачи евангельскаго повѣствованія о Благовѣщеніи (Лук. 1, 26—38), которыя прямо изъ этого повѣствованія не вытекають? Постараемся дать краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ при помощи компетентныхъ изслѣдованій авторитетныхъ археологовъ¹⁾.

Современное изображеніе Благовѣщенія, на которомъ Богоматерь представляется или въ молитвенно-склоненномъ положеніи, или, чаще всего, читающей книгу (отъ чего такое изображеніе Благовѣщенія на техническомъ языкѣ иконописцевъ носитъ названіе: „*благовѣщеніе съ книгой*“), заняло господствующее направленіе въ нашемъ иконографическомъ искусствѣ сравнительно съ недавняго времени, а именно—съ XVII вѣка. Такая композиція Благовѣщенія зародилась на Западѣ приблизительно въ XI—XII в., около XVI в. перешли въ Грецію, а затѣмъ и къ намъ въ Россію, встрѣчаясь въ греческихъ и русскихъ памятникахъ иконографіи только съ этого времени. До этого времени и византійская и русская иконографіи знали только два извода Благовѣщенія, помѣщенные и у насъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, а именно: „Благовѣщеніе съ рукодѣльемъ“ и „Благовѣщеніе у источника“, или „Благовѣщеніе у кладязя“. И то и другое изображенія Благовѣщенія имѣютъ за собою глубокую древность. Самое древнее изображеніе Благовѣщенія „съ рукодѣльемъ“ относится къ пятому вѣку²⁾. Начиная съ этого времени такой переводъ евангельскаго событія упрочивается какъ въ

¹⁾ Настоящая замѣтка, не претендующая на самостоятельность, составлена на основаніи двухъ выдающихся работъ нашихъ археологовъ: „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“, Спб. 1892 г. Проф. Н. В. Покровскаго и „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, вып. IV. Спб. 1891, проф. Кондакова и гр. И. Толстого.

²⁾ Скульптура на миланскомъ саркофагѣ въ ц. св. Фраическа V в.; мозаика въ ц. Маріи Великой въ Римѣ, тоже V в. На обоихъ памятникахъ Богоматерь изображена съ атрибутами рукодѣля, на первомъ памятникѣ съ веретенемъ въ рукѣ, на второмъ съ пурпуровой нитью, ниспадающей съ ея рукъ въ стоящую рядомъ корзину, наполненную клубочками.

греческой, такъ затѣмъ и въ русской иконографіи, и памятниковъ его до нашего времени сохранилось достаточно. Богоматерь въ такой композиціи Благовѣщенія изображалась или съ нитью, ниспадающей изъ ея рукъ въ близъ стоящую корзину съ клубочками, или, какъ это можно видѣть и на мозаикѣ Кіево-Софійскаго собора, съ веретеномъ. Изображеніе Благовѣщенія въ такой композиціи иногда раздѣлялось на двѣ иоловины, такъ что кіево-софійская мозаика въ данномъ случаѣ не является исключительной. Такое раздѣльное изображеніе Благовѣщенія встрѣчается и въ миньятюрахъ ¹⁾ и въ стѣнной росписи. Нашъ русскій паломникъ XII в. игумень Данииль видѣлъ раздѣльное изображеніе благовѣщенія на алтарныхъ столпахъ іерусалимскаго храма Воскресенія. Вполнѣ правдоподобно предположеніе, что подобное размѣщеніе сюжета благовѣщенія послужило прототипомъ изображенія этого событія на царскихъ вратахъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ фигуры Богоматери и архангела помѣщаются раздѣльно на двухъ створкахъ дверей.

Вторая композиція Благовѣщенія— „на источникѣ“, или „у кладязя“, тоже весьма древняго происхожденія. Такихъ изображеній дошло до нашего времени тоже достаточно количество. По этому переводу Богоматерь представляется стоящею у источника, изображавшагося рѣдко въ видѣ ключа, бьющаго изъ скалы, а чаще въ видѣ колодца; (на нашихъ русскихъ иконахъ колодець иногда изображался съ деревяннымъ надъ нимъ срубомъ). Въ рукахъ у Богоматери или кувшинъ, или ведро на веревкѣ, которое она опускаетъ въ колодезь. Архангелъ въ такой композиціи рѣдко писался предстоящимъ предъ св. Дѣвой; въ большинствѣ памятниковъ (какъ и на кіево-софійской фрескѣ) онъ изображенъ въ верхней части картины или слетающимъ съ облаковъ, или

¹⁾ Напримѣръ, въ лицевомъ сирійскомъ евангеліи VI в. Здѣсь Благовѣщеніе раздѣлено на двѣ части: на одномъ листѣ изображена Богоматерь, на другомъ—архангелъ.

находящимся въ полукругѣ (символь небеснаго свода). Такое положеніе архангела имѣеть, какъ увидимъ ниже, свой особый смыслъ.

На чемъ же основывалось церковно-изографическое искусство, допуская описанную разработку евангельскаго сюжета? что лежало въ основѣ двухъ указанныхъ переводовъ одного и того же евангельскаго событія?

Строгое подчиненіе древнихъ иконописцевъ церковному контролю, установившимся церковнымъ воззрѣніямъ не подлежитъ сомнѣнію. Древніе греческіе и русскіе мастера всегда строго руководствовались извѣстными правилами, созданными подъ вліяніемъ церковныхъ воззрѣній на тотъ или иной изображаемый сюжетъ. Въ особенности догматическія вѣроопредѣленія эпохи вселенскихъ соборовъ оказали сильное вліяніе на церковное искусство, способствуя установленію особыхъ принциповъ, которымъ въ особенности строго слѣдовало восточно-византійское искусство, а за нимъ и наше русское, чего нельзя сказать объ искусствѣ западномъ. Съ теченіемъ времени основанныя на догматическихъ воззрѣніяхъ Церкви руководственныя начала церковно-изографическаго искусства были систематизированы, благодаря чему получились особые сборники, извѣстные подъ именемъ иконописныхъ подлинниковъ. Но подчиняясь догматическимъ вѣроопредѣленіямъ Церкви по своей принципиальной сторонѣ, древне-церковное искусство въ то же время проявляло свободу въ разработкѣ деталей сюжетовъ, при чемъ эта свобода не была произволомъ художника въ собственномъ смыслѣ, а также имѣла подъ собою нѣкоторую основу. Такой основой служили тѣ или иныя благочестивыя сказанія, которыя, какъ не противорѣчація принципамъ вѣры, не встрѣчали для себя осужденія со стороны представителей Церкви. Подъ вліяніемъ такихъ благочестивыхъ сказаній складывались иногда цѣлыя иконописныя сюжеты, полная пригодность которыхъ для церковнаго обращенія была закрѣплена съ теченіемъ времени тѣми же иконописными подлинниками. Въ основѣ двухъ

разобранныхъ нами композицій Благовѣщенія, по опредѣленію археологовъ¹⁾, помимо евангельскаго текста, сжато передающаго событіе Благовѣщенія, лежало благочестивое сказаніе о томъ же событіи, заимствованное изъ такъ называемаго прото-евангелія Іакова младшаго. При помощи этого сказанія легко объясняются всѣ детали разсмотрѣнныхъ изводовъ благовѣщенія. Вотъ передача этого сказанія.—Когда іудейскіе священники вознамѣрились соорудить новую завѣсу для іерусалимскаго храма, то рѣшили избрать для этой священной работы непорочныхъ дѣвицъ изъ племени Давидова. Въмѣстѣ съ призванными для указанной цѣли дѣвицами явилась и Пресвятая Дѣва Марія, которой первосвященникъ вручилъ пурпуръ, червленицу и другіе матеріалы, необходимыя для изготовленія храмовой завѣсы. Марія въ домѣ Іосифа и приступила къ этой работѣ. Разъ она, оставивъ работу, вышла съ водоносомъ на источникъ. Въ это время она услышала гласъ: „радуйся, благодатная, Господь съ тобою!“ Марія, съ недоумѣніемъ выслушавшая это привѣтствіе, не могла понять, откуда оно исходило, такъ какъ говорившаго ангела она не видѣла. Съ трепетомъ она возвратилась домой, поставила водоносъ на своемъ мѣстѣ и стала заниматься обычнымъ своимъ дѣломъ—прясть пурпуровую шерсть для завѣсы. Въ этотъ моментъ ангелъ Господень уже видимымъ образомъ предсталъ предъ Маріей и продолжалъ слова благовѣстія: „не бойся Марія ты обрѣла благодать у Бога...“ и т. д.

Изложенное сказаніе вполне объясняетъ намъ два вышеописанныя изображенія Благовѣщенія. То изображеніе, на которомъ явленіе ангела Богородицѣ представлено происходящимъ у источника, есть передача первой половины сказанія. Понятно теперь, почему Богоматерь по этой композиціи

¹⁾ Проф. Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 24—29; проф. Кондаковъ и гр. Толстой. Русскія древности въ памятникахъ искусства, вып. IV, стр. 125.

представлена какъ бы удивляющейся и прислушивающейся: она не видитъ ангела, а только слышитъ его голосъ. Для точной передачи сказанія на рисунокѣ и ангелъ изображается не предстоящимъ Дѣвѣ, а вверху картины, какъ бы скрывающимся въ облакахъ. „Благовѣщеніе у источника“, такимъ образомъ, есть передача того момента, который, по смыслу сказанія, предшествовалъ описываемому у евангелиста явленію архангела Пресвятой Дѣвѣ въ храминѣ. По этому изображенію благовѣщенія у источника въ древности носило названіе „Предблаговѣщенія“. Не вытекающія прямо изъ евангельскаго повѣствованія детали второй композиціи Благовѣщенія—„за рукодѣльемъ“—тоже объясняются приведеннымъ сказаніемъ. Эти детали стремятся передать ту мысль, что въ моментъ благовѣщенія Пресвятая Дѣва занималась изготовленіемъ матеріаловъ для храмовой завѣсы: пряла пурпуровую шерсть; отсюда—веретено и пурпуровая куделька въ рукахъ Богоматери.

Что изложенное сказаніе прото-евангелія Іакова младшаго, какъ не заключающее въ себѣ ничего еретическаго, пользовалось широкимъ распространеніемъ среди древнихъ христіанъ, а чрезъ то самое естественно могло оказать вліяніе на характеръ изображеній Благовѣщенія, за это говорятъ историческіе факты. Это сказаніе приводятъ въ своихъ словахъ на день Благовѣщенія многіе церковные проповѣдники (напр., Германъ, патріархъ цареградскій, Іаковъ кокиновафскій и др.). Въ лицевыхъ рукописныхъ изданіяхъ такихъ проповѣдей можно видѣть изображенія Благовѣщенія въ упомянутыхъ композиціяхъ. Русскій паломникъ XII вѣка игумень Даніиль рассказываетъ, что ему въ Палестинѣ показывали пещеру, гдѣ жила Богоматерь и ткала червленицу, и гдѣ послѣдовало благовѣщеніе, а также источникъ, у котораго произошло первое благовѣщеніе. „И есть, отъ града Назарета, яко дострѣлитъ добръ стрѣлецъ до кладязя того святого; у того бо кладязя *первое бысть благовѣщеніе* св. Богородицѣ отъ архангела; пришедши бо ей по воду, яко

почерпе водоносы свои и возгласи ей ангель *невидимо* рече: радуйся, обрадованная Марія, Господь съ тобою. И обозрѣвъ Марія сюду и сюду, яко не видѣ никого же, токмо тамо гласъ слышаше. И взявше водоносы свои идяше, дивящесь, въ умѣ своемъ рекуще: что се будетъ; гласъ сей слышахъ и никого же не видѣхъ. И пришедши въ Назареть въ домъ свой, постави водоносы свои, сѣдѣ на прежь реченномъ мѣстѣ и нача скати кокинъ и тогда явися къ ней ангель и благовѣсти рождество Христово“,—таковъ разсказъ Даніила. О благовѣщеніи у источника говорятъ наши макарьевскія четь-минеи, Маргарить, а сказаніе прото-евангелія Іакова встрѣчается въ славянскихъ переводахъ. Слѣдовательно и у насъ на Руси были распространены сказанія о благовѣщеніи, составленныя на основаніи прото-евангелія, а въ зависимости отъ этого находили для себя широкое распространіе двѣ разсматриваемыя композиціи Благовѣщенія.

Наконецъ, зависимость древняго перевода „Благовѣщенія у источника“ отъ сказанія о благовѣщеніи, помѣщенного въ прото-евангеліи Іакова, можетъ быть подтверждена и тѣмъ фактомъ, что церковная иконографія воспроизводила и другіе сюжеты изъ этого источника. Примѣръ этого опять-таки можно видѣть въ древней стѣнной росписи Кіево-Софійскаго собора. Весь правый алтарь этого собора, гдѣ помѣщено и описанное нами „Благовѣщеніе у источника“, росписанъ сценами изъ прото-евангелія. Здѣсь между прочимъ воспроизведена и упомянутая нами сцена врученія Богоматери іудейскимъ первосвященникомъ пурпура и шерсти для изготовленія завѣсы.

Современное изображеніе Благовѣщенія „съ книгой“, вошедшее, какъ выше замѣчено, въ церковное употребленіе съ XVII в., въ основѣ нѣкоторыхъ своихъ деталей также имѣетъ благочестивое преданіе. Разумѣемъ лежащую предъ Богородицей раскрытую книгу, на которой иногда пишутся слова пророчества Исаи: „се дѣва во чревѣ зачнетъ, и ро-

дять сына, и наречеши имя ему Эммануиль“ (Ис. 7, 14) ¹⁾. Церковное преданіе, лежащее въ основѣ такого способа изображенія Благовѣщенія Пр. Богородицы, записано Св. Димитріемъ Ростовскимъ въ его Четьихъ минеяхъ. По описанію св. отца, архангелъ предсталъ предъ св. Дѣвою въ храмѣ и засталъ ее за чтеніемъ книжнымъ, „яко же и иконное изображеніе благовѣщенія явѣ показываетъ, изображающа предъ нею положенную и къ чтенію разгбенную книжицу... и есть благочестивое благомысленныхъ разумѣніе, яко въ то время, когда имѣ прійти къ ней благовѣстникъ, (Пресвятая Дѣва) размышляла о словахъ Исаи: се дѣва во чревѣ приметъ...“ ²⁾ Такимъ образомъ, и новый переводъ благовѣщенія въ основѣ разработки своихъ деталей также имѣетъ благочестивое преданіе, стремившееся какъ бы восполнить новѣествованіе евангельскаго текста.

В. Пр.

---

¹⁾ Такое именно изображеніе благовѣщенія предписывалось иконописнымъ подлинникомъ: архангелъ Гавріиль стоитъ предъ Пречистою свѣтлымъ и веселымъ лицомъ, и благопріятною бесѣдою рекъ къ ней: радуйся обрадованная, Господь съ Тобою. Въ рукахъ имѣетъ скипетръ. Пречистая сидитъ, а предъ нею лежитъ книга, разогнутая, а въ ней написано: се дѣва во чревѣ зачнетъ и родить сына и наречеши имя ему Еммануиль. (Подлин. изд. Филимонова, стр. 300—301).

²⁾ См. Четьи минеи св. Димитрія Ростовскаго подъ 25 марта.

³⁾ См. № 10-й за 1908 г.

Что требуется для того, чтобы достойнымъ образомъ выполнять долгъ проповѣдничества?

(Окончаніе ³⁾).

Требуется нѣчто иное для достойнаго выполненія служенія проповѣдническаго, и это иное мы ставимъ первымъ и самымъ важнымъ условіемъ плодотворнаго вліятельнаго проповѣдничества.

¹⁾ Такое именно изображеніе благовѣщенія предписывалось иконописнымъ подлинникомъ: архангелъ Гавріиль стоитъ предъ Пречистою свѣтлымъ и веселымъ лицомъ, и благопріятною бесѣдою рекъ къ ней: радуйся обрадованная, Господь съ Тобою. Въ рукахъ имѣеть скипетръ. Пречистая сидитъ, а предъ нею лежитъ книга, разогнутая, а въ ней написано: се дѣва во чревѣ зачнетъ и родить сына и наречеша имя ему Еммануиль. (Подлин. изд. Филимонова, стр. 300—301).

²⁾ См. Четыи минеи св. Димитрія Ростовскаго подъ 25 марта.

³⁾ См. № 10-й за 1908 г.

Это иное,—главное условіе достойнаго вліятельнаго проповѣдничества,—глубокое религіозное настроеніе проповѣдника, при которомъ душа его полна одушевленія ко всему, и пламенѣеть ревностію по Богѣ, по славѣ Божіей и о спасеніи ближнихъ. Эта высокая нравственная сила, если она есть у проповѣдника, можетъ замѣнить недостатокъ таланта и учености, и увеличить дѣйствіе тѣхъ естественныхъ силъ, когда владѣеть ими человекъ проповѣдникъ. А безъ нея могутъ пропадать и не оказывать должнаго вліянія и талантъ и ученость. Великіе христіанскіе проповѣдники,—святый Іоаннъ Златоустъ, святый Василій Великій, святый Григорій Богословъ,—оказывали сильное дѣйствіе на слушателей и пріобрѣли въ Церкви значеніе главенствующихъ вселенскихъ учителей не столько въ силу своего, богодарованнаго имъ, таланта и богатой учености, сколько въ силу высокаго нравственнаго духа, какимъ они обладали.

На это доминирующее качество проповѣди указываетъ святый апостоль Павелъ, когда говоритъ, что *слово мое и проповѣдь моя не въ прерывательныхъ человѣческихъ премудрости словесныхъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4), и этимъ онъ какъ бы предуказываетъ позднѣйшимъ провозвѣстникамъ евангелія, на что они должны обращать главное вниманіе, и отъ чего могутъ ждать успѣха въ своей дѣятельности. По его указанію и примѣру, не мудрость человѣческая, не внѣшнее искусство, не діалектическая ловкость даютъ убѣдительность проповѣдному слову, но нравственная сила проповѣдника, проявленіе духа, полнаго евангелльской благодати и истины.

Понятно, почему требованіе высокаго религіозно-нравственнаго настроенія должно быть поставлено во главѣ условій для достодожнаго исполненія проповѣдническаго. Проповѣднику указывается задача возвѣщать и переводить въ жизнь высокія нравственныя начала, открытыя Евангеліемъ, для ея освѣщенія и возвышенія. О нихъ онъ можетъ говорить съ искреннимъ побѣждающимъ одушевленіемъ только

тогда, когда они вошли въ плоть и кровь его, и составляютъ жизненный нервъ его души. Тогда въ его словѣ будетъ энергія и горячность, предъ которою таютъ возраженія упрямаго разсудочнаго невѣрія и нравственной холодности. А не будетъ у проповѣдника евангельскаго духа, и святая истины, о которыхъ онъ говоритъ долженъ, будутъ приобрѣтены емъ его холоднаго разсудка, не вошедшимъ въ плоть и кровь его,—откуда взять ему одушевленіе, могущее придать теплоту и силу его рѣчи? Онъ будетъ стоять вдали отъ того источника, изъ котораго могъ бы почерпнуть живую побѣждающую силу слова. И языкъ измѣнить намъ, когда мы будемъ учить тому, чѣмъ не занята и мало занята душа наша. Наша рѣчь будетъ рѣчью съ чужого голоса, пустою внутри, хотя бы внѣшній блескъ ея напоминалъ собою свѣтскія художественныя произведенія. И эта внутренняя пустота не можетъ быть долго скрывается за натянутою видимою оболочкою отъ глазъ, ищущихъ въ проповѣди духовнаго назиданія и вѣянія благодати, утѣшающей и укрѣпляющей нашу душу.

Итакъ требованіе особенной нравственной высоты отъ проповѣдника для успѣха его служенія вызывается тѣмъ, что человѣкъ, не воплотившій въ себѣ евангельскаго духа, не найдетъ въ своей душѣ вдохновенія и силы для живой и убѣдительной рѣчи о евангельскомъ ученіи, и нравственное воспитаніе проповѣдника должно быть признано первымъ средствомъ къ тому, чтобы Церковь имѣла въ средѣ достойныхъ служителей слова. Но церковные писатели, оставившіе первыя руководства для проповѣдниковъ, указываютъ еще другое основаніе, почему нужно бы желать и требовать образцовой жизни отъ проповѣдника. Они обращаютъ вниманіе не столько на внутреннюю работу, сколько на расположеніе его слушателей, и выставляютъ на видъ то, что проповѣдь человѣка высоко добродѣтельнаго производитъ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ проповѣдь человѣка, слабаго и не безукоризненнаго по жизни. „Какъ бы ни была возвышенна

проповѣдь наша (говорить блаженный Августинъ), но въ дѣйствительной побѣдѣ надъ слушателями всегда болѣе вѣсу и силы имѣеть жизнь проповѣдника... Люди не внимаютъ съ покорностію тому, кто самъ не внимаетъ себѣ, и вмѣстѣ съ проповѣдникомъ пренебрегаютъ слово Божіе, которое проповѣдуется имъ“¹⁾. Согласно съ блаж. Августиномъ говорить св. Григорій Двоесловъ. Жизнь проповѣдника, по его указанію, должна быть образцовою, потому что примѣръ ея усиливаетъ дѣйствіе словъ, и потому что напротивъ, въ случаѣ нравственной слабости проповѣдника, его поведение ослабляетъ или даже совсѣмъ разрушаетъ дѣйствіе проповѣдуемой истины“²⁾. Дѣйствіе проповѣди на слушателей много зависитъ отъ авторитета, какимъ обладаетъ проповѣдникъ: авторитетъ человѣка усиливаетъ слово, выходящее изъ устъ его; онъ же возбуждаетъ и привлекаетъ вниманіе ищущихъ назиданія. А авторитетъ въ христіанскомъ обществѣ пріобрѣтается святою богоугодною жизнью, когда свѣтъ служителя Божія, согласно слову евангельскому (Матѣ. 5, 16), свѣтитъ предъ людьми, и видятъ этотъ свѣтъ, и къ нему обращаютъ свои взоры. Вотъ два проповѣдника: одинъ талантливый, многоученный говоритъ проповѣдь, прекрасно составленную и обладающую высокими внѣшними достоинствами; а другой простой, не такъ талантливый и не такъ ученый, — положимъ, какой-нибудь пустынный, не получившій особаго образованія, но снискавшій авторитетъ своею святою жизнью, говоритъ простое безыскусственное слово, и его слушаютъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ перваго, и его слово является болѣе впечатлительнымъ, сильнѣе ложится на сердца слушателей, чѣмъ слово перваго. Въ примѣръ мы можемъ привести извѣстнаго всѣмъ кронштадтскаго пастыря-проповѣдника. Его слушаютъ съ особеннымъ вниманіемъ, и каждое слово его имѣеть силу евангельскую, и эта сила не

¹⁾ Христіанская наука бл. Августина. Кн. IV, гл. 59, 60.

²⁾ Regula pastoralis. Lib 11, с. 3.

столько зависить отъ внѣшнихъ достоинствъ его проповѣди, сколько отъ его авторитета. То же самое слово въ устахъ другаго совершенно не производило бы такого впечатлѣнія, ка-кимъ сопровождается нынѣ, когда слушаютъ высокочтимаго пастыря, славимаго за свою добродѣтельную жизнь.

Нравственная чистота или доброе нравственное направ-леніе ставилось первымъ и необходимымъ качествомъ истин-наго оратора и древними языческими писателями, излагав-шими законы краснорѣчія. Цицеронъ, опредѣляя, каковъ долженъ быть ораторъ, говоритъ, что онъ долженъ быть *vir bonus diccendi peritus*¹⁾. Квинтиліанъ, останавливаясь на этомъ опредѣленіи качествъ оратора, данномъ Цицерономъ, замѣ-чаетъ, что не напрасно этотъ знаменитый ораторъ между качествами оратора на первомъ мѣстѣ ставитъ требованіе добраго направленія, а требованіе искусства рѣчи на вто-ромъ, указывая тѣмъ, что первое нравственное требованіе важнѣе втораго²⁾. А самъ Квинтиліанъ еще усиливаетъ это указаніе, или опредѣленіе Цицерона, выставляя положеніе: *Nemo orator nisi vir bonus*³⁾. По этому положенію, только добрый или нравственный человѣкъ можетъ быть ораторомъ. Такое требованіе предъявляли ораторамъ древніе учителя краснорѣчія потому, что смотрѣли на краснорѣчіе, какъ на высокое, нравственное служеніе, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ сдѣлать наилучшими. „Истинный ора-торъ, говоритъ Платонъ, всегда долженъ имѣть въ виду, чтобы въ душахъ его согражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема, жила разсудительность, а безраз-судность и необузданность была оставляема, жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось⁴⁾. Требовали лучшіе

¹⁾ M. T. Ciceronis. Rhetoricarum sev de inocasione rhetorica, L. 1, c. 1.

²⁾ Quintilliani institutiones oratoriae. Lib. XIV, c. 1.

³⁾ Institutiones oratoriae. Lib. 1. Provemium 9 et. Lib. 1. 11. c. XVI.

⁴⁾ Горгіасъ, 504. Сочиненія Платона, переведенныя Карповымъ. Ч. II, стр. 331.

риторы, добраго нравственнаго направленія отъ оратора потому, что назначеніемъ ораторства считали служеніе правдѣ и добродѣтели и водворенію ихъ въ гражданскомъ обществѣ. Какъ же можетъ выполнять это назначеніе человѣкъ, чуждый правдѣ и добродѣтели? Въ душѣ его не будетъ силы, которая бы направляла его къ высокой цѣли, ему указанной, и вмѣсто добраго, истиннаго ораторства можетъ быть постыдное краснбайство или уклоненіе на ложные пути, гдѣ ораторъ вмѣсто служенія правдѣ и добродѣтели явится служителемъ неправды и проповѣдникомъ нечистаго дѣла, и вмѣсто пользы будетъ приносить одинъ вредъ.

Если такое требованіе отъ оратора выставлялось въ язычествѣ, то тѣмъ болѣе оно обязательно въ христіанствѣ. Тамъ ораторъ преслѣдовалъ цѣли внѣшняго гражданскаго благоустройства, имѣлъ заботу о поддержаніи внѣшняго закона и порядка. Для этого не требуется особой высокой добродѣтели: достаточно для этого честности и гражданской доблести. А въ христіанствѣ проповѣдникъ имѣетъ дѣло съ внутреннимъ, религіознымъ человѣкомъ, ведетъ его къ цѣлямъ высшимъ, къ духовному возрожденію, къ наслѣдію царства небеснаго, куда входятъ только люди оправданные и очищенные. Здѣсь требуется добродѣтель болѣе высокая, нравственность болѣе чистая. Трудно возвѣщать возвышенныя правила свангельскаго закона, не будучи причастнымъ имъ въ жизни, какъ не естественно возбуждать патріотизмъ, не будучи патріотомъ, или требовать исполненія какого-либо гражданскаго узаконенія, которое мы ниспровергаемъ своими дѣлами.

Прекрасное разъясненіе по обсуждаемому нами вопросу даетъ Тереминъ, профессоръ-гомилетъ и проповѣдникъ первой половины прошедшаго столѣтія, авторъ замѣчательной гомилетики, озаглавленной имъ „Краснорѣчіе добродѣтели, или основныя черты систематической риторики“. Въ приложеніи къ этой гомилетикѣ у него напечатанъ разговоръ „о духовномъ краснорѣчій“. Въ этомъ небольшомъ трактатѣ

представлены разсуждающими о проповѣдничествѣ два человека, одинаково заинтересованные вопросомъ о лучшемъ способѣ проповѣдничества,—молодой духовный, воспринимающій на себя долгъ проповѣдничества, одушевленный самыми лучшими намѣреніями, и опытный мужъ, снискавшій авторитетъ и славу проповѣдника. Юноша предлагаетъ опытному проповѣднику нѣсколько вопросовъ, надѣясь получить отъ него указаніе наилучшей методы проповѣдничества. Вопросы юноши касаются внѣшней стороны проповѣди. Онъ спрашиваетъ: какъ лучше проповѣдывать,—просто или возвышенно? Слѣдовать ли образцамъ, извѣстной ораторской традиціи, или предоставить свободу своей личности и не принуждать себя стѣсняться правилами школы? Импровизировать ли на каедрѣ, или лучше записывать напередъ проповѣдь, и потомъ выучивать наизусть?

Опытный мужъ-руководитель, выслушавъ вопросы молодого человека, замѣчаетъ ему, что не туда направлено его вниманіе, куда слѣдуетъ, въ цѣляхъ достиженія лучшаго способа проповѣдничества. Вопросы, имъ предложенные, не касаются существа дѣла, а побочныхъ, второстепенныхъ вещей. Не въ томъ главное условіе успѣшнаго и вліятельнаго проповѣдничества, въ чемъ думаетъ видѣть юноша, а совершенно въ другомъ. Можно проповѣдывать и такъ и сякъ,—какъ показываютъ обстоятельства и дозволяютъ личныя расположенія и способности проповѣдника. Главное дѣло или главное условіе достойнаго проповѣдничества въ самой личности проповѣдника, въ его религіозномъ настроеніи. Чтобы направить юношу на правильный путь и указать ему, въ чемъ секретъ успѣшнаго проповѣдничества, опытный мужъ предлагаетъ ему съ своей стороны нѣсколько вопросовъ. Онъ спрашиваетъ его: 1) Считаешь ли ты себя грѣшникомъ, и болитъ ли твое сердце скорбію о грѣхѣхъ? 2) Читаешь ли Библию? Слагаешь ли въ своемъ сердцѣ драгоцѣнныя слова, какъ бы для тебя сказанныя Богомъ? 3) Молишься ли Богу? Обращаешься ли къ своему небесному Отцу, къ своему Спа-

сителю съ такимъ чувствомъ и расположеніемъ, съ какимъ дитя обращается къ своему отцу? Возносишь ли къ Богу съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами молитвенный гласъ: Боже, помоги мнѣ? Если ты не можешь отвѣчать на эти вопросы утвердительно, то ты не можешь проповѣдывать назидательно.

Итакъ, по указанію опытнаго проповѣдника, вотъ въ чемъ секретъ, которымъ необходимо овладѣть, чтобы быть достойный и вліятельнымъ провозвѣстникомъ евангелія. Воспитайте и образуйте свою душу, какъ того требуетъ высокое евангельское ученіе, будьте строго религіозны, носите и водворите въ себѣ духъ Христовъ, и вы будете такими проповѣдниками, слово которыхъ ложится на сердца слушателей. „Духовное краснорѣчіе, говоритъ Тереминъ, есть не что иное, какъ изліяніе внутренней духовной жизни, управляемой Духомъ Божіимъ и ежедневно питаемой покаяніемъ, молитвою и чтеніемъ Слова Божія. Гдѣ нѣтъ этой внутренней жизни, тамъ не можетъ быть истиннаго духовнаго краснорѣчія, а вмѣсто его могутъ явиться пустые блестяшки, которые не дадутъ ни свѣта, ни теплоты. Если эти блестяшки могутъ произвести на иныхъ нѣкоторое пріятное впечатлѣніе, то это впечатлѣніе не можетъ быть продолжительно“¹⁾.

Къ этому сужденію авторитетнаго гомилаета новыхъ временъ присоединимъ равнозначительное къ смыслу сужденіе лучшаго изъ средневѣковыхъ гомилаетовъ,—Эразма Роттердамскаго. „Многое, говоритъ онъ, требуется отъ человѣка, готовящагося къ высокому проповѣдническому служенію. Но первѣе всего ему нужно имѣть сердце чистое. Языкъ, или рѣчь, прекраснѣйшее сокровище человѣка, какъ называлъ его Изіодъ. Нѣтъ ничего спасительнѣе рѣчи, исходящей отъ ума здраваго и благочестиваго; напротивъ, нѣтъ ничего гибель-

¹⁾ В. Пѣвницкаго. „Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера, стр. 334—335.

нѣе рѣчи, которую испускаетъ сердце поврежденное и зараженное нечистыми мыслями; страстями и пороками. Каково сердце человѣка, такова и рѣчь. Кто имѣетъ сердце земное, тотъ земное и говоритъ; кто имѣетъ сердце плотяное,—плотское и говоритъ. А у кого въ сердцѣ духъ Христовъ, тотъ говоритъ небесное, благочестивое, святое, чистое, достойное Бога... Языкъ проповѣдника тогда только можетъ быть силенъ и дѣйственъ, когда духъ Христовъ обитаетъ въ сердцѣ его, движетъ устами его и сообщаетъ тайную силу словамъ, исходящимъ изъ нихъ. Проповѣдникъ или готовящійся въ проповѣдники долженъ быть наставленъ во многихъ вещахъ: нужно ему упражняться въ чтеніи Священнаго Писанія и достигнуть глубокаго разумѣнія; нужно читать разныхъ учителей, нужно имѣть здравое сужденіе, особенное благоразуміе и чистый и мужественный духъ; нужна ему обработанная рѣчь, изощренная правилами и практикою; нуженъ ему обильный языкъ, при которомъ бы онъ не затруднялся говорить предъ народомъ. Но первѣе всего или болѣе всего онъ долженъ стараться снискать сердце чистое, сдѣлать какъ можно чище этотъ источникъ рѣчи. Это необходимо не только для поученія и воспламененія душъ слушателей, не только для защиты истины противъ ругателей ея, но и для постиженія той небесной мудрости, которую проповѣдникъ имѣетъ передавать другимъ. Человѣческія науки могутъ быть постигаемы и людьми нечестивыми, а божественная мудрость не входитъ въ душу, оскверненную пороками, не удостоиваетъ обитать въ тѣлѣ, отягченномъ грѣхами. И мы дѣйственнѣе убѣждаемъ другихъ въ томъ, чему сами сильно преданы, и мужественнѣе выступаемъ въ защиту истины, которую бережемъ въ сердцѣ, уповая на Бога, который даетъ силу раздаятелямъ тайнъ Божіихъ, и увѣнчиваетъ ихъ трудъ счастливымъ успѣхомъ. Потому съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ будущему проповѣднику нужно стараться о томъ, чтобы испросить у Господа *сердце чистое и духъ правый* (Иезек. 36, 26. Псал. 50, 12). Нельзя быть

истиннымъ проповѣдникомъ, не почерпнувши того небеснаго Духа, безъ котораго никто не можетъ нареци Господа Иисуса. Онъ даетъ сердце огненное, Онъ даетъ языки огненные.

Но эту главную силу не человѣкъ даетъ человѣку, и никто самъ себѣ не можетъ дать ее. Ея нужно просить у Бога, и не только нужно испрашивать ее неотступными молитвами, но нужно еще стараться заслуживать ее добрыми дѣлами.

В. Пѣвницкій.

¹⁾ В. Пѣвницкаго. „Средневѣковыя гомилетики“. 1895. 4. Гомилетика Эразма Роттердамскаго, стр. 129—131, 133.

²⁾ См. № 11-й за 1908 г.

³⁾ На сеймахъ—Виленскомъ 1563 г. и Гродненскомъ 1568 г.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Къ 300-лѣтнему юбилею его кончины).

(Продолженіе 2).

II. Опасное положеніе русской народности и православія въ юго-западной Руси и помощь имъ со стороны кн. К. К. Острожскаго.

Что касается высшей церковной іерархіи юго-западной Руси—митрополита Кіевскаго и епископовъ Кіевской митрополіи, то она (іерархія) уже давно устранена была Польско-Литовскими королями отъ всякаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Въ 1568 году м. Іона Протасовичъ, въ виду состоявшагося въ то время 3) уравнинія въ правахъ и привилегіяхъ дворянства всѣхъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій съ дворянами-католиками, осмѣлился просить короля Сигизмунда II Августа, чтобы и владыкамъ греческаго закона было предоставлено право имѣть мѣсто и голосъ въ королевскомъ лавицѣ (сенатѣ), наравнѣ съ бискупомъ римскаго закона, какъ это было при прежнихъ митрополитахъ (вѣроятно, тѣхъ, которые были угодниками латинянъ,—Гри-

1) В. Пѣвницкаго. „Средневѣковыя гомилетики“. 1895. 4. Гомилетика Эразма Роттердамскаго, стр. 129—131, 133.

2) См. № 11-й за 1908 г.

3) На сеймахъ—Виленскомъ 1563 г. и Гродненскомъ 1568 г.

гори Болгаринѣ, Мисаилѣ, Іосифѣ Болгариновичѣ). На эту просьбу онъ получилъ отвѣтъ, что „его королевская милость отлагаетъ это дѣло до иного времени“¹⁾. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ этомъ болѣе не возбуждался до казацкихъ войнъ при Богданѣ Хмельницкомъ и до Зборовскаго договора (1649 г.). Но это было еще не все горе для Церкви. Главная бѣда заключалась въ томъ, что наша церковная жизнь страдала недостатками, и въ числѣ ихъ выдавалось болѣе всего недостойнство самыхъ представителей высшей церковной іерархіи. Кіевскіе митрополиты и епископы юго-западной Россіи XVI в. поражали своей нравственной испорченностью и духовнымъ ничтожествомъ, вслѣдствіе чего не были въ состояніи поддерживать свою паству въ тяжелыхъ обстоятельствахъ ея жизни своимъ ученьемъ, руководствомъ, примѣромъ, или хотя бы тѣми матеріальными средствами, которыя были предоставлены въ ихъ распоряженіе для пользы св. Церкви благочестивымъ усердіемъ православныхъ христіанъ. Источникъ этого внутренняго зла Православной Церкви заключался въ правѣ польско-литовскихъ королей давать высшія церковныя должности—митрополита, епископовъ и архимандритовъ монастырей—по ихъ собственному усмотрѣнію. При пользованіи этимъ правомъ такъ называемаго патроната, или подаванія (*ius patronatus vel donandi*), корбли-католики слѣдовали не видамъ блага Православной Церкви, а лишь интересамъ награды извѣстныхъ имъ лицъ за ихъ гражданскія и военныя заслуги. Въ своихъ грамотахъ объ этомъ они въ каждомъ данномъ случаѣ заявляютъ, что даютъ епархію, митрополию или монастырь такому-то „пану“, „по своей королевской ласкѣ“, „за его вѣрную службу съ молодыхъ лѣтъ своему господарю и рѣчи посполитой“²⁾ часто до „его

¹⁾ Ист. Русск. Церк. м. Макарія, т. IX, стр. 376—377.

²⁾ Такъ, въ грамотѣ Сигизмунца II Августа о предоставленіи Кіевской митрополіи королевскому скарбнику и ключнику въ Вильнѣ Степану Андреевичу Бѣлькевичу (впослѣдствіи митрополиту Сильвестру), выданной въ 1551 г., т. е. за 5 лѣтъ до смерти бывшаго въ то время м.

живота“, т. е. пожизненно, даже безъ обязательства принять надлежащее посвященіе. Эти „паны“, получившіе королевской милостью въ видѣ награды себѣ духовный хлѣбъ, т. е. епархію или монастырь, пользовались всѣми доходами данныхъ учрежденій, и часто до самой смерти въ теченіе многихъ лѣтъ не принимая посвященія¹⁾). Правда, въ 1568 г. Сигизмундъ II Августъ по просьбѣ м. Іоны III Протасовича назначилъ 3-мѣсячный срокъ для принятія сана тѣмъ, кто получалъ отъ короля епископское или архимандричье мѣсто. Но это опредѣленіе впоследствии не соблюдалось ни королями, ни ихъ ставленниками. Иногда короли предоставляли каѳедру или монастырь двумъ лицамъ, и тогда соперники старались вытѣснить другъ друга изъ даннаго имъ обоимъ мѣста вооруженною силою. Исторія Кіевской митрополіи 2-й половины XVI в. наполнена ужасными подробностями постоянной борьбы за духовный хлѣбъ такихъ рукоположенныхъ и нерукоположенныхъ „пановъ“—какъ Θεодосій Лазовскій, епископъ Владимірскій, его соперникъ Іванъ Барзобогатый-Красенскій (съ сыномъ Василюемъ), ставшій потомъ Іоною, епископомъ

Макарія II, говорится, что король отдаетъ ему, Бѣлькевичу, митрополію, „узнавъ его вѣрные, пильные, никогда не омешканные, щикотливые службы“ (Ист. Рус. Цер. IX, стр. 330). Въ грамотѣ Стефана Баторія, выданной 5 іюля 1585 г. епископу Холмскому и Белзскому Леонтію Зинovieвичу Пельчицкому, при переименованіи его на епархію Пинскую и Туровскую, говорится, что оный Пельчицкій съ молодыхъ лѣтъ оказалъ „добрые и вѣрные, укотливые заслуги“. и что, желая вознаграждать его за это, оный король, по ходатайству нѣкоторыхъ пановъ радъ дать Леонтію епископію Пинскую и Туровскую и проч. (idem стр. 453—454).

¹⁾ Такъ, Луцкой епархіей нѣсколько лѣтъ управлялъ шляхтичъ Маркъ Жаровницкій (1564—1567), до самой смерти остававшійся въ свѣтскомъ званіи. А его преемникъ Іванъ Барзобогатый-Красенскій, знаменитый своими разбойными подвигами прежде еще во Владимірской епархіи, получившій отъ короля въ 1567 г. Луцкую и Острожскую въ пожизненное владѣніе, долго и упорно отказывался принять рукоположеніе, пока, наконецъ, не былъ принужденъ къ этому м. Іоной III. Только послѣ объявленія ему „неблагословенія“, отъ митрополита оный былъ рукоположенъ съ именемъ Іоны (idem, стр. 339, 340, 381).

Луцкимъ и Острожскимъ, преемникъ послѣдняго Кирилль Терлецкій, Гедеонъ Балабанъ, епископъ Львовскій съ своими братьями, и мног. друг. Епископскіе замки и монастыри захватывались внезапнымъ набѣгомъ, или брались продолжительной осадой послѣ бомбардировки штурмомъ; при чемъ даже церкви обогрѣлись христіанскою кровью. Сами епископы въ родѣ Θεодосія Лазовскаго, лично участвовали въ этихъ набѣгахъ, штурмахъ и грабежахъ, собственноручно расправлялись съ неприятными имъ лицами, расхищали монастырскія и церковныя имущества; не стѣсняясь своимъ саномъ, жили съ женами, раждали дѣтей и преданы были исключительно своимъ личнымъ интересамъ; мысль же о духовныхъ потребностяхъ паствы, наставленіи въ вѣрѣ и добромъ христіанскомъ воспитаніи имъ едва ли когда и въ голову приходила. Особенно жалко то, что и сами митрополиты кіевскіе не возвышались надъ общимъ низкимъ уровнемъ тогдашней высшей іерархіи¹⁾. Если они иногда и показывали заботливость о церковныхъ дѣлахъ, напр., ходатайствуя предъ королемъ о невмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла Церкви, о возвращеніи Церкви отнятыхъ у нея разными лицами ея угодій и т. п., то здѣсь они хлопотали въ виду своихъ личныхъ интересовъ. Дѣйствительнаго пониманія нуждъ Православной Церкви и стремленія удовлетворить имъ не замѣтно ни у митрополитовъ, ни у архіереевъ этого несчастнаго для юго-западной Руси времени. Чтобы видѣть до какого страшнаго нравственнаго упадка была доведена высшая іерархіа въ Кіевской митрополіи, мы вспомнимъ здѣсь лишь предпо-

¹⁾ Митрополитами во 2-й половинѣ XVI в. были Сильвестръ Бѣлькевичъ, Іона III Протасовичъ, Ілія Куча, Онисфоръ Дѣвочка и Михаилъ Рогоза, — всѣ изъ выслужившихся дворянъ. Относительно лучшимъ изъ нихъ былъ Іона III, пытавшійся искоренить въ Кіевской митрополіи нѣкоторыя воиющія злоупотребленія, напр., пользование духовнымъ хлѣбомъ безъ посвященія въ духовный санъ, вмѣшательство свѣтскихъ особъ въ духовныя суды и sprawy, захватъ свѣтскими лицами церковныхъ имѣній и проч. (Idem, стр. 375—385).

слѣдняго изъ нихъ Онисифора Дѣвочку. Онъ былъ изъ двоеженцевъ, человѣкъ, по выраженію Львовскаго братства, вѣры сомнительной, а въ своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ порученной имъ Церкви Божіей, какъ видно не считавшій себя связаннымъ требованіями пастырскаго долга, совѣсти и чести, готовый за деньги продать самую Церковь со всѣмъ ея достояніемъ латинамъ, жидамъ и другимъ врагамъ русскаго народа. Такой первосвятитель поставлялъ и подобныхъ ему епископовъ. Оттого въ Церкви развились страшные безпорядки, на которые раздавалась со всѣхъ сторонъ жалобы ¹⁾.

¹⁾ Вотъ что писали, напр., галицко-русскіе дворяне м. Онисифору отъ 14 февр. 1585 г. Упомянувъ о грубомъ насиліи, совершенномъ тогда латинянами надъ православными во Львовѣ, по поводу новаго календаря и о запечатаніи церквей ихъ, дворяне предоужали: „а что сказать о порубаніи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь открытыя листы на помощь жидамъ противъ Церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ, а къ большому поруганію нашего св. закона и къ нашему сожалѣнію. Какія при томъ совершаются оупошенія Церквей. Изъ церевей дѣлають іезунтскіе костелы, и имѣнія, что были наданы на Церкви Божіи, привернуты къ костеламъ. Въ честныхъ монастыряхъ вмѣсто игуменовъ и братіи, живутъ игумены съ женами и дѣтьми, и владѣють и правять Церквами Божіими; изъ большихъ крестовъ дѣлають малые и изъ того, что подано въ честь и хвалу Богу, совершають святотрадства, и устрояють себѣ ноща, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей; изъ ризъ дѣлають саяны, изъ епитрахилей браты. Но что еще прискорбнѣе, ваша милость самъ одинъ поставляешь епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, чего и правила вамъ не дозволяютъ. И при такомъ незаконномъ поставленіи возводятся въ великій епископскій санъ люди негодные, которые къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда съ женами и рождаютъ дѣтей. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроений,—о чемъ мы, къ сожалѣнію, теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую кафедру: оттого и порядокъ сгибъ. Мы по своему долгу предостерегаемъ вашу милость и молимъ и просимъ Бога ради, осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ Киевскихъ, возревнууй ихъ благочестію. Не прогнѣвайся на насъ: намъ жаль души твоей; ты за все долженъ дать отвѣтъ Господу Богу. Особенно же даемъ знать твоей милости, что архі-епископія Киевская (Кіево-Сѣвійскій соборъ), находящаяся нынѣ подъ твоею властію, отдава нѣкоему еретнику жалверу, а архимандритія Унев-

Напрасно обращались къ нему православные изъ разныхъ областей, указывая съ жалостію на эти безпорядки и на незаконность его дѣйствій. М. Онисифоръ былъ, какъ видно, не изъ такихъ сватителей, чтобы слушать совѣты самыхъ преданныхъ сыновъ Православной Церкви. Какъ будто, намѣренно все дѣлалось имъ къ тому, чтобы привести Церковь въ большее разстройство. Когда, напр., галицко-русскіе дворяне сообщили ему въ 1585 г., что Перемышльская епископія отдана королемъ нѣкому Тіуну Стефану Брослинскому, подданному пана старосты Черемышльскаго, — что этотъ панъ староста, взявъ въ свою власть это епископство и монастырь св. Спаса въ Горахъ, распоряжался церковными имѣніями, какъ ему угодно, — а тотъ негодный нареченный епископъ не смѣетъ противъ него ничего сказать, ни сдѣлать, какъ подданный, — и просили его, какъ неученаго въ Словѣ Божіемъ, не производить въ епископскій санъ, то митрополитъ все-таки произвелъ его въ епископа съ именемъ Арсенія. Нечего и говорить, что этотъ епископъ вполне оправдалъ дурную о немъ репутацію и по смерти оставилъ свою епархію въ самомъ разстроенномъ состояніи ¹⁾. При такой высшей ідрархіи (православной) въ юго-западной Россіи можно ли было ожидать отъ нея какой-либо существенной помощи русскому народу въ борьбѣ его съ врагами національной и религіозной самобытности? Деморализованная и совершенно разстроенная произвольными назначеніями польско-литовскихъ королей, невѣжественная и чуждая своему народу, эта іерархія оказалась въ сторонѣ отъ всякихъ

ская общана такому же и проч. (Idem, ст. 476—77). Все это подтверждается и заявленіемъ патріарха Константинопольскаго Іереміи II въ окружной грамотѣ на имя литовскихъ епископовъ отъ 21 іюня 1589 г. съ требованіемъ удаленія двоеженцевъ и троюженцевъ отъ священнодѣйствій и лишеніемъ сана самого м. Онисифора, наконецъ объявленіемъ отъ имени членовъ Львовскаго Православнаго братства въ 1600 г. см. Истор. Русс. Церкви Макарія стр. 461.

¹⁾ Истор. Русс. Церкви Макарія, т. IX, стр. 455.

попытокъ къ улучшенію положенія Церкви и народа. Когда въ послѣдствіи въ русскомъ народѣ, въ виду опасности со стороны иновѣрій, уже начали учреждаться братства со школами, типографіями, учителями, проповѣдниками, то они встрѣчены были тогдашними архіереями слишкомъ равнодушно, а иногда враждебно, какъ это было нѣкоторое время во Львовѣ при епископѣ Гедeonѣ Балабанѣ.

Другую представительную часть русскаго народа было его дворянство. Это была родовая русская знать—князья и бояре. Они прежде крѣпко стояли за родную землю и русскій народъ, проливая кровь свою въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Крѣпко преданы они были и своей вѣрѣ православной, и многіе изъ нихъ прославились святостью жизни. Теперь и въ этомъ классѣ русскаго народа стали обнаруживаться упадокъ нравственныхъ силъ, стали все болѣе проявляться печальные признаки и угрожающіе симптомы духовнаго вырожденія. Одни изъ нихъ не обращали вниманія на интересы русской народности и бѣдствія Православной Церкви,—дѣлали уступки притязаніямъ поляковъ (какъ было, напр., на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г.) и вмѣсто защиты разстраивали Православную Церковь своими произвольными вторженіями въ права церковныхъ властей ¹⁾. Другіе и большинство легко порывали связь съ народомъ и со всѣмъ своимъ прошлымъ, увлекаясь страстью къ новизнѣ, ко всему чуждому, иностранному, усвоивъ польскій языкъ, нравы и обычаи и переходя въ протестантство въ той или другой формѣ (лютеранство, кальвинизмъ и антитринитаріатство) или еще болѣе въ католицизмъ ²⁾. Такіе дворяне становились совер-

¹⁾ Не даромъ митрополитъ Іона III и друг. обращались къ королямъ съ просьбой о подтвержденіи судебныхъ и имущественныхъ правъ духовенства и воспрещеніи лицамъ свѣтскимъ (князьямъ, панамъ и людямъ всякаго званія римской и греческой вѣры) вступать въ церковныя дѣла, суды и доходы. (Idem, стр. 377—78 и 438—39).

²⁾ Многіе изъ знатныхъ фамилій (Ходкевичи, Воловичи, Сапѣги, Горскіе, Вишневецкіе и др.), обратившись въ протестантство, стали

шенно чуждыми и потерянными для русскаго народа и для Православной Церкви. Вотъ какъ говорить объ этомъ одинъ современникъ, писатель XVI в.: „Русь, посполитовавшись съ нами (поляками), позавидѣла ихъ обычаямъ ихъ мовѣ (языку) и наукамъ и не маючи своихъ наукъ, у науки римски свои дѣти отдавати почали, которые съ науками и вѣры ихъ навыкли,—и такъ мало по малу науками своѣми все паньство русскоѣ привели до вѣры римской, *ажъ потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестилися и имены собѣ поотмѣняли, якобы николи не зналия быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ*“ (Акт. З. Р. т. 4, стр. 205). Что именно наша знать по преимуществу стала заявлять себя въ ту пору измѣною своей народности и православной вѣрѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ и другіе памятники того времени: „люди отъ вѣрныхъ, говорится въ другомъ мѣстѣ, въ различныхъ ересехъ погибоша, *паче же отъ благороднѣйшихъ паньвъ*“ (Idem, № 32). Наконецъ, иные русскіе дворяне принуждены были оставаться въ бездѣйстви, либо не имѣя средствъ помогать Церкви и народу по своей бѣдности, либо, при богатствѣ, по слабому вліянію на дѣла вѣры и государства ¹⁾).

Среди русской знати XVI в. князь Константинъ (въ крещеніи Василій) Константиновичъ Острожскій занималъ первое мѣсто. Онъ былъ несомнѣнно наиболѣе вліятельнымъ и сильнымъ лицомъ изъ русскихъ князей въ Польско-Литов-

---

распространить принятое ими ученіе и въ простомъ народѣ, разоряя Православныя Церкви, или обращая ихъ въ кирхи. Еще болѣе страдалъ православный народъ въ случаѣ обращенія русскаго пана въ католичество.

¹⁾ До 1563 г., какъ уже сказано, дворянство греческаго закона по закону не имѣло доступа ни къ какимъ общественнымъ должностямъ. На Виленскомъ сеймѣ 1563 г. это право имъ было предоставлено, но уже въ 1568 г. король Сигизмундъ II Августъ нашелъ нужнымъ подтвердить его, потому что оно было нарушено. (Акт. З. Р. т. 3. № 32 и примѣч. къ нему сдѣл. № 146. Кв. К. К. Острожскій, Прав. Соб. 1858 г. ч. I, стр. 372).

скомъ государствѣ. Поэтому онъ имѣлъ и наиболѣе возможности помочь русскому народу и Церкви въ то бѣдственное время. Острожскіе всегда пользовались уваженіемъ польскаго правительства, ихъ расположеніемъ, дорожили, даже заискивали его. Уваженіе это, поддерживаемое личными заслугами князя, памятью о заслугахъ отца и обширными родственными связями его съ знаменитѣйшими литовско-русскими фамиліями (Заславскими, Оленьковичами, Тарновскими, Радзивилами, Середями, Любомірскими, Замойскими, Ходкевичами и др.), выразилось въ томъ, что какъ самъ, такъ и его дѣти занимали видныя государственныя должности и первыя мѣста въ сеймѣ¹⁾. Кромѣ того, ни у одного изъ русскихъ князей-помѣщиковъ не было такихъ обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ княжество простиралось отъ Кіева почти до Львова и состояло изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 671 селенія. Этимъ наслѣдіемъ владѣли князья Острожскіе самостоятельно, съ неограниченною властью²⁾. Положеніе, какое впоследствии занялъ этотъ человекъ къ современнымъ обстоятельствамъ, должно было имѣть громадное значеніе для всей юго-западной Руси. Въ случаѣ измѣны его родинѣ и Православной Церкви, та и другая лишились бы одной изъ послѣднихъ сильныхъ опоръ. Промыслъ Божій однако сохранилъ его отъ паденія, постигшаго многихъ изъ южно и западно-русской знати и сдѣлалъ его твердымъ оплотомъ вѣры и всего русскаго народа. *П. Петрушевскій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Самъ Константинъ былъ воеводою Кіевскимъ, маршалкомъ Волинскимъ, старостою Владмирскимъ и проч.; его дѣти: Янъ—старостою нѣсколькихъ городовъ; каштеляномъ Браковскимъ; Александръ—воеводою Волинскимъ, старостою Переяславскимъ.

²⁾ Ежегодные доходы князей Острожскихъ, кромѣ поземельныхъ налоговъ и податей съ корчемъ и лавою, простирались до 1,200,000 золотыхъ. Однихъ придворныхъ чиновъ было до 2000 человекъ.

ЗАМѢТКА.

Къ дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ.

Прихожане Покровской церкви с. Галичья Ливенскаго у., Орловской губ., согласно предложенію мѣстнаго священника о. Петра Острогорскаго, для совмѣстнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ собрались на церковно-приходское собраніе въ храмъ, явившись на собраніе полнымъ сходомъ, и слушали предложеніе священника Острогорскаго 1) объ удаленіи на будущее время конной ярмарки „Сороки“ отъ стѣны церковной ограды на болѣе почтительное растояніе, въ виду тѣхъ причинъ и неблаговидностей, которыя ранѣе не разъ выяснены были имъ въ церковныхъ поученіяхъ, но чего нельзя было осуществить въ нынѣшнемъ году по разнымъ препятствующимъ тому обстоятельствамъ. Обстоятельства эти здѣсь же были выяснены. Принимая во вниманіе необходимость отвода ярмарки по представленнымъ вполне уважительнымъ и разумнымъ причинамъ, постановили: предложеніе принять съ тѣмъ, чтобы на будущее время площадь для ярмарки оставить хотя и ту же, но удалить торговлю отъ стѣны церковной ограды на болѣе почтительное растояніе. Заслушано было предложеніе священника Острогорскаго о христіанскомъ и разумномъ провозденіи храмовыхъ праздниковъ. Въ виду того, что въ приходѣ пять храмовыхъ праздниковъ и что расходы по приему гостей непроизводительны, а весьма обременительны, разорительны и многихъ втягиваютъ въ большую нужду, особенно праздникъ 9 мая въ честь св. Николая, когда истощаются всѣ сельско-хозяйственные продукты и кормовыя средства для скота, священникъ предлагаетъ оставить обычай гостепрѣимства и неприличнаго для христіанина разгула, вредно вліяющаго на религіозно-нравственную сторону молодежи и весьма убыточнаго въ матеріальномъ отношеніи. Постановили: упразднить 9 мая гостепрѣимство и неподобающій раз-

гуль, а также и базарный съездъ, оставивъ торжество праздника чисто церковное. 3) Слушали предложеніе священника Острогорскаго о вознагражденіи псаломщика Евѳимія Иванкова за его усердные труды по веденію церковнаго хорового пѣнія. По обсужденіи постановили: предложеніе принять и за труды, на пользу прихода и храма псаломщику Иванкову назначить въ годовое вознагражденіе его 100 рублей, разложивъ цифру эту на весь приходъ, а именно: 75 рублей на общество села Покровскаго-Галичья и 25 рублей на общества деревни Николаевки и сельца Ивановскаго. По обсужденіи предложенныхъ собранію вопросовъ общимъ собраніемъ постановили: въ ознаменованіе и для запечатлѣнія въ сердцахъ присутствующихъ дружнаго объединенія и единодушнаго рѣшенія подлежащихъ вопросовъ въ желательномъ смыслѣ, отслужить молебенъ сейчасъ же въ церкви святителю Николаю, а батюшку о. Петра благодарить за его предложенія, пастырскія и отеческія наставленія и заботы о своихъ прихожанахъ. (Орл. еп. в. № 13).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го марта 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года марта 30-го дня.

Содержаніе: I. Наше православное миссіонерство прежде и теперь. Свящ.
А. Веселицкій — II. Патріотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоз-
зрѣнія. Прот. Н. Стеллецкій. — III. Князь Константинъ Константи-
новичъ Острожскій. (Продолженіе). П. Петрушевскій.

Наше православное миссіонерство прежде и те- перь.

I.

Современное состояніе нашей Русской Церкви, осла-
бленіе вѣры среди ея членовъ, усиленіе вражды противъ
нея совнѣ, беспомощное положеніе милліонной массы языч-
никовъ, еще не просвѣщенныхъ вѣрою Христовой, — всѣ эти
условія жизни нашей Православной Церкви требуютъ со
стороны ея дѣятелей особеннаго напряженія просвѣтитель-
ныхъ миссіонерскихъ силъ. Только люди, исполненные ду-
хомъ апостольскимъ и ревностью по вѣрѣ, могли бы осу-
ществить трудныя и широкія задачи, какія ставить предъ
служителями Церкви современная русская дѣйствительность.

Если когда, то именно теперь открывается многая жатва, и предстоит въ то же время обширное сѣяніе, которыя требуютъ многихъ и при томъ самоотверженныхъ апостольски-вдохновенныхъ дѣлателей. И молитъ наша Церковь Господа, да изведетъ Онъ этихъ потребныхъ дѣлателей на жатву Свою: она глубоко сознаетъ великую нужду въ нихъ, вызываетъ ихъ на святой апостольскій подвигъ, но, къ прискорбію, все еще мало откликается истинныхъ дѣлателей на неустанный церковный призывъ. Это подтверждается положеніемъ и состояніемъ православно-русскаго миссіонерскаго дѣла. Не смотря на вѣшнее оживленіе въ этой области, на стремленіе разрозненныхъ миссіонерскихъ силъ къ тѣсному сближенію и внутренней организаціи путемъ частныхъ и многоразличныхъ миссіонерскихъ сѣздовъ, наша православная миссія не можетъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ своей дѣятельности и не выдвигаетъ изъ своей среды въ потребномъ числѣ энергичныхъ, самоотверженныхъ и благословенныхъ замѣтнымъ успѣхомъ дѣлателей. Явленіе—въ высшей степени печальное и трудно объяснимое. При несомнѣнномъ оскудѣніи среди насъ людей, вдохновенныхъ апостольскою ревностью по вѣрѣ, апостоловъ-миссіонеровъ, каковыми не бѣдна была прежняя православная Русь, является само собою тревожное предположеніе, что существуютъ нынѣ особыя причины, задерживающія появленіе и выступленіе на дѣло желанныхъ, вдохновенныхъ и самоотверженныхъ дѣлателей. Нѣтъ сомнѣнія, что самый укладъ современной русской жизни, умственное и религіозно-правственное состояніе русскаго общества не благопріятны для появленія и развитія у насъ такихъ сильныхъ, цѣлостныхъ и пламенныхъ по религіозной настроенности характеровъ, какіе воспитывала и давала древняя прааославная Русь въ лицѣ своихъ подвижниковъ-миссіонеровъ, мужественныхъ борцовъ за вѣру, славныхъ просвѣтителей русскихъ язычествующихъ окраинъ.

Какъ живые встаютъ передъ нами эти великіе въ своей вѣрѣ и подвигахъ апостольскихъ наши родные русскіе

дѣлатели на нивѣ Христовой, удивляя насъ поразительной силой своего характера и недостижимой высотой своего самоотверженія. Представляя ихъ свѣтлые образы, наша мысль стремится вспомнить и тѣ жизненные условія, ту обстановку среди которыхъ они являлись, воспитывались и возрастали „въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“. И подобное воскрешеніе нашего историческаго прошлаго было бы не бесполезно для уясненія того, что благоприятствовало въ нашей прежней русской жизни появленію такихъ дивныхъ и славныхъ поборниковъ вѣры Христовой, и чего не достааетъ нашей маловѣрной и малодушной дѣйствительности. Попытаемся посильно представить общую картину того, какъ и при какихъ условіяхъ зарождался и созрѣвалъ для великихъ подвиговъ въ старой православной Руси будущій миссіонеръ-апостоль по призванію. Представляется древне-русская благочестивая православная семья,—безразлично; боярская, духовная или даже крестьянская,—весь жизненный укладъ которой проникнутъ и освѣщенъ церковно-религіознымъ духомъ. Дѣти въ такой семьѣ проникаются этимъ духомъ съ самаго начала сознательной жизни, вырастаютъ подъ постояннымъ воздѣйствіемъ Церкви, подъ кровомъ своего приходскаго храма, и вся сердечная, душевная жизнь ребенка развивается и воспитывается на благочестивыхъ, религіозныхъ чувствахъ, христіанскихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ. Богъ, Христосъ, святые, небо—вотъ свѣтлый міръ, въ которомъ жила и который пріучалась любить чистая душа дитяти и отрока у насъ въ древней православной Руси. Весьма естественно, при такихъ условіяхъ особенно чуткія и богато одаренныя дѣтскія природы уже въ нѣжномъ отроческомъ возрастѣ успѣвали ярко проявлять исключительную пламенную религіозность и рѣшимость отдать себя, всю свою жизнь на служеніе Богу. И благочестивая христіанская семья, разъ замѣтивъ въ ребенкѣ особенную религіозную настроенность, рѣдко препятствовала ей развитію, напротивъ, старалась всячески ее укрѣпить, поддержать, открывая передъ

будущимъ избранникомъ Божиимъ свободный путь къ осуществленію его пламенныхъ отроческихъ плановъ и мечтаній.

Иногда,—и это бывало не рѣдко,—возраставшія въ подобной благодатной атмосферѣ вѣры отроческія души достигали еще дѣтми такой близости къ небу, духовной чуткости, что сподоблялись непосредственно слышать „небесные гласы“, зрѣть пророческія видѣнія, которыми окончательно и безповоротно опредѣлялись и направлялись вся предстоящая жизнь и дѣятельность избранниковъ Божіихъ. „Зачѣмъ ты ловишь птицъ, Елевѳерій? тебѣ нужно быть ловцомъ челоуѣковъ“,—слышитъ одинъ отрокъ всего двѣнадцати лѣтъ небесный голосъ, предаваясь еще дѣтской забавѣ, и съ той поры весь отдается на служеніе Богу. Другой отрокъ, Варооломей, еще юнѣйшій, встрѣчаетъ въ дубравѣ неземнаго старца-молитвенника, который чудесно, благословеннымъ даромъ просфоры, отверзаетъ его умъ разумѣти писанія. И вотъ оба отрока возрастаютъ въ великихъ свѣтильниковъ родной Церкви: это—святитель Алексій Московскій и преподобный Сергій Радонежскій, всея Россіи чудотворцы.

Но православная древле-русская семья была лишь той плодородной, цѣльной почвой, изъ которой прозябали, выходили на свѣтъ Божій такъ естественно и просто крѣпкіе и сильные, способные къ могучему сильному росту, духовные ростки—души будущихъ подвижниковъ—богатырей въ области вѣры и жизни православной, русской. Чтобы стать таковыми, придя въ возрастъ совершенный, отроки—избранники имѣли послѣ родной семьи еще другую совершеннѣйшую школу—„убогую“ православную русскую обитель съ ея дивными старцами подвижниками, съ истовымъ богослуженіемъ, съ многоразличными послушаніями, съ простымъ—молитвенно-трудовымъ укладомъ жизни. Только что перешагнувъ границу отрочества, юный избранникъ, подчиняясь неодолимому влеченію къ высшимъ подвигамъ, рѣшительно, безповоротно покидалъ милую родную семью ради обители, иноческаго житія, служенія Богу. Тутъ порывались нѣжнѣйшія

сердечныя связи съ родными, тутъ совершилось добровольное отреченіе юной души отъ „красныхъ міра сего“, это былъ первый серьезный шагъ самоотреченія, самоотверженія, гдѣ обнаруживалась рѣшительная натура, сильный стойкій характеръ будущаго дѣлателя на нивѣ Христовой. Переживали часто великую внутреннюю пытку родители при подобной разлукѣ съ дѣтьми, но вѣра, дѣло Божіе—было главное въ ихъ жизни, и плачущая мать, огорченный отецъ съ готовностью и молитвеннымъ благословеніемъ отпускали свое юное чадо въ обитель.

И здѣсь открывался предъ юнымъ пришельцемъ изъ міра безпрепятственный просторъ, открывались самыя благоприятныя условія для развитія и укрѣпленія религиозныхъ стремленій, для воспитанія характера. Глубокая, неподдѣльная религиозность, молитвенный духъ, мудрое руководство и жизненный примѣръ опытныхъ иноковъ - старцевъ, охотно бравшихъ подъ свою духовную опеку юныхъ ревнителей вѣры, разнообразіе въ выборѣ послушаній, воспитывавшихъ, закалявшихъ молодую волю—все это вело къ одной цѣли—къ широкому распвѣту душевной религиозной жизни въ Богѣ и для Бога. Свѣтлая искра вѣры, иѣжное религиозное чувство, разгораясь въ юной душѣ, охватывали ее всю однимъ пламеннымъ порывомъ, одной жаждой духовнаго подвига ради Бога, ради спасенія ближнихъ. И тѣсенъ становился, наконецъ, достигшей такого состоянія и возмужавшей душѣ избранника для подвига уже одинъ монастырскій міръ. Но святая обитель была тогда не только источникомъ свѣта, отрады, утѣшенія для душъ, мятущихся въ мірѣ, но была и центромъ, куда эти души стекались для врачеванія, куда доносились стоны и вопли многомятежнаго, темнаго, грѣшнаго, непросвѣщеннаго свѣтомъ вѣры Христовой міра. И слышали эти стоны, плачь міра юныя души, томимыя жаждой подвига, жаждой подѣлиться сокровищами духа и вѣры съ темнымъ міромъ и рвались туда неудержимо, но не слѣпо и необдуманно. Этотъ выходъ на служеніе міру былъ строго

обдуманъ, подготовлялся годами. Овладѣвала, напр., всѣмъ существомъ уже созрѣвшаго для подвига юнаго избранника апостольская рѣшимость итти съ проповѣдію о Христѣ къ своимъ меньшимъ братьямъ-инородцамъ язычникамъ, которые, по рассказамъ богомольцевъ, живутъ звѣринымъ образомъ, не вѣдая истиннаго Бога, гдѣ-то далеко, далеко отъ воспитавшей его обители. Жалко безпомощное положеніе этихъ бѣдныхъ несчастныхъ дѣтей Отца Небеснаго, не слышавшихъ даже о Его святомъ имени: надо, непременно надо возвѣстить имъ о Немъ, привести ихъ къ Отцу, и это долженъ исполнить онъ, юный подвижникъ: его, вѣрить онъ, призываетъ къ этому дѣлу Самъ Богъ, вложивъ въ сердце неустойчивое стремленіе. Но какъ исполнить предлежащій подвигъ? Не страшатъ будущаго апостола ни дальность, ни опасность пути, ни дикость язычниковъ инородцевъ, къ которымъ онъ намѣренъ итти; другое препятствіе смущаетъ его и удерживаетъ до времени въ родной обители: онъ не знаетъ языка тѣхъ бѣдныхъ людей, ихъ нравовъ, ихъ ложной вѣры. И вотъ будущій просвѣтитель ради торжества святого дѣла ревностно подготовляетъ себя тутъ же въ обители къ предстоящимъ трудамъ благовѣстія. Находитъ онъ способы и средства изучить дикій инородческій языкъ своихъ будущихъ слушателей, узнаетъ ихъ жизнь, ихъ вѣрованія; но этого мало: самъ онъ составляетъ азбуку инородческаго языка и потомъ съ молитвою и великимъ терпѣніемъ перелагаетъ на этотъ языкъ слово благовѣстія Христова, службы церковныя и главнѣйшія молитвы христіанскія. Все это составляетъ своего рода великій подвигъ, едва посильный для одного человѣка, и уходятъ на это дѣло цѣлые годы; однако сила Божія помогаетъ юному просвѣтителю-апостолу одолѣть всѣ трудности, и онъ, наконецъ, признаетъ себя готовымъ отправиться на служеніе къ своимъ меньшимъ братьямъ съ проповѣдію объ общемъ Отцѣ Небесномъ,—съ благовѣстіемъ евангелія.

Такъ пріуготовившись на избранное добровольно служеніе апостольское, выступалъ изъ обители древне-русскій, православный миссіонеръ и шелъ въ невѣдомые языческіе края своей православной родины смѣло, самоотверженно, презирая собственную жизнь, съ однимъ упованіемъ на помощь Божію и съ крѣпкой вѣрой въ торжество Христовой истины надъ тьмою язычества. И дивные успѣхи, напоминающіе торжество апостольскаго благовѣстія, вѣнчали подвиги и труды подобнаго самоотверженнаго просвѣтителя-миссіонера: проникнувъ черезъ лѣса и дебри къ язычествующему полудикому народу и ни мало не утрушаясь первоначальной вражды и угрозъ со стороны язычниковъ, онъ скоро покорялъ младенчествующія ихъ души неотразимымъ вліаніемъ своей духовной мощи, своей вѣры и самоотверженной любви, которыми проникнуты были каждое слово, каждый поступокъ дивнаго въ глазахъ язычниковъ самоотверженнаго пришельца. Скоро и незамѣтно исчезали подозрительность и враждебность къ пришельцу—проповѣднику новой вѣры, смѣняясь полнымъ довѣріемъ, преданностью и любовію къ нему. Раскрывались для принятія слова евангельскаго языческаго сердца, совершался благодатный посѣвъ, а потомъ наступала изобильная жатва: черезъ нѣсколько лѣтъ непрестанныхъ трудовъ инока-просвѣтителя дикая, языческая инородческая окраина превращалась въ православную христіанскую часть единой православной Россіи, и недавніе язычники на родномъ нарѣчій въ своихъ новосозданныхъ храмахъ уже исповѣдывали Бога истиннаго!.. Какъ на одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ подобнаго торжества древне-русскаго нашего миссіонерства, можно указать здѣсь на жизнь святителя Стефана, апостола зырянъ, который прошелъ, прежде выступленія на проповѣдь, общую для того времени духовную подготовительную школу, только что изображенную нами выше.

И не въ одномъ только миссіонерствѣ среди язычниковъ проявлялись ярко поразительно-сильные характеры,

апостольскій духъ и самоотверженная ревность по вѣрѣ у древне-русскихъ дѣятелей Церкви Христовой: проходя общій подготовительный путь, и наши пастыри-учители коренной православной Руси обнаруживали тѣ же дивныя свойства духа, стоя на стражѣ не только вѣры и Церкви, но и общегражданскаго, политическаго домостроительства Россіи. Ихъ личная святость, ихъ славная дѣятельность и подвиги, предъ которыми склонялось и разступалось въ безсиліи все враждебное православію и русской народности, сдѣлали имена ихъ приснопамятными и дорогими на всѣ времена, и для насъ, отдаленныхъ потомковъ, цѣть нужды въ ихъ перечисленіи. Поистинѣ, древняя православная Русь не оскудѣвала „преподобными, и Богъ воздвигалъ ихъ изобильно на служеніе Своей Церкви, какъ сильные, здоровые и естественные отрасли на плодоносной и благодатной нивѣ древне-русской жизненно-церковной религіозности. Весь укладъ и духъ тогдашней русской жизни, какъ мы уже видѣли, способствовалъ этому. При томъ же тогдашняя русская дѣйствительность давала несравненно болѣе возможности и простора для самостоятельнаго, индивидуальнаго развитія личности, сообразно природнымъ свойствамъ и наклонностямъ. Богато одаренныя натуры могли тогда возростать и раскрывать свои душевныя силы, а потомъ—и прилагать ихъ къ дѣлу болѣе самостоятельно и свободно, не подвергаясь со стороны нравственному гнету или насилію... Невольно всѣ эти счастливыя и благопріятныя для проявленія цѣлостныхъ, сильныхъ и самоотверженныхъ характеровъ условія церковно-религіозной жизни прежней православной Руси вызываютъ на сравненіе ихъ съ нашей печальной, маловѣрной и маломощной русской дѣйствительностью, и заставляютъ искать главной причины „оскудѣнія“ современной Русской Церкви именно въ утратѣ и исчезновеніи прежнихъ, благопріятныхъ для нея, жизненныхъ условій. Но объ этомъ—до слѣдующей статьи.

Свящ. *Аванасій Веселичій.*

Патріотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія ¹⁾.

Бурная волна революціоннаго движенія, захватившая нашу страну, угрожала не только снести съ поверхности нашей государственной жизни все, что вѣками созидалось въ ней, поколебать и разрушить весь существующій въ государствѣ внѣшній строй, но всколыхнуть и самыя глубины народной жизни, пресѣчь животворные источники ея и потрясти внутреннія ея основы.

Однимъ изъ краеугольныхъ камней, на которомъ зиждется не только благосостояніе, но и самое существованіе государственнаго организма, служить любовь народа къ своему отечеству, народный *патріотизмъ*. Когда въ томъ или другомъ государствѣ проявляется революціонное движеніе, направленное къ ниспроверженію существующаго въ немъ строя, такому движенію неминуемо приходится считаться съ этою, таящеюся въ самомъ духѣ народа, могучей силой. Естественно, поэтому, что вожди всякаго такого движенія, для обезпеченія его успѣха, должны употреблять не малыя усилія устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить эту опасную для нихъ силу. Такъ это мы видимъ и въ переживаемое нами время революціонной смуты, наставшей въ нашемъ отечествѣ особенно съ началомъ несчастной русско-японской войны.

Вообще говоря, въ эти тяжелые дни минувшей нашей войны съ Японіей и въ дни, непосредственно слѣдовавшіе за ней, обнаружилось немало очень страннаго и вмѣстѣ печальнаго въ отношеніи къ русскому патріотизму. Когда нашей родинѣ угрожала явная опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, среди сыновъ ея было немало такихъ, которые ничѣмъ другимъ не занимались, какъ только вкривь и вкосъ критиковали наши дѣла на Дальнемъ Востокѣ, усердно отыскивая

¹⁾ Чтеніе въ годичномъ собраніи Свято-Владимірскаго Братства.

повсюду наши недостатки, преувеличивая наши промахи и неудачи. Когда раздавался патриотическій призывъ къ какой-либо помощи нашимъ братьямъ-страдальцамъ, терпѣвшимъ на войнѣ всякія невзгоды и лишенія, находились такіе, которые обнаруживали къ этому невѣроятно-холодное равнодушіе. Среди именитыхъ нашихъ „толстосумовъ“ попадались такіе, которые и вовсе отказывались отъ всякихъ жертвъ, или съ цинической улыбкой клали на алтарь страждущей родины „цѣлковый“. Постигавшія насъ военныя неудачи иногда встрѣчались съ явнымъ злорадствомъ. Всѣмъ еще памятны возмутительныя выходки нашей распропагандированной учащейся молодежи, постановлявшей сочувственныя японцамъ резолюціи, какъ говорятъ, даже посылавшей телеграммы микадо съ пожеланіемъ побѣды надъ войсками русскаго правительства. Когда истинные сыны Россіи съ трепетомъ молили Бога о ниспосланіи русскому оружію побѣды, ея пасынки тоже страстно желали успѣха оружію, но только не отечественному, а вражескому. По словамъ одного иностранца (Гуго Гануа), проведеннаго въ Петербургѣ первые три мѣсяца войны, ему приходилось встрѣчать множество русскихъ, которые прямо говорили: „Дай Богъ, чтобы насъ разбили“¹⁾. И послѣ войны такіе русскіе все время шли въ трогательномъ союзѣ со всякаго рода врагами Россіи. Они дѣлили свою родину на автономіи, стремились привести ее къ банкротству и даже посылали на Западъ делегатовъ, чтобы помѣшать успѣху нашего послѣдняго внѣшняго займа, необходимаго для ликвидаціи разорительной войны; они, наконецъ, выступили съ выборгскимъ воззваніемъ, призывавшимъ населеніе къ неплатежу податей и къ отказу дать ратниковъ.

Само собою разумѣется, всѣ эти проявленія русскаго антипатриотизма очень печальны и сами по себѣ. Но еще при-
скорбнѣе то обстоятельство, что эти явленія у иныхъ находили и находятъ себѣ оправданіе, какъ нѣчто естественное

¹⁾ П. Алмазовъ. „Наша революція“. „Кіевлянинъ“ 1907 г., № 245.

и, такъ сказать, законное. Именно, относительно патріотизма въ послѣднее время наиболѣе опредѣленно высказывались и особенно усердно пропагандировались въ нашей либеральной печати два главныхъ воззрѣнія. По взгляду однихъ, патріотизмъ есть не что иное, какъ лишь нечистый отстой прошлыхъ вѣковъ,—такое явленіе, которое могло имѣть мѣсто только при низшемъ состояніи человѣческой культуры, а теперь неизбежно должно исчезнуть, уступивъ свое мѣсто высшему, всеобъемлющему началу космополитизма. Другіе же не отвергаютъ совсѣмъ патріотизма, а лишь утверждаютъ, что истинная любовь къ отечеству вызывается будто бы единственно гордостью за свое отечество, т. е. реальнымъ сознаніемъ того, за что отечество можно любить. Поэтому, говорятъ, нельзя любить отечество, если имъ нельзя гордиться. Нельзя любить по обязанности; любовь свободна, она дышитъ, гдѣ и когда хочетъ. Нельзя ни приказать любить, ни потребовать любви; ее нужно заслужить. Можно любить только красивое, доброе, сильное; къ безобразію же можно только снисходить. Поэтому, заключаютъ, нельзя любить и отечество, если въ немъ не все обстоитъ, какъ подобаетъ.

Въ виду такого отрицательнаго отношенія къ патріотизму, вносящаго большую и опасную путаницу и смуту въ понятія и настроенія русскихъ людей, считаемъ благовременнымъ и даже настоятельно необходимымъ предложить почтенному собранію слово о патріотизмѣ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія, которое (слово), полагаемъ, выяснитъ истинную природу патріотизма, опредѣлитъ характеръ нашего поведенія относительно его, и тѣмъ самымъ покажетъ всю несостоятельность и фальшь вышеуказанныхъ на него взглядовъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что противники патріотизма, какъ хитрые волки, прикрываются овчею одеждою, увѣряя, что, якобы во имя самого христіанства, они требуютъ отказаться отъ патріотизма ¹⁾).

¹⁾ Проф. А. А. Бронзовъ. „Предосудителенъ ли патріотизмъ“. „Христ. Чтеніе“ 1900 г., май, стр. 712—713.

О любви къ отечеству, называемой патриотизмомъ, нѣтъ прямой заповѣди въ ученіи христіанскомъ; но это безъ сомнѣнія потому же, почему нѣтъ въ немъ заповѣди и о любви человѣка къ самому себѣ, т. е. потому, что каждому человѣку свойственно любить себя самого, по самой природѣ своей: „никто же когда плоть свою возненавидѣлъ,—говоритъ ап. Павелъ,—но питаетъ и грѣшетъ ю“ (Еф. 5, 29). Любовь къ отечеству есть одно изъ самыхъ непосредственныхъ естественныхъ чувствъ въ человѣкѣ; мы любимъ свое отечество потому, что принадлежимъ къ нему и составляемъ органическую часть его.

Происхожденіе отъ одного народа, воспитаніе и жизнь среди одинаковыхъ условій родной страны и общественной среды, происходящее отсюда сродство понятій и нравственныхъ расположеній, видимымъ образомъ сказывающееся въ единствѣ отечественнаго языка, единство вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, единство судебъ исторической жизни, общія народныя радости и печали—все это тѣсно сближаетъ между собой соотечественниковъ и образуетъ между ними крѣпкій естественный союзъ, подобный тому, какой представляетъ для человѣка союзъ семейный. О связи нашей съ народомъ можно сказать то же, что сказано Господомъ о союзѣ семейномъ: „еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“ (Мѡ. 19, 6). Оба эти союза, освященные Богомъ, создаются для насъ самою природою. И кто не чувствуетъ въ себѣ живой привязанности къ своему отечеству, того мы можемъ считать такою же аномаліей въ человѣческой природѣ, какъ и того, кто не питаетъ въ себѣ сочувствія къ родной семьѣ.

Величіе народа, успѣхи его исторической жизни, превосходство и слава его между другими народами могутъ возвышать наше патриотическое чувство, но не до такой степени оно зависитъ отъ этихъ условій, чтобы безъ нихъ совсѣмъ не могло существовать и развиваться. Человѣкъ любитъ свою родину—не только сильную, богатую, славную, но и слабую, бѣдную, несчастную, угнетенную,—точно такъ же, какъ

въ семьѣ родители любятъ дѣтей и дѣти родителей, — не только богатыхъ, умныхъ, здоровыхъ, но и бѣдныхъ, неразвитыхъ, больныхъ. Иногда въ послѣднемъ случаѣ любовь бываетъ даже сильнѣе, хотя выражается съ другимъ характеромъ, нежели въ первомъ. Поэтому нельзя согласиться съ тѣми, кто утверждаетъ, что отечество можно любить лишь въ томъ случаѣ, когда имъ можно гордиться. Истинная любовь безкорыстна, она „не ищетъ своего“, и въ основѣ истиннаго патріотизма тоже лежитъ безкорыстное чувство, Настоящій патріотъ по первому зову родины готовъ положить за нее свою жизнь (Іоанн. 15, 13), не думая вовсе о томъ, стоитъ ли такъ любить ее. Живые примѣры, подтверждающіе это, мы видѣли и въ кровавую войну нашу съ Японіей и въ послѣдовавшее за ней время революціонной смуты. Проявленные въ эти тяжелые дни мужество и героизмъ нашихъ братьевъ-борцовъ за честь и благосостояніе отечества даютъ полное основаніе сказать, что, къ счастью, св. Русь не оскудѣла еще истинными патріотами, готовыми защищать свою родину, „не щадя живота своего“, и не изъ гордости за нее, а именно во имя чуждой всякаго эгоизма любви къ ней.

Но если нельзя признать правильною ту мысль, что истинный патріотизмъ возникаетъ лишь изъ гордости за свое отечество, то едва ли можно согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, что будто бы нельзя любить отечество, если въ немъ не все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. Допустимъ, что въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ не все обстоитъ благополучно, и тѣмъ не менѣе его все-таки можно любить—истинною, горячею любовью. Любить отечество можно не въ настоящемъ только его состояніи, но и въ прошедшемъ. На рѣкахъ Вавилонскихъ евреи въ горькой скорби и слезахъ изливали свою любовь къ несчастному отечеству: „если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Пс. 136, 5—6), — изливали такъ любовь свою къ какому отечеству?

Къ тому, котораго для нихъ въ настоящемъ уже не существовало.

И храмъ разрушенный все-жь храмъ,
Кумиръ поверженный—все-жь богъ.

Конечно, любить нехорошее, дурное не свойственно человеку. Но если бы въ родной странѣ нашлись какіе-либо недочеты, то это, однакожь, не должно убивать въ насъ любви къ ней, подобно тому, какъ даже слабости родителей не должны подавать дѣтямъ повода къ какому-нибудь пренебрежительному обращенію съ ними. Для насъ наша родина есть въ извѣстномъ смыслѣ и наше дѣтище, ибо судьбы и благосостояніе родины во многихъ отношеніяхъ есть дѣло нашего созиданія. Поэтому на насъ, какъ истинныхъ патріотахъ, лежитъ долгъ такого же ревностнаго и горячаго служенія своему отечеству, какъ это показываетъ любящая мать въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Иногда дѣти имѣютъ такіе недостатки, которыхъ даже самая пристрастная мать не можетъ не замѣтить, и тѣмъ не менѣе она неистощимо любитъ и заботится о своихъ бездарныхъ и даже порочныхъ дѣтяхъ, отвергаемыхъ цѣлымъ міромъ. Такъ и каждый гражданинъ, въ заботахъ о благѣ своей родины, долженъ серіозно думать о замѣчаемыхъ въ ней недостаткахъ, болѣть ими и, насколько отъ него зависитъ, содѣйствовать ихъ исправленію. Какъ бы велики ни были непорядки въ родной странѣ, они никакъ не могутъ служить оправданіемъ нашего равнодушія къ ея судьбѣ. Напротивъ, чѣмъ больше ихъ въ ней и чѣмъ они серіознѣе, тѣмъ строже мы должны стоять на стражѣ своего патріотическаго долга. Любовь строга и ревнива. Никто изъ людей не любилъ своего народа больше, чѣмъ Моисей, который даже молилъ Бога объ изглаженіи его изъ книги живота ради помилованія Израиля (Исх. 32, 32), и никто однакожь не относился такъ строго къ недостаткамъ своихъ соотечественниковъ, какъ онъ.

Должно помнить здѣсь и ту, къ сожалѣнію, часто забываемую нами истину, что недочеты въ нашемъ отечествѣ въ

сущности—наши собственные недостатки, ибо то, что мы называемъ своимъ отечествомъ, составляется изъ насъ же самихъ, отдѣльныхъ членовъ его. Поэтому наша любовь къ отечеству прежде всего и больше всего должна проявляться въ нашихъ неуспѣшныхъ заботахъ объ исправленіи собственныхъ недостатковъ. А между тѣмъ теперь у насъ развилось немало такихъ обличителей разныхъ недочетовъ нашей отечественной жизни, которые себя совсѣмъ забываютъ, сваливая все на другихъ,—эти „Климычи“, у которыхъ у самихъ руки не всегда чисты, всегда „киваютъ на Петровъ“;

По чѣмъ другихъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя оборотиться!..

Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Къ 300-лѣтнему юбилею его кончины).

(Продолженіе ¹⁾).

Князь Константинъ Константиновичъ, при своемъ высокомъ общественномъ положеніи, отличался и проникательнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ и горячею любовью къ своей родинѣ и матери—Православной Церкви. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые ради житейскихъ расчетовъ легко готовы были оставить свое родное и броситься въ бездну чужой стихіи. Онъ не увлекся духомъ времени: не отвергнулся отъ бѣдствій Церкви и народа, не посмѣялся надъ нестроеніями въ ихъ жизни и не перешелъ на сторону враговъ ихъ. Бѣдственное положеніе Церкви прежде всего поражало его сердце глубокою скорбью. „Видѣхъ“, писалъ онъ потомъ въ предисловіи къ изданной имъ Острожской Библии въ

¹⁾ См. № 12-й за 1908 г.

1580 году, „Церковь Христову, честною кровію искупленную, отвсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему. Тѣмже поминахъ слова пророческія, яже нѣкогда и Господь нашъ Іисусъ Христосъ рече: жалость дому твоего съѣсть мя. Кто бо есть отъ благовѣрныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость Церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимають вси мимоходящіи путемъ разоренія ради оплотовъ его? Кто не умилить сердца своего и не плачется, зряще разореніе Церкви Христовой и ниспровержену хвалу Его: различные супостаты и многообразная лукавства обстоятъ ны“. Ревность о славѣ Божіей побуждала его итти на помощь родной бѣдствующей Церкви. „Всякій человекъ, писалъ онъ, во все время жизни своей ради спасенія собственнаго и другихъ долженъ пещись о ревностномъ распространеніи славы Божіей... Я съ своей стороны, хотя, по множеству и трудности мірскихъ занятій, не могъ всецѣло свои намѣренія, желанія и дѣйствія направить единственно къ умноженію славы Божіей, но меня, какъ христіанина, съ давняго времени занимало желаніе, постоянно все болѣе и болѣе усиливающееся, быть полезнымъ Матери нашей святой, соборной, апостольской Церкви. Я размышлялъ, вникалъ, соображалъ: какіе бы найти самые дѣйствительные способы и средства, чтобы Церковь нашу, находящуюся нынѣ въ упадкѣ, обнищаніи и разстройствѣ, снова привести въ прежнее цвѣтущее состояніе“¹⁾.

Чтобы найти дѣйствительныя средства къ исцѣленію золь, постигшихъ Русскую Церковь, нужно было понять ихъ источникъ. Такой источникъ, или причину бѣдствій Русской Церкви, князь видѣлъ во всеобщемъ сильномъ упадкѣ среди

¹⁾ Акт. З. Р. т. 4. № 45. „Кн. К. К. Острожскій“, Правосл. Собѣзд. 1858 г. т. I, стр. 376.

русскихъ духовнаго просвѣщенія. Въ до-монгольскій періодъ оно стояло у насъ довольно высоко. Послѣ нашествія монголовъ среди политическихъ смуть и общественныхъ бѣдствій оно упало очень низко. Во время польско-литовскаго владычества, высшее русское духовенство, вслѣдствіе злоупотребленій правами патроната со стороны католиковъ-королей, стало набираться почти исключительно изъ людей недостойныхъ, невѣжественныхъ¹⁾, которымъ совсѣмъ не въ головѣ было просвѣщеніе народа. Нѣкоторыя книги изъ старыхъ бібліотекъ были истреблены католиками (въ Галиціи и другихъ мѣстахъ, гдѣ раньше поляки осилили русскихъ); но и оставшіяся лежали безъ употребленія, покрывшись пылью забвенія. При невѣжественныхъ пастыряхъ стало даже общимъ явленіемъ пренебреженіе къ книжному ученію. Вотъ тутъ-то многіе изъ русскихъ, не находя удовлетворенія своей любознательности въ родной средѣ, стали искать себѣ такового въ иновѣрныхъ школахъ. При отсутствіи противодѣйствія началось сильное вліяніе на жизнь русскаго народа Польши и католицизма; русская рѣчь стала портиться, а церковно-славянскій богослужебный языкъ даже совсѣмъ забываться²⁾. Отсюда произошло въ жизни русскаго народа нравственное расслабленіе, изнеможеніе, или какъ бы духовная спячка, чѣмъ и пользовались враги православія для совращенія народа въ ереси: „Не отъ чего иного, писалъ

¹⁾ „На митрополичьи и епископскіе престолы, насаждаются не изъ монастырей добрѣ въ законномъ житіи процвѣтшии, но абіе отъ суетныхъ господей, или земледѣльствъ, или служителей воинскихъ, въ vzdalіe службы ихъ, къ тому—*неуки, простаки, въ святомъ писаніи не свидѣтельствованніи*“. (*Жизна о вѣрѣ*).

²⁾ Даже м. Михаилъ Рогоза, преемникъ Описифора перешедшій потомъ въ унию, а въ 1592 году обратилъ вниманіе на то, что во Львовской церкви „ученіе св. писанія зѣло оскудѣ, паче же словенскаго, російскаго языка и всѣ челоуѣцы преложишася простому людскому писанію и сего ради въ различныя ереси ввадоша, не вѣдуше въ богословіи силы совершеннаго, грамматическаго языка“ (Акты З. Р. т. 4. № 32.—Прав. Соб. 1858 г. т. I. стр. 386).

князь Константинъ, размножишася межи людьми такое лѣнливство, оспальство (сонливость) и отступленіе отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя (нѣтъ учителей), устали проповѣдachi Слова Божого, устали науки, устали казанья (проповѣди), а затымъ наступило обнищанье и уменьшеніе хвалы Божьей въ Церкви Его, наступило отступленіе отъ вѣры и закону“¹⁾.

При такомъ взглядѣ на дѣло, естественно было князю Константину Константиновичу Острожскому принять мѣры къ просвѣщенію русскаго народа. И великая честь ему (князю), что онъ первый изъ всѣхъ взялся за это дѣло. Онъ понималъ, что въ томъ страшномъ невѣжествѣ и нравственномъ разслабленіи („оспальности“) народа, которыя такъ глубоко терзали его сердце, повинны были и русскіе дворяне, которые не принимали никакихъ мѣръ къ поддержанію въ народѣ духовнаго просвѣщенія. И вотъ, онъ старается восполнить этотъ недостатокъ. Сначала онъ, при участіи своего друга, князя Курбскаго, заботился о распространеніи въ народѣ полезныхъ книгъ (напр., нѣкоторыя бесѣды Златоуста) посредствомъ списыванія ихъ или даже перевода ихъ съ церковно-славянскаго языка на польскій. Но это были лишь частныя мѣры. Князь скоро пришелъ къ мысли о необходимости учрежденія общихъ народныхъ или посполитыхъ школъ²⁾. Онъ охотно сталъ жертвовать свои средства на

¹⁾ Акт. З. Р. т. 4. стр. 65. Прав. Соб. 1858 г. т. I, стр. 388. То же самое въ сущности говоритъ и патріархъ Антиохійскій Іоакимъ, лично видѣвшій состояніе юго-западной Руси въ 1586 г., именно, что жители православной юго-западной Руси „ненаученія и пренебреженія ради Закона Божія оскудѣли всѣми благами“. Акт. З. Р. т. 3 № 157. Пр. Соб. 1858 г. т. I, стр. 388.

²⁾ „То вельми зашкодило (повредило) панству русскому, писалъ современникъ князя, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ расширять и ихъ не фундовано, бо колибы науку мѣли, тогда за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели“. (Акт. З. Р. т. 4, стр. 204. Правосл. Соб. 1585 г., т. I, стр. 390).

учрежденіе такихъ школъ (напр. въ Туровѣ). Это были пока еще начальныя школы, или просто школы грамоты, служащія для обученія дѣтей чтенію, письму и начаткамъ христіанской вѣры. Между тѣмъ для Русской Церкви и народа необходима была и высшая школа, изъ которой выходили бы лица, способныя къ переводу святоотеческихъ книгъ; исправленію прежнихъ переводовъ, составители руководствъ въ вѣрѣ и жизни, наконецъ, образованные пастыри, искусныя проповѣдники и поборники православія. Князь К. К-чъ Острожскій и рѣшилъ учредить такуюю въ Острогѣ. Это дѣло было слишкомъ трудное. Такихъ школъ на Руси еще никогда и нигдѣ не было. Не было для этого и пригодныхъ людей. Князь обратился къ патріарху константинопольскому съ посланіемъ, въ которомъ, извѣщая святителя о предпринятомъ имъ намѣреніи—основать такуюю школу, просилъ его выслать ему изъ Греціи способныхъ учителей и обѣщаль совершенно обезпечить ихъ во всемъ ¹⁾. Эта школа открылась около 1580 г. и вскорѣ оправдала свое назначеніе. Съ Востока въ эту школу были присланы такіе учителя, которыми по справедливости могла гордиться тогдашняя Греція. Такъ, отъ александрійскаго патріарха присланъ былъ его родственникъ и экзархъ Кириль Лукарисъ, человекъ образованнѣйшій своего времени, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ для обогащенія себя знаніями. Онъ былъ нѣкоторое время ректоромъ Острожскаго училища. Отъ патріарха константинопольскаго въ качествѣ экзарха и учителя былъ присланъ образованный не менѣ Кирилла Никифоръ. Князь желалъ, чтобы его школа не уступала лучшимъ иноземнымъ и, благодаря неусыннымъ трудамъ, достигъ этого. Съ учебной стороны она поставлена была на высоту современныхъ требованій: здѣсь обучались и языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, такъ называемымъ свободнымъ или

¹⁾ Акт. З. Р. т. 4. стр. 206. Прав. Соб. 1858 г. т. I, стр. 392.

„вызволенимъ искусствамъ“ (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ, и проч. До какой степени школа эта преуспѣла въ научномъ отношеніи, видно изъ того, что въ нее стали стекаться для образованія юноши со всѣхъ сторонъ не только изъ простыхъ, низшихъ классовъ народа, но изъ высшихъ. Не даромъ самая эта школа часто называлась академіей. Но самымъ главнымъ достоинствомъ ея было то, что она стала опорой и оплотомъ православію. Это преимущество ея отмѣчается и католическими современниками ¹⁾. При школѣ была богатѣйшая бібліотека, въ которой были не только творенія отцовъ и учителей вселенской Церкви, но и сочиненія многихъ западныхъ и польскихъ писателей. Изъ Острожской школы вышли замѣчательные ученые и соборники православія, каковы: Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, бывший ректоромъ сей школы, пресвитеръ Василій, пресвитеръ Даміанъ Наливайко (братъ гетмана Северина Наливайко), Леонтій Карповичъ, Мелетій Смотрицкій (до отпаденія его въ унию) и мног. друг. Не ограничиваясь дѣятельностью этихъ лицъ, князь Конст. К-чъ призывалъ къ ученымъ трудамъ и другихъ лицъ, коль скоро замѣчалъ въ нихъ способность къ выполненію того или другого ученаго порученія. Такъ на примѣръ, по его порученію, нѣкто Христофоръ Бронскій написалъ книгу Апокрисисъ, или опроверженіе обороны Брестскаго собора, сочиненной Ипатіемъ Поцѣмъ, Кіевскій священникъ Іовъ Борецкій, вос-

¹⁾ Іезуитъ Антоній Поссевицъ такъ отзывался объ Острожскомъ училищѣ: „Князья русскіе, какъ Острожскій и Слуцкій, имѣютъ типографіи и школы, которыми всюду (lange lateque) поддерживается схизма, т. е. православіе. Одинъ изъ униатскихъ епископовъ потомъ писалъ: „Сей (кн. Острожскій) имѣлъ ревность и даже величайшую къ сохраненію русской схизмы. Поэтому онъ, при господствовавшемъ тогда либеральномъ вѣяніи (liberali effuso aëre), воздвигъ въ Острогѣ школу (palaestram) не только славянскаго языка, но вмѣстѣ и наукъ греческихъ и латинскихъ, гдѣ воспитывалъ много юношества, какъ изъ благороднаго, такъ и изъ простаго класса народа. (Gesch der Reformation der Kirche in Lith., von Lukaschew. 1848. Стр. 49. 54).

питанникъ Львовской школы, впоследствии м. Кіевскій, переводилъ посланія александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса къ отступнику Поцѣю и діалогъ его о православной вѣрѣ...

Понимая, что для просвѣщенія цѣлаго народа одного училища недостаточно, князь заботился объ учрежденіи школъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, кромѣ школы въ Туровѣ, онъ, съ благословенія цареградскаго патріарха Іереміи II, основалъ школу въ Кіевѣ и особенно много заботился о школѣ Львовскаго братства, въ составъ котораго онъ самъ вошелъ. Львовская школа по научной постановкѣ была лучшая послѣ Острожской. Онъ желалъ, чтобы въ образованіи народа приняло ближайшее участіе русское духовенство, предлагалъ даже епископамъ обсуждать этотъ вопросъ на ежегодныхъ сѣздахъ въ Брестѣ (1591—1594). Однако тогдашніе епископы задумавшіе уже отпаденіе отъ православія въ унию, не пошли дальше согласія на то, что дѣлали другіе¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Гедеонъ Балабанъ львовскій, вели даже агитацію противъ школы; а такіе, какъ Ипатій Поцѣй лишь лицемѣрно говорили о своемъ расположеніи къ дѣлу народнаго образованія²⁾.

Забываясь объ устройствѣ школъ, кн. Острожскій также много заботился и о распространеніи просвѣщенія внѣ школы чрезъ изданіе необходимыхъ книгъ. Для этого онъ пригласилъ въ Острогъ изъ Львова знаменитаго московскаго книгопечатника Ивана Федорова и съ его помощью основалъ при училищѣ типографію. Первымъ и главнымъ предметомъ его заботливости было изданіе Библии. Приготовленіе къ нему началось еще задолго до открытія Острожской школы. Многихъ хлопотъ и жертвъ стоило это одно дѣло, о чемъ онъ самъ потомъ сообщаетъ въ предисловіи къ изданной имъ Библии. Чтобы изданіе вышло по возможности болѣе исправ-

¹⁾ Ист. Рус. Цер. Макарія т. IX, стр. 543—46. Пр. Собес. 1858 г. т. I стр. 547.

²⁾ См. объ этомъ Прав. Соб. 1858 г. т. I стр. 545—548.

нымъ, нужно было собрать для этого рукописные списки книгъ Св. Писанія. „Но во всѣхъ странахъ роду нашего языка славенскаго ниже едина, говоритъ онъ въ предисловіи къ Библии, обрѣтется совершенна во всѣхъ ветхаго завѣта... токмо отъ благочестива и въ Православіи изрядна сіятельна государя и великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго сподобихомся пріяти“. Это былъ Геннадіевскій списокъ Библии. Стали сличать добытые списки и нашли въ нихъ много разностей. Это заставило князя послать въ далекія страны, въ монастыри греческіе, сербскіе, болгарскіе, на о. Критъ и къ самому патріарху константинопольскому Іереміи II, завести даже по этому поводу сношеніе съ Римомъ. Князю доставлено было много иныхъ библий различныхъ письменъ и языковъ. Кромѣ того въ его распоряженіи было и первое изданіе Библии на русскомъ языкѣ, напечатанное въ чешской Прагѣ докторомъ Францискомъ Скориною. По просьбѣ князя, патріархъ Іеремія II и друг. лица прислали ему и людей, „опытныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и славенскихъ“.

Острожскій нашелъ возможнымъ теперь приступить къ самому дѣлу. Онъ поручилъ присланнымъ людямъ разобрать собранный матеріалъ. Скоро однако изслѣдователи поставлены были въ затрудненіе, такъ какъ почти всѣ присланные Острожскому списки имѣли погрѣшности, неточности и разногласія, вслѣдствіе чего нельзя было остановиться на одномъ какомъ-либо спискѣ, взявъ его за основной текстъ. Острожскій рѣшилъ послѣдовать совѣту своего друга, извѣстнаго князя Андрея Курбскаго, жившаго тогда на Волыни, и печатать „Библию“ не съ перепорченныхъ книгъ жидовскихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ, не на испорченномъ литовско-русскомъ языкѣ, но на вождедѣнномъ праотецъ своихъ языкѣ церковно-славянскомъ, который одинъ могъ, по ихъ мнѣнію, передать всѣ мысли и красоты священныхъ книгъ. Послѣ долгой и трудной работы, въ 1580 г., наконецъ, появились Псалтирь и Новый Завѣтъ, а

въ слѣдующемъ 1581 г. вышла въ свѣтъ полная Библия. И съ какимъ чувствомъ благодарности обращается князь къ Богу (въ предисловіи къ Библии) за то, что удостоилъ его видѣть совершеніе этого дѣла! Какъ первый опытъ, Острожская Библия не обошлась безъ неточностей, неправильностей и даже ошибокъ. При всемъ томъ она была величайшимъ благодѣяніемъ для всѣхъ сыновъ земли Русской и русской Церкви какъ западной, такъ и восточной, не имѣвшихъ дотолѣ печатной Библии. Острожское изданіе Библии послужило основаніемъ и для Московскаго изданія, вышедшаго въ царствованіе Елизаветы Петровны (1751 г.).

Кромѣ Библии изъ типографіи Острожской вышло не мало книгъ богослужебныхъ, нравоучительныхъ и полемическихъ. Богослужебныхъ книгъ напечатано сравнительно немного ¹⁾. Еще менѣе было напечатано книгъ нравоучительнаго характера ²⁾. Гораздо болѣе, сообразно нуждамъ времени, издано здѣсь сочиненій полемическихъ, имѣвшихъ цѣлью обличеніе современныхъ ересей и огражденіе отъ нихъ православной вѣры. Острожская типографія своими изданіями старалась по преимуществу отвѣчать на вопросы, болѣе другихъ волновавшіе современную ей жизнь. Такъ нѣсколько сочиненій было издано въ опроверженіе латинскаго календаря, вскорѣ послѣ того, какъ папа Григорій XIII и польское правительство вздумали вводить его и въ юго-западной Руси ³⁾. Другія же направлены къ опроверженію ученія разныхъ неправославныхъ обществъ: протестантскихъ, жидовствующихъ, особенно же латинянь, стремившихся къ введенію на юго-

¹⁾ Псалтирь и Новый Заѣтъ (1580 г.), псалтирь слѣдованная, часословъ (1598 г.), требникъ, молитвословъ (1606 г.).

²⁾ Книга Василя Великаго о постничествѣ (1594 г.), Маргаритъ (1596 г.), Патерикъ Печерскій (1597 г.).

³⁾ Посланія Царьградскаго патріарха Іереміи въ Вильну ко всѣмъ христіанамъ, къ кн. Острожскому и къ Кіевскому м. Онисифору, соч. Мелетія Смотрицкаго „Календарь римски Ковы“ (1587 году).

западъ Россіи уніи¹⁾). Полемическій характеръ изданій Острожской типографіи вполнѣ отвѣчалъ насущной нуждѣ Православной южно-русской Церкви въ защитѣ ея отъ нападенія опальныхъ враговъ. Такой характеръ сообщенъ ей самимъ княземъ, въ которомъ народъ справедливо видѣлъ, вѣрнаго стража дому Божію, самимъ Богомъ избраннаго“, котораго считали „начальникомъ въ Православіи“. Издательская дѣятельность Острожской типографіи послужила прекраснымъ дополненіемъ къ славѣ Острога, какъ одного изъ важнѣйшихъ центровъ просвѣщенія русскаго народа и борьбы за православную вѣру и русскую народность²⁾.

П. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Книга пресв. Василя о вѣрѣ единой (1588 г.). Исповѣданіе о исхожденіи Св. Духа, твореніе препод. Максима Грека (1588 г.), посланіе патріарха Мелетія (1588 г.), противъ клеветы латинянъ, его же діалогъ противу схизматиковъ и прочимъ сектаторамъ написанный, Апокрисисъ (1597 г.), Вирши на отступниковъ, Мелетія Смотрицкаго (1598 г.), Оттискъ на листъ (на посланіе Ипатія Поцѣя къ князю Острожскому въ защиту и оправданіе уніи).

²⁾ Кромѣ вышеприведеннаго извѣстія легата Антонія Поссевина о школахъ и типографіяхъ въ Слуцкѣ и Острогѣ, которыми (т. е. школами и типографіями) поддерживается схизма, т. е. православіе, позволяемъ себѣ привести здѣсь еще одинъ восторженный отзывъ объ Острогѣ современника князя Острожскаго, польскаго поэта Шимона Пекальскаго: „О славный Острогъ, потому что дали тебѣ это названіе князья, которыми гордится Русь широкая! О достойныя дѣвы съ береговъ водъ Сицилійскихъ и Либертійскихъ! Вотъ вижу я здѣсь лавры, которые Геликонъ раждаетъ и воспитываетъ. Башни Острога приготавлиють достойный престоль Палладѣ. Цвѣтетъ бібліотека, собранная съ немалыми трудами. Святая Библія распространяется посредствомъ печати. Является великое обиліе книгъ“. (De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nissoviis. (racow. 1600 г. Чистовичъ, Очеркъ ист. зазд.-русской церкви, ч. I, стр. 168).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим.-Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 25-го марта 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года апрѣля 6-го дня.

Содержаніе: I. Поклоненіе святынь въ Великій пятокъ и церковныя служ-
бы этого дня. Н. Пальмовъ.—II. Патриотизмъ при свѣтѣ христіан-
скаго міровоззрѣнія. (Продолженіе). Прот. Н. Стеллецкій.—III. Князь
Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Продолженіе). П. Пе-
трушевскій.

Поклоненіе святынь въ Великій пятокъ и цер- ковныя службы этого дня.

Великій пятокъ издревле почитался въ христіанской церкви днемъ усиленныхъ молитвенныхъ подвиговъ и благоговѣйныхъ созерцаній.

Для возбужденія и укрѣпленія религіознаго чувства въ-
рующихъ древняя Іерусалимская церковь имѣла обыкновеніе предлагать взору всѣхъ въ Великій пятокъ честное древо креста, на которомъ былъ пропять Господь, и призывала поклониться честному древу. Сильвія аквитанская, римская путешественница въ Св. Землю въ IV в., передаетъ, что послѣ длинной службы въ ночь на Великій пятокъ¹⁾, „ени-

¹⁾ Объ этой службѣ см. „Р. д. с. н.“ за 1904 г. т. I, стр. 375—386: „Послѣдованіе страстей Господнихъ въ древней Іерусалимской церкви“.

скопъ обращается съ рѣчью къ народу, ободряя его—такъ какъ они трудились цѣлую ночь ¹⁾ и должны еще трудиться днемъ—чтобы онъ не утомлялся, но имѣлъ надежду на Господа, Который за этотъ трудъ воздастъ большую награду. II, ободривъ ихъ какъ можетъ, онъ, обращаясь къ народу, говорить: идите пока каждый въ свой домъ, посидите немного, и около второго часа дня ²⁾ будьте готовы здѣсь, чтобы быть въ состояннн съ этого часа до шестаго ³⁾ узрѣть святое древо Креста, вѣря каждый, что оно поможетъ его спасенію ⁴⁾. Къ назначенному времени въ храмъ на Голгоѣ—„за Крестомъ“ ⁵⁾ „поставляется епископу каѳедра; на каѳедру садится епископъ; ставится предъ нимъ столъ, покрытый полотномъ, кругомъ стола стоятъ діаконы, и приносится серебряный позлащенный ковчегъ, въ которомъ находится святое древо креста; открывается и вынимается; кладется на столъ какъ древо креста, такъ и написаніе. И такъ, когда это положено на столъ, епископъ, сидя, придерживаетъ своими руками концы святаго древа, а діаконы, стоя вокругъ, охраняютъ“. Причиной необходимости зорко охранять святыню креста послужило то, что однажды, какъ рассказывали Сильвіи, кто-то позволилъ себѣ при лобызаннн откусить частицу святаго древа и унести ее съ собою: „рассказываютъ, пишетъ Сильвія, не знаю когда кто-то отгрызъ и укралъ частицу святаго древа, поэтому теперь діаконы, стоящіе вокругъ, охраняютъ, чтобы никто изъ подходящихъ не дерзнулъ сдѣлать того же“. А сдѣлать это было не такъ трудно, разъ къ кресту подходила, тѣсняясь въ безпорядкѣ,

¹⁾ Служба оканчивалась на разсвѣтѣ.

²⁾ По нашему счету времени—около восьмого часа утра.

³⁾ До двѣнадцатаго, по нашему счету.

⁴⁾ *Gaturrini* — *Peregrinatio ad loca sancta. Православный Палестинскій Сборникъ*, т. VII, в. 2, Сиб. 1889, стр. 158.

⁵⁾ О храмахъ на св. мѣстахъ Іерусалима сдѣланы нами указанія въ поименованной статьѣ „Послѣдованіе страстей Господнихъ въ древней Іерусалимской церкви“.

громадная толпа, „весь народъ“, по выраженію Сильвіи,—и вѣрные, и оглашенные ¹⁾. Въ цѣляхъ соблюденія порядка и предотвращенія всякихъ печальныхъ случайностей, церковною властью была установлена очередь для народа при поклоненіи кресту, и Сильвія уже наблюдала, что народъ проходитъ къ кресту „поодиночку“, всѣ преклоняясь и касаясь крестомъ и написаніемъ сперва чела, а потомъ очей; затѣмъ, облобызавъ крестъ, проходятъ; руку же никто не протягиваетъ для прикосновенія“ ²⁾.

Надо сказать, что, кромѣ поклоненія св. древу креста Господня, въ древней Іерусалимской церкви былъ еще обычай поклоняться, въ Великій пятокъ, кольцу Соломона и рогу, изъ котораго помазывались на царство іудейскіе цари. Объ этомъ сообщаетъ та же Сильвія аквитанская. „Когда всѣ облобызаютъ крестъ и пройдутъ“, говоритъ она, „становится діаконъ, держа кольцо Соломона и тотъ рогъ, изъ котораго помазывались цари, и ихъ лобызаютъ и чествуютъ рогъ и кольцо“ ³⁾.

Поклоненіе святынямъ продолжалось въ древнемъ Іерусалимѣ до *шестаго* часа ⁴⁾, до начала очереднаго богослуженія, которое состояло изъ чтенія псалмовъ, апостольскихъ писаній и евангелія, а также пѣнія особыхъ пѣснопѣній и возношенія нарочитыхъ молитвъ. По словамъ Сильвіи, богослуженіе это имѣло цѣлью показать вѣрующимъ, что „не произошло ничего, что не было бы предречено, и не предречено ничего, что не исполнилось бы всецѣло“. Служба эта длилась съ *шестаго* часа до *девятаго* ⁵⁾ и производила

¹⁾ Въ Великій пятокъ оглашенные въ послѣдній разъ приготовлялись къ крещенію на субботу и Пасху. См., напр., *Н. Ѳ. Красносельцева*—„Къ исторіи православнаго богослуженія“. Казань. 1889, стр. 111. *А. А. Дмитріевскаго*—„Древнѣйшіе патріаршіе тишконны—святогробскій іерусалимскій и Великой Константинопольской церкви“. Кіевъ. 1907, стр. 153.

²⁾ Peregrinatio, стр. 158—159.

³⁾ Ibid, стр. 159.

⁴⁾ По современному счету—до двѣнадцатаго часа дня.

⁵⁾ До третьяго часу пополудни по современному счету.

на богомольцевъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Сильвія рассказываетъ, что „при каждомъ чтеніи и молитвѣ бываетъ такая скорбь и такой стонъ во всемъ народѣ, что возбуждаетъ удивленіе, ибо нѣтъ никого,—ни стараго, ни малаго, который въ этотъ день, въ эти три часа, не плакалъ бы столько, сколько нельзя себѣ и представить, помышляя о томъ, что претерпѣлъ за насъ Господь“¹⁾.

Съ девятаго часа начиналась новая служба въ большой церкви—Мартіріумѣ и длилась эта служба до вечера. Составъ ея, по словамъ Сильвіи, ничѣмъ не отличался отъ подобныхъ службъ во всѣ дни Страстной седмицы. Это была вечерня, которая служилась въ Мартіріумѣ съ девятаго часа дня до вечера въ первые три дня Страстной седмицы. Изъ словъ Сильвіи не видно, соединялась ли въ Мартіріумѣ вечерня въ эти дни съ литургіей; поэтому и вопросъ о литургіи въ Великій пятокъ долженъ быть оставленъ открытымъ. Позднѣйшая практика Іерусалимской церкви выразилась въ категорическомъ запрещеніи совершать литургію въ Великій пятокъ въ храмѣ *Воскресенія*²⁾; это запрещеніе взято было въ руководство и обителю св. Саввы освященнаго при составленіи чина богослуженій на Великій пятокъ³⁾. Но остается не выясненнымъ, — запрещеніе совершать въ этотъ день преждеосвященную литургію касалось всѣхъ ли іерусалимскихъ храмовъ, или только одного храма Воскресенія п, затѣмъ,—это запрещеніе не вызывалось ли, по отношенію къ храму Воскресенія, какимъ-либо особыми и мѣстными причинами⁴⁾, совсѣмъ не будучи наслѣдіемъ старинны и голосомъ общеіерусалимской практики.

¹⁾ Peregrinatio, стр. 160.

²⁾ „Въ сей святой день и только—не совершается литургія въ святомъ храмѣ Воскресенія“, сказано въ святогробскомъ типиконѣ IX—X в. См. „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицъ въ св. Іерусалимѣ IX—X в.“ А. А. *Дмитріевскаго*. Каз. 1894, стр. 157.

³⁾ Ibid. стр. 400, примѣч. 96.

⁴⁾ Напр., уборкой храма къ празднику.

По окончаніи вечерней молитвы въ Мартиріумѣ, вѣрующіе шли къ храму Воскресенія и здѣсь выслушивали евангеліе о положеніи въ новѣмъ гробѣ тѣла Іисусова Іосифомъ аримаѳейскимъ. Богослужбное собраніе въ храмѣ Воскресенія заканчивалось молитвой, благословеніемъ оглашенныхъ и ѳтпустомъ. Утружденный молитвенными подвигами дня и предшествующей ночи, народъ расходился по домамъ. На бдѣніе въ храмѣ Воскресенія особаго приглашенія не бывало; присутствованіе за бдѣніемъ предоставлялось свободѣ каждаго. „Кто желалъ и кто могъ“, тотъ являлся на бдѣніе, которое въ ночь на субботу совершалось въ храмѣ Воскресенія болѣе крѣпкими и болѣе молодыми клириками и состояло изъ пѣнія пѣсней и антифоновъ, продолжавшагося всю ночь, „вплоть до утра“¹⁾.

Такъ проводила день Великаго пятка древняя Іерусалимская церковь.

Свои молитвенные порядки она передала, какъ извѣстно, древней Константинопольской церкви. Мы видимъ, что въ константинопольской Великой церкви износится для поклоненія ковчегъ съ частицами животворящаго древа креста Господня, привезенными въ Константинополь св. императрицею Еленою, и поклоненіе св. кресту здѣсь совершается въ теченіе трехъ послѣднихъ дней Страстной седмицы—въ Вел. четвергъ, пятницу и субботу, при чемъ въ первый день поклоняется кресту императоръ съ первыми чинами двора, во второй—императрица съ придворными дамами и въ третій—духовенство²⁾. Поклоненіе частицамъ древа креста Господня съ начала VII в. въ константинопольской церкви замѣняется поклоненіемъ св. копью, которымъ было прободено ребро Спасителя. Св. копье было привезено въ Константинополь

¹⁾ Peregrinatio, стр. 160.

²⁾ А. А. Дмитріевскаго—„Древнѣйшіе патріаршіе тициконы святогробскій іерусалимскій и Великой Константинопольской церкви“. Кіевъ. 1907, стр. 136.

28 окт. 614 г. Порядокъ выноса св. копья изъ дворца, гдѣ оно хранилось, и обрядъ поклоненія ему обставлены были подобающею торжественностью. Вотъ что читаемъ мы въ типиконѣ Вел. константинопольской церкви XI в. „Послѣ утрени ¹⁾ отправляется референдарій во дворець и беретъ честное копьё и приноситъ въ сосудохранилищу ²⁾. Предшествуютъ копію слуги епископскіе съ факелами, а служители сосудохранилища выставляютъ его въ этотъ день позади амвона и творится поклоненіе ему до выхода „тритектъ“ ³⁾... Когда патріархъ удалится ⁴⁾, и когда церковь ⁵⁾ будетъ затворена для мытья, служители сосудохранилища относятъ честное копіе въ храмъ святой Ирины для поклоненія всему народу до времени „тритектъ“. Около третьяго часа отправляется въ этотъ самый храмъ святой Ирины клиръ, ожидая тамъ патріарха, и, когда наступитъ время, начинаются „тритекти“. На третьемъ антифонѣ поется тропарь: „Поклоняемся копію, прободшему животворящее ребро Твоея благодати и славимъ неизслѣдимое Твое снисхожденіе“. Патріархъ, спускаясь по лѣстницѣ храма святаго Петра, поднимается во святую Ирину и совершаетъ входъ „тритектъ“. Найдя же святое копіе, лежащее на святой трапезѣ, кадитъ его и благословляетъ свѣчею и цѣлуетъ. И послѣ этого референдарій, взявши его, вмѣстѣ съ епископскими служителями относитъ во дворець“ ⁶⁾.

По практикѣ древней Константинопольской церкви, въ Великій пятокъ вечерня соединялась съ преждеосвященной литургіей. Только эта соединенная служба совершалась патріархомъ не въ св. Софін, а въ храмъ св. Ирины, или

¹⁾ Вел. четвергъ.

²⁾ Св. Софін.

³⁾ Такъ называлась пѣсенная служба, представлявшая собою соединеніе третьяго и шестаго часа.

⁴⁾ Изъ св. Софін въ свои палаты послѣ утрени въ Вел. пятокъ.

⁵⁾ Св. Софін.

⁶⁾ „Древнѣйшіе типиконы“ .., стр. 137—138.

храмъ св. Андрея ¹⁾), гдѣ патріархъ, между прочимъ, оглашалъ готовящихся къ крещенію. Если принять во вниманіе, что типиконъ Вел. константинопольской церкви до VII в. создавался подъ сильнымъ вліяніемъ типикона іерусалимскаго святогробскаго, то съ новой силой возникаетъ вопросъ: не перешолъ ли въ Константинополь обычай совершать преждеосвященную литургію въ Вел. пятокъ именно изъ Іерусалима? Интересно, что блаж. Симеонъ Солунскій (въ XV в.) разсуждаетъ о литургіи въ Вел. пятокъ, какъ о весьма древнемъ установленіи, и положительно говоритъ, что „литургія преждеосвященныхъ даровъ прежде совершалась и во святой и Вел. пятокъ, потому что Отцамъ казалось неприличнымъ пропускать какой-либо день безъ созерцанія Господа въ тайнахъ, чрезъ которыя, по Его словамъ, Онъ стаѣвится едино съ нами“. „Я не знаю“, продолжаетъ блаж. Симеонъ, „какъ это случилось, что совершеніе литургіи преждеосвященной въ Великій пятокъ оставлено, тогда какъ прежде оно было. Думаю, что такъ какъ въ этотъ день постъ несовершенный, а обычая совершать въ оный литургію совершенную не было, то оставили и литургію преждеосвященныхъ даровъ. А можетъ быть, это сдѣлали и на основаніи іерусалимскаго устава ²⁾), который есть уставъ монашескій“. „Но другой“, прибавляетъ блаж. Симеонъ,—„уставъ Великой церкви ³⁾), который имѣли у себя всѣ церкви; частые же набѣги народовъ уничтожили чинъ его. Онъ остался въ одной православной Фессалоникійской церкви ⁴⁾).

Преждеосвященная литургія въ Великій пятокъ положена и въ древнемъ Студійскомъ типиконѣ, который руководился вообще богослужебной практикой константинопольской Софіи. Указана она и въ Еввергетидскомъ типиконѣ

¹⁾ Ibid. стр. 155, 310.

²⁾ Т. е. типикона обители Саввы Освященнаго.

³⁾ Т. е. Великой Константинопольской церкви св. Софіи.

⁴⁾ „Писанія святыхъ отцовъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію Православнаго Богослуженія“, т. III. Спб. 1857, стр. 182—183.

(XII в.), составленномъ также подъ вліяніемъ богослужебныхъ порядковъ св. Софіи, но только въ Евергетидскомъ монастырѣ совершалась она не въ главномъ храмѣ въ честь *Спасителя* ¹⁾, а въ храмѣ *апостоловъ*. Какъ особенность этой литургіи можно отмѣтить, что возгласъ: „Свѣтъ Христовъ“ и пѣніе „Да исправится“ на ней не были положены ²⁾. Преп. Никонъ Черногорець (XI в.) рѣшительно говоритъ, что въ Великій пятокъ *вездѣ* бываетъ преждеосвященная литургія; нѣтъ ея только въ Палестинѣ: „отсѣкоша древніи Палестинстїи отцы въ Великій пятокъ пржеосвященная“. И такая практика палестинскихъ монастырей, въ концѣ концовъ, взяла верхъ, тѣмъ болѣе, что съ XIV в. къ ней сталъ склоняться уже и Константинополь. Одинъ Симеонъ Солунскій ратовалъ за старину, но—увы, его голосъ потонулъ въ морѣ другихъ голосовъ ³⁾.

Отъ дней древнихъ—приходится сдѣлать скачокъ прямо къ XVII в., чтобы говорить о св. плащаницѣ.

Обычай износить плащаницу на средину храма для поклоненія вѣрующихъ въ Великій пятокъ возникъ позже обряда изнесенія плащаницы въ Великую субботу, но во всякомъ случаѣ древностью своею онъ восходитъ къ началу XVII вѣка. Недавно обнаруженный проф. А. П. Голубцовымъ „Чинovníкъ“ Софійскаго собора въ Новгородѣ, составленіе котораго необходимо отнести къ первой четверти XVII столѣтія, уже заключаетъ въ себѣ и этотъ обрядъ выноса плащаницы въ Великій пятокъ, хотя—и съ нѣкоторыми осо-

¹⁾ Въ главномъ храмѣ монастыря въ Великій пятокъ производилась предпраздничная уборка: ὁ Κοριαχὸς ναὸς κατακλύβεται, сказано въ типиконѣ.

²⁾ „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“—А. А. Дмитриевскаго, т. I, Кіевъ, 1895, стр. 553.

³⁾ Нѣкоторыя историческія свидѣтельства о преждеосвященной литургіи собраны въ изслѣдованіи „О литургіи преждеосвященныхъ даровъ“. М. 1850, стр. 123—126.

бенностями и отличіями въ сравненіи съ тѣмъ, какъ обрядъ совершается теперь. Именно: по окончаніи обряда омовенія св. мощей, каковой обрядъ совершался новгородскимъ „святителемъ“ при участіи высшаго духовенства во время часовъ, предъ вечерней святитель съ духовенствомъ вносилъ на средину собора „гробъ Господень“ съ плащаницею на немъ. Пѣвцы пѣли при этомъ стихиру „Проси Іосифъ“. Около гроба ставились „четыре свѣщи на большихъ подсвѣчникахъ“, а во главѣ гроба — „святія страсти Христовы и Евангеліе“. Шесть діаконовъ осѣняли рипидами гробъ Господень. Святитель кадиль гробъ Господень крестообразно, и вслѣдъ за тѣмъ начиналась вечерня. По отпустѣ вечерни, святитель разоблачался въ алтарѣ и выходилъ къ гробу Господню. Ставъ предъ нимъ на орлецѣ, святитель „сотворяетъ прощеніе ко гробу Господню и цѣлуетъ плащаницу на гробѣ Господни и, по цѣлованіи, станеть на свое мѣсто по обычаю“ — слушать повечеріе и полунощницу ¹⁾).

• Къ практикѣ новгородскаго собора близко подходитъ практика московскаго большаго Успенскаго собора, какъ она представлена въ „Чинѣ священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемомъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ“. Предъ вечерней, „архіерей вшедъ въ церковь становится на орлецѣ“, читаемъ въ „Чинѣ“, „и сотворя три поклоны, осѣняетъ; пѣвчіе поютъ испѣлаети деспота; и возшедъ на мѣсто облачается въ постное облаченіе среди церкви, и облачась идетъ по гробъ Спасовъ съ рипиды и со свѣщами, и пришедъ кадиль гробъ трижды, таже властей, и снявъ шанку подъемлетъ гробъ со властми на рамо, и несутъ на уготованное мѣсто предъ царскія двери, и поставляютъ: таже входитъ въ алтарь и кадиль на престолѣ святую плащаницу точію соупреди трижды и несутъ изъ алтаря царскими дверми, и кладутъ на гробѣ,

¹⁾ „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ“ за 1889 г., кн. 2. *Чинovníкъ Новгородскаго Свѣтѣйскаго собора*, стр. 208—204.

и кадитъ кругъ гроба трижды, а иподіаконы съ подсвѣщниками ходятъ кругомъ; таже протодіаконъ: „Благослови владыко“; архимандритъ: „Благословенъ Богъ“; начинаютъ вечерню“. Вечерня въ б. Успенскомъ соборѣ интересна дѣйательнымъ участіемъ въ ней архіерея. Стоя на архіерейскомъ мѣстѣ, „онъ начало вечерни и псаломъ самъ говоритъ; таже поютъ стихиры по чину, вечернихъ молитвъ не говоритъ; какъ запоютъ Славу, поклоняются власти архіерею и входятъ въ алтарь къ выходу, въ ходъ архіерей идетъ самъ, и власти поютъ: Свѣте тихій; архіерей кадитъ, иподіаконы поютъ исполаети деспота, и чтутъ пареміи, таже апостоль; архіерей отъ престола идетъ на горнее мѣсто съ трикиріями, и отдаетъ съ себя омофоръ. По апостолѣ протодіаконъ чтеть святое евангеліе за плащаницею¹⁾. И егда архіерей проговоритъ главопреклоненную молитву, тогда паки налагають на него омофоръ; а въ стиховну бываетъ цѣлованіе и отпустъ вечерни по чину съ трикиріями. А цѣлуетъ архіерей язву въ ребрѣ и рукѣ, посемъ—въ ногахъ, таже—паки въ рукѣ, а власти точію цѣлуютъ язву ножную; такожде и вси прилучившіися“ (л. л. 11—12).

Разница между уставами новгородскаго собора и московскаго состоитъ въ томъ, что по порядкамъ московскаго собора плащаницу выносили для возложенія на гробъ изъ алтаря, между тѣмъ—въ новгородскомъ ее приносили на средину храма вмѣстѣ съ гробомъ, на который, очевидно, она заблаговременно полагалась.

Но, при указанномъ различіи, оба эти устава утверждаютъ практику, съ которой не согласуется широко распространенный теперь по нашимъ соборамъ и церквамъ порядокъ выноса плащаницы изъ алтаря въ концѣ вечерни, при пѣніи тропаря „Благообразный Іосифъ“. Всего ближе этотъ послѣдній подходитъ къ современнымъ порядкамъ цер-

¹⁾ Въ новгородскомъ соборѣ евангеліе, повидимому, читалъ самъ святитель. „Чинovníкъ“, стр. 203.

квей—греческой и югославянскихъ, откуда онъ, по всей вѣроятности, и былъ заимствованъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ описывается въ современномъ греческомъ типиконѣ Великой Константинопольской церкви выносъ плащаницы въ Великій пятокъ. При пѣвнн стихирь на стиховнѣ шесть одѣтыхъ въ священныя одежды священниковъ выходятъ изъ алтаря съ вѣрными дверями и выносятъ на главѣ плащаницу ¹⁾. Впереди идутъ пѣвцы, примикирій съ подсвѣщникомъ, діаконы съ лампадами и кадильницами. За священниками—архимандрить съ евангеліемъ въ рукѣ ²⁾. Процессія направляется къ кувуклію, въ который и полагается плащаница. Особо назначенное лицо—привратникъ осыпаетъ плащаницу благоухающими цвѣтами. Подходить затѣмъ къ кувуклію патріархъ и совершаетъ положенное поклоненіе плащаницѣ. Благословивъ народъ, патріархъ отходитъ къ своему трону. Тогда подходятъ къ плащаницѣ архіереи, священники и церковные сановники. Поклонившись плащаницѣ, они принимаютъ благословеніе отъ патріарха и получаютъ отъ него цвѣты. Далѣе поется „Тебѣ одѣющагося“, читается „Нынѣ отпускаеши“ и „Трисвятое“; за нимъ—„Благообразный Іосифъ“, „Мироносицамъ женамъ“, „Премудрость“ и отпустъ ³⁾.

Самое главное отличіе современной восточной—греческой и славянской практики отъ нашей—это, безъ сомнѣнія, выходъ священнослужителей съ плащаницей не изъ царскихъ вратъ, какъ это дѣлается у насъ, а изъ боковыхъ, сѣверныхъ дверей алтаря. Но разъ въ отношеніи къ плащаницѣ въ Вел. пятокъ принята у насъ *въ общемъ*, восточная прак-

¹⁾ Плащаница названа въ типиконѣ *енитафіемъ*; въ болгарскомъ типиконѣ Терновскаго изданіе 1890 г. слово енитафій пояснено: „изображенное на плащаницѣ погребеніе“, стр. 349.

²⁾ Патріархъ не участвуетъ въ выносѣ плащаницы.

³⁾ Типиконы изд. 1860 г. стр. 291 и 1884 г. стр. 284—285. См. А. А. Дмитріевскаго—„Выносъ плащаницы на вечернѣ въ Великій пятокъ“. Рук. д. с. п. за 1885 г. т. I, стр. 255 и С. А. Данилевскаго—„Св. плащаница, и обряды, совершаемые надъ нею русскою церковію въ послѣдніе два дня Страстной седмицы“ Прав. Собесѣдникъ за 1896 г. т. I, стр. 362.

тика, и она была даже, такъ сказать, одобрена Св. Синодомъ въ 1855 г. ¹⁾, то почему бы, какъ совершенно резонно рассуждаютъ литургисты, и въ этой частности—выносѣ плащаницы сѣверными алтарными дверьми—намъ не послѣдовать за восточною церковью, а, точно также, почему бы, имѣя на глазахъ примѣръ грековъ и болгаръ, не заести и самый обрядъ выноса плащаницы въ Вел. пятокъ на страницы нашего типикона?..

Н. Пальмовъ.

---

¹⁾ Въ духѣ этой практики былъ составленъ въ этомъ году указъ Св. Синода, какъ выносить плащаницу на Благовѣщенье, прилучившееся тогда въ Великій пятокъ. См. *Моск. и. Вѣд.* № 8 т. г. „Московскій м. Филаретъ въ его литургич. дѣятельности“—*свящ. М. Бяляева*, стр. 206.

²⁾ См. № 13-й за 1908 г.

Патріотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія.

(Продолженіе ²).

Итакъ, патріотизмъ представляетъ собою одно изъ самыхъ естественныхъ явленій въ человѣческой жизни. Любовь къ отечеству, какъ голосъ самой природы, говорящій человеку, что онъ только часть цѣлаго, имѣетъ глубокіе корни во всѣхъ естественныхъ условіяхъ человѣческой жизни. Что наша родина—одна изъ самыхъ дорогихъ святынь для нашего сердца, это убѣжденіе не отжившій остатокъ старины, какъ думаютъ противники патріотизма, а зарождается въ душѣ каждаго вмѣстѣ съ первымъ поцѣлуемъ нашего отца и матери, растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ нашимъ развитіемъ, среди полей и лѣсовъ нашей родины, въ родныхъ нашихъ селахъ и городахъ. Конечно, подъ вліяніемъ разныхъ превратныхъ ученій, это наше убѣжденіе можетъ въ извѣстной степени ослабѣть, исказиться, затемниться, но не можетъ совсѣмъ искорениться или уничтожиться въ насъ. А вотъ космополитизмъ, рекомендуемый тѣми же лицами вмѣсто патріо-

¹) Въ духѣ этой практики былъ составленъ въ этомъ году указъ Св. Синода, какъ выносить плащаницу на Благовѣщенье, прилучившееся тогда въ Великій пятокъ. См. *Моск. и. Вѣд.* № 8 т. г. „Московскій м. Филаретъ въ его литургич. дѣятельности“—*свят. М. Бяляева*, стр. 206.

²) См. № 13-й за 1908 г.

тизма, напротивъ, есть такое общественное явленіе, къ которому скорѣе всего могутъ быть примѣнимы признаки нечистаго отстоя прошлыхъ вѣковъ. Какъ извѣстно, пророками космополитизма, расширяющаго идею отечества на весь міръ человѣческой, считаются „циники“ и особенно римскіе „стоики“. Но что лежало въ основѣ ихъ ученія? Упадокъ политической жизни греческихъ городовъ послѣ пелопонезской войны привелъ къ отрицательному взгляду на требованія ограниченнаго мѣстнаго патріотизма. Если прежде человѣкъ понимался только какъ гражданинъ своего города, то, съ потерей независимости городовъ (особенно во времена македонскаго, а потомъ римскаго владычества), онъ сталъ сознавать себя гражданиномъ всего міра ¹⁾. Вотъ какіе моменты преимущественно обуславливали собою первоначальное возникновеніе космополитическихъ идей. Въ настоящее время такіе моменты менѣе всего умѣстны: теперь невозможно мечтать объ образованіи какого-либо всемірнаго государства на манеръ, напр., римскаго. Напротивъ, сознаніе обособленности современныхъ государствъ выступаетъ на первый планъ: малѣйшее съ чьей-либо стороны посягательство на честь или благосостояніе того или другого государства сейчасъ же вызываетъ противъ себя взрывъ патріотическаго негодованія. Словомъ, космополитизмъ въ настоящее время является полнымъ анахронизмомъ, осколкомъ, выхваченнымъ изъ древняго времени, особенности котораго не соотвѣтствуютъ нынѣшнему.

Но патріотическая любовь, въ противоположность космополитизму, составляетъ въ насъ не только привязанность естественную, а и чувство высоконравственное. Человѣкъ, какъ существо разумно-свободное, долженъ возвышать непосредственныя влеченія и инстинкты своей природы до степени разумно-нравственныхъ стремленій свободной воли. Инстин-

---

¹⁾ Энциклоп. Слов. Брокгауза. Спб. 1895 г., XXXI полут., стр. 378—79.

ктивная привязанность его къ родинѣ должна переходить въ сознательную, основанную на разумномъ убѣжденіи, преданность и любовь къ ней, которая называется патріотическимъ долгомъ. Ясное сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ отечеству и вѣрное ихъ исполненіе образуетъ *добродѣтель* патріотизма, которая издревле имѣла и въ христіанствѣ получила и религіозную санкцію. Въ основѣ любви къ отечеству, какъ нравственной обязанности, лежитъ долгъ благодарности по отношенію къ нему, а высшимъ руководящимъ началомъ благодарности является идея *справедливости*. И по естественному влеченію своего сердца и по сознанію нравственного долга дѣти питаютъ чувство благодарности къ своимъ родителямъ, отъ которыхъ они получили самое бытіе свое и которымъ всецѣло обязаны. Этотъ-то сыновній долгъ благодарности, расширяясь въ своемъ объемѣ, но не измѣняясь въ своей сущности, составляетъ для насъ обязанность и по отношенію къ отечеству, отъ котораго мы имѣемъ всѣ необходимыя средства для своего *достойнаго* человѣческаго существованія, для развитія и совершенствованія нашихъ силъ и строенія личнаго благосостоянія. И всѣ эти средства и условія мы находимъ въ своемъ отечествѣ готовыми, данными намъ безъ всякаго съ нашей стороны труда; какъ же намъ, поэтому, не быть благодарными тому, не любить того, отъ кого все это мы получаемъ? А между тѣмъ мы слышимъ заявленія, что патріотизмъ нельзя возводить въ долгъ, какъ и вообще любовь нельзя будто бы вмѣнить въ обязанность. Но такъ ли это?

Стоитъ только прислушаться къ голосу нашей души, вникнуть во внутреннюю жизнь ея, и мы, безъ сомнѣнія, признаемъ, что любовь можетъ быть и предметомъ нашей нравственной обязанности. Кто отвергаетъ возможность этого, тотъ, очевидно, отождествляетъ любовь вообще съ чувственною любовью. Отъ этой послѣдней любви, дѣйствительно, нельзя требовать постоянства, и такую любовь трудно вмѣнить въ обязанность, потому что ея возникновеніе зависитъ

отъ наличности внѣшняго возбужденія, и ея сила и продолжительность обусловливается только силой и продолжительностію этого возбужденія. Но любовь въ истинномъ смыслѣ, какъ чисто духовное чувство, для своего возникновенія и развитія не нуждается непременно въ присутствіи посторонняго стимула, а можетъ вызываться и поддерживаться только духовными побужденіями—идеями, представленіями, вслѣдствіе чего и способна сохранять устойчивость. А такъ какъ мы своими идеями и представленіями можемъ управлять, то, по указанной связи ихъ съ чувствомъ любви, можемъ владѣть и этимъ послѣднимъ, давать ему то или другое направленіе и,—что самое важное,—ставить его себѣ въ нравственный долгъ. И христіанство, возводя любовь къ Богу и ближнимъ на степень *заповѣди* или долга (Мѡ. 22, 37—38; Іоанн. 13, 34 35), тѣмъ самымъ являетъ глубокое пониманіе духовной природы человѣка. Еще за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени люди мыслящіе (Тертуллианъ) говорили, что „душа человѣческая по природѣ христіанка“. Христіанство принимаетъ человѣка какъ онъ есть, съ его наличной природой, исправляя въ ней худое, восполняя недостающее. Оно не насилуетъ законовъ человѣческой природы, а только даетъ имъ болѣе вѣрное направленіе. Поэтому, если христіанство учитъ, что любовь есть непремѣнная обязанность каждаго, то этимъ оно не прививаетъ человѣку ничего несвойственнаго его природѣ, не требуетъ отъ него ничего невозможнаго.

Выше мы замѣтили, что добродѣтель патриотизма издревле имѣла и въ христіанствѣ получила и религіозное освѣщеніе. И дѣйствительно, у древнихъ языческихъ народовъ отечество считалось вотчиной особаго бога, и служеніе ему было для нихъ своего рода богослуженіемъ. Въ Свящ. Писаніи подвиги патриотизма изображаются рядомъ съ величайшими подвигами вѣры. Избранные сыны древняго Израиля: Моисей, Исусъ Навинъ, Самуиль, Давидъ, Ілія, Елисей, Исаія, Іеремія, Даніиль, Ездра, Зоровавель, Неемія, братья Маккавеи; великія израильскія жены: Маріамъ, Деввора, Есѡирь,

Юднѣ, представляютъ намъ образцы самаго высокаго патріотизма. Въ нѣкоторыхъ изъ святыхъ людей пламенные порывы патріотизма доходили до того, что они готовы были изъ любви къ своему народу не только пожертвовать всѣми благами временной жизни, но, если бы то было возможно, самымъ вѣчнымъ спасеніемъ своимъ. Ап. Павелъ, подражая въ этомъ случаѣ Моисею, со скорбію горилъ по поводу упорнаго невѣрія своихъ соотечественниковъ въ Господа Спасителя: „истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуешь мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ“ (Рим. 9, 1—4. Ср. Исх. 32, 32). Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ явилъ намъ въ Своей жизни высочайшій образецъ самой живой любви къ народу Своему. Онъ хотя пришелъ спасти всѣхъ людей (1 Тим. 2, 4), но прежде всего пришелъ къ „своимъ“ (Іоанн. 1, 11), къ единоплеменникамъ—„къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѣ. 10, 5—8; 15, 24). Онъ взялъ на Себя грѣхи всего міра (Іоанн. 1, 29), по Своей Божественной любви къ нему; но особенно тяжело скорбитъ Его сердце о невѣрїи и ожесточенїи избраннаго народа, не вразумившагося и такими чудесами, при видѣ которыхъ даже Тиръ и Сидонъ „во вретницѣ и пеплѣ покалялись“ (Мѣ. 11, 21). Какою глубокою скорбію дышатъ Его рѣчи, въ которыхъ Онъ предсказываетъ отверженіе и разсѣяніе Своего народа: „Іерусалимъ, Іерусалимъ,—воскликаетъ Онъ изъ глубины любящей души,—сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!“ (Мѣ. 23, 37). Предстоящая печальная судьба любимаго народа и города вызываетъ слезы у Богочеловѣка (Лук. 19, 41—44). Можетъ ли быть еще болѣе очевидное доказательство того, какъ свята для христіанна обязанность любви къ отечеству? Мы могли бы привести немало святоотеческихъ свидѣтельствъ въ доказательство этого, но послѣ приведенныхъ библейскихъ, нѣтъ надобности въ какихъ-либо новыхъ

свидѣтельствахъ. Мы однакоже не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести лишь одно свидѣтельство великаго святителя и вселенскаго учителя, Іоанна Златоуста, недавно чествованнаго нами по случаю 1500—лѣтія со дня его блаженной кончины: „Я ношу васъ въ сердцѣ своемъ,—говорилъ онъ родному антиохійскому народу,—вы занимаете всѣ мои помыслы. Великъ народъ, но и велика любовь моя къ нему, и вамъ не тѣсно будетъ въ душѣ моей. У меня нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и попеченія о вашемъ спасеніи“¹⁾. Едва ли послѣ всѣхъ этихъ доказательствъ святости патріотическаго долга можно раздѣлять мнѣніе тѣхъ, кто утверждаетъ (Л. Толстой), что христіанину безусловно надобно отказаться отъ патріотизма, какъ не согласнаго будто бы съ ученіемъ христіанства.

Правда, христіанская заповѣдь о любви всеобъемлюща: она обнимаетъ собою весь человѣческій родъ безъ различія, и іудеевъ и язычниковъ, обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ, своихъ и чужихъ, друзей и враговъ, какъ это раскрыто Господомъ въ притчѣ о милосердномъ Самарянинѣ (Лук. 10, 29—37). И, однакоже, она не обращается чрезъ это въ пресловутый космополитизмъ, который понимается какъ простое отсутствіе привязанности къ своему отечеству, будто бы теряющему всякій интересъ съ точки зрѣнія универсальныхъ идей. Такое пониманіе человѣческихъ отношеній представляетъ весьма уродливое явленіе. Космополитъ, по мѣткому выраженію Карамзина, „не живой членъ человѣческаго рода, а есть существо метафизическое“. А Тургеневъ выражается еще сильнѣе: „космополитизмъ, по нему, это—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ“. Поэтому христіанину совершенно не свойственно быть космополитомъ. Считать себя только гражданиномъ всего міра—въ сущности то же, что вовсе не считать себя гражданиномъ и отречься отъ всякихъ общественныхъ обязан-

¹⁾ Бесѣд. на 1 Кор. IX, 1.

ностей, потому что міръ человѣческой не составляет и не можетъ составлять одного гражданскаго общества, называемаго государствомъ. Есть на землѣ одно царство, но не мірское, а духовное,—это Церковь Христова, въ которую могутъ входить всѣ народы, объединяясь подъ единою Главою ея. Мірскія же царства не сливаются и не могутъ слиться въ одно гражданское общество; ибо никакая мірская власть, какъ свидѣтельствуется и всемірная исторія, не въ состояніи объединить подъ собою всѣ роды и племена людей. Раздѣльное существованіе различныхъ народовъ предопредѣлено самимъ Промысломъ Божиимъ. „Отъ одной крови,—говоритъ ап. Павелъ,—Богъ произвелъ весь родъ человѣческой, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію“ (Дѣян. 17, 26), т. е. назначилъ каждому изъ нихъ особый періодъ времени, періодъ историческаго развитія, равно какъ и извѣстныя границы мѣстожителства, которое есть его отечество, и которое дѣти должны назвать землей своихъ отцевъ¹⁾. При единствѣ происхожденія и главнаго назначенія своего, состоящаго въ „исканіи Бога“ (Дѣян. 17, 27), народы имѣютъ каждый свою особенную временную задачу, и чѣмъ лучше выполняютъ ее, тѣмъ больше содѣйствуютъ благу всего человѣчества.

Такимъ образомъ не космополитизмъ, а патриотизмъ служитъ выраженіемъ истинной любви къ ближнимъ, заповѣдуемой Христомъ. „Не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей, и бросить имъ самъ“ (Мѡ. 15, 26), сказалъ Господь хананеянкѣ, просившей у Него помощи. „На путь къ язычникамъ не ходите; а идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѡ. 10, 5—6), завѣщавалъ Онъ первымъ послѣдователямъ Своимъ. И апостолы, всегда покорные завѣтамъ своего Учителя, считали долгомъ своимъ „первѣе глаголати слово“ соотечественникамъ. Ап. Павелъ учитъ: „если кто о своихъ и

¹⁾ Г. Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 525 Сиб. 1890 г.

особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрется отъ вѣры, и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). Преимущественнѣйшею любовью къ тѣмъ людямъ, къ которымъ мы поставлены въ ближайшія отношенія, мы должны учиться любить и всѣхъ остальныхъ, самыхъ отдаленныхъ, нашихъ ближнихъ. Только тотъ истинно можетъ любить все человѣчество, кто любить свой народъ, и только тотъ можетъ любить свой народъ, кто любить свою семью. Обольщаются, или лицемѣрятъ тѣ, кто говорятъ, что они любятъ всѣхъ людей, и не любятъ своихъ соотечественниковъ,—или любятъ соотечественниковъ, и не любятъ своихъ домашнихъ. Правильное развитіе человѣческихъ отношеній совершается, такъ сказать, не отъ окружности къ центру, а отъ центра къ окружности. Нельзя научиться любить, начавъ съ неопредѣленной идеи человѣчества, и затѣмъ мало-помалу перенося свою любовь на болѣе тѣсныя представленія народа и семьи. Такъ можно научиться любить только свои собственныя представленія и идеи о людяхъ, но не живыхъ людей. Любовь, какъ чувство конкретное, возбуждается въ насъ живыми личностями, а не идеями. Мы прежде всего научаемся любить самыхъ близкихъ къ намъ людей—отца, мать, братьевъ, сестеръ, товарищей, сослуживцевъ, знакомыхъ, и затѣмъ наше чувство расширяется до болѣе широкихъ привязанностей—къ землякамъ, единоплеменникамъ и ко всему міру человѣческому. Но на этой послѣдней и самой отдаленной ступени общественнаго развитія для насъ не теряютъ своего значенія и прежнія, болѣе тѣсныя формы человѣческихъ отношеній.

Широтою христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ патріотизмъ не исключается, а только очищается отъ эгоистическихъ элементовъ. Въ древности люди различныхъ народовъ смотрѣли другъ на друга, какъ на враговъ, и каждый считалъ справедливымъ вредить всѣмъ, кто не принадлежалъ къ его народу. Въ языческомъ мірѣ и просвѣщеніе не измѣнило такого взгляда. Язычники не умѣли любить свое отечество иначе, какъ ненавидя иноземцевъ. Имъ, безъ сомнѣнія,

знакомо было патріотическое чувство, но насквозь, такъ сказать, пропитанное эгоизмомъ. Свой народъ, своя страна особенно дороги и для христіанина; но все же отечество не должно составлять для него цѣлаго міра, внѣ котораго все было бы ему чуждо. Онъ долженъ признавать права всякаго чело-вѣка не только на справедливость, но и на братское расположе-ніе къ себѣ другихъ. „Ничто чело-вѣческое не должно быть мнѣ чуждо“: такъ сознавать и чувствовать долженъ вмѣстѣ съ древнимъ мудрецомъ и всякій христіанинъ.

Въ чемъ же состоитъ патріотическое чувство? Многообъ-емлющее чувство любви къ отечеству составляется изъ различныхъ привязанностей. Укажемъ на главнѣшія изъ нихъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ привязанность къ род-ной *странѣ*, т. е. къ той опредѣленной территоріи на зем-ной поверхности, гдѣ мы получили жизнь, гдѣ вкусили пер-вые ея радости, гдѣ мы рѣзвились и играли и гдѣ сродни-лись съ самымъ воздухомъ, исцѣляющимъ, по словамъ Ка-рамзина, даже наши недуги, пріобрѣтенныя на чужой сторо-нѣ¹⁾. Не всякій, оставившій родную страну, скоро можетъ привыкнуть къ чужой; на родинѣ намъ дорогъ рѣшительно каждый уголокъ, напоминающій о нашемъ дѣтствѣ; здѣсь, подѣ влияніемъ различныхъ условій, сложились наши привыч-ки и нашъ характеръ. Какъ съ самымъ близкимъ другомъ, мы тѣсно сживаемся съ родной страной, какова бы она ни была. „И лапландецъ, говоритъ Карамзинъ, рожденный въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ зем-ли своей“. Когда мы расстаемся съ родиной, насъ преслѣ-дуетъ тяжелое чувство разлуки съ ней. И какими бы карти-нами другихъ странъ мы ни обогащали потомъ своего вообра-женія, случаются минуты, когда предъ нашими глазами за-стилаются всѣ эти картины, и на ихъ мѣсто всплываютъ ми-лая картины нашей родины:

¹⁾ Карамзинъ. „О любви къ отечеству и народной гордости“.

Песчаный косогоръ,
 Предъ избушкой двѣ рябины,
 Калитка, сломанный заборъ.

Слово Божіе говоритъ, что Господь раздѣляетъ страны для обитанія народовъ, чтобы каждый изъ нихъ, пользуясь дарами природы въ той, которая дана ему, взыскалъ Господа, возблагодарилъ Его и служилъ Ему (Дѣян. 17, 26—28). Трудно даже мыслію обойти предѣлы страны, которую Господь далъ намъ, русскимъ, въ обладаніе. Сосѣди смотрятъ на нее съ завистью, исчисляють ея богатства и осуждаютъ насъ, къ сожалѣнію, не безъ основанія за неумѣнье ими пользоваться. Не обличаютъ ли они этимъ въ неблагодарности тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, засмотрѣвшись на красоты чужихъ странъ, охладѣли къ своей?

Предки наши называли землю Русскую землю святою въ томъ убѣжденіи, что она въ теченіе многихъ вѣковъ служила мѣстомъ явленія чудесныхъ знаменій промысленія Божія о народѣ нашемъ, что она обогрета кровію великихъ борцовъ за отечество, что освящена почивающими въ ней святыми останками угодниковъ Божіихъ. Не обличаетъ ли это убѣжденіе предковъ тѣхъ изъ насъ, которые оставляють свою родину, чтобы найти себѣ другую на чужбинѣ? Живя многіе годы, иногда до самой смерти, за границей, они, по какому-то тайному внушенію совѣсти, завѣщаваютъ только погребсти свои кости въ родной землѣ. Незавидное наслѣдство для отечества отъ тѣхъ, кто, узнавъ доброе въ другихъ странахъ, должны были бы поспѣшить домой, какъ пчелы въ свой улей съ медомъ, чтобы насадить это добро на родинѣ, въ чемъ такъ она нуждается! Прот. *Николай Стеллецкій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. (Къ 300-лѣтнему юбилею его кончины).

(Продолженіе ¹⁾).

Съ возникновеніемъ униі явилась потребность въ расширеніи издательской дѣятельности въ пользу православія и русскаго народа. Князь К. К. Острожскій не жалѣетъ денегъ на это дѣло. Въ началѣ XVII вѣка онъ открываетъ на свой счетъ другую типографію въ Дерманскомъ монастырѣ. Вотъ какъ отзывается объ усердіи князя по изданію книгъ на пользу Православной Церкви послѣсловіе въ первой книгѣ Дерманской печати—октоихѣ (1603 г.): „Сей (князь), яко вси есте днесь свидѣтели, время все житія своего яко въ любезныхъ и сладостнѣйшихъ ему трудѣхъ же и подвижѣхъ ради умноженія славы вышняго Бога и въ тяжкихъ нуждахъ, о еже сохранитися цѣлу благочестію св. соборныя апостольскія Церкви, усердно и любезно, купно съ нещаднымъ ему изнуреніемъ имѣній, ижливъ, и даже до днесь раждеженное его сердце любовію еже о свободѣ и мирѣ Православія не угасаетъ, ниже о семъ тщатися не престаеть. На сіе бо самое и монастырь свой глаголемый Дерманъ со всѣми довольствами отлучивъ, киновію устрои и (типарное) се дѣло присовокупивъ, яко да иноки сугубо и трегубѣ пользующе церковное благочиніе пребудуть“. Въ Дермани издано было еще при жизни князя нѣсколько книгъ богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ ²⁾.

Главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ Даміанъ Наливайко, владѣвшій хорошо греческимъ языкомъ, и переводившій съ этого языка на славянскій и литовско-русскій цѣлыя сочиненія. Дерманскія изданія имѣютъ ту особенность,

¹⁾ См. № 13-й за 1908 г.

²⁾ Таковы: Октоихъ (1603 г.), „Листъ Александрійскаго патріарха Мелетія къ отступнику Поцѣю“ (1605 г.), „Лѣкарство на оспалый умыселъ“.

что въ нихъ параллельно съ текстомъ церковно-славянскимъ помѣщается и переводъ его на литовско-русскій языкъ ¹⁾). Этимъ удовлетворялось желаніе князя Острожскаго сдѣлать издаваемыя книги вполне доступными для всѣхъ классовъ общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способствовать усилению знакомства въ русскомъ народѣ съ забываемымъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по основаніи Дерманской типографіи князь Острожскій началъ было хлопотать объ учрежденіи типографіи въ Кіевѣ. Онъ подарилъ Кіево-Печерской Лаврѣ на это дѣло нѣсколько селъ и деревень и уже послалъ въ Кіевъ изъ Острога шрифтъ и принадлежности типографіи; но смерть не дала ему возможности видѣть открытіе этой типографіи ²⁾).

Изъ всего сказаннаго видно, какъ обширна и плодотворна была дѣятельность князя для просвѣщенія русскаго народа и защиты православія. Мы видѣли, въ какомъ жалкомъ и безпомощномъ положеніи была наша Церковь и народъ до выступленія на помощь имъ этого князя. До него юго-западная Русь безъ школъ, безъ книгъ, безъ ученыхъ, подъ сильнымъ натискомъ иновѣрія, была почти безотвѣтна. Благодаря просвѣщенной ревности князя, она, спустя лѣтъ 20, успѣваетъ настолько въ образованіи, что можетъ смѣло вступить въ борьбу съ сильно развитыми ученіями иновѣрцевъ, выдвигаетъ изъ своей среды ученыхъ защитниковъ нашей вѣры и обличителей кичливаго заблужденія, на каждое возраженіе готовъ у нея достойный отвѣтъ, ея литература удовлетворяетъ потребностямъ времени, живое стремленіе къ образованію въ духѣ православія и русской народности заступаетъ мѣсто прежняго пристрастія къ иноземцамъ

¹⁾ Такъ издана была книга „Лѣкарство на оспальный унысль“. Въ богослужебныхъ книгахъ параллельными текстами излагались только обычные предисловія, въ которыхъ говорилось о пользѣ, употребленіи и значеніи книги.

²⁾ Она открыта была уже въ 1618 году.

даже отчасти и въ высшихъ сословіяхъ общества. Современники высоко цѣнили заслуги князя Константина для русскаго образованія, сравнивая его съ Владиміромъ святымъ, просвѣтившимъ Русскую землю св. вѣрою, и съ Ярославомъ Мудрымъ ¹⁾. Сотрудники князя, больше всѣхъ видѣвшіе горячее усердіе и неустанные труды его на пользу духовнаго просвѣщенія и къ утвержденію православія, не находятъ словъ для выраженія ему благодарности, приглашаютъ всѣхъ къ содѣйствію его предпріятіямъ и прославленію Бога, „даровавшаго въ сіи времена русскому народу такого свѣтильника Церкви—благочестиваго князя“ ²⁾.

II. II.

---

¹⁾ „Прежде св. Владиміръ, говорится въ предисловіи къ Острожской Библии, крещеніемъ просвѣтилъ всю землю русскую богоразуміемъ освѣтилъ. Цынѣ Константинъ Острожское княжа, его же Богъ самъ избралъ яко вѣрна стража, Владиміръ бо свой народъ крещеніемъ просвѣтилъ, Константинъ же богоразумія писаніемъ освѣтилъ... Ярославъ заданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украсил, Константинъ же единую соборную Церковь украсил“.

²⁾ Предисловіе къ книгѣ „О постничествѣ“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 31-го марта 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

№№ 15 — 16.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года 13—20-го апрѣля.

Содержаніе: I. Значеніе воскресенія Христова. А. А.—II. Вечерня въ пер-
вый день Пасхи Н. Вальмовъ.—III. Въ домѣ о. Григорія. Николай
К—совъ.—IV. Патріотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія.
(Окончаніе). Прот. Н. Стеллецкій.—V. Замѣтка. Къ характеристикѣ
католическаго духовенства. В. Николаевъ. VI. Опечатка.

Значеніе воскресенія Христова.

Привѣтствуемъ читателей съ Свѣтлымъ воскресеніемъ
Христа. Свѣтлое воскресеніе Христово... Не даромъ оно на-
зывается *свѣтлымъ*: оно проливаетъ свѣтъ на все служеніе
Христа, освѣщаетъ путь, по которому долженъ идти чело-
вѣкъ, обезпечиваетъ людямъ впереди, въ будущемъ свѣтъ и
радость.

Иисусъ Христосъ во время Своего служенія на землѣ
не разъ говорилъ Своимъ ученикамъ, что Онъ будетъ распятъ
на крестѣ, но послѣ страданій и смерти въ третій день вос-
креснетъ. Ученики Его не могли сознательно отнестись къ

этимъ словамъ и понять надлежащій смыслъ рѣчей Спасителя о смерти Его. Въ отвѣтъ на эти рѣчи одинъ разъ ап Петръ отвѣчаетъ Ему: „Будь милостивъ къ Себѣ, Господи!“ Въ другой разъ апостолы Іаковъ и Іоаннъ обращаются къ Нему съ просьбой посадить ихъ одного по правую, другого по лѣвую сторону Себя. Не понимали ученики Христа словъ Его о крестныхъ страданіяхъ и смерти Его потому, что заражены были предрасудками относительно Христа - Спасителя. Они мечтали о славномъ царѣ, завоевателѣ народовъ, основателѣ царства, въ которомъ іудеи займутъ первыя мѣста, а всѣ народы будутъ ихъ рабами. Такого царя ожидали ученики вмѣстѣ со всѣмъ народомъ іудейскимъ, но на самомъ дѣлѣ что случилось съ Тѣмъ, Кого считали за ожидаемаго царя Мессію? Вотъ Онъ схваченъ въ саду Геосиманскомъ слугами архіерейскими. Его повлекли на судъ первосвященниковъ. Архіерейскій судъ приговорилъ Его къ смерти. Повлекли на судъ Пилата. Защищавшій сначала Того, въ Комъ не находилъ никакой вины, Пилатъ потомъ уступилъ неистовству толпы, нафанатизированной фарисеями и книжниками, предаль Христа на пропятіе. Вотъ воины издѣваются надъ Нимъ. Вотъ ведутъ Его на распятіе. Вотъ, наконецъ, Онъ распятъ на крестѣ на Голгоѣ. Что могли подумать о Немъ ученики Его? Какое впечатлѣніе произвели на нихъ, какія мысли и чувства вызвали у нихъ всѣ эти событія? Фарисеи, книжники, первосвященники и всѣ враги могли торжествовать—хотя, надо сказать, плохое торжество подъ страхомъ воскресенія Побѣжденнаго!—могли торжествовать побѣду: уничтоженъ Тотъ, Который всенародно обличалъ ихъ, отнималъ у нихъ авторитетъ непогрѣшимыхъ учителей и общепризнанныхъ праведниковъ. Въ противоположность имъ ученики Христа были поражены и подавлены всѣмъ происшедшимъ. Страхъ и недоумѣніе овладѣли ими. Что же это?—какъ бы такъ размышляли они. Мы ожидали царя, но вотъ Онъ вмѣстѣ съ злодѣями преданъ казни. Мы ожидали царя *славы*, но вотъ—посрамленіе и позоръ. Мы ожидали

первыхъ мѣстѣ въ Его царствѣ, а вмѣсто того—страхъ и боязнь. Не ошиблись ли мы?!.. И такія мысли и чувства не одинъ день мучили ихъ.

Но вотъ вдругъ проносится вѣсть: „Христось воскресъ!“ Какъ молнія разсѣкаетъ тучу, какъ искра прорѣзаетъ тьму, такъ вѣсть о воскресеніи Учителя поражаетъ упавшій и смущенный духъ учениковъ. Правда ли это?! Дѣйствительно ли Христось воскресъ?.. Но вотъ женщины видѣли Его... Ап. Петру Онъ явился... Двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ... Всѣмъ апостоламъ... Такъ что же, Онъ дѣйствительно воскресъ? Такъ, значить, правду Онъ сказалъ, когда предсказывалъ о Своихъ страданіяхъ и смерти на крестѣ и воскресеніи? Такъ, слѣдовательно, истинны Его слова и о Духѣ-Утѣшителѣ, объ Отцѣ Небесномъ, о вѣчной жизни и небесныхъ обителяхъ? Такъ истинно Его ученіе и о благодати, о грѣхѣ и добродѣтели, о блаженствѣ кроткихъ и смиренныхъ, о боговидѣніи чистыхъ сердцемъ, о радости и наградѣ на небесахъ всѣхъ страдальцевъ за имя Его? Да, Христось дѣйствительно воскресъ, и все ученіе Его—непреложная истина. Явившись ученикамъ Своимъ по воскресеніи Своемъ, Иисусъ Христось *отверзе имъ умъ разумѣти писанія* (Лук. 24, 45). И поняли ученики, что Иисусъ Христось и есть обѣтованный Мессія, Спаситель міра; что все, предсказанное пророками и въ псалмахъ исполнилось на Немъ, и ученіе Его—истина; что ошиблись они не въ Немъ, Спасителѣ, а въ своихъ національныхъ мечтахъ о Немъ, какъ славномъ земномъ іудейскомъ царѣ. Вотъ что сказало апостоламъ воскресеніе Христова.

Христось воскресъ, и этимъ *оправдалъ* Себя и Свое ученіе. Христось воскресъ, и этимъ показалъ, что Онъ и есть обѣтованный Мессія, Спаситель міра, Побѣдитель грѣха, смерти и ада, Источникъ жизни людей. Христось воскресъ, и этимъ *фактически доказалъ*, что ученіе Его о воскресеніи мертвыхъ, о будущей вѣчной жизни за гробомъ, о блаженствѣ праведниковъ въ ней, о торжествѣ добродѣтели надъ

зломъ—непреложная истина. Такъ воскресеніе Христа проливаетъ свѣтъ на все служеніе Его.

Воскресеніе Христово и освѣщаетъ путь человѣческой жизни. Своимъ воскресеніемъ Иисусъ Христосъ показалъ, что жизнь людей не кончается земнымъ прозябаніемъ,—какъ это не большею ли частью бываетъ?—а продолжается и послѣ смерти, даже тогда наступаетъ лучшая этой земной, свѣтлая жизнь. Такая жизнь наступитъ для тѣхъ, кто удаляется отъ грѣха, борется съ нимъ, такъ какъ Воскресшій чуждъ грѣха, и на землю приходилъ для того, чтобы выстрадать грѣхъ, и воскресеніемъ Своимъ разрушилъ царство его; для чистыхъ сердцемъ, какъ Онъ чистъ и святъ; для кроткихъ и смиренныхъ, какъ Онъ кротокъ и смиренъ; для любящихъ Бога и людей, послушливыхъ и самоотверженныхъ, какъ Онъ по послушанію Отцу, по любви къ людямъ *душу Свою положилъ за други Своя*. Такія мысли ясно показываютъ, какъ долженъ христіанинъ жить на землѣ, съ какимъ расположеніемъ долженъ совершать свой земной жизненный путь. И такъ, христіанинъ, не забывай о блаженной вѣчности! Знай, что чистые, кроткіе, любящіе, терпѣливые наследуютъ ее! Стяжи же эти добродѣтели! Одѣнь свою душу хитономъ добрыхъ дѣлъ! Отбрось порокъ и нечистоту! Терпи тягости жизни! Пусть онѣ помогаютъ тебѣ не привязываться сердцемъ къ землѣ и возноситься къ небу! Словомъ, живя на землѣ, будь гражданиномъ неба!

Воскресеніе Христово обезпечиваетъ людямъ свѣтъ и радость въ будущемъ, впереди. Оно говоритъ намъ, что, подобно Христу, и мы, если останемся до гроба вѣрны Ему, воскреснемъ въ свѣтломъ духовномъ тѣлѣ, сбросимъ это тяжелое, слабое, подверженное болѣзнямъ, страстное, какое носимъ теперь; будемъ свободны отъ трудовъ, изнуренія, скорбей, страданій земныхъ, а вмѣсто нихъ будемъ въ радости и веселіи славить Господа; тамъ, въ блаженной жизни, свѣтломъ будущемъ нѣтъ мѣста злобѣ, лжи, насилію, неправдѣ, развѣдающимъ нашу земную жизнь, ацарствуетъ любовь, довѣрчивая простота и искренность, тамъ *правда живетъ*.

Ужъ изъ того малаго, что сказали мы, видно, какъ велико значеніе, важно для насъ воскресеніе Христово. Потому-то св. Церковь такъ и отмѣчаетъ это событіе, какъ ни одно другое,—посвящаетъ празднованію его не одинъ только день въ году, а и одинъ день каждой недѣли. Этимъ св. Церковь внушаетъ намъ, что воскресеніе Христа—важнѣйшее событіе во всемъ Его служеніи нашему спасенію, что Пасха святая—*праздниковъ праздникъ и торжество есть торжество.*

А. А.

Вечерня въ первый день Пасхи *).

Древняя Иерусалимская церковь вечеръ перваго дня Пасхи освящала молитвою въ храмъ Воскресенія. Здѣсь служилась вечерня, послѣ которой народъ съ радостными пасхальными пѣснопѣніями шелъ на Сіонъ. Пѣснопѣнія эти не умолкали и въ самомъ сіонскомъ храмѣ. По окончаніи ихъ, тамъ произносилась молитва и читалось изъ Евангелія „то мѣсто, гдѣ въ тотъ же день и въ томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь ¹⁾ церковь на Сіонѣ, Господь, дверемъ затвореннымъ, вошелъ къ ученикамъ, т. е. тогда, когда одинъ изъ учениковъ, именно Оома, не былъ тамъ и, возвратившись, на слова другихъ апостоловъ, что они видѣли Господа, сказалъ: „аще не вижу, не иму вѣры“. И по прочтеніи этого, снова произносится молитва; благословляются оглашенные, потомъ вѣрные, и каждый возвращается къ себѣ домой, приблизительно во второмъ часу ²⁾ ночи“.

Такъ описываетъ вечеръ перваго пасхальнаго дня Сильвія аквитанская, римская паломница въ Св. Землю въ IV в. ³⁾

*) О пасхальной *заутренѣ* см. „Рук. д. с. н.“ за 1905 г. т. I, стр. 402—422, о *литургии* въ первый день Пасхи *ibid.* за 1906 г. т. I, стр. 375—386.

¹⁾ Въ IV в.

²⁾ По современному счету времени—въ восьмомъ часу вечера.

³⁾ *Gamurrini*—*Peregrinatio ad loca sancta*. „Православный Палестинскій Сборникъ“ т. VII, вып. 2. Спб. 1889, стр. 162.

Въ словахъ Сильвіи заслуживаетъ особеннаго вниманія указаніе на *литанію*, которая, слѣдуя за пасхальной вечерней, совершалась по дорогѣ изъ храма Воскресенія въ храмъ сіонскій и здѣсь оканчивалась евангеліемъ и молитвами. Это евангеліе — то же, что читается и теперь въ вечеръ перваго дня Пасхи, но не на литаніи (ея нѣтъ теперь въ составѣ вечерняго пасхальнаго богослуженія), а послѣ великаго прокимна вечерни.

Мы не знаемъ состава пасхальной вечерни въ храмѣ Воскресенія, но отъ IX—X в. сохранился чинъ вечерни въ храмѣ на Сіонѣ. Сіонская вечерня, какъ и теперь, на „Господи воззвахъ“ имѣетъ воскресныя стихиры 2 гл. и еще—спеціальныя того же 2 гл. Прокимень „Кто Богъ велий“; за нимъ—„Сподоби Господи“, стихиры на стиховнѣ и стихиры пасхальныя. Послѣ стихирь діаконъ возглашаетъ: „И о сподобитися намъ“, а *протопопъ* читаетъ отъ Іоанна: „Сущу поздѣ въ день той“... Конецъ: „не иму вѣры“. За симъ—ектенья и отпустъ¹⁾. Необычное положеніе евангелія въ концѣ сіонской вечерней службы наводитъ на мысль, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ концомъ *литаніи*, которая въ IX—X в. соединилась въ одно цѣлое съ вечерней и въ такомъ видѣ совершалась въ сіонскомъ храмѣ. Это положеніе евангелія въ концѣ вечерней службы удержалъ у себя и древнѣйшій (до XI—XII в.) типиконъ Великой константинопольской церкви, при чемъ онъ сохранилъ такую подробность, которая заставляетъ считать евангеліе принадлежностью собственно не пасхальной вечерни, а пасхальной *литаніи*. Именно, въ Софійскомъ типиконѣ не только сказано, что евангеліе читается *по окончаніи вечерни*²⁾, но указано и то, что евангеліе читается въ одной изъ моленъ

¹⁾ А. А. Дмитріевскаго.—Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в. Каз. 1894, стр. 197—198.

²⁾ Μετά τήν συμπλήρωσιν τοῦ λογιχοῦ.

патріаршаго дома, куда направляется патріархъ съ литаніей изъ Великой церкви послѣ вечерни¹⁾).

Около XII в. обычай читать евангеліе въ молебный патріархіи прекратился, и на смѣну ему явился обычай читать евангеліе въ самой Великой церкви; очевидно, евангеліе вошло тогда въ составъ общей вечерней службы такъ же, какъ вошло оно въ составъ вечерни на Сіонѣ. Иногда евангеліе читалъ въ Софіи *протопресвитеръ* на амвопѣ, иногда же—*патріархъ* со ступени престола, обратившись лицомъ къ народу²⁾. Евангеліе оканчивалось словами: „ихъ же держите, держатся“; так. обр., оно содержало въ себѣ только повѣствованіе о первомъ явленіи воскресшаго Господа ученикамъ и дарованіи имъ власти проповѣдывать среди всѣхъ народовъ евангеліе отпущенія грѣховъ, но не включало разсказа о невѣрїи ап. *Томы*³⁾. Вѣроятно, этотъ послѣдній разсказъ имѣлъ нарочитое значеніе, по взгляду древнихъ учредителей богослужебнаго чина, только въ Сіонскомъ храмѣ,—тамъ, гдѣ за богослуженіемъ имѣлось въ виду привести на память молящихся все, что произошло на Сіонѣ въ первый субботній вечеръ, когда ученики Господа собрались вмѣстѣ, и *Томасъ не бытъ съ ними*.

Впрочемъ, надо думать, что къ тому времени, когда Константинопольская церковь, вслѣдъ за Іерусалимской, ввела

¹⁾ *А. А. Дмитріевскаго*.—„Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока“. Т. I, Кіевъ, 1895, стр. 137 и примѣч. 1.

²⁾ *А. А. Дмитріевскаго* — „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока“ т. I, Кіевъ 1895 г., стр. 137, прим. 1. „Древнѣйшіе патріаршіе типиконы—святогробскій іерусалимскій и Великой константинопольской церкви“. Кіевъ, 1907, стр. 148.

³⁾ Въ типиконѣ IX—X в. Великой констант. церкви евангеліе это называется τὸ εὐαγγέλιον τὸ ἀναστάσιμον. Удареніе на послѣднемъ словѣ—„воскресное“ не указываетъ ли на исключительную цѣль дать молящимся этимъ евангельскимъ чтеніемъ свидѣтельство о *воскресеніи* Господа въ Его явленіи ученикамъ и словахъ, обращенныхъ къ ученикамъ, въ вечеръ субботняго дня?..

у себя обычай читать евангеліе на вечернѣ въ *Cofin*, то тогда перенесла она къ себѣ и обычай читать евангеліе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ читалось оно на Сіонѣ, т. е. кончая словами: „не иму вѣры“. По крайней мѣрѣ, этотъ размѣръ евангелія указывается уже въ XII в. типикономъ Евретидскаго монастыря, а этотъ типиконъ, какъ извѣстно, носитъ на себѣ явные слѣды вліянія богослужебныхъ порядковъ Великой константинопольской церкви¹⁾.

Не имѣемъ возможности прослѣдить по памятникамъ, съ какого времени и подъ воздѣйствіемъ какихъ причинъ чтеніе евангелія перенесено было съ конца вечерни на моментъ послѣ великаго прокимна „Кто Богъ велий“; можемъ лишь сказать, что въ упомянутомъ Евретидскомъ типиконѣ евангеліе положено уже послѣ великаго прокимна...

Что касается до общаго характера древней пасхальной вечерни, то, несомнѣнно, это была служба *пѣсенная*. Стихи псалмовъ перемежались у нея тропаремъ „Христосъ воскресъ“ и спеціальными пасхальными пѣснопѣніями (стихирами). Пѣсенный свой характеръ пасхальная вечерня сохранила и до настоящаго времени.

Къ наслѣдію глубокой богослужебной древности надо отнести и сохранившійся до нынѣ обычай совершать пасхальныя службы при отверстыхъ царскихъ вратахъ. Это—воспоминаніе древняго обычая совершать и вообще богослуженіе предъ взорами молящихся, но особенно—тѣ торжественныя службы, которыя назывались пѣсенными. На пѣсенныхъ службахъ положенное по чину совершалось внѣ алтаря, за исключеніемъ особенныхъ моментовъ, въ которые священно-служители вступали въ алтарь, и которые имѣютъ особое наименованіе *входовъ*. Внѣ алтаря исполнялись и древнія пасхальныя службы, какъ пѣсенныя. Когда же, съ забвеніемъ пѣсенныхъ службъ, сталъ выходить изъ церковной практики обычай священнослужителей находиться предъ воз-

¹⁾ „Описание литургич. ркн...“ стр. 560.

рами народа, въ самомъ храмѣ, и они перешли въ алтарь, куда отнесена была и бѣльшая часть богослужебныхъ обрядовъ, то, естественно, необходимо стало въ наиболѣе торжественныхъ случаяхъ отверзать царскія врата, чтобы молящіеся имѣли возможность видѣть совершаемыя въ алтарѣ священнодѣйствія и яснѣе могли слышать произносимыя тамъ священнослужителями слова. XI—XII в. слѣдуетъ считать рубежомъ, когда древнѣйшая практика совершенія пѣсенныхъ службъ столкнулась съ новою: мы видимъ, что въ то время, какъ Еввертидскій, напр., тишконъ вноситъ на свои страницы особое замѣчаніе о чтеніи евангелія и совершенія всего послѣдованія пасхальной вечерни именно *въ* алтаря, въ то же самое время тишконъ Студійскій (Алексеѣвскій) настаиваетъ, чтобы служба совершалась „внутри божественнаго алтаря священниками“¹⁾.

Новая практика, какъ извѣстно, взяла верхъ надъ старой, и теперь пасхальныя службы совершаются внутри алтаря, хотя и при открытыхъ царскихъ вратахъ. Последнее обстоятельство истолковывается въ смыслѣ „знаменованія того, что воскресеніемъ Иисуса Христа открытъ всѣмъ доступъ на небо“²⁾.

Изъ древне русскихъ богослужебныхъ памятниковъ съ наибольшою подробностью и обстоятельностью изложена пасхальная вечерня въ „Чинovníкѣ“ новгородскаго Софійскаго собора. Вечерня въ новгородской Софії совершалась торжественно „святителемъ“ въ сослуженіи соборнаго духовенства. „За четыре часа ночи“, т. е. по нашему счету времени въ 2 ч. дня, начинается въ соборѣ благовѣсть. Святитель приходитъ въ соборъ; встрѣченный протодіакономъ, онъ „творитъ приходные поклоны по обычаю“ и облачается на амвонѣ

¹⁾ „Описаніе литургич. рукоп.“ стр. 560 и *И. Д. Мансветова*—„Церковный Уставъ, его образованіе и судьбы въ греческой и русской церкви“. М. 1885, стр. 150.

²⁾ *П. Лебедева*—„Наука о богослуженіи Православной Церкви“ т. 2. М. 1895, стр. 71.

“по чину“ въ бѣлый саккосъ; при облаченіи святителя „поддіаки“ на амвоѣ поють пасхальную стихиру. По облаченіи, „протодіаконъ кличетъ исполайти велегласно, а поддіаки поють преосвященному со многолѣтіемъ“.

Тогда *протопопъ* съ діаконѣмъ, „сотворь ко святителю, стоя въ царскихъ дверехъ, поклоненіе“, начинаютъ вечерню по уставу. Послѣ ектеньи, протопопъ съ діаконѣмъ кадитъ алтарь и церковь по чину; святитель читаетъ молитвы. Совершивъ кажденіе, протопопъ подходитъ къ святительскому мѣсту, ризничей же и дьяконы входятъ въ алтарь, чтобы приготовить все необходимое къ входу. На стихирахъ „поддіаки“ предъ святительскимъ мѣстомъ стоятъ „по сторонамъ въ рядъ благочинно“. Когда начнутъ пѣть догматикъ, „выходъ съ евангеліемъ бываетъ, а впереди идутъ поддіаки съ большими свѣчами, а предъ евангеліемъ съ благословящими свѣчами“. Святитель входитъ въ алтарь и кадитъ его; пѣвцы на клиросѣ поють *εἰς πολλὰ*, поддіаки же поють—одна часть („станца“) на амвоѣ—„Святая славы“, другая, въ алтарѣ, *εἰς πολλὰ*. „И по кажденіи и по прокимнѣ, у амфора ростегаютъ пугвицы наготово и подносятъ ко святителю евангеліе. Протодіаконъ глаголетъ: И о сподобитися намъ достойно послушати святаго евангелія и прочая; тоже святитель: Отъ Иоанна святаго евангелія, и чтеть святитель евангеліе у престола, и два діакона со свѣчами большими свѣтятъ“. Когда святитель кончитъ евангеліе, „поддіаки поють за престоломъ: исполайти деснота, а пѣвцы—Слава Тебѣ Господи“. „И въ то время по скору соймутъ со святителя амфоръ и отдадутъ протодіакону, а протодіаконъ, пріемъ амфоръ, предъ царскими дверми глаголетъ ектенью съ амфоромъ“. За ектеншей слѣдуютъ стихиры на стиховнѣ, во время пѣнія которыхъ, „протопопъ съ попы разоблачаются“, на святителя же протодіаконъ надѣваетъ омофоръ. Возгласъ: „Сый благословень“ дѣлаетъ самъ святитель; онъ же, на срединѣ собора, съ крестомъ въ рукахъ, творитъ и отпустъ, а потомъ—съ святительскаго мѣста благословляетъ подходящихъ къ нему свя-

щенниковъ и народъ „по обычаю“. Пѣвцы поютъ неспѣшно повечеріе. По благословеніи народа, „святитель разоблачается; а по отпустѣ навечерни, творить святитель прощеніе къ священникомъ и къ народу“; затѣмъ, въ сопровожденіи поддіаконовъ, идетъ „въ келлію свою, славя Бога“. „И того вечера въ Софійскомъ дому у святителя всходъ на погребъ Софійскому всему собору“,—такимъ любопытнымъ въ бытовомъ отношеніи замѣчаніемъ объ угощеніи соборной братіи изъ архіерейскаго погреба новгородскій „Чиновникъ“ заканчиваетъ описаніе вечерней службы въ первый день пасхальной седмицы¹⁾.

„Чинъ священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемый въ большомъ Успенскомъ соборѣ“, воскрешающій прежніе порядки этого стариннаго московскаго собора, даетъ о пасхальной вечернѣ краткія свѣдѣнія, которыя сводятся къ тому, что вечерню служатъ архіерей, начало вечерни полагаетъ первый архимандритъ съ кадиломъ и свѣчей, онъ же кадитъ всю церковь, держа въ рукѣ крестъ: „архіерей токмо говоритъ входную молитву, „Вечерь и заутра“; по великомъ прокимнѣ „архіерей чтеть святое евангеліе въ алтарѣ обратясь къ народу, по евангеліи осѣняетъ трикиріями“; отпустъ— „по чину“²⁾.

Интересно, что въ древней Руси послѣ пасхальной вечерни не всегда пѣлось повечеріе даже по монастырямъ, и это дѣлалось не въ одинъ первый день Пасхи, но въ продолженіе всей пасхальной седмицы. Такъ въ ркп., напр., Уставѣ XVI—XVII в. библи. Кіево-Михайловскаго монастыря (№ 424—1667) читаемъ: „И абіе“ (т. е. послѣ „Сый благословенъ“ и „Христось воскресе“) „глаголетъ іерей молитву отпустную; цѣловавше и святаыя иконы, исходимъ. Тако творимъ во всю седмицу вечерни воспослѣдованія“³⁾...

¹⁾ „Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ“ за 1899 г. кн. 2. *Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго ообора*. А. Голубцова, стр. 216—217.

²⁾ Л. 16 об.

³⁾ Л. 194 об.

Крупную особенность современной вечерней службы въ первый день Пасхи на православномъ Востокѣ—въ Иерусалимѣ, Константинополѣ и въ славянскихъ земляхъ составляетъ то, что тамъ къ вечернѣ приурочивается чтеніе евангелія на разныхъ языкахъ¹⁾. Правда, древніе восточные типиконы не знаютъ иного чтенія евангелія за пасхальной вечерней, какъ только на томъ языкѣ, на которомъ совершается и вся служба,—древній типиконъ Великой константинопольской церкви указываетъ только за пасхальной литургіей евангеліе, кромѣ греческаго, еще на латинскомъ языкѣ²⁾; правда и то, что теперешняя восточная церковь не забыла древняго обыкновенія за литургіей читать евангеліе на разныхъ языкахъ; но нельзя не согласиться, что такое чтеніе за вечерней евангелій на успѣвшаго въ вечеру отдохнуть богомольца производитъ сильное впечатлѣніе и своею торжественностью и своею знаменательностью.

Пасхальная вечерня служится вообще весьма торжественно на Востокѣ. И въ Иерусалимѣ, и въ Константинополѣ ее служитъ самъ патріархъ съ членами синода и высшимъ духовенствомъ, при чемъ въ церковь и изъ церкви патріархъ шествуетъ съ крестнымъ ходомъ. Описаніе пасхальной вечерни въ Иерусалимѣ читатели нашего журнала могутъ найти въ статьѣ А. А. Дмитріевскаго за 1885 г.³⁾. Въ настоящую минуту мы остановимъ вниманіе читателей на пасхальной вечернѣ въ константинопольской патріархіи, воспользовавшись описаніемъ преосв. епископа *Софонія*⁴⁾.

¹⁾ Замѣчаніе о чтеніи евангелія на разныхъ языкахъ вошло въ современные греческій и болгарскій типиконы; см., напр., уставъ службы пасхальной вечерни въ греч. типиконѣ изд. 1838 г., стр. 192—193, въ болгарскомъ.—изд. 1890 г., стр. 360.

²⁾ См. „Древнѣйшіе типиконы“... Стр. 171.

³⁾ „Чтеніе евангелія въ первый день Пасхи на разныхъ языкахъ и обряды, сопровождающіе это чтеніе“, т. I, стр. 359 и дал.

⁴⁾ См. *Духовную Бесѣду* за 1864 г. т. 20, стр. 551: „Вечерни въ Великой константинопольской церкви, въ первый день святаго Пасхи“.

Въ присутственную залу патріархіи—синодиконъ къ 11 ч. дня стали собираться высшіе духовные и гражданскіе чины изъ православныхъ для принесенія пасхальнаго при- вѣтствія патріарху и участія въ вечернемъ богослуженіи. Въ 11 ч. началось облаченіе святителей. При пѣнни „Да возрадуется душа твоя“, патріархъ и митрополиты надѣли полныя архіерейскія облаченія, но митру, крестъ и панагію возложилъ на себя только одинъ патріархъ, прочіе архіереи остались въ однихъ клобукахъ. Шествіе двинулось къ патріаршему храму; шествіе замыкалъ патріархъ съ евангеліемъ въ одной рукѣ и съ патріаршимъ жезломъ въ другой. По пути въ патріаршій храмъ пѣвцы пѣли девятый часъ.

По прибытіи въ храмъ и по вступленіи въ алтарь духовенства, митрополиты стали вокругъ престола съ трехъ сторонъ; патріархъ сталъ у лицевой стороны престола. Принявъ затѣмъ отъ архидіакона кадило и знаменуя имъ крестообразно престоль, святѣйшій возгласилъ: „Слава святѣй“... Въ алтарь и на клиросахъ потрижды прогѣли, „Христось воскресе“. Тогда патріархъ началъ возглашать стихи въ слѣдующемъ порядкѣ. Стоя предъ престоломъ—посрединѣ, онъ возгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ...“; перешедши на правый уголъ престола: „Яко исчезаетъ дымъ...“; ставъ на юговосточномъ углу престола: „Тако да погибнуть грѣшницы...“; предъ престоломъ по срединѣ лицомъ на западъ: „Сей день, его же сотвори Господь“; на сѣверо-восточномъ углу престола: „Слава...“ и, наконецъ, на сѣверозападномъ: „И нынѣ“... Митрополиты и духовенство, стоявшіе въ алтарь, раздѣлившись на двѣ стороны, на каждый стихъ отвѣчали пѣніемъ „Христось воскресе“ попеременно—по-гречески и по-русски.

Кажденіе храма на „Господи воззвахъ“ совершалъ самъ патріархъ въ сопровожденіи восьми діаконвъ съ дикиріями и трикиріями, лампадарія и архидіакона. При пѣнни „славы“ патріархъ возвратился въ алтарь, а при пѣнни „и нынѣ“ снова вышелъ изъ алтаря, въ сопровожденіи іереевъ и діа-

коновъ, и сталь на патріаршій свой тронъ. Когда зашѣли „Свѣте тихій“, онъ взялъ трикирій и дикирій, сошелъ съ трона и, осѣнивъ народъ въ царскихъ вратахъ, сталь предъ престоломъ и началъ возглашать великій прокимень со стихами. Духовенство въ алтарѣ отвѣчало патріарху протяжнымъ пѣніемъ прокимна.

Затѣмъ патріархъ взошелъ на горнѣе мѣсто для чтенія евангелія. Четыре митрополита стали на возвышеніи по правую руку патріарха; прочіе—остались около престола.

Началу чтенія евангелія предшествовали звонъ въ три колокольчика—звонили пароеклезіархи въ разныхъ концахъ алтаря. Въ это же время зажгли всѣ паникадила (ихъ въ храмѣ до 70) и всѣ свѣчи предъ иконами и въ рукахъ предстоявшаго народа. Тройственный свѣтъ, говоритъ преосв. Софронія,—свѣтъ разноцвѣтныхъ агіокерій, свѣтъ хрустальныхъ паникадилъ и свѣтъ яркаго полуденнаго солнца, слившись въ одно полуденное блистаніе, казался какъ бы изображеніемъ того божественнаго свѣта, коего исполнилось, въ востаніе Христово, небо, земля и преисподнія... Чтеніе началъ патріархъ на греческомъ языкѣ словами: „И о сподобитися намъ“. Возгласъ патріарха повторили на разныхъ языкахъ прочіе, кто имѣлъ читать евангеліе. Повторили также и „премудрость, прости, услышимъ святаго евангелія“. По „миръ всѣмъ“ сказалъ одинъ патріархъ. „Отъ Іоанна...“ опять повторили всѣ, равно какъ и „вонемъ“. Евангеліе было раздѣлено на пять отдѣловъ для чтенія, и окончаніе каждаго отдѣла сопровождалось звономъ маленькихъ колокольчиковъ. Чтеніе евангелія продолжалось около получаса. По всему видно было, замѣчаетъ преосв. Софронія, евангеліе составляло существенную часть богослуженія, потому что вслѣдъ за ектеньями—сугубой и просительной духовенство двинулось изъ храма обратно въ патріархію. Громадная толпа народа встрѣчала процессію высшаго духовенства и благоговѣнно преклонялась предъ нею. Пѣвцы дорогою пѣли стихиры Насхи и закончили пѣніе при входѣ въ синодиконъ.

Разоблачаясь, патріархъ произнесъ отпустъ и, по разоблаченіи, благословивъ присутствующихъ, пригласилъ всѣхъ сѣсть. Было подано праздничное угощеніе, а въ исходѣ перваго часа дня гости поднялись съ своихъ мѣстъ и стали расходиться, принимая отъ патріарха благословіе и получая отъ него по нѣскольку позолоченныхъ и разукрашенныхъ пасхальныхъ яицъ ¹⁾).

Наши литургисты весьма основательно ставятъ вопросъ: почему бы и Русской Церкви не послѣдовать примѣру Церкви Восточной въ обычаѣ читать евангеліе на пасхальной вечернѣ на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, и при томъ—на языкахъ и нарѣчіяхъ тѣхъ племенъ и народностей, которыхъ такъ много въ русскомъ государствѣ? Евангеліе пасхальной вечерни—миссіонерское. Въ немъ мы слышимъ слова: *проповѣдуйте евангеліе всей твари*. Какъ отрадно было бы услышать благодатныя слова эти на родномъ языкѣ христіанамъ изъ инородцевъ и, точно также, какъ знаменательны и поучительны они были бы для нынѣшнихъ преемниковъ апостольскихъ—пастырей и учителей церкви, внушая имъ идею проповѣди евангелія царствія Божія среди многихъ и многихъ непросвѣщенныхъ еще свѣтомъ вѣры Христовой полудикихъ племенъ и народностей, населяющихъ Россію!..

Н. Пальмовъ.

¹⁾ Стр. 553—563.

Въ домѣ о. Григорія.

— Да. Это несомнѣнно. Счастье было и прошло. Оно все въ минувшемъ. Въ настоящемъ же его нѣтъ. Да, нѣтъ. Нужно, наконецъ, имѣть мужество... Нужно сознаться. И въ будущемъ счастья... тоже не будетъ. Нѣтъ, нѣтъ. Нужно сознаться...

---

¹⁾ Стр. 553—563.

И о. Григорій, заложивъ руки за спину, продолжалъ ходить по комнатѣ.

Онъ давно уже опредѣляетъ свое настоящее положеніе. Какъ добросовѣстный врачъ при діагнозѣ болѣзни, онъ неоднократно взвѣшивалъ разнообразныя данныя своей жизни, оцѣнивалъ ихъ и такъ и этакъ, пытался объяснить ихъ то тѣмъ, то другимъ, и все время при этомъ питалъ надежду.

— Да, можетъ быть, это такъ себѣ. Можетъ, это только временное все, случайное. А, вотъ, пройдетъ мѣсяць—другой, поуснокоится жизнь, поулягутся страсти, и опять все пойдетъ попрежнему, похорошему, опять будетъ счастье.

Но время шло, а обстоятельства не мѣнялись. Жизнь не входила въ прежнюю колею, страсти не утихали, накипь—непонятная, странная и необъяснимая—оставалась на душѣ у всѣхъ, и о. Григорій пришелъ къ выводу: все прошло. Все пропало. Счастье разрушено. И махни на все рукой.

И о. Григорій жилъ теперь прошлымъ. Этой зимой лучшими часами для него было время послѣ вечерняго чая, когда матушка начинала вязать чулки, работникъ Прохоръ садился въ кухнѣ за лапти, вездѣ становилось такъ тихо-тихо, и слышно было, какъ отбивали секунды большіе старинные часы...

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Эта обстановка ближе всего напоминала о. Григорію прежніе зимніе вечера, тѣ незабвенные, хорошіе, которые о. Григорій считалъ полными счастья.

И тогда послѣ чая о. Григорій любилъ прохаживаться по комнатѣ, у тогда матушка вязала чулки, работникъ плелъ лапти, а часы также гулко отбивали секунды...

— Тикъ-такъ, тикъ такъ...

И—главное—эти же часы были тогда; этимъ же звукомъ отбивали они секунды и часы. Матушка теперь уже не та. Нѣтъ, не та. Она постарѣла, всегда больна, молчалива, и—иной разъ—о. Григорію кажется, что это совсѣмъ,

совсѣмъ не та молодая, стройная, веселая, полная жизни и какого-то неудержимаго стремленія къ полнотѣ жизни, къ восторгу ея—Катя, на которой онъ женился 30 лѣтъ тому назадъ. Работникъ прежній, Митрій, давно умеръ, и самъ о. Григорій похоронилъ его. Домъ остался прежній. Да. И устройство прежнее осталось, расположеніе комнатъ и прочее. Но и домъ постарѣлъ. Цакренился какъ-то весь въ сторону, и не держится въ немъ теперь тепло. Холодно въ немъ, и нѣтъ прежняго уюта. Но часы... часы остались неизмѣнными. И звукъ прежній. Главное—звукъ прежній. И всякій разъ со звукомъ ихъ боя цѣликомъ всплываютъ въ памяти о. Григорія мягкіе, ласкающіе образы минувшаго счастья.

Припоминаетъ о. Григорій... Домъ его былъ полонъ нѣжнаго, звонкаго щебетанья. То тамъ, то здѣсь бѣгали ребятки. Играли въ куклы, въ гости, угощали другъ друга изъ спичечныхъ коробокъ воображаемымъ чаемъ, конфетами, а то вдругъ начнутъ ѣздить верхомъ на линейкахъ. Наиграются, насмѣются, истомятся и пристанутъ къ о. Григорію:

— Папа! Сказку, сказку... Расскажи. Да хоро-ошую. Про зайчика съ волкомъ.

И заслушавшись ровнымъ, счастливымъ голосомъ о. Григорія, заглядѣвшись на его ласково улыбавшееся, доброе лицо, засыпали. О. Григорій самъ помогалъ матушкѣ уложить дѣтей, самъ клалъ ихъ въ постельки и потомъ долго стоялъ надъ ихъ кроватками и вмѣстѣ съ матушкой смотрѣлъ на ихъ пухлыя, розовыя личики. И весь вечеръ послѣ этого работалось такъ легко, свободно. Хотѣлось сдѣлать все больше и больше, все лучше и лучше... Да. Хорошо тогда было...

А вотъ дѣти подрастали. Игры смѣнились занятіями.

Заниматься дѣти любили еще больше, чѣмъ играть.

Иногда о. Григорію негдѣ было сѣсть, чтобы написать что-нибудь нужное. Вездѣ за столами и даже на столахъ

сидѣли ребятишки и то рисовали, то выводили палочки и крючки съ прописи, то переписывали диктовку, списывали стихотворенія, составляли альбомы и проч. и проч. И каждую минуту срывались съ мѣста и бѣгали изъ угла въ уголъ:

— Папа, папа! Посмотри-ка. Какой я лѣсъ нарисовалъ...

— Мама! Вѣдь синія лошади бываютъ? Правда? Я нарисовалъ синюю. Теперь нарисую желтую.

— Папа! Красиво переписано?

Все это было слишкомъ просто, но какъ чувствовалось отъ этого хорошо! Какое счастье, какая радость волновали грудь! Господи, какъ хорошо тогда было!

И было еще лучше, когда дѣти подросли больше и учились въ городскихъ школахъ.

Наступали святки, и во всемъ домѣ о. Григорія приподнималось настроеніе. На кухнѣ съ каждымъ днемъ суетились все больше и больше, работникъ налаживалъ ледяную гору, замораживалъ для катанья скамейки и ледянки и приготавливалъ у себя на дворѣ для гостей какія-то еще секретныя штуки, матушка хлопотала съ елкой, батюшка безпокоился о своевременной высылкѣ въ городъ лошадей и надежнаго ямщика. Но, вотъ, все устраивалось благополучно, и въ домѣ о. Григорія воцарялась торжественность. Это—ждали. Моментъ,—и торжественности какъ не бывало. Какимъ-то особымъ, захлебывающимся, радостнымъ лаемъ заливалась собака, шумно хлопали двери, а потомъ вся эта суматоха прислуги, поцѣлуи, объятія, разспросы и разговоры безъ конца, затѣмъ игры, занятія, пѣніе, музыка, хожденіе ранними поэтическими утрами въ церковь къ службамъ, шумъ, хохоть... Безудержное веселье маленькихъ людей воцарялось въ домѣ о. Григорія, и самъ батюшка испытывалъ праздничное настроеніе еще задолго до наступленія праздниковъ.

Дѣти учились хорошо, въ душѣ о. Григорія родились трепетныя, заманчивыя надежды, и онъ ничего не жалѣлъ для нихъ, жертвовалъ всѣмъ своимъ.

— Все въ дѣтяхъ. Все для нихъ. Иначе—и жизни нѣтъ.

И такъ отрадно, свѣтло было на душѣ.

Но вотъ потомъ какъ-то вдругъ и совершенно неожиданно о. Григорій почувствовалъ, что какая-то наиболѣе важная струна порвалась въ его жизни, разбилось что-то наиболѣе драгоценное. Чего-то не стало, что-то отлетѣло далеко прочь. Да. Это отлетѣла семейная радость. Разбилось прежнее домашнее, тихое счастье... Разбилось... Да...

Теперь для о. Григорія это особенно ясно.

Дѣти у него уже почти всѣ взрослые. Старшіе на должностяхъ. Правда, изъ нихъ никто не пошелъ въ священники. Почему? О. Григорія это очень занимало, но онъ никогда не спрашивалъ объ этомъ. Чувствовалъ, что не нужно спрашивать. Не хорошо выйдетъ и ни къ чему не поведетъ. О. Григорію было грустно, но онъ затаилъ свою грусть глубоко въ груди.

На каникулы дѣти попрежнему сѣзжались почти всѣ. Но теперь иногда о. Григорію, вопреки его волѣ, приходитъ мысль: а не лучше ли было бы, если бы они совсѣмъ не пріѣзжали?

О. Григорій не могъ понять, почему молодые, здоровые, сильные, люди, жизнь которыхъ и съ внѣшней стороны сложилась хорошо, во всякомъ случаѣ гораздо лучше, чѣмъ у него, скромнаго деревенскаго священника,—почему они такъ недовольны, полны какого-то нетерпѣливаго, нервнаго желанія все лучшаго и лучшаго. Имъ какъ будто досадно, что у кого-то другихъ,—можетъ быть, болѣе глупыхъ, чѣмъ они, менѣе образованныхъ, менѣе честныхъ, условіе жизни сложились лучше, чѣмъ у нихъ. Имъ какъ будто досадно, что они изъ непопулярнаго сословія, что они не высокаго происхожденія, что для нихъ, не смотря ни на что, многое остается закрытымъ.

— А вы не брожжите, дѣтки, — сказалъ имъ какъ-то разъ о. Григорій:—живите-ка себѣ во славу Божию. Жизнь-то вѣдь одинъ разъ дается. Живите тѣмъ, что есть. Прежде всего этимъ живите. А потомъ ужъ и къ лучшему стремитесь. И счастливы будете. Развѣ за всеѣми угоняешься? И зачѣмъ такъ торопиться жить? Подождите. Авось, и все будетъ. А разомъ счастье не приходитъ. Вотъ я... Всегда благодарилъ Бога и за небольшое. Впередъ никогда не забѣгалъ. И былъ счастливъ. Слава Тебѣ, Господи. А вы, вотъ, все ворчите да жалуетесь. Право, это меня беспокоитъ... и удивляетъ...

Ничего не отвѣтили дѣтки на слова о. Григорія. Только искоса взглянули на него.

О. Григорій недоумѣвалъ и пожималъ плечами.

Особенно непонятны были младшіе.

Они еще учились, но совѣмъ не такъ, какъ—бывало—старшіе. Хуже. Въ ихъ табеляхъ рѣдкой гостьей была пятерка, а тройки и двойки такъ и цестрѣли. Да и не всегда показывали они табели. Просто не считали нужнымъ. Такъ и заявляли. Но нельзя было не видѣть у нихъ цѣлыхъ библиотекъ изъ разныхъ брошюръ, синихъ, желтыхъ, а больше—красныхъ, красныхъ. Брошюры были все дешевыя, трехъ и пяти-копѣечныя, но съ громкими названіями, полныя иностранныхъ словъ, политическихъ и экономическихъ терминовъ, туманныя, неопредѣленныя. Нельзя сказать, чтобы сами дѣтки читали ихъ внимательно. Но они всегда старались показать, что знаютъ не только эти брошюры, но и многое другое, и усердно говорили между собою на брошюрочныя темы. При этомъ рѣдко соглашались между собою. Почти всегда спорили, громко, раздраженно, запальчиво, такъ что батюшкѣ становилось не по себѣ, а матушка прямо пугалась. Это о. Григорій видѣлъ всякій разъ въ ея недоумѣнно смотрящихъ на него глазахъ.

Но онъ самъ не зналъ, какъ успокоить расхолодившіяся страсти подростковъ.

Вмѣшиваться въ разговоры онъ не могъ. Его считали въ брошюрочныхъ темахъ невѣждой. Запретить? Но это озлобить. И о. Григорій, скрѣпя сердце, запирался, по большей части, у себя въ кабинетъ и терпѣливо ждалъ, когда окончится раздраженный, желчный гвалтъ. Но увы!—едва затихалъ одинъ споръ, какъ загорался другой. И въ крайнихъ случаяхъ о. Григорій переставалъ сдерживаться, выходилъ изъ себя и рѣзко замѣчалъ:

— Да перестанете ли вы, наконецъ? Хотя бы прислуги постыдились...

Но голосъ о. Григорія не имѣлъ ни авторитета, ни уваженія. И споры сплошь и рядомъ заканчивались бурными выкриками и ругательствами. А иногда, въ рѣдкія минуты затишья молодежь при открытыхъ окнахъ, не обращая вниманія на проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо крестьянъ, затягивала революціонныя и другія вольныя пѣсни. Пѣніе выходило бодрымъ, красивымъ. О. Григорій слушалъ его изъ дали кабинета и тяжело вздыхалъ:

— Ну, почему, почему бы не спѣть что-нибудь другое, мирное, спокойное... Зачѣмъ *это* въ нашемъ домѣ?.. и не спросясь. Какъ все это, право, пошло шиворотъ на выворотъ... Зачѣмъ?..

Но стариковскихъ безпокойныхъ волненій никто не замѣчалъ, и дѣти распорядились въ домѣ посвоему. Авторитетовъ же они и ничьихъ вообще не признавали. Можно было подумать, что они уже изжили все, чѣмъ можетъ жить человѣкъ, и во все извѣрились, все нашли пустымъ и не стоящимъ вниманія. И ни въ чемъ не находили они настоящей радости и настоящаго покоя.

И другъ другу они не довѣряли, расходились въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, злобились по пустякамъ, ссорились, другъ друга оскорбляли. Съ ихъ пріѣздомъ точно ядомъ какимъ пропитывалась вся атмосфера въ домѣ о. Григорія. Самъ батюшка чувствовалъ себя какъ въ тискахъ. Нельзя было ни слова простого сказать, ни посмотрѣть пря-

мо и весело, ни улыбнуться ласково. Все это выходило какъ будто легкомысленно, неумѣстно и для кого-то оскорбительно.

— Но что же дѣлать то? Что же нужно?

О. Григорій самъ не могъ дать себѣ отчета въ своемъ настроеніи и иногда думалъ:

— И посообразить-то некогда. Шумъ-то какой. Право, пожелаешь, чтобы сгинули они поскорѣй...

И—вотъ—теперь, расхаживая по комнатѣ, о. Григорій пришелъ къ выводу, что счастья нѣтъ, что оно было и уже не вернется.

— А почему все это такъ вышло? Да, да. Потому... Именно потому, что одного только они захотѣли: богатства, роскоши, удовольствій, почета, извѣстности, славы. Книжки у нихъ все о богатствѣ, поэты у нихъ пишутъ все о славѣ, объ удовольствіяхъ, о женскомъ тѣлѣ. Помѣшались они на земномъ раѣ, какъ татары на гуріяхъ. Но Богъ-то гдѣ же? Гдѣ вѣчная жизнь? Гдѣ царство небесное? Забыли? А потому и недовольство. Потому и разладъ. Но нѣтъ. Такъ нельзя. Безъ Бога никакого счастья не можетъ быть. А съ Богомъ... съ Богомъ все хорошо. Съ Богомъ и малымъ доволенъ. Вотъ пріѣдутъ еще, такъ и скажу имъ. Куда, молъ, вѣру дѣвали? Святую, отцовскую вѣру? Кто научилъ васъ забыть ее? Да. Такъ и спрошу. Обидятся? Уѣдутъ? Пусть. Но такъ и скажу. Долженъ сказать. Потому что тутъ моя вѣра. Жизнь моя тутъ. Пока я молчалъ. Ждалъ, что сами поймутъ. Но нѣтъ. Мнѣ нужно сказать. Это долгъ. Я долженъ подѣлиться своимъ опытомъ. Долженъ сказать, почему я былъ счастливъ, какая вѣра меня спасала. И скажу. Да. Къ вѣрѣ своей ихъ позову, къ Богу, къ Спасителю...

Начали бить часы.

О. Григорій вздрогнулъ, остановился, слушалъ нѣсколько дребезжащій, но еще сильный и красивый звонъ и смотрѣлъ на часы любовно, какъ бы съ благодарностью.

— Беречь, беречь ихъ надо,—подумалъ онъ и взглянулъ на жену.

Матушка не отрывалась отъ работы, и о. Григорію такой бессмысленной и жалкой показалась эта ея работа.

— По привычкѣ вяжетъ,—мельнула у него мысль:—а не такъ, какъ прежде. Тогда по необходимости. Тогда съ надеждой.

О. Григорій подошелъ къ матушкѣ, взявъ ея за руку, пожалъ слегка и спросилъ:

— Чулки? Кому это ты? И зачѣмъ? А?

Матушка молчала.

— Развѣ будутъ они хоть на каплю счастливѣе отъ этихъ твоихъ чулокъ? И намъ развѣ покойнѣе будетъ?

— Ахъ, оставь, пожалуйста,—недовольнымъ тономъ отозвалась матушка:—кажется тебѣ все это. Что же? Они дѣти, какъ дѣти. У всѣхъ такъ... И всегда такъ...

И она опустила глаза.

— Дѣти, какъ дѣти? Всегда такъ? а отчего же слезы у тебя?

Матушка опять молчала.

О. Григорій поцѣловалъ ея въ глаза.

— Ну, а теперь поидеимъ-ка поужинаемъ,—проговорилъ онъ.

Ѣли молча. Говорить хотѣлось. И говорить много. Но чувствовалось, что для этого не достанетъ силъ, что это будетъ слишкомъ тяжело и больно. И Ѣли молча, вяло, безъ аппетита.

— Да. Все прошло,—думалъ о. Григорій:—должно быть пора сходить со сцены. И сошли бы. Сошли бы спокойно, съ радостью даже, если бы знали, что *они*-то будутъ жить, что *они*-то будутъ счастливы. Но развѣ это у *нихъ* счастье? Развѣ, глядя на *ихъ* жизнь, можно умирать спокойно?

И о. Григорій думалъ—думалъ... Лицо его становилось все печальнѣе, и сѣдая голова опускалась все ниже.

Николай Ко—совъ.

Патріотизмъ при свѣтѣ христіанскаго міровоззрѣнія.

(Окончаніе ¹⁾).

Другой предметъ патріотической привязанности составляетъ населяющій родную страну народъ. Между народомъ, населяющимъ извѣстную землю, и этой землей устанавливается тѣсное отношеніе взаимности, вслѣдствіи котораго какъ земля, при посредствѣ культуры, получаетъ отпечатокъ народной особенности, такъ и народъ въ свою очередь получаетъ отпечатокъ окружающей его природы, что особенно отражается въ народныхъ сказаніяхъ и во всей національной поэзіи. Это взаимоотношеніе между народомъ и страной, при условіи единства племенной крови, связываетъ ихъ тѣсными узами и образуетъ то живое цѣлое, которое называется націей. Быть живымъ членомъ этого цѣлаго—значить любить свой народъ. Любить свой народъ—значить любить его особый природный отпечатокъ, особенности его натуры и характера,—дорожить памятниками минувшей славы его, относиться къ нимъ съ уваженіемъ, оберегать и охранять ихъ отъ всякаго невѣжественнаго и дерзкаго посягательства,—радоваться разнообразнымъ успѣхамъ нашего народа и скорбѣть по случаю несчастій и неудачъ его. Любить свой народъ—значить, наконецъ, дорожить именами замѣчательныхъ дѣятелей, служащихъ украшеніемъ исторіи нашего отечества, или содѣйствующихъ его настоящей славы, чтить и любить такихъ дѣятелей, беречь ихъ при жизни, охранять ихъ память отъ недостойныхъ нареканій по смерти.

Наша любовь къ родному народу, не ограничиваясь словами, чувствами и стремленіями, должна быть свидѣтельствуема самымъ „дѣломъ“ (1 Іоанн. 3, 18). Въ какихъ же дѣлахъ должна выражаться она? Мы должны посвящать на

¹⁾ См. № 14-й за 1908 г.

служеніе народу свои силы, средства и труды, и не тратить ихъ безъ пользы, а тѣмъ болѣе во вредъ своему народу. Мы должны, по мѣрѣ возможности, помогать нуждамъ народнымъ, особенно во времена тяжелыхъ бѣдствій: должны жертвовать для блага народа не только своимъ достояніемъ, но и самую жизнь, помня слова Самого Спасителя: „больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоанн. 15, 13). Не часто совершаются въ жизни великіе подвиги на благо народное. Это — удѣлъ не многихъ избранниковъ. Но всякій изъ насъ долженъ служить своему народу въ своемъ мѣстѣ, своимъ скромнымъ дѣломъ, и посылно содѣйствовать ему въ томъ, что ему нужно во всякое обыкновенное, будничное время.

Наша любовь къ народу должна быть чужда слѣпому самообольщенія; мы не должны преувеличивать свои національныя достоинства, украшать свой народъ небывалыми совершенствами и пристрастно возвеличивать его на счетъ всѣхъ другихъ народовъ. Но тѣмъ болѣе, конечно, не должно намъ предаваться народному самоуничженію, порицать въ своемъ народѣ все лучшее, изыскивать въ немъ всякіе недостатки, легкомысленно глумиться надъ нимъ и унижать его предъ всѣми другими народами. Всего же болѣе да сохранить насъ Богъ отъ того нравственнаго разобщенія съ своимъ народомъ, по которому иные отзываются о немъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, стыдятся своей народности, стараются во всемъ подражать другимъ народамъ и походить на нихъ, наконецъ даже открыто выражаютъ желаніе чужимъ народамъ выгодъ и успѣховъ во вредъ своему народу. Такое отношеніе къ родному народу — такое самоотреченіе — есть нравственное уродство, достойное глубокаго сожалѣнія. А между тѣмъ оно, къ стыду нашему, въ настоящее время весьма развито къ извѣстной части русскаго общества. Мы много осуждали нашихъ предковъ за чрезмѣрное пристрастіе ко всему родному до мельчайшихъ подробностей народной жизни, и осуждали справедливо. Не настала ли теперь для

насъ пора осуждать самихъ себя за пристрастіе ко всему чужому, заставляющее хвалить все иноплеменное и съ раздраженіемъ порицать все свое, и не будетъ ли это осужденіе также справедливымъ? Наши „самооплеватели“ забываютъ мудрый совѣтъ ап. Павла: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Тесс. 5, 21). И если намъ что-нибудь надобно заимствовать у другихъ народовъ, то это ихъ стремленіе къ національной самобытности, ихъ вѣрность своему народному духу и условіямъ своей народной жизни. При томъ же въ нашей народности есть такія симпатичныя черты, въ которыхъ намъ нѣтъ нужды подражать чужимъ народамъ, въ которыхъ послѣдніе могутъ подражать намъ. Таковы, напр., наши народные нравы, отличающіеся безпримѣрнымъ добродушіемъ, теплотою и великодушіемъ.

Народная особенность, о которой была у насъ рѣчь предъ этимъ, непосредственно обнаруживается не только въ фізіономіи народа (какъ, напр., у евреевъ), но прежде всего въ его языкѣ. Гдѣ только мы встрѣчаемъ людей, говорящихъ различными языками, тамъ обязательно есть и разныя народности. Вотъ новый предметъ патріотической привязанности—это родной языкъ. Мы любимъ его, потому что въ его реченіяхъ отъ младенчества слышимъ выраженія любви и дружбы; онъ служитъ для насъ орудіемъ пріобрѣтенія первыхъ познаній; онъ передаетъ намъ памятники народной мудрости и народной славы, и въ немъ мы съ дѣтства наслаждаемся красотами человѣческаго слова. Только при посредствѣ общаго народнаго языка мы можемъ вступать въ тѣсное общеніе другъ съ другомъ, взаимно помогать другъ другу; только посредствомъ слова духъ можетъ сообщаться съ духомъ, и самый Духъ Божій (какъ это имѣло мѣсто въ день Пятидесятницы), въ цѣляхъ установленія общенія между Богомъ и людьми, долженъ къ каждому народу говорить на языкѣ его страны. И этимъ даромъ Божиимъ мы, русскіе люди, далеко не обижены: нашъ языкъ богатый, выразительный, благозвучный и красивый. Предки наши не любили

учиться рѣчи иноземной, и это, конечно, было вслѣдствіе предубѣжденія. Но что сказали бы они о тѣхъ потомкахъ своихъ, которые дѣтей своихъ съ ранняго возраста сиѣшати учить прежде языкамъ чужихъ народовъ, а не своему? Иные изъ современнаго поколѣнія почитаютъ это даже принадлежностью хорошаго тона. Но если подобное явленіе не сознательное и потому самое недостойное русскаго человѣка пренебреженіе къ отечественному языку, а вмѣстѣ съ нимъ — и ко всѣмъ памятникамъ народности, которые сохраняются въ языкѣ народа; то во всякомъ случаѣ — не безвредное заблужденіе. Чрезмѣрное пристрастіе къ языкамъ иностраннымъ, въ соединеніи съ обязательнымъ отчужденіемъ и даже незнаніемъ своего народнаго языка, разлучаетъ съ роднымъ народомъ тѣхъ, кто по образованію своему долженъ бы быть его руководителемъ.

Есть еще четвертый, весьма важный, элементъ, входящій въ составъ любви нашей къ родинѣ. Это — любовь къ государству, которое образуетъ собою народъ. „Нѣтъ власти, — говоритъ ап. Павелъ, — которая была бы не отъ Бога; существующія власти отъ Бога установлены“ (Римл. 12, 1). Въ этихъ словахъ апостольскихъ можно подразумѣвать, между прочимъ, тотъ смыслъ, что во всякомъ народѣ извѣстная форма государственнаго устройства не есть явленіе случайное, но находится въ органической связи съ коренными условіями исторической жизни народа. Исторически сложившійся строй государственной жизни объединяетъ народъ въ то политическое цѣлое, обнимающее и закрѣпляющее собой и географическія и этнографическія границы, которымъ является государство. Такъ какъ, поэтому, государство предполагаетъ собою и страну, и народъ, то любовь къ отечеству въ высшемъ смыслѣ есть любовь къ своему государству.

Уже одно стремленіе къ собственному благополучію должно побуждать насъ любить свое государство. Ап. Павелъ внушаетъ христіанамъ прежде всего молиться за царя и за всѣхъ, власть имѣющихъ, чтобы намъ можно было подѣ кро-

вомъ ихъ „проводить тихое и безмятежное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1—3). Преданности своему государству требуетъ отъ насъ и простое чувство честности и справедливости. Государство оберегаетъ нашу личность, охраняетъ наши интересы; „его тишина и добродѣтели, по словамъ Карамзина, служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій, слава его есть наша слава“.

Наша преданность своему государству должна выражаться въ добросовѣстномъ исполненіи налагаемыхъ имъ на каждаго изъ насъ общественныхъ обязанностей.

Первая изъ этихъ обязанностей состоитъ въ томъ, что всѣ мы должны правильно относиться къ существующимъ въ государствѣ законамъ и основаннымъ на нихъ порядкамъ. Установленные въ государствѣ законы должны быть соблюдаемы всѣми гражданами его. Хотя бы тотъ или другой законъ былъ весьма несовершенъ,—онъ не теряетъ чрезъ это для насъ своей обязательности и не можетъ быть никѣмъ нарушаемъ безъ надлежащей за то отвѣтственности. Самъ Царь Небесный, Господь Иисусъ Христосъ, явившись на землю—въ среду человѣческихъ отношеній, Своимъ божественнымъ словомъ и примѣромъ утвердилъ и освятилъ такое именно наше отношеніе къ требованіямъ государственнаго закона. Онъ училъ воздавать „кесареву кесареви“ (Мѡ. 22, 21), и Самъ, при появленіи Своемъ на землю, вписанъ былъ въ число подданныхъ кесаря (Лук. 2, 1—6), не стыдился платить подать на храмъ за Себя и за учениковъ Своихъ (Мѡ. 17, 23—27) и не хотѣлъ принять на Себя непринадлежащее Ему по общественному закону званіе судьи или начальника (Лук. 12, 13—14). Апостолы также не однимъ словомъ, но и примѣромъ собственныхъ дѣйствій, учили вѣрующихъ уважать требованія общественнаго закона (Филипп. 1, 10—16). И всѣ христіане первенствующей Церкви руководились тѣмъ же правиломъ поведенія въ государственной жизни, держась его не по виду только или по необходимости, а искренно и свободно. Едва ли между подданными рим-

скихъ кесарей были люди, болѣе усердно и точно исполняющіе свои обязанности къ государству, чѣмъ христіане. Требуя уваженія къ дѣйствующимъ въ государствѣ законамъ и порядкамъ, христіанство чрезъ это воспитываетъ въ гражданахъ драгоцѣнное чувство законности. Тогда только въ обществѣ каждый можетъ быть увѣренъ во взаимной справедливости и неприкосновенности своихъ правъ, когда въ немъ будетъ правильно развито чувство законности.

Долгъ каждаго члена государства состоитъ, далѣе, въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать улучшенію государственныхъ законовъ и основанныхъ на нихъ порядковъ. Никакой внѣшній строй общественной жизни не можетъ быть неизмѣннымъ; всѣ существующія въ государствѣ учрежденія имѣютъ болѣе или менѣе временный, преходящій характеръ. Самъ Промыслъ Божій попускаетъ быть такимъ измѣненіямъ (1 Цар. 8 гл.) тамъ, гдѣ они являются дѣломъ необходимости, направляются къ общему благу, и совершаются съ возможною законностію. И христіанство само постоянно двигало и движетъ человѣческія общества къ усовершенствованію ими же самими формъ своего гражданскаго быта, только не какими-нибудь мѣрами насилія, а постепеннымъ распространеніемъ и укрѣпленіемъ въ родѣ человѣческомъ евангельскихъ понятій и евангельскаго духа. Такое мирное стремленіе къ улучшенію государственныхъ законовъ и порядковъ, а именно чрезъ возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня въ обществѣ, оно благословляетъ и въ каждомъ гражданинѣ. Стремленія къ государственнымъ нововведеніямъ и переменамъ особенную силу имѣютъ у насъ въ настоящее время. И нельзя не признать за этимъ стремленіемъ смысла и законности. Переживаемое нами время— время преобразованій. Нѣкоторыя важныя государственныя нововведенія мы уже получили отъ нашего добраго Монарха. Можно думать, что много нововведеній предстоить еще нашему отечеству впереди. Поэтому не удивительно, если общее вниманіе устремлено нынѣ къ совершающемуся обновле-

нію русской государственной жизни. Но во всемъ надо знать мѣру и быть осторожными. Надобно, чтобы стремленіе къ реформамъ уравнивалось въ обществѣ сознаниемъ необходимости твердаго государственнаго устройства, колеблемаго нерѣдко важными переменами въ немъ. Надобно, чтобы стремленіе къ реформамъ въ обществѣ направлялось къ опредѣленнымъ, несомнѣнно полезнымъ и удободостижимымъ цѣлямъ, а не шло въ удовлетвореніе только любимыхъ мечтаній и ученій неуризванныхъ обновителей нашего отечества, для которыхъ послѣднее является тѣмъ же, чѣмъ для иного врача сильное тѣло, годное только для испытанія дѣйствія новыхъ лѣкарствъ.

Кромѣ этихъ общихъ обязанностей, въ добросовѣстномъ исполненіи которыхъ должна обнаруживаться преданность гражданъ своему государству, для всѣхъ ихъ открывается еще особая обязанность по отношенію къ личности верховной главы государства—монарха. Прекрасное объясненіе этому наименованію царя *главою* царства дали евреи, когда они пришли къ воцарившемуся надъ ними Давиду и сказали: „вотъ мы кости твои и плоть твоя“. Какія отношенія могутъ быть тѣснѣе этихъ? Составы тѣла органически связаны съ головою: такъ же точно должны быть соединены подданные съ своимъ царемъ. Въ христіанскихъ государствахъ личность монарха окружена ореоломъ святости. Въ Свящ. Писаніи царь изображается избранникомъ и помазанникомъ Божиимъ (1 Цар. 10, 11; 16, 13), особа царская объявляется неприкосновенною (Ис. 104, 15), и подданнымъ внушается благоговѣйное почитаніе царя (1 Петр. 2, 17) и безирекословное и охотное повиновеніе ему (Римл. 13, 5. Ср. 1 Петр. 2, 13—14), не смотря на то, что тогда, т. е. въ первыя времена христіанства, цари были враждебны послѣдователямъ Христовымъ и великіе деспоты—притѣснители своего народа. По особенныя побужденія не только повиноваться своему государю и почитать его, но искренно любить, открываются тамъ, гдѣ государь является для подданныхъ не только властите-

лемь, но и любящимъ отцомъ. Счастье тому народу, у котораго Государи—истинные отцы, любящіе своихъ подданныхъ, какъ дѣтей, а православная Россія такими царями—батюшками не можетъ не похвалиться. Не напрасно же изъ сердца русскихъ людей давно уже родилось слово, насквозь, такъ сказать, проникнутое любовью: „Царь—красное солнышко“. Можно ли мѣтче обозначить сущность отношеній царя къ народу? Земля обращаетъ къ солнцу то одну, то другую сторону своей поверхности, и эта сторона и освѣщается, и согрѣвается, и плодоноситъ подѣ дѣйствіемъ живительныхъ лучей солнца. Переберите въ умѣ своемъ многоразличные отношенія и случаи частной и общественной жизни, и вы увидите, сколько милостей Божіихъ излилось и изливается на насъ чрезъ нашихъ царей. И у теперешняго Благочестивѣйшаго Государя нашего господствующей чертой Его царствования является принесеніе всего Себя въ жертву общему народному благу. Его жизнь нераздѣльна отъ блага отечества. Вотъ почему такимъ скорбно-радостнымъ эхомъ пронеслись по Россіи и отдались въ сердцахъ русскихъ людей слова Государя, сказанныя Государственному Совѣту; „Мнѣ жизнь не дорога, была бы счастлива Россія“. Онъ Самъ весь—любовь къ отечеству, и отсюда Его знаменательныя слова, произнесенныя 13 февр. сего года въ Царскосельскомъ дворцѣ при приѣмѣ членовъ Государственной Думы: „Россія росла и крѣпла въ теченіе тысячи лѣтъ горячей вѣрой русскихъ людей въ Бога, преданностію своимъ Царямъ и *безпредѣльною любовью къ своей родинѣ*. Пока это чувство живо въ сердцахъ каждаго русскаго челоуѣка, Россія будетъ счастлива, благоденствовать и укрѣпляться. Молю Бога вмѣстѣ съ вами, чтобы эти чувства постоянно были и жили въ сердцахъ русскихъ людей, и чтобы солнце счастья засіяло надъ нашей могучей родной землей“.

Но самый главный предметъ любви и благоговѣйнаго почитанія для каждаго народа есть его отечественная вѣра, какъ источникъ высшей духовной жизни. Мы исповѣдуемъ,

благодатию Божією, святую, истинную вѣру и принадлежимъ къ Православной Церкви. Православная вѣра—душа нашего народа, св. Церковь—его мать, учительница, воспитательница. Въ Церкви своей онъ приобрѣлъ тѣ высокія свойства, которыя сдѣлали его народомъ великимъ. Народъ нашъ чувствомъ сердца понимаетъ, какія сокровища онъ изъ Церкви выносить. Въ ней онъ получаетъ правильныя понятія о Богѣ и вѣчной жизни, о грѣхѣхъ и добродѣтели, обличеніе своихъ слабостей, побужденія къ своему исправленію, утѣшеніе въ скорбяхъ, веселіе въ радостяхъ; въ ней онъ живетъ духомъ, въ ней торжествуетъ священныя празднества вѣры, воспоминаетъ великія событія своего историческаго-прошлаго и утверждаетъ въ свѣтлой надеждѣ на будущее. Подъ руководствомъ Церкви сложились его обычаи и порядокъ семейной и общественной жизни. Кто не знаетъ Православной Церкви, тотъ не узнаетъ коренныхъ, лучшихъ свойствъ нашего народа. Слово „православный“ стало какъ бы его собственнымъ именемъ. Ни на холодно вѣжливое *господа*, ни на социалистическое *товарищи*, ни на республиканское *граждане*, ни даже на слово *русскіе* не откликнется народъ нашъ; скажите *православные христіане*, и сейчасъ готовъ онъ васъ слушать и посылно жертвовать на доброе дѣло. Съ жизнію Церкви сопряжена его собственная жизнь, съ ея цѣлостію—его безопасность, съ ея процвѣтаніемъ—его слава. Отъ того народъ русскій и готовъ всегда положить жизнь свою за вѣру православную, за храмы Божіи, за святыни родной земли.

Если единеніе въ вѣрѣ и въ церковной жизни признается за крѣпкую связь между народами перодственными, то можетъ ли оно не быть живою связью между соотечественниками? Наоборотъ, могутъ ли не отдѣляться отъ своего народа существеннымъ образомъ, въ мысляхъ и стремленіяхъ, тѣ изъ его членовъ, кто не живетъ съ нимъ одною церковною жизнію. Горькіе плоды этого раздѣленія и разномыслія въ средѣ цѣльнаго и крѣпкаго доселѣ народа уже показыва-

еть намъ опытъ. Въ настоящее время, вопреки историческимъ традиціямъ русскаго государства, и безъ вѣдома св. Синода свѣтское правительство, чрезмѣрно увлеченное пресловутыми идеями Запада объ отдѣленіи Церкви отъ государства, вздумало войти съ законопроектомъ въ Госуд. Думу, которымъ Православная Церковь лишается своего исконнаго, только ей одной принадлежащаго, права распространенія своего спасительнаго ученія на всемъ пространствѣ Русской земли и ставится въ этомъ отношеніи въ уровень со всѣми другими вѣроисповѣданіями и сектами, никогда не служившими созиданію государства. Послѣдствія этого закона, если онъ будетъ введенъ, по истинѣ, можно сказать, ужасныя. Для всего русскаго государства, стремившагося доселѣ къ возможному религіозному объединенію всѣхъ своихъ членовъ, это грозитъ величайшимъ религіознымъ раздѣленіемъ, которое потрясетъ до глубины души весь православный русскій народъ, и поэтоу будетъ неизмѣримо большимъ бѣдствіемъ, чѣмъ поднявшаяся у насъ политическая смута. Встанемъ же мужественно во главѣ съ св. Синодомъ на защиту историческихъ правъ нашей Матери-Церкви и недопустимъ умаленія священныхъ ея правъ.

Слишкомъ хорошо извѣстна исторія измѣнника православной вѣры и Церкви на Флорентійскомъ соборѣ, митрополита Исидора. „Аще пойдеси и имаша паки возвратитися къ намъ“,— строго наказывалъ ему великій князь Василій Васильевичъ,—то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру, *юже пріяхомъ отъ прародителя нашего великаго Владимира*, юже держить великая соборная и апостольская Церковь греческая, а ино странно и ново и чуже отъ тья соборныя Церкви не приношай къ намъ, понеже аще и принесеси что ново, то не пріятно будетъ намъ то“. И какъ скоро въ Москвѣ сдѣлалась извѣстна измѣна Исидора, то соборъ іерарховъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ, „воззрѣвше въ божественныя и священныя правила святыхъ Апосто-

столовъ и богоносныхъ Отцевъ“ и сличивъ съ ними ученіе и поступки Исидора, свергъ его съ престола¹⁾).

Какъ вѣрные сыны отечества, будемъ же съ благоговѣніемъ хранить, какъ зѣницу ока, нашу святую православную вѣру—этотъ святой залогъ нашихъ предковъ, это дорогое наследіе отъ св. равноапостольнаго князя Владиміра, небеснаго Покровителя нашего Братства, столько десятилѣтій и столь неослабно ревнующаго о святынѣ русскаго православія.

Въ православной вѣрѣ — источникъ истиннаго патріотизма, искони присущаго душѣ русскаго человѣка. Имъ русскій народъ и создалъ свою великую исторію. „Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе“. Будемъ твердо надѣяться, что эта мощная сила, какою является живой духъ православно-русскаго патріотизма, которая вывела нашъ народъ на путь величія въ прошломъ, скажется и нынѣ, побѣдоносно выведетъ его изъ теперешняго тяжелаго положенія и поведетъ снова по тому славному теченію, какое предугаано ему Провидѣніемъ.

Богъ, молитвами св. Просвѣтителя земли Русской, да возжетъ въ сердцахъ всѣхъ сыновъ ея то же святое пламя патріотической любви, какое горѣло въ душѣ Его Единороднаго Сына по отношенію къ Его земному отечеству; ибо спасеніе наше—только въ истинно-христіанскомъ патріотизмѣ.

Прот. *Николай Стеллеикій.*

---

¹⁾ Акты Археограф. Комиссіи, т. I, стр. 73.

ЗАМѢТКА.

Къ характеристикѣ католическаго духовенства.

Состоя на службѣ около Полтавы, я имѣлъ кредитъ, въ числѣ другихъ, и у нѣкогого Т. За одинъ мѣсяць я не успѣлъ расплатиться съ этимъ владѣльцемъ магазина обуви, такъ какъ Т. неожиданно и быстро выѣхалъ изъ Полтавы; такъ девять руб. долга и остались за мной. Переменны по службѣ перевели меня въ Подольскую губ. Здѣсь я съ семействомъ пять лѣтъ подъ рядъ жилъ на квартирѣ въ костельномъ домѣ, гдѣ жили и ксендзы. Одинъ разъ я отправился на Страстной недѣлѣ въ Почаевскую Лавру, чтобы тамъ въ тиши и вдали отъ служебныхъ и другихъ хлопотъ поговѣть, исповѣдаться и причаститься. Проходя мысленно прошедшій путь жизни, я вспомнилъ о своемъ долгѣ въ 9 руб. На исповѣди я сказалъ о немъ о. духовнику и просилъ совѣта, какъ мнѣ поступить, чтобы на моей душѣ не лежалъ этотъ долгъ. О. духовникъ далъ мнѣ хорошій совѣтъ—раздать девять руб. бѣднымъ католикамъ, такъ какъ кредиторъ мой былъ католикъ. Я общалъ такъ и сдѣлать. Чтобы возможно лучше употребить деньги, я обратился за помощью къ ксендзу, прося его указать мнѣ, кому бы я могъ раздать девять руб. Удивленный ксендзъ не сразу нашелся отвѣтить мнѣ; послѣ нѣкоторой паузы онъ предложилъ мнѣ: „не лучше ли эти деньги внести въ пользу костела; я зажигалъ бы при всѣхъ службахъ лампаду предъ иконой Божіей Матери за ваше здоровье“.—Не могу о. А..., отвѣтилъ я; я долженъ исполнить въ точности, что указалъ мнѣ мой духовникъ.—„Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ ксандзъ,—совѣтъ высокохристіанскій, такой, какого даже трудно было и ожидать“... Такія слова вызвали во мнѣ чувство обиды, и я нѣсколько повышеннымъ тономъ продолжалъ бесѣду:—о. А.! За такую похвалу я не благодарю Васъ; въ этой похвалѣ слишкомъ ясно проглядываетъ вашъ низкій взглядъ на наше духовенство,

будто оно не можетъ давать высокохристіанскихъ совѣтовъ. Позвольте спросить, что бы вы посоветовали въ такомъ случаѣ? И не потому ли вы такъ удивились, что сами рѣдко практикуете такіе совѣты?—„Вотъ вы ужъ и обидѣлись. Я, право, только удивился такому христіанскому совѣту“. Въ концѣ всего ксендзъ обѣщаль привести ко мнѣ двухъ бѣдныхъ многосемейныхъ вдовъ, чтобы я далъ имъ по 4 р. 50 к. Въ первое же послѣ того воскресенье ксендзъ исполнилъ свое обѣщаніе. Но что же вышло? Только я собрался дать обѣимъ вдовамъ поровну, какъ ксендзъ остановилъ меня словами: „дайте имъ по три рубля; послѣ я объясню, почему такъ надо сдѣлать“. Я далъ женщинамъ по три рубля. Ксендзъ приказалъ имъ поцѣловать у меня руку, а потомъ, проводивши женщинъ, и говорить: „не хочу и я быть въ вашихъ глазахъ хуже вашихъ православныхъ священниковъ; раздайте остальные три руб. православнымъ по вашему усмотрѣнію“. Удивительная хитрость ксендза! Въ одно и то же время унижить православнаго священника и на-показъ возвысить себя! Простота и прямота православнаго духовенства, думается, пріятнѣе Господу, чѣмъ лицемѣріе современныхъ католическихъ фарисеевъ.

В: Николаевъ.

Опечатка.

Въ № 14, въ примѣч. 1 на стр. 335 вмѣсто: стр. 375—386, надо: стр. 309—319.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ. 4-го апрѣля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1908-го года апрѣля 27-го дня.

Содержаніе: I. Бракъ или свободная любовь? Перев. Н. П. Селиванов-
ской.—II. Современное декадентство и христіанство. (Продолже-
ніе). Прот. Н. Стеллецкій.—III. О Холерѣ. (Продолженіе). Врачъ
Ө. Бурчакъ.

Бракъ или свободная любовь ¹⁾?

Высокое значеніе брака не только основывается на авторитетѣ Церкви, но и признано почти всѣми великими мыслителями и поэтами; не смотря на это, еще съ прошлаго столѣтія, идутъ многочисленныя нападки на это учрежденіе, клонящіяся къ уничтоженію пожизненнаго брака. Противники брака, которыхъ мы находимъ какъ среди ученыхъ и писателей, такъ въ особенности среди социалистовъ, приводятъ слѣдующіе доводы противъ нынѣшняго брака.

Они говорятъ: нынѣшій, привилегированный государствомъ бракъ—это бракъ принудительный. Онъ только за-
тѣмъ и существуетъ, чтобы угнетать женщинъ.

¹⁾ Извлеченіе изъ статьи P. Sommer'a: Ehe oder freie liebe?, напечатанной въ „Собраніи популярно-научныхъ апологетическихъ очерковъ“ подъ заглавіемъ „Lehr und Wehr fürs deutsche Volk“.

Какіе мотивы, продолжаютъ противники брака, соединяютъ въ наше время людей въ супружество! Вмѣсто единственнаго нравственнаго основанія—любви, производится безстыдная мѣновая торговля. „Большая часть мужчинъ“, говоритъ Бебель, („Женщина“ стр. 82) „разсматриваетъ бракъ исключительно съ точки зрѣнія сдѣлки. Даже въ тѣ браки, которые не явились результатомъ измененій, эгоистическихъ мотивовъ, суровая дѣйствительность вноситъ такъ много разочарованій, что они только въ рѣдкихъ случаяхъ оправдываютъ надежды, возлагаемыя на нихъ вступающими въ бракъ“. „Въ каждомъ большомъ городѣ существуютъ опредѣленные мѣста и опредѣленные дни, когда высшіе классы общества собираются главнымъ образомъ для того, чтобы содѣйствовать заключенію обрученій и браковъ,—собранія, къ которымъ умѣстно приложить названіе: брачная биржа“—(стр. 88). Эти матеріальные мотивы проявляются въ самой безобразной формѣ—въ изобрѣтеніи „брачныхъ объявленій“ и „брачныхъ бюро“. Какая тамъ производится торговля изъ-за женщины, вѣрнѣе изъ-за ея денегъ! Большинство серіозныхъ газетъ не стѣсняются превращать себя, благодаря приему безстыдныхъ объявленій, въ бюро сводничества для подобныхъ браковъ. Съ другой стороны, многія женщины вступаютъ въ бракъ только для того, чтобы пристроиться. „Тѣ женщины“, пишетъ Эленбахъ, „которые не могутъ прокормить себя собственнымъ трудомъ, могутъ считаться независимыми только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно, когда онѣ обладаютъ достаточнымъ состояніемъ. Мужчина можетъ сдѣлаться независимымъ, благодаря своему уму и познаніямъ, для женщины же почти всѣ пути закрыты. Эти несчастныя созданія должны ждать, пока не выйдутъ замужъ и такимъ образомъ не получаютъ средствъ къ существованію; поэтому-то женщины обыкновенно отводятъ любви послѣднее мѣсто. Преимущество находится на сторонѣ мужчинъ, а не женщинъ“. Можно ли, спрашиваютъ противники, при такихъ эгоистическихъ побужденіяхъ говорить о хорошихъ и

счастливыхъ, даже только объ оправдываемыхъ нравственностью бракахъ?

Есть еще одинъ мотивъ (продолжаютъ рассуждать противники брака), говорящій въ пользу уничтоженія существующаго брака, — это то, что право свободнаго выбора принадлежитъ только мужчинѣ. Удѣлъ женщины въ настоящее время переимѣнить власть отца на власть мужа, что иногда легко бываетъ выполнить, такъ какъ существуютъ хорошіе отцы и хорошіе мужья; но быть свободной женщина можетъ только при томъ условіи, если она достаточно сильна и независима, или достаточно легкомысленна, чтобы не заботиться о своей репутаціи въ обществѣ“.

И именно нерасторжимость, пожизненная продолжительность брака, говорятъ далѣе, служить источникомъ ужаснѣйшихъ послѣдствій. Хотя по государственнымъ законамъ бракъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть расторгнутъ, но поводы къ разводу, предусмотрѣнные закономъ, не достаточно многочисленны. Ужасные, неестественные случаи происходятъ, благодаря брачному гнету... Убійство супруговъ и „искусственный вызовъ помѣшательства“ (такъ по Бебелю), — первое особенно часто случается въ холерное время, такъ какъ болѣзненные симптомы холеры очень похожи на отравленіе, — все это естественный плодъ ненормальныхъ супружескихъ отношеній.

Говорятъ еще: хуже всего то, что не только на всякую внѣбрачную связь смотрятъ, какъ на нравственное пятно, но такъ же и плодъ этихъ отношеній, внѣбрачныя дѣти страдаютъ отъ предрасудковъ, вызванныхъ существующимъ возрѣніемъ на бракъ. Бракъ, эта ненужная ограда вокругъ мужчины и женщины, — вотъ причина невыразимыхъ бѣдствій многихъ внѣбрачныхъ дѣтей. Какъ велико, дѣйствительно, несчастіе этихъ бѣдныхъ дѣтей, подтверждаютъ слова одного безпристрастнаго врача Остерлена („Врачебная статистика“ стр. 200): „Для врачебной статистики, говоритъ онъ, представляютъ немалый интересъ незаконнорожденные, эти паріи нашего общества,

жертвы несчастья или легкомыслія и безнравственности родителей. Они образуютъ въ общемъ, какъ въ тѣлесномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ума и нравственности, слабое и болѣе или менѣе погибшее поколѣніе. Тотъ простой фактъ, что они произошли отъ вѣбической, нелегальной связи, дѣлается для нихъ могущественной причиною болѣзней и смертности какъ до, такъ и послѣ рожденія, и въ теченіе всей ихъ жизни. Они образуютъ, въ общей суммѣ заболѣваній и смертности каждой страны, значительный изъ года въ годъ все увеличивающійся процентъ какъ въ отношеніи обыкновенныхъ болѣзней, такъ и болѣзней душевныхъ, самоубійствъ и разнаго рода преступленій. Громадный, по сравненію съ ихъ общимъ числомъ, процентъ незаконнорожденныхъ наполняетъ наши общественныя учрежденія, какъ родильные дома и пріюты, такъ и больницы и тюрьмы. Незаконнорожденные—это бремя общественной благотворительности, но въ то же время и ея жертва, такъ какъ многіе изъ нихъ такъ же, какъ и ихъ матери, погибаютъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Особенно большой и все увеличивающійся процентъ даютъ вѣбическо-рожденные по отношенію къ всевозможнымъ преступленіямъ; съ воспитаніемъ, направленнымъ въ другую сторону, они несутъ свой ядъ дальше въ широкіе слои народа: Гедель, покушавшійся на короля Вильгельма I, былъ также незаконнорожденнымъ ребенкомъ. Во Франціи Марбо вычислилъ по даннымъ статистики, что на 100 человѣкъ, содержащихся въ тюрьмѣ, приходится 15 брошенныхъ въ дѣтствѣ матерями. Эти дѣти, частью благодаря наслѣдственности, частью благодаря дурному воспитанію, были направлены на путь порока. 31-го декабря 1864 года изъ 8006 заключенныхъ въ тюрьму молодыхъ преступниковъ во Франціи 60 процентовъ составляли незаконнорожденные и сироты, а 38 процентовъ—дѣти бродягъ, проституткокъ или ранѣе осужденныхъ преступниковъ.

Помимо этихъ и другихъ послѣдствій, которыя будто бы доказываютъ вредъ брачнаго института и ставятся ему въ

вину, по мнѣнію противниковъ, уменьшается въ ужасающихъ размѣрахъ и число самихъ браковъ. Бебель указываетъ („Женщина“ стр. 138), что въ 1885 году на 1000 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 20 до 80 лѣтъ, приходилось приблизительно 1070 женщинъ, и если считать, что по меньшей мѣрѣ 10 процентовъ мужчинъ остаются не женатыми, то выходитъ, что изъ 100 женщинъ только 84 имѣютъ возможность выйти замужъ. Поэтому бракъ, какъ говорятъ его враги, въ будущемъ будетъ считаться отжившимъ установленіемъ; ибо нельзя - дескать допустить, чтобы святой институтъ брака былъ свободенъ отъ постигающей всѣ человѣческія установленія участи измѣняться и развиваться (Элленбахъ). „Если мы хотимъ быть искренними, говоритъ онъ же, то и должны признать, что при теперешнихъ соціальнымъ отношеніяхъ бракъ необходимъ для блага нашихъ дѣтей; бракъ—это печальная привиллегія мужчинъ, по отнюдь не храмъ любви, а тѣмъ болѣе не установленіе въ интересахъ настоящаго единобрачія и нравственности, хотя на это многіе и указываютъ“. Вотъ почему противники брака выставляютъ требованіе: свободная любовь! Это, говорятъ, такая же естественная потребность, какъ и многія другія, и потому не нуждается ни въ благословеніи Церкви, ни въ защитѣ и огражденіи государства. Хотя и социалисты вооружаются противъ полигаміи и требуютъ духовнаго общенія между будущими отцомъ и матерью, но, не смотря на это, требуютъ борьбы съ церковнымъ пониманіемъ брака.

Въ виду того, что главная цѣль брака—рожденіе дѣтей, является вопросъ: что же будетъ съ дѣтьми, рожденными отъ этихъ во всякомъ случаѣ часто мнѣняющихся связей? Въ отвѣтъ на это одинъ изъ противниковъ брака—Бебель излагаетъ рядъ проектовъ, осуществленіе которыхъ представляетъ собой дѣло будущаго. Сейчасъ же послѣ отнятія дѣтей отъ материнской груди, ихъ будутъ-дескать помѣщать въ общественныя заведенія для совмѣстныхъ игръ. Воспитываться дѣти будутъ всѣ вмѣстѣ, такъ какъ легче воспиты-

вать нѣсколько дѣтей сразу, чѣмъ каждаго ребенка въ отдѣльности; дѣло воспитанія и обученія въ школахъ будетъ превосходно поставлено. Развѣ и теперь родители нѣсколькихъ дѣтей не радуются отъ всего сердца, что ихъ освобождаютъ отъ дѣтей по крайней мѣрѣ на время школьнаго возраста? А развѣ многіе родители имѣютъ возможность воспитывать своихъ дѣтей сами, не говоря уже о томъ, что имъ часто недостаетъ для этого умѣнія? Развѣ и теперь тысячи дѣтей не воспитываются въ семинаріяхъ, духовныхъ школахъ, военныхъ пріютахъ, монастырскихъ школахъ и прочихъ заведеніяхъ? Состоятельные классы лицемѣрятъ, находятъ Бебель, когда они возмущаются желаніемъ социалистовъ установить коммунистическое (общественное) воспитаніе дѣтей. Въ государствѣ будущаго родители будутъ довольны, что съ нихъ снимается обязанность постоянно наблюдать за дѣтьми; впрочемъ, при значительно сократившемся тогда рабочемъ времени, тѣ родители, которые этого пожелаютъ, смогутъ посвящать своимъ дѣтямъ столько времени, сколько имъ невозможно посвятить при теперешнихъ условіяхъ. „Тогда родители возьмутъ дѣло воспитанія всецѣло въ свои руки, такъ какъ отъ нихъ будутъ зависѣть всѣ перемѣны и усовершенствованія въ этомъ дѣлѣ“.

Что же мы должны думать обо всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, къ чему примкнуть, что принять за принципъ: бракъ или свободную любовь? Постараемся освѣтить вышеупомянутыя теоріи и тогда мы получимъ правильное понятіе о бракѣ.

Переложеніе *Н. П. Селивановской*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Современное декадентство и христіанство.

Критическая оцѣнка декадентства съ христіанской точки зрѣнія.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Въ сферѣ *философіи*, т. е. исканія истины, декаденты, вслѣдъ за Ницше, пытавшимся оправдать въ своей философіи самую нелогичность ея ²⁾, какъ уже мы видѣли въ историческомъ очеркѣ декадентства, стараются ниспровергнуть всѣ законы логики и откровенно отказываются подчиняться имъ. „Мы для новой красоты нарушаемъ всѣ законы, преступаемъ всѣ черты“,—пишетъ Мережковскій. Все достиженіе истины сводится къ тому, чтобы, какъ поэтически выражается Бальмонтъ, „разбивъ оковы мысли, быть скованнымъ мечтой“. „Истинно то,—говоритъ Брюсовъ,—что признаю я, признаю теперь, въ это мгновеніе“.

Все это хорошо знакома каждому занимающемуся исторіей философіи, такъ называемая, „кантовскія антиноміи разума“, т. е. нѣкоторыя несовершенства нашихъ логическихъ законовъ, зависящія отъ общей ограниченности челоувѣческаго духа. Но то, что было, такъ сказать, естественно и понятно у Канта, какъ лишь временный, переходный моментъ сомнѣнія или уклоненія отъ признанія извѣстныхъ нормъ мышленія, какъ лишь одинъ методологическій принципъ гносеологіи, который въ концѣ концовъ привелъ его къ еще болѣе прочному и болѣе сознательному утверженію этихъ нормъ,—то, по меньшей мѣрѣ, является страннымъ у декадентовъ, тѣмъ болѣе, что они первые же и нарушаютъ этотъ принципъ, когда свои мысли, какъ бы ни были онѣ

¹⁾ См. № 11-й за 1908 г.

²⁾ „Философскія воззрѣнія Ницше“ Е. А. Л. „Странникъ“ 1900 г., ноябрь, стр. 475 и дал.

абсурдны, считаютъ абсолютной истиной, мысли же другихъ, какъ бы свѣтлы онѣ ни были,—сплошной нелѣпостью. Слѣдовательно, отрицаніе логическихъ законовъ, которымъ рисуется декадентство, уже заключаетъ въ себѣ скрытое утвержденіе ихъ. И дѣйствительно, претендуя на достовѣрность своихъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не признавая достовѣрности за мыслями другихъ, декаденты въ сущности апеллируютъ къ тѣмъ же законамъ разума, которые они отрицаютъ ¹⁾, т. е., другими словами, впадаютъ во внутреннее самопротиворѣчіе, называемое логическимъ кругомъ. Неудивительно, что при такой своей непослѣдовательности или самопротиворѣчии современные декаденты не прочь даже стать, хотя совершенно напрасно, подъ защиту философіи ²⁾, которую въ то же время считаютъ скучнымъ занятіемъ рабовъ, недостойнымъ истинно свободнаго человѣка ³⁾.

Для всякаго здравомыслящаго человѣка неизбѣжно подчиненіе общеобязательнымъ логическимъ законамъ, и декаденты, откровенно отказывающіе имъ въ такомъ подчиненіи, тѣмъ самымъ возбуждаютъ у каждаго сомнѣніе въ нормальномъ состояніи своихъ умственныхъ способностей. При отсутствіи объективныхъ, общепризнанныхъ нормъ мышленія, мы лишены были бы возможности обмѣна мыслей между со-

¹⁾ Что декаденты не въ силахъ совершенно уклониться отъ признанія извѣстныхъ нормъ мышленія, въ этомъ легко можно убѣдиться хотя бы изъ слѣдующаго разсужденія Брюсова: „Каково бы ни было наше міросозерпаніе, есть основы, которыя безусловно обязательны для мысли, ея аксіомы. Мы можемъ въ тайникѣ внутренней жизни возставать противъ ихъ, но въ мірѣ мышленія, покуда человѣкъ остается самимъ собою, мы должны покорно принимать ихъ“ („Сѣверн. Цвѣты“ 1901 г., стр. 189).

²⁾ Заявляя о своемъ родствѣ съ философскими системами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, декадентство лишь компрометируетъ философію, такъ какъ послѣдняя стремится выяснитъ и утвердитъ то, что отрицается въ первомъ.

³⁾ Оставь исканье истины рабамъ...

Въ награду и тебѣ вѣнецъ безумья дамъ,—говоритъ одинъ декадентскій поэтъ.

бой: каждый из нас говорил бы на языкъ своего субъективнаго мышленія и былъ бы непонятенъ для другихъ, что мы и видимъ на примѣрѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ декадентовъ. Крайнее злоупотребленіе субъективизмомъ мышленія повело бы, далѣе, къ отрицанію постепеннаго, объективнаго постиженія истины, стремленіемъ къ которому одаренъ человѣкъ, какъ существо разумное. Только при наличности объективныхъ законовъ разума, какъ надежныхъ путей къ знанію, и возможна непрерывность историческаго прогресса въ коллективномъ стремленіи людей къ обладанію истиной; безъ этого каждому отдѣльному мыслителю приходилось бы начинать снова, его трудъ пропалъ бы для потомства, и онъ самъ никогда бы не былъ убѣжденъ въ его реальномъ значеніи. Не будь, наконецъ, общепризнанныхъ нормъ мышленія, человѣкъ не способенъ былъ бы къ постоянному самообразованію, къ непрерывному усовершенствованію своихъ умственныхъ силъ, къ чему онъ побуждается и своимъ христіанскимъ назначеніемъ къ безконечному богоуподобленію.

Между тѣмъ, отвергаемая декадентами потребность умственнаго или философскаго образованія очевидна для каждаго, кто сознаетъ свое человѣческое достоинство. Научный инстинктъ, какъ и художественный, глубоко заложенъ въ человѣческой природѣ. Божественное откровеніе предполагаетъ его. Еще въ Ветхомъ Заветѣ самъ Богъ внушалъ людямъ пріобрѣтеніе мудрости и всякихъ полезныхъ знаній (Притч. 3, 13 и дал., Прем. 6, 9 и дал., Сир. 6, 18 и дал.). Слово Божіе не осуждаетъ ни обширныхъ знаній Моисея, наученнаго всей мудрости Египетской (Дѣян. 7, 22), ни мудрости Соломона, глубоко постигшаго различныя царства природы (3 Цар. 4, 23 и дал.), ни разума и мудрости Даніила и трехъ его товарищей, воспитанныхъ при дворѣ царя Вавилонскаго (Дѣян. 1, 4, 19 и дл.). Самъ Господь Иисусъ Христосъ, сравнивая нашъ умъ съ тѣлеснымъ глазомъ, или окомъ, а невѣдѣніе съ тьмою и слѣпотою, ясно даетъ видѣть

важность умственного образования (Мѡ. 6, 22 и дал. Ср. 15, 14; Лук. 11, 33 и дал., Иоанн. 12, 35 и дал.). Еще въ отрочествѣ Онъ, „исполняясь премудрости, преуспѣвалъ“ въ ней не „у Бога“ только, но и „человѣковъ“ (Лук. 2, 52. Ср. ст. 40). И Его апостолы внушали вѣрующимъ, чтобы они не были „дѣтьми по уму“, но были „совершеннолѣтними“ (1 Кор. 14, 20. Ср. Кол. 2, 2—3). Что же касается тѣхъ немногихъ мѣстъ Свящ. Писанія, въ которыхъ, повидимому, отвергается необходимость образования нашего ума (1 Кор. 8; Колос. 2, 8. Ср. 1 Кор. 1—3 гл.), то эти мѣста не могутъ служить доказательствомъ неблагоприятнаго отношенія христіанства къ умственному образованію, такъ какъ въ нихъ порицается мудрость и философія мнимыя, а не истинныя. Сомнѣвающіеся въ необходимости научнаго образования для христіанина обыкновенно говорятъ, что въ христіанствѣ все основывается на вѣрѣ, тогда какъ область науки есть сфера знанія, а не вѣры. Но, начала вѣры и знанія по самому существу своему неотдѣлимы другъ отъ друга. Трудно предположить, чтобы вѣрующій человѣкъ не мыслилъ о предметѣ своей вѣры, или, наоборотъ, чтобы ученый изслѣдуя въ то же время не вѣрилъ по крайней мѣрѣ въ свой изслѣдующій разумъ. Поэтому, съ одной стороны, всякому человѣческому знанію присущъ элементъ вѣры, такъ какъ ни одна изъ наукъ не можетъ обойтись безъ такихъ первичныхъ предположеній, напр., о матеріи, объ атомахъ, которыя не могутъ быть доказываемы, но могутъ приниматься только на вѣру. Съ другой стороны, и христіанствомъ требуется не только вѣра, но и знаніе, которымъ бы она по возможности проникалась, осмысливалась, просвѣтлялась, углублялась и логически оправдывалась въ сознаніи человѣчества. Вотъ почему Самъ Основатель христіанской религіи познаніе выставляетъ, какъ необходимое условіе религіозной вѣры: „сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого, истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ (Иоанн. 17, 3). Ап. Павелъ называетъ язычниковъ „безотвѣтными“

именно за то, что они не познали того, *что можно знать о Боге*“,—за то, что закрыли свои глаза на видимыя творенія, чрезъ разсмотрѣніе которыхъ становятся *видимыми* невидимыя свойства Божества (Римл. 1, 18—20). Св. отцы и учителя Церкви признавали важное значеніе даже языческой философіи для христіанства. По словамъ Климента Александрійскаго, философія „дѣтводительствовала эллиновъ ко Христу, представляя въ себѣ истину, хотя и темно, и не всю, но по частямъ“¹⁾. Св. Василій Великій говоритъ: „въ философскомъ ученіи была тѣнь откровенныхъ истинъ, предъизображеніе истины“²⁾. Св. Григорій Богословъ „полагаетъ, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ *благомъ* *внѣшнюю* *ученость*“³⁾.

Послѣ всего сказаннаго само собою понятно, какую неосновательностію отличается отрицательная тенденція декадентства въ отношеніи къ потребности умственнаго образованія или къ философіи,—тенденція, всецѣло опирающаяся на ниспроверженіи всѣхъ законовъ разума, какъ путей къ отысканію истины.

III.

Не менѣе, если не болѣе, очевидна несостоятельность отрицательнаго отношенія современнаго декадентства и къ третьей величайшей основѣ человѣческой жизни—къ *морали*. Декаденты отвергаютъ мораль въ особенности за то, что она всячески старается обуздать человѣка и связать гнѣздящагося въ его грѣховной природѣ чувственнаго звѣря, о свободѣ котораго они такъ сильно хлопчуть.

Но отрицая мораль, декадентство внадеетъ въ глубокое противорѣчіе съ основною и неискоренимою потребностію

¹⁾ „Stromata“, с. 1, р. 326, 331, 336.

²⁾ „Наставленіе юношамъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями“. Вес. XXII. Твор. св. отц. въ русс. пер. VIII, стр. 346—364.

³⁾ Твор. св. отц. въ рус. пер. IV, стр. 63.

человѣческаго духа, необходимо побуждающею нашу свободную волю стремиться только къ тому, что добро, и отвращаться отъ того, что худо. Въ основѣ же этой потребности, или того, что называется внутреннимъ нравственнымъ закономъ, лежитъ способность нашего разума различать должное отъ недолжнаго въ области нравственной дѣятельности человѣка. Фактъ существованія у насъ этой способности доказывается свидѣтельствомъ нашего самосознанія. Нѣтъ ни одного человѣка, который не полагалъ бы различія между свободными дѣйствіями какъ своими, такъ и чужими: одни изъ нихъ мы считаемъ честными, достойными похвалы и награды, а другія—безчестными, заслуживающими порицанія и наказанія. И это сужденіе наше основывается не на выгодныхъ и вредныхъ для кого бы то ни было послѣдствіяхъ, истекающихъ отъ извѣстнаго рода дѣйствій, но на ихъ нравственныхъ качествахъ и внутреннемъ нашемъ сознаніи этихъ качествъ. Нерѣдко, наиримѣръ, случается, что мы одобряемъ то, отъ чего не только не можемъ ожидать себѣ никакой пользы, но еще подвергаемся различнымъ непріятностямъ въ жизни; а съ другой стороны, также нерѣдко осуждаемъ то, что могло бы доставить намъ великія житейскія выгоды. Отсюда слѣдуетъ, что въ нашемъ разумѣ есть нѣкоторая норма должнаго, нѣкоторая категорія совершеннаго въ нравственномъ смыслѣ,—различающая доброе отъ злого. Объ этомъ говорить и Слово Божіе. Давая еврейскому народу богооткровенный законъ, Моисей замѣчаетъ: „весьма близко къ тебѣ слово сіе (т. е. законъ), оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, чтобъ исполнять его“ (Втор. 30, 14). Еще яснѣе утверждаетъ существованіе въ человѣческомъ разумѣ нравственнаго закона ап. Павелъ, когда говоритъ, что „язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣствуетъ совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Римл. 2, 14—15).

Само собою разумѣется, что нашъ разумъ не произвольно различаетъ должное отъ недолжнаго въ человѣческой дѣятельности; иначе, сколько есть людей на свѣтѣ, столько же было бы и различныхъ понятій о нравственныхъ качествахъ нашихъ дѣйствій, между тѣмъ какъ нравственный законъ въ существѣ своемъ всегда и у всѣхъ одинъ и тотъ же. Нельзя также допустить, чтобы люди доходили до способности различать добро отъ зла путемъ опыта и наблюдений надъ тѣмъ, что происходитъ въ окружающемъ ихъ мѣрѣ; потому что въ неразумной природѣ нѣтъ нравственныхъ дѣйствій, и если мы придаемъ въ ней чему-нибудь нравственное значеніе, то это таково только для насъ, а не само по себѣ. Способность полагать различіе между добрымъ и худымъ составляетъ самую природу нашего разума. Разумъ по самой природѣ своей способенъ различать нравственную качественность нашихъ дѣйствій. Идея добра такъ же врождена человѣческому духу, какъ и идея истины и идея красоты. Противъ прирожденности намъ нравственнаго закона ничего не говоритъ ни нравственное невѣжество, ни крайняя порочность нѣкоторыхъ людей. Если между людьми есть невѣжи, воры, разбойники, лжецы, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, будто человѣку не присуща отъ самой природы способность различать доброе отъ худого. Что нравственныя начала намъ прирождены, это подтверждается и библейскимъ ученіемъ о богоподобіи души человѣческой. По этому ученію, человѣкъ не есть только воплощеніе творческой идеи своего Создателя, какъ всѣ другія Его созданія, но отражаетъ въ себѣ самое существо Божіе. Богъ сотворилъ его „по образу и по подобію“ Своему (Быт. 1, 26), почему душа человѣка, какъ „дыханіе жизни Божіей“, можетъ быть названа, какъ и называется, „родомъ Божіимъ“ (Дѣян. 17, 28). А такъ какъ Богъ есть высочайшее добро или благо (Мѡ. 19, 17. Ср. 1 Иоанн. 4, 16); то и намъ, Его богоподобнымъ и богообразнымъ созданіямъ, посвящаемъ въ душѣ своей отпечатокъ этого же добра, по самой природѣ нашей есте-

ственно стремиться ко всему доброму, нравственно-совершенному и избѣгать всего злого, худого.

Декаденты, отвергая мораль, тѣмъ самымъ отрицають прирожденность намъ нравственныхъ началъ. По нимъ качества нашихъ дѣйствій должны опредѣляться не врожденною человѣку идеей должнаго, а послѣдствіями, какія проистекають отъ нихъ для человѣческаго удовольствія, понимаемаго ими въ смыслѣ грубой чувственности. Крайній цинизмъ декадентской морали—вещь намъ извѣстная. Презрительно топтать всѣ правила нравственности является какъ бы девизомъ декадентства. Невозможно, кажется, указать ни одного порока, относящагося къ сферѣ чувственной любви, который не былъ бы опоэтизированъ декадентами: все, что только можетъ создать самая извращенная фантазія,—все это воспѣто ими ¹⁾. Извѣстный поэтъ Бальмонтъ, убѣжденный въ томъ, что „чувственная любовь не должна знать никакихъ запретовъ“ ²⁾, сложилъ цѣлый восторженный панегирикъ извѣстному англійскому декаденту Оскару Уайльду, прославившемуся своею чудовищною безнравственностію, за которую онъ попалъ даже въ каторгу ³⁾.

Крайне низкій уровень декадентской морали слишкомъ очевиденъ и бесспоренъ, чтобы это нужно было доказывать. Кроме того, она ведетъ къ разрушенію личной, внутренней жизни человѣка. До чистоты сердца, этого исходища нрав-

¹⁾ Характерна въ этомъ отношеніи исповѣдь одного декадента, подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Теперь, когда я проснулся“. Въ ней, между прочимъ, есть такое мѣсто: „У меня въ такихъ обстоятельствахъ (въ сонныхъ грезахъ) никогда не являлось желаніе совершить какое-либо дѣяніе добродѣтели. Напротивъ, зная, что я остаюсь совершенно безнаказаннымъ, я снѣшилъ сдѣлать что-нибудь дикое, злое, грѣховное... Съ годами я перешелъ къ инымъ, болѣе завѣтнымъ радостямъ: я насиловалъ женщинъ, совершалъ убійства. И только тогда я узналъ, что восторгъ и упоеніе не пустыя слова“ („Сѣверн. Цвѣты“ 1903 г., стр. 160).

²⁾ П. Н. Щенкинъ. „Типы и идеалы совр. русс. беллетристики“. „Вѣра и Разумъ“ 1904 г., кн. 1, стр. 113.

³⁾ Ж. „Вѣсы“ 1804 г., № 1, стр. 25.

ственности, ей нѣтъ, такъ сказать, никакого дѣла. Но нравственное разложеніе личной жизни человѣка, производимое декадентскою моралью, неизбѣжно сопровождается разрушеніемъ и общественной жизни; ибо законы общественнаго быта не составляютъ чего-нибудь существенно отличнаго отъ нравственныхъ законовъ внутренней жизни индивидуума: человѣкъ не можетъ двойтись такъ, чтобы иначе смотрѣлъ на вещи какъ частное лицо, и совершенно иначе—какъ членъ общества. Наконецъ, съ принятіемъ такой морали намъ необходимо будетъ отказаться отъ самыхъ высокихъ понятій и стремленій своихъ и вычеркнуть изъ всѣхъ языковъ тѣ слова, которыми наиболѣе выражаются отличительныя черты достоинства и превосходства человѣческой природы. Въ самомъ дѣлѣ, если грубо-чувственные удовольствія суть единственный двигатель нашихъ дѣйствій, а идея добра, нравственно-совершеннаго, намъ не прирождена и потому не должна заявлять о себѣ; то такія добродѣтели, какъ чистота сердца, воздержаніе, любовь къ ближнимъ и т. п., очевидно, ничего на стоять.

Нравственный законъ, какъ вложенная въ природу человѣка норма должнаго, обладаетъ свойствомъ всеобщности или универсальности. Хотя требованія нравственнаго закона возникаютъ и уясняются въ сознаніи каждаго человѣка сообразно съ особенными условіями его индивидуальнаго развитія, почему ап. Павелъ и заповѣдуетъ каждому вѣрующему испытывать въ сердцѣ своемъ, „что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная“ (Римл. 12, 2); однако требованія его объемлютъ весь міръ личностей и одинаково признаются всѣми людьми, основываясь на неотразимомъ свидѣтельствѣ тождественнаго у всѣхъ и врожденнаго всѣмъ нравственнаго чувства. Правда, подъ вліяніемъ различныхъ міровоззрѣній, въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ, болѣе или менѣе неодинаково понимались тѣ или другія добродѣтели и пороки; но основная сущность нравственности, присущая безусловно всѣмъ людямъ категорія нравственно-совершеннаго, побужда-

ющая человѣка стремиться къ добру и избѣгать зла, всегда и вездѣ одинакова. Долгъ справедливости, напр., понимался въ исторіи міра человѣческаго весьма различно, смотря потому, какое гдѣ господствовало понятіе о происхожденіи различныхъ народовъ и о другихъ отличіяхъ людей другъ отъ друга; но тѣмъ не менѣе справедливость всегда и всѣми признавалась добродѣтелью.

Лучшее доказательство всеобщности нравственныхъ началъ въ родѣ человѣческомъ даетъ само же декадентство, отрицающее всякую вообще мораль. Отвергая въ теоріи общечеловѣческую мораль, оно на практикѣ признаетъ свою какую-то новую мораль, діаметрально противоположную первой: если въ основѣ общечеловѣческой морали лежитъ стремленіе обуздать плоть, чтобы предоставить господство духу, необходимое ему для достиженія богоподобнаго нравственнаго совершенства (Мѡ. 5, 48; 1 Петр. 1, 15), то въ декадентской морали, какъ извѣстно, наоборотъ, все сводится къ торжеству грубо-чувственныхъ инстинктовъ, соединенному съ неизбѣжнымъ рабствомъ духа. Такимъ образомъ въ декадентствѣ наблюдается лишь перемѣщеніе полюсовъ морали, а не совершенное уничтоженіе самаго ея существа: отрицая всякую вообще мораль, оно, очевидно, не въ состояніи искоренить самое моральное чувство, служащее психологическою основой для разныхъ нравственныхъ явленій, а только даетъ ему ложное и извращенное направленіе. А если такъ, то и здѣсь, какъ въ области философіи, мы имѣемъ дѣло съ крайнею непослѣдовательностію декадентовъ, съ грубымъ ихъ самопротиворѣчіемъ.

Прот. *И. Стеллеикій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О холерѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ каждой инфекціонной болѣзни отмѣчается періодъ, проходящій отъ момента попаденія заразного начала-инфекціи въ организмъ человѣка до ея проявленія; періодъ этотъ, различный по времени при разныхъ болѣзняхъ, носитъ названіе инкубаціоннаго періода; въ это время человѣкъ либо чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, либо испытываетъ такое легкое недомоганіе, что чаще всего и не ищетъ причинъ этого недомоганія. При холерѣ такой инкубаціонный періодъ, ничѣмъ не проявляясь, продолжается отъ 12 часовъ до 1—3 сутокъ, рѣдко больше. послѣ чего, повидимому, при полномъ благополучіи чаще всего ночью обнаруживается у заболѣвшаго первое проявленіе болѣзни въ видѣ поноса; поносъ этотъ, какъ сказано, появляется чаще всего ночью у легшаго спать совсѣмъ здороваго человѣка, сопровождаясь сильнымъ частымъ и продолжительнымъ урчаніемъ въ животѣ. Въ теченіи холеры принято различать три періода; 1) холерный поносъ, 2) холерину: рвота, поносъ и судороги и третій періодъ, такъ называемый альгидный: рвота, характерныя испражненія, судороги, коляпсъ и исчезновеніе пульса; послѣдній періодъ затѣмъ можетъ еще переходить въ холерный тифондъ. Первый періодъ, именуемый холернымъ поносомъ, начинается обыкновенно учащенными безболѣзненными позывами на стулъ, при чемъ первый стулъ можетъ быть совершенно нормальнымъ, послѣ чего уже испражненія дѣлаются все болѣе и болѣе водянистыми и обильными, приобретаая затѣмъ специфическій характеръ испражнений, напоминающихъ собою рисовый отваръ, молочную сыворотку или мучной отваръ и наблюдающихся лишь при одной холерѣ и нѣкоторыхъ отравленіяхъ (мышьякомъ); число испражнений увеличивается дости-

¹⁾ См. № 4-й за 1908 г.

гаеть до 25-30 въ сутки. Такъ какъ интенсивность холеры, какъ и всякой другой инфекціонной болѣзни, бываетъ различна, т. е. отъ самой легкой формы до самой тяжелой, смотря по характеру эпидеміи, по времени ея развитія, по силѣ и качеству яда, понавшаго въ организмъ и по степени противостоянія и силѣ организма, то и всѣ вышеизложенныя явленія въ видѣ холернаго поноса у больного или черезъ одинъ-два-три дня прекращается, и больной постепенно выздараживаетъ, или черезъ одинъ-два сутокъ къ нему присоединяется тяжелый холерный припадокъ, именуемый холериной, составляющую 2-й періодъ холеры; въ послѣднемъ случаѣ число испражненій достигаетъ крупной цифры, причемъ въ скоромъ времени къ поносу присоединяется рвота, и хотя какъ поносъ, такъ и рвота бываютъ безъ особыхъ напряженій и безболѣзненны, тѣмъ не менѣе больной испытываетъ значительную усталость, прогрессирующую съ теченіемъ болѣзни и переходящую затѣмъ въ слабость и полное изнеможеніе; языкъ при этомъ бываетъ сухъ и густо обложенъ, а сильное чувство жажды, заставляя больного поглощать все больше и больше жидкостей, влечетъ за собой усиленіе и учащеніе рвоты, которая по своей легкости скорѣе напоминаетъ собою отрыжку, чѣмъ рвоту, и внослѣдствіи по своему характеру совершенно походить на испражненія, т. е. принимаетъ видъ рисоваго отвара или молочной сыворотки, и этимъ своимъ видомъ даетъ поводъ подозрѣвать, что въ желудокъ попадаетъ содержимое кишекъ. Голосъ больного, теряя звучность, становится слабымъ и хриплымъ; весь больной холодѣетъ, а въ особенности его конечности—руки и ноги; кожа въ началѣ снѣжетъ, а затѣмъ принимаетъ стально-сѣрый цвѣтъ, теряя свою эластичность и легко собирается въ складки, при этомъ она не рѣдко бываетъ покрыта холоднымъ клейкимъ потомъ; щеки и глаза вваливаются, носъ заостряется и сильно холодѣетъ; скулы и подбородокъ выдаются, все лицо дѣлается осунувшимся и принимаетъ своеобразное выраженіе. Селезенка иногда бываетъ увеличена и даже значительно, что

неоднократно давало поводъ нѣкоторымъ врачамъ считать холеру тяжелой формой малярии—болотной лихорадки. Температура тѣла падаетъ иногда до 35 градусовъ, хотя внутренняя температура тѣла въ прямой кишкѣ достигаетъ до 39—40 градусовъ; появляются тяжелыя и въ высшей степени болѣзненные, въ видѣ припадковъ, судороги въ нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности въ икрахъ; судороги эти распространяются затѣмъ и на верхнія конечности и на другія мышцы туловища и головы, а въ особенности на челюсти. Для повторенія припадковъ судорогъ нѣтъ возможности уловить причину. Количество мочи, постепенно уменьшаясь, доходитъ до полного ея прекращенія, при чемъ въ выдѣляющейся мочѣ очень часто бываетъ бѣлокъ. Что касается дѣятельности сердца, то въ началѣ больные жалуются (и это можно обнаружить объективными данными) на приступы сердцебиенія, предсердной тоски и страха и на чувство стѣсненія въ груди, а затѣмъ, въ скоромъ времени, ясно обнаруживается сердечная слабость со всѣми ея признаками: тоны сердца дѣлаются глухими, едва уловимыми, пульсъ малымъ, частымъ, а впоследствии и совершенно неощутимымъ. Сознаніе больныхъ въ началѣ болѣзни бываетъ сохранено вполне, хотя, по мѣрѣ развитія и усиленія поноса и рвоты и ослабленія дѣятельности сердца, больные дѣлаются безразличными и впадаютъ въ апатію. Всѣ, только что описанныя явленія, именуемая альгиднымъ періодомъ холеры, въ который они переходятъ изъ періода холерныя постепенно, рѣдко продолжаются долѣе 1—2 сутокъ, послѣ чего или въ организмъ наступаетъ реакція, ведущая къ уменьшенію всѣхъ болѣзненныхъ припадковъ, какъ то: уменьшеніе поноса, прекращеніе рвоты, появленіе мочи, возстановленіе дѣятельности сердца и т. п., и затѣмъ къ постепенному выздоровленію; или больные при общемъ все прогрессирующемъ упадкѣ силъ погибаютъ. Изъ отклоненій теченія холеры должно указать на случаи такъ называемой сухой холеры, когда поносъ и рвота или совсѣмъ отсутствуютъ, или про-

являются въ слишкомъ слабой, не вызывающей никакихъ опасеній формѣ, и вдругъ, среди этихъ мирныхъ явленій, наступаютъ судороги, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ведущія къ смерти. Если при этомъ смерть наступаетъ очень быстро, то говорятъ тогда о молніеносной формѣ холеры. Но возможенъ и иной исходъ холеры изъ альгиднаго ея періода—это переходъ въ такъ называемый холерный тифоидъ. Холерный тифоидъ, какъ самое названіе показываетъ, представляетъ изъ себя такое состояніе больного, которое напоминаетъ собою тифозную картину: повышенная температура, головная боль, бредъ, помраченное сознаніе, возстановившаяся дѣятельность сердца съ учащеннымъ, но ясно прощупываемымъ пульсомъ; кожа больного изъ стально-сѣрой и холодной принимаетъ видъ кожи тифознаго больного: она краснѣетъ, дѣлается горячей, и на ней нерѣдко появляются красныя пятна въ видѣ такъ называемыхъ резеоль или въ видѣ крапивной сыпи, въ особенности же на конечностяхъ. Иногда картина холернаго тифоида является результатомъ воспаленія тонкихъ и толстыхъ кишекъ,—это воспаленіе прежде называли дифтеритическимъ; въ такихъ случаяхъ испражненія больного пріобрѣтаютъ гнойный характеръ, крайне воюючи, и къ нимъ иногда примѣшивается и кровь, хотя послѣднее явленіе, должно сказать, бываетъ крайне рѣдко. Гнойные процессы при холерномъ тифоидѣ наблюдаются и въ другихъ органахъ: въ бронхахъ, вызывая гнойный бронхитъ. въ плеврѣ, образуя гнойный плевритъ, наблюдается воспаленіе околушной железы гнойнаго характера и такого же характера и воспаленіе мочевого пузыря и т. п. Картина холернаго тифоида нерѣдко вызывается и пораженіемъ почекъ (холерный нефритъ), сопровождаясь головными болями, головокруженіемъ, рвотой, прекращеніемъ мочеотдѣленія, а также иногда и явленіями уреміи: судорогами, бредомъ, безсознательнымъ состояніемъ и спячкой. Не смотря на тяжесть всѣхъ вышеописанныхъ явленій, и эта форма холеры иногда оканчивается выздоровленіемъ, но чаще всего, конечно, она

ведетъ къ смерти; одна треть всѣхъ смертныхъ случаевъ отъ холеры падаетъ на стадію холернаго тифоида и двѣ трети на альгидный періодъ холеры. Изъ посмертныхъ явленій лицъ, умершихъ отъ холеры, практической интересъ имѣютъ слѣдующія явленія: въ первые часы послѣ смерти температура вдругъ повышается до 40—42 градусовъ, что даетъ поводъ окружающимъ сомнѣваться въ смерти, а затѣмъ, хотя и рѣдко, наблюдаются также въ первыя часы послѣ смерти самопроизвольныя мышечныя подергиванія и сокращенія въ различныхъ мышцахъ конечностей и туловища. Подобнаго рода непонятныя даже для интеллигентныхъ лицъ явленія, именуемая движеніями мертвецовъ, среди простого народа вызываютъ страхъ и панику, и они нерѣдко давали поводъ къ народнымъ волненіямъ, такъ какъ народная молва, благодаря существованію этихъ явленій, приписываетъ врачамъ погребеніе мнимо умершихъ. Обстоятельство это должно быть особенно учтено и при предварительномъ ознакомленіи населенія съ сущностью холеры до появленія ея въ извѣстной мѣстности должно быть особенно ярко отѣнено; другое обстоятельство, на которое также слѣдуетъ обратить вниманіе населенія еще до появленія холеры,—это огромный процентъ смертности при холерѣ; и этотъ фактъ также нерѣдко давалъ поводъ къ народнымъ волненіямъ, такъ какъ простой людъ, не имѣя возможности объяснить смертность отъ поноса и рвоты (явленія, въ общежитіи народномъ встрѣчающіяся часто), приписывалъ обыкновенно громадную смертность всевозможнаго рода неестественнымъ причинамъ, въ родѣ такихъ, будто доктора по распоряженію начальства травятъ людей, и не только приписывалъ, но и вѣрилъ слухамъ и толкамъ о такихъ вымышленныхъ причинахъ, воздвигая гоненія на медицинскій персоналъ; такъ въ 1892 г. результатомъ такого рода слуховъ былъ народный самосудъ надъ докторомъ Молчановымъ, убитымъ въ началѣ холерной эпидеміи чернью въ г. Хвалынскѣ при исполненіи имъ своихъ обязанностей, при устройствѣ холернаго барака; та же участь постигла въ томъ же 1892 г. и фельдшера

Попова и приказчика Григорьева, убѣждавшаго толпу въ разумности мѣропріятій; попытки къ бунту въ 1892 году на основаніи ложныхъ слуховъ были и въ П. Повгородѣ, но онѣ были остановлены разумными мѣропріятіями бывшаго въ то время губернаторомъ генерала Баранова, словомъ и примѣромъ преклонявшагося предъ медициной и ея работниками. Циркуляры его были своеобразны и не двухсмысленны; назначивъ вѣдать холернымъ дѣломъ профессора В. К. Апрепа, генераль Барановъ буквально пишетъ: „передавая медикосанитарное дѣло въ умѣлыя и компетентныя руки В. К. Апрепа, зараже, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, объявляю, что я становлюсь его вѣрнымъ помощникомъ; требую того же отъ моихъ постоянныхъ сослуживцевъ, врачей, студентовъ и прочаго медицинскаго персонала“. Когда отъ холеры палъ одинъ врачъ, генераль Барановъ устроилъ ему пышныя похороны, на которыхъ присутствовалъ не только самъ, но и весь медицинскій и административный персоналъ. Когда въ городѣ не возможно было найти подъ холерную больницу удобнаго помѣщенія, то губернаторъ Барановъ предоставилъ для этой больницы свой губернаторскій домъ и всю свою квартиру. При такихъ примѣрахъ крѣпнеть вѣра въ населеніи и въ медицину и въ медицинскій персоналъ, и крѣпнеть и сила самой медицины.

Изложивши въ общихъ чертахъ картину холерныхъ заболѣваній, я позволю себѣ нѣсколько остановиться на распознаваніи холеры. Распознаваніе холеры, при существованіи эпидеміи въ извѣстной мѣстности, легко по тѣмъ признакамъ, которые только что были описаны; гораздо труднѣе распознаваніе холеры въ началѣ эпидеміи, такъ какъ въ лѣтнее время, т. е. въ то время, когда холера чаще всего и появляется, въ нашихъ странахъ довольно часто встрѣчаются случаи желудочно-кишечнаго катара мѣстнаго происхожденія, такъ называемые *cholera nostras*, въ переводѣ холера-землякъ; хотя обыкновенно эти случаи и не ведутъ къ смерти, но по своимъ симптомамъ они напоминаютъ собой первые два пе-

ріода теченія азіатской холеры, т. е. холерный поносъ и холерину. А между тѣмъ обнаруженіе первыхъ холерныхъ заболѣваній въ извѣстной мѣстности имѣеть глубокой практической интересъ и значеніе, такъ какъ своевременно принятыми мѣрами въ такихъ случаяхъ возможно вполне прекратить эпидемію въ ея началѣ, не давши ей развиться. До девяностыхъ годовъ распознаваніе холеры было основано всегда на вышеизложенной клинической картинѣ, которая, какъ сказано выше, иногда можетъ давать основанія къ ошибкамъ. Со времени открытія профессоромъ Кохомъ холернаго вибриона и послѣ признанія наукой за этимъ вибриономъ его привилегіи быть виновникомъ холеры не только въ крупныхъ центрахъ, но и при отрядахъ, работающихъ по холерѣ въ провинціи, имѣются всегда лица, знакомыя съ бактериологіей, но изолировка настоящаго холернаго вибриона отъ микробовъ, сходственныхъ съ нимъ, въ девяностыхъ годахъ представляла серіозную трудность и требовала большой опытности. Въ настоящее время найдены способы для нахождения холернаго вибриона болѣе вѣрные, скорые и безошибочные, а посему во всѣхъ подозрительныхъ случаяхъ должно прибѣгать къ содѣйствию бактериолога, гдѣ таковой есть; для этой цѣли въ герметически закупоренномъ сосудѣ, чтобы по дорогѣ содержимое не разлилось, необходимо послать бактериологу часть испражнений больного, въ которыхъ всегда находятся холерные вибрионы. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ бактериолога нѣтъ, необходимо руководствоваться клинической картиной болѣзни и житейскимъ опытомъ. Последній учитъ, что случаи смерти отъ остраго желудочно-кишечнаго катарра съ поносомъ и рвотой, въ особенности если эти случаи касаются средняго возраста, и если кромѣ того исключается отравленіе, — всегда холернаго происхожденія. Работая въ теченіе 4-хъ холерныхъ лѣтъ въ 1892, 1893, 1894 и 1895 годахъ въ провинціи, въ глуши, гдѣ невозможно было ставить бактериологическое распознаваніе, за отсутствіемъ бактериолога, я по опыту могу сказать, что разъ въ извѣстномъ

населенномъ пунктѣ появляются два-три смертныхъ случая отъ остраго желудочно - кишечнаго катара, но не отъ отравленія, при наличности холеры въ государствѣ, это обстоятельство само по себѣ уже является крайне подозрительнымъ, а если случаи смерти отъ того же остраго желудочно-кишечнаго катара повторяются, тогда это несомнѣнно азіатская холера. Такими соображеніями при наличности клинической картины заболѣванія, т. е. при поносѣ и рвотѣ у больныхъ, мы руководствовались при объявленіи мѣстности не благополучной по холерѣ. Намъ остается еще разсмотрѣть мѣропріятія при холерѣ и лѣченіе холеры.

Врачъ *Θ Бурчакъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 11-го апрѣля 1908 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.